

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

111

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
111

Издательство «ИНДРИК» 2015

ББК 86.372
П 68

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
Д.Д. Васильев, В.Н. Ганичев, С.Ю. Житенёв,
С.П. Карпов, О.А. Колобов, Н.Н. Лисовой (ответственный редактор),
архиепископ Егорьевский Марк (Головков), Е.Н. Мещерская,
А.В. Назаренко, О.Г. Пересыпкин, М.Б. Пиотровский,
М.В. Рождественская, протоиерей Владимир Силовьев,
А.В. Салтанов, П.В. Стегний, С.В. Фатеев

Ответственный редактор

Н.Н. Лисовой

Православный Палестинский сборник. Выпуск 111. —
М.: Индрик, 2015. — 000 с.

ISBN 978-5-91674-328-9

ISBN 978-5-91674-328-9

- © Авторы статей, текст, 2014
- © Императорское Православное
Палестинское Общество, 2014
- © Издательство «Индрик»,
оформление, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Вах К.А. Неизвестное путешествие по Сирии и Палестине
русского дипломата накануне Крымской войны 000

Соколов К.А. Путевые впечатления по Палестине и Сирии
весной 1853 года 000

Янышевский Максим, священник.
Генеральное консульство и РДМ в Иерусалиме
в отношениях с Иерусалимской Патриархией 000

ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы обустройства Палестины после Первой Мировой войны
в Совете ИППО (1915): к 100-летию дискуссии /
Сост., подг. текста, вступит. статья и комм. Н.Н. Лисового 000

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА (1905–2015)

«С далеких вод Востока». Письма великого князя
Сергия Александровича к княгине С.Н. Голицыной
о поездке на Восток (1888 г.) / Пер. с франц. Т.В. Коршуновой /
Публ., вступит. статья и комм. О.С. Трофимовой
и С.В. Бельчинковой 000

<i>Бутова Р.Б.</i> Усыпальница великого князя Сергия Александровича в Чудовом монастыре	000
К 80-летию О.Г. ПЕРЕСЫПКИНА	
Время Пересыпкина. Документы Российского Палестинского Общества при АН СССР (1989–1992) и Императорского Православного Палестинского Общества (1992–2000) / Сост., подг. текста, вступит. статья Н.Н. Лисового	000
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИППО	
<i>Житенёв С.Ю.</i> Религиозный туризм и паломничество в Российской Федерации: состояние и перспективы развития	000
ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА	
<i>Кобищанов Ю.М.</i> К системному описанию христианских и исламских цивилизаций в рамках единого научно- издательского проекта. Письмо в редакцию «Православного Палестинского Сборника»	000
<i>Кобищанов Ю.М.</i> Христианство в пространстве-времени государств и цивилизаций VI–VIII вв. (Пробная публикация)	000
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Лисовой Н.Н.</i> От Перми до Иерусалима. (Рец. на книгу: Рафиенко Л.С. Культура Пермского края конца XVIII — первой половины XX вв. в лицах. М., 2014)	000

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ
В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИРИИ И ПАЛЕСТИНЕ РУССКОГО ДИПЛОМАТА НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Кирилл Вах

В архивном фонде Библиотеки Азиатского департамента МИД хранится интересная рукопись российского дипломата Капитона Александровича Соколова с описанием его посещения Палестины весной 1853 г¹. Ранее она никогда не публиковалась и, насколько нам известно, не попадала в поле зрения исследователей. В рукопись вплетено сопроводительное письмо автора на имя директора Азиатского департамента Л.Г. Сенявина.

Интерес и значение этой рукописи придает не только время путешествия: канун Крымской войны и миссия князя А.С. Меншикова в Константинополе, известие о прибытии которой застало Соколова в Святой Земле. Важно указать на другую сторону. Познакомившись с текстом его книги можно с удивлением обнаружить, что постоянной темой Соколова была критика существующих порядков в местном православии и констатация повсеместного распространения католической и протестантской пропаганды.

Бросается в глаза, что большая часть этих рассказов аналогична тем, которые использовал в своей известной «Записке» 1857 г. Б.П. Мансуров. Возможно, рукопись Соколова была известна Мансурову уже в 1857 г., во всяком случае, он точно мог читать ее позднее, поскольку согласно записи на книге, она некоторое время находилась в составе Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД, одним из главных сотрудников которой был Б.П. Мансуров. Нет никакого смысла обвинять Мансурова в плагиате. Его «Записка» была вполне самостоятельным анализом положения России и Православной Церкви на Востоке после завершения Крымской войны. Он использовал архивные документы МИД, когда над ней работал. В этом и заключается главная ценность «Записки» Мансурова: она основывалась на опыте и фактическом материале российских дипломатов первой половины XIX в. Другие аналогии в части критической оценки

ситуации с Православием на Востоке можно обнаружить и в записках первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Порфирия (Успенского), и в записках и письмах А.Н. Муравьева.

Таким образом, очевидно, что уже в начале 1850-х гг. МИД был не только хорошо информирован о положении дел, но и, вероятно, подготовил определенную программу действий, которая отнюдь не ограничивалась отправкой Духовной Миссии в Иерусалим. Какие-то следы этой практической программы сохранились в воспоминаниях Порфирия (Успенского). Так, например, он сообщает, что архиепископ Херсонский Иннокентий был одним из тех, кто серьезно рассматривал вопрос об основании в Иерусалиме русского монастыря и больницы. «В конце 1852 г. его отпустили в Иерусалим с значительным пособием на путевые издержки, и он приехал бы туда в следующем году, если бы не случился разрыв Турции с Россией. Думать надо, что путешествие его связывалось с домогательством князя Меншикова, так что если бы этот чрезвычайный посол наш кончил свое дело успешно, то Иннокентий выбрал бы место для русского монастыря и больницы в Иерусалиме, которых постройку исходатайствовал у Порты Меншиков и представил бы Синоду соображения свои об этом деле. Но война турков с нами помешала архиепископу исполнить затею его»².

Сравнив детали, мы можем как минимум предположить, что в 1853 г. в Азиатском департаменте МИД уже шла работа по поиску новых способов поддержки Православия на Востоке, а Крымская война лишь заострила внимание на будущей судьбе всего Православного Востока. Работа Соколова, представленная им начальнику Азиатского департамента в сентябре 1855 г. — была отражением этого интереса руководства МИД.

Скажем несколько слов об авторе нашей рукописи.

Капитон Александрович Соколов (1821 — 17 января 1863) был рожден до брака. Его родители: отец — чиновник IX класса Александр Тихонович Соколов, а мать — петербургская купчиха Прасковья Прокофьева. Несмотря на то, что родители Капитона скоро обвенчались, звание «незаконно-прижитого» наложило свой отпечаток на детские и юношеские годы Капитона. Он не был записан в дворянское сословие по отцу, и лишь в 1836 г. за год перед поступлением в университет, родители смогли записать его в купеческое сословие, к которому принадлежала семья матери. По указу Санкт-Петербургской Казенной палаты 10 апреля 1836 г. он был «причислен к Санкт-Петербургскому 3-й гильдии купечеству». Потомственное дворянское достоинство Капитону Александровичу удалось восстановить лишь в 1851 г.³ Нам известно, что отец его, чиновник Александр Тихонович Соколов, после женитьбы получил следующий по табелю о рангах VIII класс. На его супругу Прасковью был записан собственный дом в Петербурге, где жила семья Соколовых⁴.

В 1837 г. Капитон поступил «своекоштным» студентом в Санкт-Петербургский университет «по 1 Отделению Философского факультета по разряду Восточных языков». Родители дали студенту Соколову финансовую возможность получить образование, хотя науки давались юноше не легко, а удовлетворительные результаты требовали больших усилий. В 1841 г. он окончил университет со степенью действительного студента. Согласно аттестату, на выпускных экзаменах Капитон Соколов показал следующие результаты: в русской истории, истории Востока и турецком языке — отличные; в богословии, русской словесности, всеобщей истории, российских гражданских законах, российских уголовных законах, арабском, персидском и немецком языках — хорошие; молдавском и латинском — достаточные; в антропологии и логике — посредственные. 20 октября 1841 г. как удостоенный ученой степени после окончания университета указом Правительствующего Сената действительный студент Капитон Соколов был «из купеческого звания исключен» и получил право поступать на государственную службу.

С 13 ноября 1841 г., согласно собственному прошению, Соколов был принят на службу в Азиатский департамент МИД, а 17 ноября 1841 г. определен переводчиком валахо-молдавского языка при консульстве в Яссах. На следующий день 18 ноября Соколов дал стандартную подписку в том, что «я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри Империи ни вне ее не принадлежу и обязываюсь впредь оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь»⁵.

Азиатский департамент МИД в том же 1841 г. возглавил Л.Г. Сенявин: личность во всех отношениях незаурядная. Многочисленные благодарные отзывы и воспоминания всех, кому приходилось общаться с Сенявиным по службе или в силу обстоятельств, позволяют думать, что Лев Григорьевич был от природы человеком доброжелательным и внимательным к людям. Встретив недавнего студента, только что вступившего в службу, он взял его под свое покровительство так естественно, как будто это и было его главной обязанностью. В письме к будущему начальнику Соколова Карлу Евстафьевичу Коцебу, консулу в Яссах в 1838–1849 гг., он просил поддержать молодого человека, который по мнению Сенявина будет стараться оправдать благожелательные характеристики университетского и министерского начальства. Министерство, со слов директора Азиатского департамента, желало также, чтобы кроме переводческих занятий, Соколов был привлечен к дипломатической работе при консульстве и к канцелярским делам, где он мог бы освоить навыки делопроизводства⁶.

3 августа 1842 г. Соколов был назначен драгоманом консульства в Галаце, 10 мая 1845 г. — младшим драгоманом генерального консульства в Бухаресте. Несмотря на довольно теплый и мягкий климат, который окружал Капитона Александровича в Румынии, здоровье его, вероятно,

от природы не очень сильное, стало заметно ухудшаться. В 1852 году он обратился к Л.Г. Сенявину с просьбой предоставить ему отпуск для лечения за границей. Сенявин отреагировал быстро: министерство разрешило своему сотруднику на время оставить службу и выдало необходимые для этого средства. Кем именно был предложен в качестве места лечения Египет — мы не знаем, как не знаем и того, была ли эта поездка негласной «командировкой» на Восток с каким-то заданием от Азиатского департамента. Климат Египта пользовался хорошей репутацией среди петербургской аристократии, особенно в зимнее время.

В Каир Соколов прибыл в самом начале ноября. Его первое письмо из Египта к Сенявину датировано 3 ноября 1852 г. «Проникнутый до глубины сердца искреннею признательностью за благосклонное внимание ко мне Вашего Превосходительства, я прилагаю все старание следовать советам и наставлениям здешних врачей и надеюсь, по восстановлении истощенных болезнью сил моих, возвратиться в Валахию и ревностными, хотя и маловажными трудами моими, доказать, по возможности, ту благодарность, которую не могу выразить на бумаге, за столь благодетельную для меня награду»⁷.

В Каире Соколов оставался немногим более трех месяцев. Здоровье его быстро окрепло, потому, что он стал задумываться о сухопутном путешествии из Египта в Сирию и Палестину. Этот маршрут хотя и был традиционным и хорошо «накатанным» для путешественников, но требовал от них физического здоровья и значительных финансовых затрат. И то и другое у Соколова, по-видимому, было, и уже в конце зимы 1853 г. он присоединился к каравану европейских туристов, который отправлялся на католическую Пасху в Иерусалим. Момент для подобных сухопутных поездок был выбран самый благоприятный. «Во все время пути, с 21 февраля по 10 марта, время стояло восхитительное: ни одного облачка на небе, вечно голубом и прелестном; никакой бури, а тем менее грозного хамсина, не случилось испытать нам в дороге. Кроме небольшой усталости, неизбежной с необходимостью перекочевывать по пустыне на горбах дромадеров, мы не имели никакой неприятности. Удивительно ли, что это странствие показало нам только одну поэтическую свою сторону, избавив от неудовольствий, на которые нередко жалуются другие путешественники?»

В таком «поэтическом» ключе Соколов и продолжает свое повествование. По стилю и языку его заметки выдаются не только из ряда консульских описаний поездок по Востоку, но даже из числа литературно обработанных мемуаров многих русских путешественников середины XIX в. По всей вероятности, многие сведения, как исторические, так и фактические, Соколов почерпнул из упомянутого в тексте «Путеводителя по Востоку», а может быть, и из ранее прочитанных книг. Но в его тексте мы нигде не встретим прямых цитат, столь часто рассыпанных в сочинениях более

известных путешественников. Историческая информация подается автором через призму живого личного впечатления, изложенного прекрасным образным литературным языком. Однако «историчность» не столь важна для Соколова. В этом путешествии он вовсе не собирался заниматься историей Святой Земли. Как внимательный путешественник, он обращает внимание в первую очередь на окружающую его жизнь. Поистине ценнейшими и наиболее яркими являются страницы с подобными его наблюдениями и рассуждениями. Некоторые из таких наблюдений представляют особый интерес для исследователей русских и европейских путешествий по Палестине. Например, рассказ о найме драгоманов и личных приготовлениях к поездке в монастырь Св. Саввы и в Вифлеем.

Не менее важны для историков русской церковно-дипломатической политики в Святой Земле размышления автора о сути и способах европейской религиозной деятельности в Палестине, о состоянии Греческой Церкви, о причинах упадка Православия на святых местах и о тех последствиях, с которыми столкнется Россия на Святой Земле в недалеком будущем. В целом очерк Соколова производит впечатление гармоничного литературного произведения, выполненного с натуры: на этом художественном полотне есть все, в равной мере соседствующее друг с другом и не перегружающее восприятие читателя.

Автор почти всегда рассматривает святыни и памятники Палестины с их внешней стороны. О причинах этого мы только что попытались сказать. Но у всякой медали есть обратная сторона. Так было и на этот раз. Если для всякого православного человека, приезжавшего в те годы в Иерусалим, посещение Святой Земли, с одной стороны, было *паломничеством* как религиозным актом, то, с другой стороны, он не мог не видеть реалий повседневной жизни греческого святогробского духовенства. И очень личное переживание при поклонении святыне нередко заслонялось чувством негодования по отношению к окружающей святыне действительности. Вот характерное описание посещения Соколовым греческой церкви Благовещения в Назарете: «Помолившись усердно, хотя и краткой молитвой, напившись чистой прозрачной воды из церковного источника, я выходил из святилища с какой-то тихой радостью в сердце, с чувством теплой веры, в каком-то благодатном упоении. Но и здесь, — как всюду, где поселяются монахи греческие, — недолго продолжается очарование поклонников; так было и со мной. Едва лишь опустил я серебряный ковш, которым черпал воду, как несколько чернорясых рук протянулось ко мне, требуя бакшиша; только успевал я расплачиваться с одними, другие уже собирались около меня за поживой; сам чтец, оставя свое место и продолжая начатое чтение, подошел ко мне, показывая знаками, что и его забывать не следует; я роздал все мелкие деньги, и бежал из храма».

Единственное, чего в книге откровенно мало — это элементов собственно паломнических. Повторим, что Соколов путешествует по Палестине как турист, при этом в компании других туристов-европейцев, останавливается преимущественно в католических монастырях или светских гостиницах. До определенного момента читателю даже не очень понятно — молится ли он на святых местах. По всей видимости, Соколов был типичным представителем русской «просвещенной интеллигенции» середины XIX в. Его первая детская вера со временем была им задвинута в тайник его сердца от чужих глаз и насмешек; так продолжалось и в годы учебы в университете и в период дипломатической службы. На святых местах его личный молитвенный опыт постоянно воскрешается: идет от сердца к его голове в виде детских воспоминаний. И прежняя детская вера возрождается в нем вновь. По этой причине он почти ничего не пишет о своем паломничестве. Лишь изредка мы можем увидеть в тексте упоминания об этом: «в последний раз я преклонил главу перед Гробом Искупителя, в последний раз пал ниц перед грозной Голгофой, и 21 марта сел на коня, чтоб предпринять путь в Европу».

...С Востока Соколов опять отправляется в Бухарест и вскоре, 24 апреля 1854 г., назначается старшим драгоманом в том же консульстве. 18 декабря по случаю начала войны между Россией и Турцией он вернулся в Петербург и был назначен «состоять» при министерстве. Скорее всего именно в этот период он обработал свои записки о путешествии и передал их Л.Г. Сенявину.

По окончании войны Соколов вновь был определен в Бухарест в той же должности. Примерно тогда же он женился на Иде Яковлевне Эстерблад. 28 января 1857 г. его назначают консулом в Видине, где у четы Соколовых 31 августа 1857 г. родился сын Александр. В конце 1857 года в Петербурге скончался отец Капитона Александровича, но вместо поездки в столицу Соколов испрашивает у начальства отпуск для сопровождения больной жены в город Штеттин, куда отправляется из Видина 28 мая. Его путь пролегал через Белград. Несмотря на то, что, по сообщению посланника в Константинополе А.П. Бутенева, Соколов вернулся в Видин уже очень скоро, ровно через 20 дней (8 июля 1858 г.) — в конце февраля 1859 г. мы видим его в роли управляющего генеральным консульством в Белграде. На этом месте он остается недолго. По возвращении в Белград из Петербурга российского генерального консула, Соколов испрашивает разрешение отправиться в столицу для устройства семейных дел, оставшихся после смерти его отца. Эта поездка совпала по времени с большой ротацией консулов на Востоке, которую осуществлял в середине 1859 г. А.М. Горчаков. В результате Соколов 10 августа 1859 г. прикомандирован к Азиатскому департаменту, а вследствие всеподданнейшего доклада А.М. Горчакова от 2 января 1860 г. назначен на должность консула в Иерусалиме.

Иерусалим стал последним местом его консульской деятельности. Назначение было оформлено Высочайшим приказом по МИД от 10 февраля 1860 г. — после согласования его кандидатуры с Палестинским комитетом и Б.П. Мансуровым. Возможно, и тут сочинение Соколова сыграло свою роль. Мы уже обращали внимание на то, что мысли и наблюдения Соколова были близки к программной «Записке» Б.П. Мансурова и последний рассчитывал найти в новом консуле единомышленника.

К сожалению, выбор был явно неудачным. Консульская должность в Иерусалиме в тот момент мало походила на дипломатический пост. В 1860 г. в Иерусалиме у стен Старого города развернулось невиданное здесь со времен Сулеймана Великолепного строительство. Целый русский квартал должен был появиться у Яффских ворот и русскому консулу в Иерусалиме было предписано не только оказывать покровительство паломникам из России и осуществлять защиту русских интересов в регионе, но в первую очередь вести отчетность и финансовый контроль за расходованием средств, выделенных на возведение Русских Построек. Фактически МИД направил своего сотрудника на работу в Палестинский комитет: особый надправительственный орган, созданный для улучшения быта русских православных паломников в Палестине и возглавлявшийся великим князем Константином Николаевичем. Перед Палестинским комитетом консул отчитывался по всем статьям расходования средств, устройству и содержанию нанятых и организованных в Яффе, Рамле и Назарете паломнических приютов и т.д.

К управлению всем этим непростым хозяйством Соколов явно оказался не подготовлен. Его опыт консульской работы, как видно выше, был непродолжителен и состоял больше из переездов. Навык ведения финансовых дел отсутствовал. С первых же отчетов Б.П. Мансуров указал консулу на их неудовлетворительность и потребовал строго придерживаться порядка, заведенного при его предшественнике, штатном сотруднике РО-ПИТа и, по совместительству, первом российском консуле в Иерусалиме В.И. Доргобужинове. В ответ Соколов горько жаловался и Мансурову, и посланнику в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому, и главе Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому на сложность поставленных перед ним задач, слабость здоровья, отсутствие помощников и т.д. Единственное утешение он находил у начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископа Кирилла Наумова, который сам довольно быстро встал в оппозицию и к Мансурову, и к Палестинскому комитету. Соколов невольно оказался втянут в развернувшееся затем противоборство епископа Кирилла и Палестинского комитета.

Казалось бы очередное повышение ранга до статского советника, присвоенное Соколову 28 июня / 10 июля 1862 г. должно было придать уверенности и новых сил иерусалимскому консулу, но вместо этого поток

жалоб только усилился. К ним присоединились и проблемы со здоровьем. Климат и, главное, условия проживания в Иерусалиме сильно отличались от Египта. В первую же зиму 1861–1862 гг. Соколов серьезно заболел. Второй зимы он ожидал со страхом смерти и настоятельно просил дать ему отпуск. Наконец, 29 декабря 1862 г. он был назначен консулом в знакомом ему Галаце и смог оставить Иерусалим. Но «к исправлению» этой должности Соколов приступить не успел. Консул покинул Палестину в подавленном состоянии, после тяжелых объяснений с Мансуровым и главным строителем М.И. Эппингером. К этому добавилась обострившаяся болезнь. Для лечения и отдыха Соколов остановился в Константинополе, где и скончался 17 января 1863 г.

- ¹ АВПРИ. Ф. 152. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 505. Д. 87.
- ² *Порфирий (Успенский), архимандрит*. Книга бытия моего. Ч. 4. СПб., 1896. С. 372–373
- ³ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. IV-2. Оп. 119. 1841–1864 гг. Д. 7. Л. 21–21об.
- ⁴ Жительство имею, — писал уже в 1851 г. отец К.А. Соколова, — Петербургской части 1-го квартала в доме г-жи Соколовой № 49. АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. IV-2. Оп. 119. 1841–1864 гг. Д. 7. Л. 20об.
- ⁵ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. IV-2. Оп. 119. 1841–1864 гг. Д. 7. Л. 4.
- ⁶ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. IV-2. Оп. 119. 1841–1864 гг. Д. 7. Л. 9об.
- ⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. IV-2. Оп. 119. 1841–1864 гг. Д. 7. Л. 24об-25.

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПО ПАЛЕСТИНЕ И СИРИИ ВЕСНОЙ 1853 ГОДА.

К.А. Соколов

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО К.А. СОКОЛОВА К УПРАВЛЯЮЩЕМУ
МИНИСТЕРСТВОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Л.Г.СЕНЯВИНУ.

С.-Петербург, 20 сентября 1855 г.

Милостивый государь Лев Григорьевич!

Измученный болезнью, теряя надежду на исцеление, в марте 1852 года ходатайствовал я у Вашего Превосходительства дозволения удалиться на некоторое время из Валахии для поправления здоровья. Ваше Превосходительство изволили принять благосклонно мою просьбу, приказали дать мне средств для поездки в Египет, милостиво доставили возможность бороться с удручавшею меня болезнью.

Проникнутый до глубины души столь лестным вниманием, я старался извлечь пользу из моего путешествия. Проживая под благотворным небом Востока, я изучал, сколько мог, посещаемые мною страны, записывал все, что невольно обращает на себя внимание наблюдателя. Прибыв в Санкт-Петербург, я удостоился слышать из уст Вашего Превосходительства поощрение для приведения в порядок моих записок, и ныне, обработав одну часть их, относящуюся до Палестины и Сирии, — осмеливаюсь повергнуть эту рукопись Вашему благосклонному воззрению.

Руководствуясь правилом: описывать виденное мной без преувеличений, называть доброе добрым, дурным дурное, я верно передавал бумаге все что видел, все что чувствовал. Оценка моего труда принадлежит Вашему Превосходительству.

Прося великодушного прощения за то, что при многочисленных трудах и государственных занятиях Ваших осмеливаюсь беспокоить Вас представлением моей рукописи, честь имею быть с истинным высокопочитанием и глубочайшею преданностью Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПО ПАЛЕСТИНЕ И СИРИИ ВЕСНОЙ 1853 ГОДА

Пятидневное карантинное заключение наше в Газе кончилось: 8 марта с восхождением солнца мы были свободны, как Божии птицы. Впрочем, грешно было и жаловаться на карантин в Сирии; в нем мы были также свободны, как и у себя в доме, с той только разницей, что не могли выходить за ворота. Комнаты наши были, правда, грязны и отвратительны, но мы утешали себя мыслью, что это были самые лучшие комнаты во всем здании; да и то сказать, — мы жили во втором этаже, открываемом только для почетных путешественников; из окон наших виднелась богатая и плодородная долина с ее бесчисленными отливами разнообразной зелени, с ее кущами тамарисков, платанов и фиговых деревьев, посреди коей стройные пальмы показывались изредка и, казалось, одинокие и унылые, тосковали по родной своей Африке и по милым пескам, с которыми были навсегда разлучены неисповедимой волей судьбы. По временам, и особенно ночью, нам слышались недалекие всплески моря. Поэзию можно отыскать повсюду, — даже и в карантинном заточении, хотя и то надо сказать, что мои поэтические мечты разлетались, то при прозаических предложениях обедов и завтраков, повторявшихся весьма часто от скуки, то при взгляде на фигуру нашего гвардиона, важно носившего, в знак официального достоинства, желтую ленту по белому бурнусу, под которым не имелось вовсе никакой одежды.

Во время этих пяти дней мы много читали, много болтали с товарищами нашего заточения и не употребляли никаких вспрыскиваний, никаких окуриваний. Карантинный доктор, араб родом, ни разу не рассудил осведомиться о нашем здоровье, иншаллах¹ — о чуме давно не было никаких слухов, — к чему же бесполезные визиты? Он только накануне выхода из лазарета, выстроил всех нас на дворе, заставил каждого высунуть язык, и объявил со всею восточной важностью, что обсервационный термин — кончен.

С раннего утра пространный, четверугольный двор карантина закипел новой жизнью; погонщики верблюдов шумели, укладывая на могучие горбы этих умных животных наши пожитки, гвардионы бегали, отгоняя от нас не кончивших еще сроков своих пассажиров; услужливый драгоман Ахмет, метался во все стороны, приводя в порядок разбросанные по двору вещи; мы наскоро напились кофе, позавтракали также наскоро и, вскарабкавшись на своих дромадеров, весело и торжественно выехали за ворота.

Хорошо вздохнуть на воле, после какого бы то ни было заключения: на груди как будто легче оставить за собой каменные стены, даже и карантинные!

Газа была перед нами, Газа, прославленная подвигами Геркулеса Еврейского,² Газа, игравшая всегда столь важную роль, как во времена борьбы западных христианских ратников с последователями Магомета, так и в ту эпоху, когда гениальный покоритель Египта лучезарным метером показался было на небосклоне Сирии, как же проехать, не посмотрев на Газу?

Мы нетерпеливо хотели поскорее доехать до Газы; мы с любопытством всматривались в редкие домики, состоящие большей частью из мазанок, тонувших в море зеленых и свежих сикоморов; мы дивились и любовались роскошной растительностью Сирии; мы восхищались могущественными листьями диких кактусов, столь редких на нашем Севере, а здесь просто употребляемых на изгороди садов, и непрерывно смотрели вперед, — да где же эта Газа, цветущая во дни Самсона? — и вдруг, после нескольких поворотов по грязным закоулкам, очутились в поле.

«Где же город?» — спросил кто-то из нас у Ахмета.

«Город? А откуда мы сейчас выехали» — отвечал он со всей арабской важностью, продолжая покуривать свою джибелейскую сигару.

Так вот та богатая, роскошная Газа, которой медные ворота были подняты могучими плечами Самсона, та Газа, в развалинах храма коей похоронили цвет мощных врагов Израиля — лучшие девы и юноши Филистимлян, погибшие от мщенья своего ужасного пленника!

Comte Claude de Forbin,³ в записках своих о Востоке, изданных в 1819 году, упоминает: о развалинах, виденных им в этом городе, о чудесных мраморных колоннах, о богатых мечетях, об украшениях гробниц, похищенных с древних городских монументов, существовавших еще во время путешествия Th venot⁴ по Сирии, — а теперь, кроме восхитительной местности, нет ничего примечательного в этой исчезнувшей столице филистимлян.

Теперь вся Газа состоит едва ли из нескольких сотен плоскокровленных, серых арабских домиков и одной мечети; развалин никаких не существует, кроме двух гранитных колонн, сохранившихся, по какому то диву, недалеко от хана Юнас, не доезжая карантина.

Проехав небольшой базар, где торговки города под открытым небом продавали молоко, фрукты и рукодельные свои произведения, мы потянулись по обширной долине, покрытой со всех сторон масличными деревьями.

Поле было возделано; различные посевы, будто узоры ковра, затейливыми отливами своими невольно ласкали глаза, высокие травы дышали ароматом. Все было живо и юно здесь, — точно в первый день творенья: душа была проникнута какой то необъяснимой благодатью; я был доволен собой и всем, что меня окружало, доволен от сердца, без причины, безотчетно!

Дорога, от времени до времени то была живописна до восхищения, то вдруг томительно однообразна. Часа за три от Газы, несколько воо-

руженных арабов остановили нас, требуя хараджа — подати, платимой всеми путешественниками за свободный и беспрепятственный проезд по Сирии. Наш Ахмет внес уже эту подать в Эль-Арише, и хотя она состояла только из пяти пиастров, но расчетливый драгоман не хотел платить их напрасно. Начались споры; мы думали приказать Ахмету отдать им эти деньги, во избежание ссоры, но он скоро устроил дело, подарив арабам немного табаку и дав какой-то ничтожный бакшиш. После этого мы продолжали путь спокойно. Часто нам встречались сирийские поселяне и поселянки; они учтиво сворачивали с дороги при встрече с нами, смотрели на нас ласково и на наши «салям-алейкюм», радушно обменивались своими «алейкюм-селям»⁵.

Земледелие в этой стороне Сирии в большом уважении: поля возделаны повсюду, где только нет к тому физических препятствий; да и мудрено ли обрабатывать эту землю, тучную по своей сущности, плодородную и богатую с самого начала своего существования; стоит немного взрыть ее суком дерева, загнутым наподобие плуга: того плуга, устройство которого сохранилось по преданию еще от времен Авраамовых; стоит бросить зерно вовремя, а благодатное небо и щедрое недра земли выведет 60 и 70 зерен; и тогда собирай дар Божий и вывози его на рынки! Так было в цветущие времена Сирии, недаром считавшейся житницей Рима и обширных владений его; так было бы и теперь, если бы железная рука варваров не уничтожила трех четвертей сирийских обитателей, если бы не истребила она и следов того образования, которым славилась эта страна, как провинция Вечного Города.

По обыкновению, мы остановились в полдень завтракать, — остановились в поле, засеянном кукурузой и не представлявшем ничего живописного. Караван наш остановился также здесь не то, что в Египте: сирийские бедуины вообще чрезвычайно любопытны и большие охотники знакомиться с чужими вьюками; а потому я советую всем путешествующим не оставлять своих пожитков на произвол судьбы, а умеряя шаги дромадера, постоянно иметь их пред глазами. Такой род езды несколько скучен, но зато бывает полезен во многих случаях.

После часового отдыха, мы воссели на своих животных и, с возобновленными и подкрепленными силами, продолжали путь. Ахмет объявил, что на этот день переезд будет не велик, ибо племена бедуинов были в войне между собой, и нам надлежало на ночь отдаться под покровительство шейха первой деревни, дабы не попасть между двумя коленами и быть на верное ограбление.

Я не охотник до долгих переездов, и потому заранее мечтал о благодатном кайфе на походной постеле и о той ароматной чашке кофе, которую любил выпивать тотчас же по разбитии наших палаток; но на этот раз мои мечтания были весьма неудачны.

Путь наш становился ежеминутно гористее и потому живописнее: каменные утесы, полуобросшие высокими кустарниками и увенчанные разнообразными грядами полевых цветов, беспрестанно заставляли нас делать небольшие обходы, переезжать из ущелия в ущелие и восхищаться на каждом шагу самыми разнообразными видами. С одной стороны, — довольно большие горы, заслоняя нас от полуденного солнца, показывали свои неподражаемые формы: то богато убранные молодой весенней зеленью, будто свежий наряд красавицы, то свою броню гранитную, точно для контраста наложенную в иных местах, рукой великой художницы Природы; с другой же стороны расстилалась широкая долина — обыкновенно обработанная и засеянная трудолюбивой рукой человека. Бедные деревушки нередко виднелись тут и там, стада верблюдов, коз, тучных баранов и отягченных густой волной пушистохвостых овец, беспрерывно привлекали внимание; все эти животные ходили свободно, несмотря на войну племен; но отсутствие народонаселения было заметно повсюду.

Восхищаясь беспрерывно — сменяющимися картинами и осматривая в подробности малейшие оттенки этой поэтической видописи, то стараясь проникнуть взором во все капризные извивы гор и ущелий, в глубину множества пещер и в крутизну обрывов, то следя за ухищрениями коршуна, и отыскивая убежище той жертвы, на которую после тысячи кругов, стрелой опускался хищник, — я не замечал своей усталости, не обращал внимания, что солнце было готово скрыться и что после кратчайших сумерок настанет ночь, а драгоман наш, по видимому, не думал о привале. Между тем Ахмет очевидно беспокоился; он то пускал рысью своего дромадера и осматривал местности, то оставался в конце каравана и, после жарких споров и совещаний с погонщиками, отправлял одного из них вперед узнавать дорогу. Мои товарищи, обыкновенно веселые и болтливые, теперь затихли и приуныли; мне также сделалось скучно. Смотрю на часы, — уже семь, а деревни, куда мы предполагали прибыть, еще не видно; я сердился, потому что четырнадцать часов не сходил с верблюда, и рисковал ночью повстречаться с бедуинами, от которых ждать добра было нечего. Ахмет уверял всех нас, что деревня недалеко и что в ней мы будем спать спокойно, но что надо отыскать ее во что бы то ни стало, иначе не только чамаданы, но и головы наши были не в безопасности. Наконец, он вдруг остановил верблюда и, соскочив на землю, закричал трагически: *«abbiamo perso la strada»*.⁶ Вот утешение!

Я рассердился не на шутку и громогласно выразил свое неудовольствие: назвав нашего чичероне *«birbante»* и *«canaglia»*.⁷ После мне и самому сделалось совестно, что в пылу досады обидел его, может быть, напрасно, но вымолвленного слова не воротишь: при том он точно не совсем был прав не взяв от скупости или из рассеяния, проводника от последней деревни, через которую мы проезжали.

Как бы то ни было, надлежало ночевать в неизвестном месте, на небольшой долине, среди заросших густой травой камней. Погонщики наши, при слухе о предстоящей опасности, кипели усердием и расторопностью. Палатки раскинулись в минуту, вьюки сложены посреди табора и затревоженные верблюды согнаны в одно место, дабы не растерять их в случае нападения бедуинов. Походная кухня задымилась, и благовонный мокка, подслащенный трубкой вкусного Латакийского табаку, прогнал скоро мой гнев и мою усталость. За ужином все мы развеселились, утешаясь мыслью, что через два дня будем в Иерусалиме, где не только утолим свое любопытство обзором святых мест, но и вознаградим себя достаточным отдыхом за все лишения, неразлучные с путешествием по Востоку. Ахмет беспрерывно толковал о предстоящей опасности и чистосердечно винил себя за то, что не взял надежного проводника; он уверял, что не будет спать всю ночь, дабы не подвергнуться нападению врасплох, и умолял нас не прибегать к оружию без крайней надобности. «Бедуины мстительны, но не кровожадны», говорил он; «если наши выстрелы убьют или ранят одного из них, — тогда мы все пропадем. Дай лучше мне вступить в переговоры с этими хищниками, я заплачу им какой-нибудь бакшиш — и они нас оставят в покое».

Все мы были убеждены этой логикой; особенной воинственностью не пылал никто из нас; да и смешно было, из подражания ламанчскому рыцарю, пятерым миролюбивым гражданам разных стран Европы вступать в борьбу с шайкой сирийских разбойников. Говорю: пятерым, потому что, в случае решительного сопротивления, на проводников наших мы не рассчитывали, — они оставили бы нас в первую минуту, да и сам Ахмет, при виде длинных бедуинских копьев, вряд ли бы принял горячо нашу сторону. Что значили для него, правоверного мусульманина, пять собак, фиренгов (европейцев. — *К.В.*), скитающихся без всякого дела по земле, принадлежащей последователям Пророка? Основываясь на этом убеждении, мы обещали Ахмету не делать никаких глупостей: но каждый из нас лег на свою кровать, не раздеваясь, и тщательно осмотрев курки пистолетов, дабы, в случае неудачи дипломатических переговоров нашего драгомана, не дать себя зарезать без сопротивления. Всю ночь проводники наши не смыкали глаз, рассказывая друг другу сказки, до которых все арабы столь страстные охотники; мы же, утомленные долгим переходом, заснули так крепко и так сладко, что, право, бедуинам не было бы много хлопот с нами, если бы они действительно задумали отправить нас в мир неизвестности.

На другой день, при первых проблесках солнца, мы были на ногах и, посмеявшись над вчерашними своими опасениями, весело взгромоздились на дромадеров. Переход был тяжел; сам Ахмет не скрывал этого; но зато — какое удовольствие: к вечеру мы увидим Геброн (Хеврон. — *К.В.*)

первый для нас город в Палестине, один из древнейших городов света, жилище Авраама и Сары, первую столицу Царя Псалмопевца!

Надо было отыскивать потерянную дорогу, взбираться на каменные горы, на которых не было ни малейшей тропинки, спускаться по стремнинам, загроможденным острыми, будто всемогущей десницей Провиденья наваленными камнями, — мы все это сделали, благодаря верному шагу наших верблюдов. К 10 часам утра мы добрались до той деревни, которую отыскивали накануне, оказалось, что проводники наши ошиблись дорогой при выходе каравана из Газы и, вместо прямого пути на Геброн, повернули на долину Аскалонскую; славную вековыми своими несчастьями, орошенную потоками крови евреев, греков, римлян и арабов, — на ту долину, которая столько раз вторила эхом бранные крики Танкреда, Раймонда, Готфрида Бульонского, и которая, будучи вырвана из власти крестоносцев подвигами Салладина, окончательно разорена в 1270 году султаном Бибарсом, разрушившим существовавший тут город ее имени.

Потерянная нами деревня называлась Ашод и, будто притон разбойничий, гнездилась между нагроможденными утесами. Пробираясь по ним, я никак не мог справиться с своим верблюдом и потому, предпочитая верить собственным ногам и таща за собой свое животное, спустился, не без труда почти до самой долины.

Тут я надеялся отдохнуть немного, но неумолимый Ахмет, сердитый на меня за вчерашний выговор, объявил, что переход будет большой и что должно торопиться.

Делать было нечего; драгоман путешественников — это султан всего каравана; повиноваться его приказаниям — первое условие в пути; иначе ничего не пойдет по вашему желанию; неудачи и лишения вам представятся на каждом шагу, а при расчетах вы же останетесь не правы, ибо драгоман докажет, что все неудовольствия происходили о того, что вы хотели остановиться, где ему не было выгодно, или что вы продолжали путь, когда ему хотелось остановиться; он уверит, что по вашим капризам, верблюды не были накормлены вовремя, что погонщики роптали, а он принужден был утешать их бакшишами. Одним словом, он накажет вас столько доводов и опишет столь красноречиво свою бедность и свою честность, что вы потеряете терпение и, забыв прошедшие неудовольствия, заплатите ему, по крайней мере, вдвое. Проехав Египет и Нубию, мы хорошо изучили там драгоманскую натуру, и потому с покорностью повиновались всем наказам нашего Ахмета.

Едва успели мы собрать наш караван, едва потеряли из виду деревню и вступили в зеленое ущелье, замкнутое и справа и слева гранитной броней утесов, — как вдруг громкие, гортанные крики раздались над нами и за нами — как вдруг несколько всадников в белых поэтических бурнусах,

держа на перевес свои гибкие и длинные копья, на легких и красивых конях, со всех сторон налетели на караван наш.

Мы остановились, — они также. Признаться, каждый из нас невольно смутился при этой встрече. Ахмет подъехал к первому, который казался начальником, но тот не позволил ему подходить к себе близко, и между ними начался живой разговор, сопровождаемый криками и жестами, без которых арабы не могут рассказать ничего порядочно. Разговор продолжался недолго, но мы не могли в первую минуту добиться от Ахмета, в чем состоял он; наконец дело прояснилось: остановившие нас всадники — далеко не были грозны бедуины, — эти вольные цари пустыни; они были, просто, миролюбивые стражи Гебронского карантина, полагавшие, что мы идем из Акабы и что мы еще не высидели узаконенного заключения. Рассмотрев свидетельство из Газы и получив должный бакшиш, они пожелали нам счастливой дороги и поехали в свою сторону.

Местоположение делалось восхитительнее шаг за шагом: то проходили мы чуднейшими долинами, то, цепляясь за утесы, перебирались по каменистым горам; везде природа была богата и щедра к человеку, везде человек трудами своими облегчал производительность природы. Это заметно было без труда: ибо по большей части поля были обработаны, фруктовые сады тщательно возделаны и отгорожены друг от друга каменными заборами. Любовь к полевым трудам была очевидна, но должно признаться также, что вряд ли кто рассчитывает здесь на продолжительное спокойствие; дух раздоров и воинственности преобладает и здесь, — в стране, назначенной природой для тишины и трудов мирных. Посмотрите на любую деревню, — она непременно взброшена на какую-нибудь скалу, где доступ труднее и опаснее врагу, идущему разорить ее; каждый дом, каждый сад обнесен высокой, надежной стеной, за которой было бы удобнее отстреливаться. Взгляните на какого угодно пастуха или земледельца; он непременно вооружен длинной винтовкой и ятаганом — неизбежными спутниками первобытного человека, который полагает свое спасение в оружии, который признает и почитает одно право, — право сильного!

Что же будет здесь, когда твердое и образованное Правительство положит конец разбоям бедуинов и корысти мелких туземных властей, когда право собственности будет достаточно понято и ограждено мудрыми законами, когда эта винтовка, — нынешняя необходимая спутница сирийского поселянина в ежедневных трудах его — будет висеть без дела на стене его мирного приюта? Тогда Сирия и Египет будут источниками богатств для земледелия и промышленности, тогда закипят они толпами европейских переселенцев, которые, в обмен за их прекрасные небеса и плодородные недра земли, принесут идеи образованности и, после нескольких усилий, выведут эти страны из того летаргического сна, в который они ввергнуты ныне волей судьбы и политических обстоятельств.

Так думал я, покачиваясь на своем дромадере и втягивая полной грудью струи благодатного мартовского воздуха. Вдруг поляна начала суживаться; еще несколько шагов, — мы очутились в дивном, но в восхитительно-диком ущелии; едем дальше, — впереди не видно дороги, вьючные верблюды цепляются поклажей то за деревья, то за острые камни. Я довольно походил по свету, но в жизнь мою ничего не видел величественнее, ничего не воображал прелестнее. Я не был на Кавказе, но кажется, что и его грозное величие вряд ли превосходит ту картину, которую я видел. Две каменные обросшие сверху до низу разными деревьями и кустарниками скалы, разделяя давно уже обширную поляну, — казалось, хотели столкнуться, хотели соединиться друг с другом после векового спора, кому из них владеть этой поляной, еще один шаг — и они ринулись бы одна на другую; еще минута и обе они готовы были составить одну непроходимую гряду утесов, один гранитный хаос, не проникаемый глазом человека, недоступный дерзким шагам его! Но приговор Бога грянул — и громадные вороги остановились; прошли века и угасла вражда их, и мирная, живая растительность богато одела их грозную, каменную броню, — и вот мы, со всем караваном, беспечно и весело, гремя позвонками, проходим между этими исполинскими вратами!

Дорога вилась змеей, — извилинам и поворотам не было конца; она то взползала на пригорки, то круто обрывалась вниз; на пять шагов вперед не видно человека; всякое слово повторялось эхом; огромные камни загромождали путь, вершины гор, роскошно обставленные веселыми тamarисками и молодыми свежее-зелеными соснами, казалось подпирали небо, а цветы и травы — благоухали ароматом. Сколько поэзии тут — в каждой листке, нежно вспрыснутом весенней росой! сколько творчества в каждом дереве, так небрежно и так искусно поставленном природой! Невольно душа обнимается восторгом, невольно шепчется молитва благодарности Творцу вселенной, — и живешь тогда какой-то особенной, странной, но восхитительной жизнью, и что-то чувствуешь великое в себе, что-то божественное. Сердце вдруг преисполняется юными, могучими силами, и хочется плакать, и невольно радуешься, готовь броситься навстречу к чему-то великому, к чему-то родственному, — а к чему? Непонятно!

Мы просили Ахмета остановиться завтракать в этом ущелье, но он объявил, что мы заставим дорогу каравану, который идет и без того медленно, и что тогда не доберемся к ночи до Геброна, — пустились далее!

Пройдя ущелье, — местность принимает новый вид, — вид печали и отвержения. Это не та уже роскошная Сирия, которой любовались мы в продолжении двух дней пути, выехав из Газы. Здесь голые утесы и однообразные скалы, без малейшего признака жизни — преобладают всюду; вулканическая почва земли, однообразным своим колоритом, утомляет глаза;

куда ни обернись — все мертво и уныло; куда ни посмотри — не видать ни человека, ни животного, не встречать даже перелетной птицы!

Недалеко от Геброна, после множества пройденных гранитных утесов, точно карающей десницей Божества ринутых в минуту гнева на бедную землю, — картина быстро изменяется. Дорога идет волнистым зеленым узором между серыми камнями, идет все выше, все извилистее, а глаз не успевает следовать за ее неисчислимыми поворотами. С одной стороны обросшие свежими кустарниками и деревьями, почерневшие от времени скалы, с другой крутой стремнины, в глубине коих чуть кое-где виднеются арабские хижины вот что представляется здесь взорам путника! Дорога, проведенная обычной стезей караванов, с трудом дает проход одному верблюду, и я не понимаю, каким образом расходятся тут встречающиеся караваны; на Востоке всяк заботится только о себе, предоставляя своему ближнему помышлять о собственном комфорте, как угодно! К закату солнечному начали замечать мы, что приближаемся к городу; деревни становились чаще; мы не редко встречались с разными проходящими и проезжающими; наконец, перешагав еще через несколько глыб камней, взобравшись на последнее возвышение, — ряд чистеньких, сереньких, чисто-библейский домиков явился перед нами; мы вздохнули свободнее, — то был Геброн, предлагающий нам сладкий отдых у гостеприимных стен своих.

Восхитительные места! Мы спускались с противоположного утеса, — город развивался перед нами постепенно; мы смотрели на него — точно на тихо развертываемую картину. Налево развалины полуразрушенного замка, поэтически заслоняемые кучами высоких деревьев, — направо — несколько горделивых мечетей, смело поднимающих свои массивные минареты, — посредине небрежно и уступами выстроенные, перевитые зеленью каменные дома гебронских обитателей, и вся картина, обнесенная зубчатой стеной, — постепенно привлекали наше внимание. Мы глазели с любопытством и восхищением на этот первый для нас город Палестины, а ободренные инстинктивным ожиданием отдыха верблюды шли бодро, осторожно спускаясь в зеленую цветущую долину. Вдруг, при самом повороте утеса, на последнем уступе горы — европейское, желтое, обнесенное стеной здание, будто из-под земли, явилось перед нами. Это был карантин гебронский. Все ожило и засуетилось при нашем появлении; нас ввели было на квадратный удивительно чистый двор, но мы показали свидетельство, взятое из Газы и нам позволили следовать далее. Сойдя с дромадера, я любовался картиной нашего каравана, медленно спускающегося в долину. Он прибыл вслед за нами, и мы раскинули зеленые шатры свои между городом и карантинном.

Едва успели мы собраться с силами, едва вещи наши были разложены по палаткам, — как множество палестинских чичероне окружило нас,

предлагая быть провожатыми и показать древности города. Мы выбрали одного из них, который по-видимому был расторопнее прочих и не забывая вооружиться своим *Guide en Orient*⁸, бодро пошли к городу. Пройдя небольшую долину, в нескольких шагах от городской стены, — квадратная, обложенная серым камнем, систерна привлекла наше внимание, это был один из прудов Соломоновых, устроенный для продовольствия города.

Как ужаснулся бы владыка Израиля, — этот великий и мудрый Соломон, равно известный миру христианскому и последователям ислама, — если бы посмотрел он, в каком положении находятся ныне чудесные пруды его, — пруды, над устройством которых, по словам рапсолистов и поэтов Востока, сами духи должны были принимать невольное участие. Что осталось теперь от роскошного водохранилища — этого вечного источника наслаждения в стране, постоянно палимой жгучими лучами солнца, — от этого пруда, куда, с легкими амфорами на головах, стекались толпами жены мощного Израиля, когда, по обычаю Востока, обсев кругом его и лелеимые свежестью закованной в гранит влаги, юные дочери народа божия дружными голосами пели подвиги своих отцов и братьев, подвизавшихся под победоносной хоругвью Давида, или, вдохновленные прелестью вечернего заката, возносили хвалебный гимн Егвы, неизвестному ни одному соседственному им племени, понятному только их соотечественниками! Ныне систерна эта существует только по имени, только одни каменные изгороди свидетельствуют о вековой ее славе: водопроводные трубы не были вычищены, вероятно, со времени упадка Римской власти, а позеленевшая, испортившаяся вода, вместо благодеяния городу, способствует развитию в нем лихорадок. Грустно было смотреть на упадок тысячелетнего памятника человеческой предприимчивости, странно подумать, что нынешние обладатели его, старающиеся на всяком шагу устраивать новые фонтаны, не позаботились исправить это творение почитаемого ими Сулеймана! Мы пошли далее.

Вот городские ворота, — необходимая принадлежность всех городов Востока. Они, кажется, принадлежат к несомнительной древности и выстроены аркой; это поразило нас, привыкших к архитектуре Египетских храмов, в которых углы владеют в зданиях и где не видно никакой мысли о полукружии. Смело пускаемся в полутемные, кривые, грязные улицы гебронские, — проходим несколько их, — везде пустота везде бедность и неопрятность. Самый базар, это обыкновенное сходбище всего населения, — уныл и безжизнен в Геброне; несколько бедных лавочек кое-как наполнены первыми житейскими потребностями. Я купил здесь, на память, трубку, самой грубой, самой неотесанной работы. Улицы почти все снабжены каменными крышами, устроенными в некотором расстоянии одна от другой; это должно быть не очень полезно для здоровья, ибо атмосфера меняется в них беспрестанно; то и дело проходя по ним, вы чувствуете то жар, вырывающий из вас

ручьи пота, то внезапный холод, заставляющий поскорее бежать снова под благотворное солнце. Они вымощены огромным булыжником, — но как вымощены? Беда неразумному пешеходу, если он, засмотревшись по сторонам, забудет взглянуть под ноги, а упадите — то-то будет веселья толпам зевак гебронских, следящим за вами, как тени, и показывающим языки при оглушительных требованиях неизбежного бакшиша.

Мы знали, что главная мечеть гебронская была прежде христианским храмом, что она построена Императрицей Еленой, матерью Константина Великого, что место, на котором стоит она, считается по преданию могилой Авраама и Сары, Исаака и Ревеки, Якова и Лии, а потому не без труда растолковали нашему провожатому, что хотим осмотреть джами.⁹ Он смело повел нас по постоянно-ползущей в гору улице, и мы очутились под высокой, зубчатой стеной, через которую можно было видеть только купол с преуродливым минаретом. Чичероне исполнил свой долг добросовестно; он точно привел нас именно к той мечети, которую мы спрашивали, Византийской постройки стена не позволяла сомневаться в благородстве ее происхождения, — но что пользы? Сирийские мусульмане вовсе не столь веротерпеливы, как их египетские одноверцы; гробы ветхозаветных патриархов у них в большом уважении, и потому мы должны были удовольствоваться ответом: что вход во внутрь двора запрещается кяфирам. Конечно, в Каире запрещение это легко было отстранить бакшишом привратнику, но здесь за подобную попытку можно навлечь на себя не один камень из руки какого-нибудь благочестивого почитателя приказаний пророка, и потому мы, поглазев на высокую стену и напившись чистой, прекрасной воды из фонтана мечети, пустились обратно к своим палаткам.

Грустно странствие по Востоку. Вы переплываете моря, переключиваете пустыню, надеясь видеть и полагая несколько изучить его, — приезжаете на место и тогда убеждаетесь, сколько надо средств и трудов, чтоб исполнить ваше предприятие. Восток живет не на распашку, как у нас, на Святой Руси, не для показу, как в прочей Европе, он существует для себя, жизнью домашней, и не терпит любопытного глаза. Негостеприимны и холодны ворота каждого дома мусульманского; одни голые стены выходят на улицу; зато все богатство хозяина выставлено внутри жилища его. В одежде та же скрытность; никогда и никто не употребляет богатого верхнего платья, никто не выставляет на показ драгоценных камней; жители городов, кроме некоторых исключений, а тем более женщины, сверх богатого одеяния, носят простые бурнусы. Где нет права собственности, там нет уверенности в безотчетном обладании добром своим, там человек хитер и скрытен поневоле. Восточные нравы, — если возьмем во внимание устройство их общества, если припомним, что недавно еще каждый паша считался полновластным господином вверенной ему области, что он мог почти по капризу располагать чьей угодно головой и каким хотел состоянием.

Но обратимся опять к Гебруну. — Предание говорит, что он едва ли не самый древний город света, ибо основан скоро после потопа. Он расположен на юг от Иерусалима и находится в колене Иудовом. Он занимает важное место в истории евреев: он был первой их столицей, когда народ этот, перейдя из жизни кочевой к оседлости, начинал впервые устраиваться государственным обществом. В нем юный Давид был избран Царем Израиля и помазан на царствие старческой десницей Самуила; в нем царствовал он 7 лет, до перенесения своего пребывания в Иерусалим, и, верно, тогда Геброн кипел воинственной жизнью, народонаселением и богатством; теперь же число жителей его не превышает 4000 мусульман и евреев.

В христианской истории город этот знаменит, как месторождение Иоанна Крестителя.

Окрестности Геброна наполнены враждующими племенами бедуинов и шайками разбойников. Через неделю после нашего посещения, предводитель одной из них, знаменитый своими похождениями Абдеррахман, разбил совершенно малочисленный турецкий гарнизон города и разграбил жителей.

Возвратившись к каравану, мы увидели, подле наших палаток, шатры других путешественников: то были английские офицеры, с которыми мы познакомились в Газе; они встретили нас, как старых приятелей, и уговорились ехать вместе до Иерусалима.

На другой день с восходом солнечным, оба каравана наши весело и бодро пустились в путь. Шуткам и разговорам не было конца; наши новые товарищи очаровывали нас своей любезностью. Каждый шаг верблюда представлял новые виды, напоминал какие-нибудь библейские события. Мы были в земле Обетованной, с которой каждый из нас сроднился с детства, поучительная и поэтическая история которой впервые приковывала к себе наше младенческое любопытство. Сладостно было припоминать те минуты, когда следили мы, с сердцем юным, не испорченным сомнениями, за всеми повествованиями о простой и назидательной жизни патриархов, — когда сами мы были столь же молоды, столь же добродушно легковёрны, как тот народ, которого предания были нашей первой учебной книгой. Возрос народ этот, зажил жизнью оседлой, государственной, вступил в сношение с соседями, стал мыслить и подражать, и вот его безусловная вера в изречения Моисея начала не раз колебаться, почитание идолов начало подкапывать исповедывание Бога единого, сомнения сменились сомнениями, увещания пророков с трудом боролись против временно торжествующего мнения, междоусобные войны, дворцовые интриги и революции, часто в потоках крови решали вопросы религиозные. Кратка, но поучительна история народа избранного, каждая страница ее служит задачей для мыслителя, ибо, с самого начала и до конца его государственного существования все происшествия носят на себе свой собственный

отпечаток, свой национальный характер, совершенно отличный от характеров других народов, живших однако почти под теми же законами духа времени, политических условий и географического положения.

Самые мифы еврейские не похожи на мифы их современников: мифы эти — чисто философские; их высокая поэзия недоступна была понятием прочих обитателей Сирии. Вдохновенный промыслом Божиим Моисей был вековой мыслитель, принужденный облекать идеи свои в формы поэтические, как более доступные для предводимого им народа; взрощенный при дворе мемфисском, напитанный с малолетства учением жрецов египетских, он первый понял несообразность богопочитания природы физической, первый разгадал Всемогущую и Всетворную Силу, двигающую, по непреложным законам, этой природой, и предвидя трудность разрушить религию египтян в самом Египте, он, с повеления Еговы, вывел оттуда своих соотчичей, дабы в широких, раздольных пустынях Пятры и Акабы, под сенью Хореба и Синая, открыть им новую религию, чистую и мыслительную, — предвозвестницу той Религии, которой суждено владычествовать над миром. Приняв на себя великую обязанность воспитателя и законодателя земляков своих, он не боялся отстранить их от прочих народов, потому что вера в Единого Бога, вера чисто идеальная, не могла бы укорениться, при сношениях с соседними язычниками; потому что символы ее были страшны и недоступны народу юному, который не устоял бы от искушения почитать идолов, видя обряды соседей и легко объясняя их религию, как более сообразную с собственными понятиями.

Вот причина сорокалетнего странствия по каменистой Аравии, странствия, предпринятого по указанию Свыше и для того, чтобы стереть из памяти народа обычаи и верования египетского, чтобы удалить его от всего окрестного народонаселения, чтоб приспособить к принятию небывалой в тогдашнем мире религии и чтобы слить эту религию с идеей собственного превосходства над всеми прочими обитателями Азии. Удивительно ли после этого постоянное отстранение евреев от прочих наций, как в древности, так и почти и ныне? Можно ли изумляться, что в эпоху своей военной славы, торжествующий Израиль никогда не щадил побежденных, что заревами пожаров, горами камней и потоками крови покрывался весь переход его от Иордана до Земли Обетованной, что преемники Моисея, пророки и предводители, не только не внушали своим соотчичам любви и снисхождения к слабым и побежденным, но приказывали именем Всевышнего истреблять до последнего обитателей покоряемых городов, и что милосердие к побежденному иноплеменнику считалось неповиновением наказам Еговы, почиталось грехом, караемым позорной смертью?

Народ еврейский никогда не был воинственным, никогда не желал завоеваний. Достаточно утвердившись в Палестине во времена Давида, мы видим его в царствование Соломона уже мирным гражданином, заботя-

щимся о внутреннем своем устройстве, мечтающим о спокойной жизни, строящим города, вступающим в сношения с соседями. В последующие царствования начинаются распри: народ не доверяет с первого слова своим пророкам; из среды его составляются партии, которые изменяют иногда своим верованиям; колена Израильские разделяются на два царства, — меньшее сохраняет во всей чистоте первоначальную религию, — большее допускает некоторые изменения в ней; ненависть двух государств, происходит от религиозных несогласий; она заставляет забыть родственность племен, запрещает дружественные сношения их между собой, препятствует их соединению при могущих случиться счастливых политических переворотах, и наконец она же служит по большей части причиной скорого падения народа Божьего.

С развитием образованности являются толкования и прибавления к закону Моисееву, искажающие по большей части первоначальную чистоту его, начинаются философско-религиозные прения в храме и синагогах, которые раздирают и без того со всех сторон терзаемую нацию, которые пропускают без внимания начало появляющейся новой религии и которые, заглушив в шуме споров своих великие истины, долженствовали служить преобразованием всего мира, предадут позорной казни Божественного Учителя, изгоняют и преследуют святых Его последователей.

Чем более приближаетесь вы к Иерусалиму, тем более природа становится грустнее и однообразнее. Горы сменяются одна другой, ущелия мрачны, поля мертвы, бедные деревушки, будто пригнезденные к камням, Бог веет, как живут и чем питаются; масличные деревья, одиноко разбросанные там и тут, наводят уныние; полдневный жар палит вас без пощады, а кроме кожаных бурдюков с нагретой водой, ныне ни одного фонтана, чтобы утолить жажду. Проходя по этой стране, невольно вспомнишь Европу с ее комфортами, невольно подумаешь: чего приехал искать я в этой земле отвержения? Так ехали мы до часу по полудни, и наконец добрались до прудов Соломоновых, — водохранилища Иерусалима. До благодатного Сиона оставалось еще около трех часов езды, но измученные однообразным переходом силы наши требовали отдыха; мы остановились.

Пруды эти находятся в довольно большой долине, между двумя безжизненными, каменистыми городами. Три квадратные, прекрасно устланные серым, тесаным камнем водоемы, обязаны были хранить благодетельную влагу, для употребления роскошной когда-то столицы мудрого Соломона; каждый из водоемов этих заключает в себе, — если не ошибался глаз мой, до 6 квадратных сажень; подземные трубы имели сообщение между собой и шли до самого Иерусалима, на пространстве трех часов езды. Глубокий, добротнo обделанный и сохранившийся во всей первобытной чистоте своей в продолжении почти 3000 лет, фонтан снабжал водой не только столицу, но, распуская подземные ветви свои по всему царству Израильскому,

наделял ею и другие города. Устройство фонтана изумительно своей простотой; он не сохраняет никаких украшений, не носит никаких надписей; ему суждено было поражать потомство величием мысли своего основателя. Прекрасно сохранившиеся каменные ступени безопасно и спокойно вводят любопытных в недра земли, во внутрь фонтана; мои товарищи спускались туда, но, конечно, ничего не видали; я не пошел в след за ними, боясь подземного холода. Нам вынесли воды: она была чиста как кристалл, вкусна и очень холода; пить ее — было наслаждением, понимаемым вполне только под знойным небом Палестины.

Новейшие завоеватели и владыки Земли обетованной, у самого фонтана, выстроили что-то вроде укрепленной мечети, но и она теперь в развалинах. В ней поселился, по словам арабов, какой-то благочестивый отшельник, святая жизнь которого не мешает ему заниматься воспитанием стада ослов, содержащихся им на дворе мечети и принявших нас только им свойственной музыкой. Три водоема, о которых я говорил выше, находятся за этой обвалившейся мечетью; они стоят на постепенном возвышении друг от друга, и только в последнем из них, который меньше прочих, видно еще некоторое количество позеленевшей воды, просачивающейся из какой-нибудь не совершенно засоренной трубы. Освежившись влагой прудов и отдохнув немного, мы в последний раз влезли на дромадеров, в последний раз подняли их с колен привычным возгласом *хррш!* и с нетерпением пошли к Иерусалиму. Не далеко было уже до Святого града, — три часа езды, и мы могли рассчитывать, что непременно будем в исторических стенах его, но желание скорее достигнуть туда представляло наш путь скучнее и продолжительнее обыкновенного. Последний переезд всегда кажется утомительнее прочих.

Весел и торжественен был для меня день 10 марта! Желание побывать один раз в жизни на отдаленном Востоке, видеть таинственную, священную Палестину, всегда было моим любимым, душевным желанием, и вот я увидел ее, благодаря милостивому вниманию начальства, столь снисходительно доставившему мне возможность путешествовать, для поправления моего здоровья.

Во все время пути, с 21 февраля по 10 марта, время стояло восхитительное: ни одного облачка на небе, вечно голубом и прелестном; никакой бури, а тем менее грозного хамсина, не случилось испытать нам в дороге. Кроме небольшой усталости, неизбежной с необходимостью перекачываться по пустыне на горбах дромадеров, мы не имели никакой неприятности. Удивительно ли, что это странствие показало нам только одну поэтическую свою сторону, избавив от неудовольствий, на которые нередко жалуются другие путешественники?

Путь наш был, по прежнему, дик и однообразен; верблюды с трудом вскарабкивались на неприступные горы, терпеливо обходили непрерыв-

ные рытвины и остроконечные утесы, осторожно спускались в отвесные равнины, а глаз напрасно искал какого-нибудь существа, — если не животного, то по крайней мере зеленого луга, — если не веселого тамариска, то хотя унылой смоковницы. Все было грустно и мертво здесь; будто в хаосе, предшествовавшем мирозданию, все ожидало животворной десницы Создателя, дабы зажечь богато и счастливо, после векового усыпления; но не переменился закон Творца для страны, не понявшей живого глагола Его, и не благословением, а проклятием прогремел Он над ней и над ослепленными ее обитателями зане отвергли они Божественного Искупителя, зане дерзнули принять на себя и на детей своих Кровь Неповинного! И вот грустить земля в немом отчаянье, и громадные камни давят недро ее, будто совесть свинцом лежащая на груди преступника, и ни одна река не пробегает по ней и не оживляет ее благотворностью вод своих, и ни одна птичка не порхает по ней и не воспевает Славу Божию! Покинули гробы праотцев и рассеялись по всем концам вселенной законные обладатели этой страны отверженной; только малейшая часть их приходит умирать в Сафат, в долину Иосафатову и на берега озера Галилейского. Без родины, в наказание за кичливость свою, скитается восемнадцать веков потомство Израиля; гонения и презрения еще недавно были уделом его, как в Европе, так и в прочих частях света — за то, что, в дни своей жизни политической, он гнал с презрением Небесного Учителя и отвергал с негодованием из среды своей малочисленную семью Его последователей!

Где нет под рукой средства для жизни, там селиться невозможно человеку, и потому не удивительно, что почти от самого Геброна до врат Иерусалимских нет ни одного обиталища, и только изредка, то направо, то налево — обнесенные высокими, каменными стенами монастыри, стоят одиноко в этой пустыне.

Мы поднялись на предпоследнюю гору до Сиона, — и Мертвое море, будто крыло ворона, показалось направо от нас; немного левее виднелись вдали бело-серые здания и храмы Вифлеемские; впереди лежал Иерусалим с его историческими сокровищами. Высокая гора закрывала еще его от глаз наших, и наше терпение исчезло; мы пустили рысью своих дромадеров и беспрестанно погоняли их, несмотря на крики Ахмета, умолявшего нас ехать осторожнее, дабы не сломать себе шеи на разметанных повсюду рытвинах и голых утесах.

Не более, как в полчаса, добрались мы до последней горы и, без больших трудов, въехали на нее, благодаря верному, хотя и поспешному шагу верблюдов. Ползущие по горе каменные изгороди, кое-где появляющиеся смоковницы, изредка встречающиеся люди, — ясно доказывали соседство населенного города. Монастырь Св.Илии был перед нами, но мы не постучались в его запертые ворота, спеша к Иерусалиму; мы отложили на несколько дней обозрение всех окрестностей Святого Града.

Воспоминания быстро сменялись воспоминаниями, после умильных происшествий Священной Истории; я живо представил себе ту картину, когда западные поборники Креста твердые верой в святость своего предприятия, толпами притекли сюда на помощь угнетенных христиан Востока, на освобождение града Искупителя от рук Сарацинов. С каким восторгом приближались они, — тем же путем, по которому, через семь с половиной веков, проходили и мы, — к благочестивой цели своего воинственного странствия! Как громко раздавались их ратные крики: «Так хочет Бог», среди неподвижных утесов, окрест трепещущего магометанства! Шумно текли их полчища, переливаясь, будто волны моря, с ущелья в ущелье, с утеса на утес; весело отражались, на утреннем солнце их шлемы и кольчуги; игриво развивались перья благородных рыцарей и знамена неустрашимых ратий: единодушно повинуюсь изменениям души, соскакивали с коней всадники, простирались ниц перед священным видом Иерусалима и, потрясая оружием, клялись умереть или исполнить обет свой. Несметные шатры раскинулись по всем холмам и пригоркам окрест Святого Города; запылали огни в таборах, застучали секиры; воинственная деятельность не уставала ни днем, ни ночью; от повелителей до простых воинов, все работало — с единой набожной целью; никто не знал усталости, ободряя себя молитвой и священными пениями. Кипело все таинственным восторгом; всяк с радостью приготавливался к смерти за имя Спасителя. Надежда вырвать святой Гроб Его из рук ненавистных сарацинов, — руководила всеми распоряжениями, облегчала все труды, миротворствовала во всех спорах и личных несогласиях героев крестового Запада. И где теперь их мощные сердца, кипевшие тогда чистым младенческим фанатизмом, жертвовавшие и родиной и покоем для великой мысли — уничтожить тиранство варваров, возвратить свободу своим одноверцам, вознести Христианство на ту степень славы и могущества, на которой должно быть оно, как единственная Религия, достойная человека! Но не пробил тогда час освобождения святыни Палестинской; не долго раздавались в храмах ее победные гимны; пали, один за другим, доблестные защитники Сиона, и опять засиял символ Ислама на твердых столы Давида.

Прошли времена восторженности; отцвела Западная Европа, усыновленная наследница Царственного Рима, и, заглушив в душе своей доблестные порывы и юношеские добродетели былого, она, как самолюбивый старец, с насмешливой улыбкой пробегает поэтические скрыжали веков Танкреда и Готфрида, и как самолюбивый старец, желающий извлекать только свою собственную пользу из молодого поколения, смотрит с завистью на соседственные ей народы — юные, развивающиеся в свою очередь, полные сил телесных и огня вдохновения! И ныне, углубившись в хаос эгоистических соображений, потомки св. Людовика и

доблестного Ричарда, не стыдясь, пятнают гербы благородных праотцев постыдным союзом с последователями полумертвого Исламизма, — не стыдясь всенародно объявляют себя защитниками поработителей христианства, и гордо обращают меч свой против России, — единственной поборницы религии распятого!

С высот последнего холма увидели мы мечеть Омара с ее четырьмя минаретами, владычествующую над всеми храмами и зданиями Иерусалимскими! Высокие стены скрывали все строения города; обветшалый, смиренный купол храма Воскресения, застроенный со всех сторон разными зданиями, — едва виднелся немного поодаль от гордой, кичливо возносившей к небесам главу свою соседственной мечети мусульманского завоевателя. Ни один крест, символ христианства, не рисовался над городом, рассадником религии Спасителя; ни одной колокольни не виднелось, при многочисленных церквах Иерусалимских. Таинственная, гробовая тишина носилась над городом, кипевшим многочисленными жителями; не говоря уже о приветном благовесте, даже голоса муэзина нигде не было слышно, не разговаривали и мы, волнуемые разными мыслями, и только мерное побрякивание караванных позвонков грустно оживляло это молчание.

Подъезжая к святому городу, я забыл на минуту, что был на Востоке, и в нескольких шагах от Иреусалима воображал видеть что-то в роде нашего дедушки Киева, с его вызолоченными куполами, осененными блестящими крестами, с его морем зелени, кокетливо опоясанный издали широким лентием светлого Днепра; взглянув на Иерусалим очарование исчезло! Где та роскошная растительность Востока, столь поэтически описываемая разными странниками? Где величие храмов, обогащенных щедростью христианских Государей? Где зеленый Сгон, воспетые псалмопевцем? Где бурный поток Кедронский, прославленный мирами поэтов Израиля? Уныние и пустота, бедность и запустение — вот отличительные черты нынешних окрестностей Иерусалима! Навсегда пропала слава этой некогда пышной столицы династий Давида, Маккавеев и Иродов; от прежнего блеска ее, кроме малого числа памятников, сохранившихся вне города, нет никаких следов! Пропала слава нового Иерусалима, — воссозданного благочестивыми стараниями Императоров Византийских; исчезла и память средневекового Королевства Иерусалимского, основанного на груде трупов и затопленного потоками крови, после бурного 110-летнего существования, среди непрерывного звона мечей и ратных криков. Самые твердыни иерусалимские, не раз испытывавшие на себе силы разных народов Востока и Запада, непрерывно разоряемые и воздвигаемые снова, потеряли ныне всю стратегическую важность свою, благодаря изобретению огнестрельных орудий. Иерусалим находится в долине, окруженной довольно высокими горами, между которыми Сион и Голгофа, образуя небольшие возвышения, входят ныне в состав города; стоит устроить не-

сколько батарей на горе Элионской или Погребения странников, купленной за 30 сребренников, — и в несколько минут Иерусалим может быть обращен снова в груды развалин!

Мы вступили в долину Иосафотову, покрытую густой, весенней травой, украшенную в разных местах фиговыми деревьями и вековыми платанами. Высохший поток Кедронский, отделяя стены от долины, был перед нами; мы пошли, по его направлению до самых ворот Давидовых, — обыкновенной стези караванов, следующих из Яффы. Пройдя долину и освежившись от полдневного жара в тени ее густых деревьев, мы без труда поднялись на Сион по довольно гладкой дороге, и остановились в виду самого дома Псалмопевца, вероятно, существующего только по названию и занимаемого ныне Турецким гарнизоном. Товарищи мои забыли свои паспорта в караване, медленно следовавшем за нами, и поэтому, до прихода вьюков, нам было отказано в позволении войти в город. Делать нечего, мы сошли с дромадеров и смиренно стали смотреть на любопытных поклонников и туземцев, стекшихся толпами позевать на новоприбывших путников.

После получасового ожидания, караван прибыл, чемоданы раскрыты, и караульный офицер, прочитав, чуть не по складам, исковерканные восточной орфографией имена наши, приказал нас впустить в город. Этим дело не кончилось; надлежало найти помещение, а это не безделица в Иерусалиме во время праздников Св. Пасхи. Проворный Ахмет, сказав, что мы пождали его немного у ворот, стрелой пустился в город отыскивать помещение. Он возвратился скоро, объявив, что нанял четыре комнаты в новом отеле Христиана Гаузера, находящемся на главной улице, вблизи храма Воскресения; мы в восхищении увидели себя в стенах Святого Града и, позабыв усталость долгого странствия, бодро и радостно пошли за своим драгоманом. 10 марта в 4 часа по полудни вступили мы в черту Иерусалима!

Ворота Давида не имеют ныне в себе ничего поражающего путешественника; архитектура их тяжела и бесхарактерна: это не то, что ворота Шубры, Бабель-Наср или Бабель Футух в Каире; здесь зодчий на заблагорассудил позаботиться ни о каком украшении; он строил их не для глаза, а для защиты от таранов и тяжеловесных секир вражеских, и потому вы не увидите на них ни смелых своей легкостью зубчатых башен, ни благочестивых надписей, которыми так любят украшать все свои здания мусульманские архитекторы.

Турецкий караул лениво покоился, в часы своей службы, возле расставленных у стен ружей; солдаты валялись или играли в кости в тени ворот и, верно, полагали, что и выстроены они были не для чего больше, как для предохранения храброго Низама от жгучего солнца. Пройдя небольшую площадь, заставленную тощими наемными клячами и украшенную с одной стороны прекрасно выстроенной протестантской церковью, а с другой

высоким каменным домом Патриарха Католического, мы углубились в узкие и кривые улицы. Также как и в Геброне, они были от места до места снабжены крышами; также как и в Геброне, вымощены огромным остроко-нечным булыжником, который вместо облегчения пешеходов, затрудняет сообщения своими неровностями.

Гостиница наша была недалеко и состояла в маленьком двухэтажном домике; я радовался было, что он построен на солнце и не заслонен ника-кой крышей, но моя радость продолжалась недолго. Хозяин, услышав, что я говорю с моим Аршаутом по-валахски, объявил на чистейшем букаре-стском наречии: что все комнаты в первом этаже заняты, но что он отве-дет мне самую лучшую во втором; — хозяин этот был крещенный еврей, родом из Валахии, а может быть и из России, потому что и русский язык знал он не хуже валахского.

Жить во втором этаже и подниматься несколько раз в день по узкой и крутой лестнице — мне не очень нравилось; но надлежало уступить не-обходимости, тем более, что, по объявлению нашего Ахмета, другая го-стиница была занята совершенно. Каково же было мое изумление, когда Гаузер отворил дверь лучшей его комнаты! Страшный запах сырости от-толкнул меня во внутрь коридора. Противоположные комнаты были на-полнены приехавшими прежде нас путешественниками, мои товарищи поместились рядом со мной, хозяин уверял, что через несколько дней он даст мне иное помещение и что при том во всем Иерусалиме трудно найти сухую квартиру.

Страшно было мне, путешествовавшему для поправления здоровья, оставаться в этом погребе; но не было никаких средств устроиться ина-че, а необходимость жить где-нибудь заставляла на все согласиться. При том же я надеялся поселиться со временем в одном из греческих мона-стырей, желая провести в Иерусалиме праздник Св. Пасхи; но в столице Давидовой мне суждено было переходить от изумления к изумлению! Отворив маленькое, квадратное окно моей комнаты, дабы немного ос-вежить ее последними лучами заходящего солнца, я увидел, что вместо двора, в доме нашем, была огромная, квадратная систерна, снабжавшая водой, как после уверяли меня, большую половину города. Светлая, пре-красная вода, постоянно обновляемая подземными ключами, чудесно от-свечивая отблески солнца, восхитительно зыблилась под моими окнами, и небольшая свежая акация, разросшись Бог знает как, между расщели-нами неплотно пригнанного камня, чуть не прорывалась в мою комнату. При этом виде, я почти помирился с моей кельей, которой все убранство состояло из железной постели, стола, двух стульев и умывальника, и, с покорностью судьбы, принялся за туалет свой, чтоб приготовиться к обеду. По обычаю Востока, кушать садятся здесь в 6 часов вечера, и это чрезвычайно удобно для путешественников, имеющих таким образом

весь день в своем распоряжении и могущих посвящать его обзору отдаленных окрестностей. Сойдя в огромную, устроенную водами столовую, я надеялся было найти там каких-либо земляков, но, к сожалению, никого из русских не было.

На другой день, встав рано, каждый из нас составил план для обзора города и древностей; толпы услужливых проводников — евреев, осаждали наши комнаты; множество продавцов перламутровых образов, четок и разных изделий из масличных деревьев (непреренно вырубленных из сада Гефсиманского), ломились в двери; наемные слабоногие лошади ржали у подъезда, а их суруджии, прихлопывая бичами, на различных перемешанных наречиях выхваляли достоинства тощих скакунов своих; мы прогнали всех этих непрошенных прислужников и, взяв проводника из трактира, отправились гулять и молиться.

Главная улица, начинающаяся Воротами Пророка Давида, проходящая священной стезей крестного пути (*viva dolorosa*) и оканчивающаяся воротами Архидиакона Стефана, почти во всю длину свою, снабжена крышами или покрыта сводами и чердаками, составляющими сообщение между домами. Лучи солнца проникают, точно украдкой, между скважин и только в некоторых местах скрывают проходящих, говорят, что летом крытая улица благоденствие для обитателей, — не спорю; но в мое время, в марте, без теплой одежды не было возможности выходить из дома.

Тысячи поклонников разных наций и вероисповеданий, в различных костюмах, живыми волнами текли по стогнам и торжищам. Великолепная и мудро-поучительная картина! Религиозные идеи привлекают из всех стран света и соединяют в одном городе бесчисленные толпы богомольцев. Люди эти различные друг другу по нравам, обычаям и поверьям, нередко враждебные по вековым преданиям и столетним соперничествам, — будто забывают здесь всю ненависть, и приходят с одной набожной целью поклониться святыне, равно драгоценной христианам, мусульманам и евреям, благоговеющим одинаково перед священными стенами Иерусалима. Кипят и шумят тут бесчисленные сонмища поклонников и туземцев; ярко пестреют их характерические одежды; громко раздаются разнообразные возгласы и разговоры; вы видите перед собой олицетворение мифа, о Столпе Вавилонском! И в самом деле мудро придумать, какой народ не прислал своего представителя в этот город, признанный вековыми преданиями центром нашей планеты. От беловласого финна до смуглого эфиоплянина, от богатого американца до маленького гуслера савояра, — все национальные типы и почти все языки и наречия встретите вы около храма Воскресения, на улицах Иерусалима.

Число наших земляков-богомольцев видимо превосходит всех прочих странников; серый армяк и черную остроконечную шляпу мужичка православного, повойник и душегрейку его сожительницы — вы также часто ви-

дите в Иерусалиме, как и в каком-нибудь губернском городе, а родной язык, со всеми его мелодическими отливами, порадует ваше ухо и в Юдоле Плача и в долине Иосафатовой и на вершинах Сиона или горы Элсонской!

Язык русский, благодаря постоянным, ежегодным приливам наших земляков в Палестину, — едва ли не делается обще-принятым в кругу постоянных Иерусалимских обитателей. По крайней мере я, говоря по русски, не только легко мог расспрашивать, что хотел, — ходить куда мне приходило на ум, — покупать различные вещи у евреев, турков и армян, не иначе сводящих свои счета, как по старинному, на ассигнации, — но иногда был переводчиком для моих сопутников, уверявших, что в Иерусалиме мне хорошо, как дома.

Любил я видеть подле своих ворот и всматриваться в лица проходящих, вслушиваться в их разговоры; любил иногда остановить какого-нибудь земляка и поговорить с ним о дальней родине, или расспросить, доволен ли он и не обижают ли его в Иерусалиме? Должно сознаться, что все они удивляли меня своими здравыми понятиями и верностью взгляда на все их окружающее. Беспредельная любовь к отечеству, теплое чувство веры, — ясно и твердо выражались в их речах; но разочарование заметно промелькивало весьма часто в их простых, но светлых суждениях о греческом духовенстве, изыскивавшем только личные свои выгоды от той святыни, для поклонения коей иногда, в нужде и горе, переплываются моря и перекочевываются дикие, негостеприимные пустыни. И часто умный мужичок наш, чертя по земле своим посохом, приговаривал: «Да, барин, не то бы было здесь — будь у нас Гроб Господень, но видно, Богу иначе угодно!»

Многие поклонники наши приезжают в Палестину в начале весны и остаются там до весны другого года, а некоторые, и преимущественно разные набожные старушки по несколько раз посещают Святую Землю, делая на свой лад торговые обороты: они вывозят на родину: образа, кресты и четки иерусалимские, и, собирая там деньги на поминки и другие духовные требы, по-видимому, находят для себя довольно выгодным неоднократно переезжать из внутри России в отдаленную Палестину. Не раз на вопрос мой: «Давно ли ты здесь, тетушка?» слышал я отзывы: «Вот уже в седьмой разочек сподобил Господь быть здесь, кормилец!»

Пройдя несколько шагов от гостиницы вдоль большой улицы, должно повернуть направо и, миновав узкий, грязный переулок, застроенный наскоро сколоченными лавочками, где продаются съестные припасы, кофе, халва и разные иерусалимские и вифлеемские вещи, — с трудом протолкаетесь вы через скопища поклонников, и вдруг очутитесь на довольно просторном квадратном дворе, перед самым храмом Воскресения. Двор этот, наверно несуществовавший ни в то время, когда благочестивые императоры византийские благолепно украшали храмы христианские ни тогда

даже, когда паладины Запада основывали кратковременное королевство свое в Палестине, — образован был в последствии уродливо прилепленными к нему зданиями. Он устлан вековыми мраморными плитами, по коим не однократно проходили и обладатели Византии и султаны Востока и могучие ратаи Креста. Одарите словом эти плиты — и они, как скрижали, возглаголют дивную новость о всем, чему они были свидетелями со дня их положения, — от времен Елены и до эпохи нашей. Ряды громадных колонн составляли внешнюю площадь, служившую преддверием храма; они не существуют ныне, и только четыре огромные пьедестала указывают о бытии их. Огонь и железо, вражда и варварство — не пощадили ни зодчества, ни людей, для которых было драгоценно оно.

Ныне этот великолепный пропилей, совершенно отделенный от главной улицы разновременно-выстроенными монастырями и домами, — служит сходбищем всех торговцев и торговок иерусалимских, местом свидания тамошних обитателей. Мелочная промышленность расположилась на нем, как на самом удобном месте, для собрания добровольных податей с богомольцев: тут найдете вы и пышные розы иерихонские, и шерстяные чулки — рукоделы какой-нибудь старой израильянки, и ковры и просфоры и свечи: здесь же продаются: мыло, разные пряники, обделанные в серебро с гербом Иерусалима, курбачи (хлысты из воловых жил), оружие с дамасской насечкой, кресты и образа, финики и икра паюсная, — одним словом это суший рынок Иерусалима, на котором торговля идет лучше, чем на самых многолюдных, крытых его базарах.

Была пятница, — Страстная Пятница для церкви католической; я пробился не без труда через толпы торговцев и покупателей, и хотел войти в церковь. Восхитительное скульптурное произведение, изваянное над самыми воротами храма, невольно привлекло мое внимание, я остановился и долго старался объяснить себе, что оно изображало, но никто не мог рассказать мне предмета ваяния, ибо последний пожар истребил его с двух сторон, пощадив одну небольшую часть. После того, я и другие путешественники часто долго останавливались любоваться этим остатком украшений карниза и, чем далее рассматривали его мы, тем более находили красот в отчетливом изображении деревьев и цветов востока, животных и людей, стройно размещенных в этой картине.

Звуки органа и церковные напевы призывали в храм; я переступил порог и, прежде всего, увидел неподвижную фигуру Мусселима, важно сидевшего на диване, устроенном налево от входа, и медленно выпускавшего струи дыма из длинного наргиле своего (кальяна) Первое горестное впечатление для христианина. Иду далее. Вот Камень Помазания, вокруг обвешанный золотыми и серебряными теплящимися лампадами! Окрест его сонмы богомольцев, — всех полов и возрастов, всех вероисповеданий, без различия религий, — с усердной молитвой припадают к тому камню,

на который был положен снятый с креста Спаситель; помолился и я также. Было отраднo видеть и наших мужичков и грузин и католиков разных наций, каждого на родном своем наречии взывающего к Единому Искупителю, но разочарование поджидало в нескольких шагах. Я обошел Камень Помазания и, в стороне Голгофы, почти у самого камня, жаровня и возившийся перед ней на коленях, полуодетый, грязный негритенок — невольно заставили меня посмотреть на его проделки. Это был невольник Мусселима, его каведжи, обязанный варить кофе, в самом храме Воскресения, для своего господина и для друзей его, приходящих к нему с визитами. Вот уважение к христианству, вот веротерпимость прогрессивной Турции! Скрепя сердце, я пошел далее, но на этот день мне суждено было испить до дна чашу разочарований!

Звучно раздавались органы, сопровождаемые стройным хором католического духовенства; народ толпился около ротонды Святого Гроба; иностранные консулы римского вероисповедания, в мундирах, окруженные своими чиновниками и кавассами, важно сидели на приготовленных для них местах; весь храм, от предела Католического до самой ротонды, был залит огнями, митрополит латинский, со всем клиром, в великолепных одеяниях, служил у Святого Гроба. Все дышало неописанным величием и таинственностью, которыми любит окружать себя Церковь Западная; все располагало душу к религиозным размышлениям, но два ряда пехотных турецких солдат, с их блестящими штыками и в их красных фесах, уничтожали всю торжественность христианского богослужения. Солдаты эти были расставлены прямой нитью от самой ротонды Святого Гроба до предела Греческого; они стояли, облокотившись на ружья, и, казалось нисколько не обращали внимания на все, что происходило перед ними. Между тем, среди их, духовенство, будто в Риме окруженное блестящей Швейцарской гвардией Папы, величаво исполняло праздничные обряды, между тем с высот амвона, в виду самой Голгофы, провозглашалось трогательное Евангелие о последних минутах земной жизни Спасителя; между тем величественное *Stabat* гремело под вековыми сводами!

Грустно видеть, что делается в Иерусалиме в наш веротерпимый, в наш прогрессивный век XIX; но еще грустнее добираться до начала зла и убеждаться, что не мусульманское гонение, тяготеющее над палестинской Святыней, не корыстолюбие мелких турецких чиновников, а большей частью интриги и ненависть христианских духовных властей, призванных к служению перед этой святыней — бывают поводом для всех беспорядков, столь часто происходящих во время церковных праздников в Иерусалиме. Но об этом после.

Караульный офицер начал повторять посты; он вошел в храм даже не в мундире, — в нем было бы слишком жарко; он явился с длинным чубуком в руках и в шалевом жилете, из-под которого виднелась его широкорукав-

ная рубаха; сабля также не была подвязана, за ненадобностью, — ее нес за ним, вместе с мундиром, его негр-невольник. На Востоке и вообще в Турции, военные, как низшие, так и высшие, любят исполнять свои обязанности домашним образом, келейно; солдаты и офицеры обходятся друг с другом, как равные: вместе пьют кофе и курят, вместе играют в кости; чинопочитание и дисциплина оберегаются для парадов и других важных okazji. Сколько раз приводилось мне смотреть на турецких часовых и дивиться их обычаям! Не только в провинциях, но и в самом Константинополе солдаты не любят даром терять время на карауле. Благоразумный оттоманский воин редко остается верен своей будке, — кто ее украдет? он выбирает какое-нибудь тенистое деревцо, в нескольких шагах от нее расстилает под ним свой маленький коврик, снимает башмаки, приставляет ружье к дереву, а сам уместившись поудобнее на коврике, или вяжет чулки, или с наслаждением выпускает клубы дыма из коротенькой своей тростниковой трубочки. Идут прохожие, — он ими не занимается; проведет человек важный, окруженный свитой своих чубукчиев, каведжиев и тому подобных служителей, — он встанет постарается надеть башмаки, если успеет, возьмет ружье в любую руку, а правой сделает селям по уложению; важный человек скажет ему приветливое слово, — и все остаются довольными. Воля ваша, если в Низаме нет много чинопочитания, зато дружбы и снисхождения много!

Неуважение к драгоценнейшему памятнику христианства приводит в отчаяние; оскорбление святыни и презрение религии наводит грусть на сердце и наполняют его невольными чувствами бессильной злобы и справедливого мщения! Вид этих солдат, презренно взирающих на священные обряды, полуодетый офицер и мусселим с его полунагим негритенком, — привели меня в самое бешеное состояние; я не мог осмотреть в подробности Храма Воскресения и не чувствовал в себе довольно спокойствия духа, чтобы в мире преклонить колена перед Гробом Искупителя. Я вышел из церкви и отправился прямо домой. Иерусалим представился мне тогда самой черной, с самой печальной стороны своей.

Гостиница наша делалась оживленнее с часу на час: греческие и католические праздники Св. Пасхи — это сезон иерусалимский; тогда кипит деятельностью и спекуляциями столица Израиля; путешественники толпами спешат сюда из Европы и Африки; Азия, с своей стороны, присылает караваны пешеходов-богомольцев, английские стерленги и наши рублевики благодатной волной перетекают из рук пилигримов в ненасытные карманы палестинских жителей. В это время обогащаются монастырские и частные гостиницы; в это время торговля образами, крестами и четками доходит до своего совершенства; в это время также не один рыцарь Святого Гроба, заслуживает шпоры свои от митрополита католического и, конечно заслуживает их не даром! Каждый путешественник имеет обыкновение

привезти с собой на родину что-нибудь на память от стен Святого Града; многие (конечно, люди богатые) покупают без разбора все, что увидят, а некоторые делают значительные вклады в монастыри католические чтобы получить орден Святого Гроба (l'Ordre du S. Sepulcre). Я был знаком с одним бельгийским путешественником, пожертвовавшим 100 или 150 фунтов стерленгов и получившим этот орден за свое усердие. Мы ехали с ним до Байрута; орденская лента была нашита на его пальто и дорожный сюртук, и во всех монастырях, где только была возможность написать свое имя, новый рыцарь не иначе подписывался, как *Chevalier de...* Люди везде одинаковы, не смотря ни на какие образы правления!

Роскошный ужин ожидал нас в богато освещенной столовой Гаузера; всевозможные языки раздавались под ее сводами; слуги бегали и суетились; многочисленные путешественники с трудом находили для себя места за этой, далеко не великолепной трапезой; разные вина шипели в бокалах, шампанское лилось, — все поздравляли себя с окончанием долгого странствия, кто по бурному весеннему морю, кто по грустной, утомительной пустыне. Разговор шел о последней драке, случившейся за день до нашего приезда, в самом храме Воскресения, между армянами и католиками.

Должно сознаться, что благочестие христианское нередко бывает смущено и разочаровано при виде беспорядков и безчинства, часто повторяющихся среди многочисленных поклонников разных наций. Причины таковых надлежит отнести к интригам высшего духовенства различных вероисповеданий, не только не подающего собой примера христианской любви и веротерпимости, но как бы гордящегося своей ненавистью к прочим религиям, а также к младенчеству фанатизму подчиненных ему монахов и к простодушной уверенности в превосходстве своего исповедания перед прочими, с малолетства укорененный в простых, не развращенных религиозными сомнениями сердцах — главной части поклонников. — Драка, о которой говорю я, произошла от споров за несколько лишних минут богослужения, не правильно присвоенных католическим духовенством, в ущерб армянскому. Последние не выдержали этой, по их мнению, кровной обиды и не ожидая окончания службы католической, начали свою собственную; крестный ход католиков встретился с армянским. Священное пение прекратилось, начались объяснения, трудные в религиозных вопросах вообще, невозможные при чувствах ненависти и соревнования. От споров дошло до драки; кресты, хоругви и подсвечники употреблялись вместо оружия, сами Патриархи уже не в силах были остановить разъяренных толпы; их голоса терялись под сводами огромного храма, среди криков неистовой черни, между воплями и стонами несчастных жертв этого варварского побоища. Восстановить спокойствие домашним способом — было невозможно: борцы не слушали никаких увещаний, и только вид грозно нависших штыков ту-

рецкого батальона, введенного в храм по просьбе Патриархов, был в состоянии прекратить позорное это смятение. Множество раненых и несколько убитых были следствием этой церковной драки. Уверяли, что подобное происшествие должно было возобновиться, что праздник Св. Пасхи не пройдет без неистовств, и поэтому католическое духовенство, дабы предохранить себя от кровавых смятений, должно было вытребовать охранный караул, который я видел в храме.

Драки эти до такой степени обыкновенны в Иерусалиме, что тамошние жители смотрят на них, как на вещи весьма естественные. Большею частью они случаются тогда, когда праздники различных вероисповеданий приходится в одно и то же время. Для избежания столкновения в обрядах, каждое духовенство имеет свои часы для отправления богослужения: греки, как древние обитатели иерусалимские, первые совершают свое служение; по окончании его начинают католики (латины, как называют их вообще на Востоке); после них армяне, и потом уже копты. Мелочные интриги, постоянная ненависть между духовенством и очень часто личная злоба, — успевают найти средство раздора из этого постановления. Часы, назначенные для обрядов одного исповедания, еще не оканчиваются, когда другое вдруг начинает свое служение; случается, что крестные ходы различных религий сталкиваются один с другим в храме, не редко возле самой ротонды Святого Гроба: пение умолкает, служение останавливается, начинаются объяснения и споры; забыты христианское смирение и чинность духовных обрядов; брань и крики раздаются вместо гимнов; ни одна сторона, ни за что в мире, не согласится уступить другой; и наконец враждующие монахи, потеряв терпение, как лютые звери, бросаются друг на друга. Миряне, почитая долгом вступаться за своих пастырей, бьются иногда на смерть с противниками; богослужение заменяется варварским побоищем, и тишина восстанавливается только с прибытием вооруженной силы. Но разъединением соперников не оканчивается дело; защитники дают слово отомстить при первом благоприятном случае; между тем начинаются процессы: каждая сторона хочет непременно обвинить своих неприятелей; деньги собираемые с теплой веры и усердия поклонников, щедрой рукой сыпятся в Иерусалим и Константинополь для выиграния подобных процессов, которые оканчиваются обыкновенно в пользу партии, представляющей более другой самых звонких доказательств, в подкрепление своих претензий.

Эти ссоры случаются не в одни большие праздники, они почти ежедневны; малейшая причина бывает достаточно для самых варварских поступков. Иногда злоба монахов обязанных выметать и чистить церковь, несогласие звонарей и органистов, бывают поводом церковных побоищ и возникающих за ними нескончаемых процессов. Вот что происходит в стране, долженствующей быть примером для общей любви и христианского смирения!

В путевом журнале невозможно описать всех беспорядков, всех злоупотреблений и всех пронырств разных церковных властей в Палестине. Систематическое изучение их требует долгого наблюдения и многих познаний; оно недоступно для туриста, но можно сказать однако: что грубость и необразованность греческого духовенства, сопряженные с превосходящим всякую меру корыстолюбием и с самым невежественным лукавством, не только лишают его всякого почтения, на которое оно имеет столько прав по своему сану, но и поставляют его в невозможность противоборствовать успехам пропаганды католической, все более и более распространяющей ветви свои. Трудно проникнуть, не изучив на месте, всей хитросплетенной сети, коею окружила Восток политика папская. Цель ее очевидна: она медленно, но верно, приготовляет распространение католицизма, в ущерб православию; она пользуется всеми средствами, как праведными, так и житейскими, для достижения этой цели. Не дерзая явно проповедывать Слово Божие между магометанами, опасаясь в случае каких-либо религиозных покушений, встретить сильный отпор от греческих обитателей турецких владений, столь беспредельно преданных религии своих предков, пропаганда римская, по-видимому, оставляет в покое духовные свои притязания и все внимание обращает только на христианскую благотворительность: на учреждение доступных для всех людей, — для греков, для сирийцев, египтян и евреев, разных богоугодных заведений, на устройство школ, госпиталей, публичных библиотек и гостиниц для бедных странников.

Но эта благотворительность, эта евангельская любовь ко всем без различия вероисповеданий жителям Востока, не подкоп ли влиянию Церкви Православной? Не шаг ли для преобладания римского? Для достижения этой цели, по всем главным городам устраиваются, при богатых и великолепных церквах: госпитали, школы и библиотеки, снабженные всем, что для них необходимо. В госпиталях пользуются безденежно все больные, без различия вероисповеданий; в школы принимаются дети обоих полов, также даром и также без различия религии; библиотеки открыты каждому посетителю. Самые церкви католические приспособлены к идеям восточных жителей: в них устроены особые помещения для женщин, на хорах, за гаремными решетками; Евангелие, после латинского, читается по-арабски или по-турецки; проповеди провозглашаются на этих же языках, коими священники владеют в совершенстве. Митрополиты и подведомственное им высшее духовенство, получающие свое образование в Коллегиумах Рима, приезжая на Восток, вполне приготовлены к тем обязанностям, которые требуются от них правительством Церкви, и в короткое время ознакомившись с местными интересами, действуют усердно и единодушно для успехов предприятия.

Духовенство греческое, располагая достаточными материальными средствами для борьбы с римским, находится в каком-то эгоистическом

усыплении. Он не хочет пожертвовать личным стяжанием для пользы Церкви; оно как бы нехотя, устраивает то, без чего нельзя обойтись, и обращая все внимание только на временные и часто мелочные свои потребности, упускает из виду угрожающую будущность. Одним словом заметно и ныне, что пропаганда столь глубоко пустила ветви свои и столь хитро расставила сети, что духовенство греческое, с давнего времени помышлявшее большей частью только о личных интересах своих, не забывшееся о своей пастве и упустившее из виду ее образование и местные потребности, — должно будет со временем делать невероятные усилия, для удержания за собой уже оспариваемого первенства.

Между тем богатые сборы, сотнями тысяч рублей, ежегодно отправляются из России в Палестину; между тем сотни тысяч червонцев также ежегодно вывозятся из Валахии и Молдавии от доходов монастырских имений, приклоненных к Святым местам; между тем огромные суммы оставляются в Святой Земле множеством ежегодно сменяющихся поклонников. Деньги эти принимаются, собираются, иногда исторгаются с разными лукавствами и обманами от неопытных поклонников, принужденных в нужде и недостатке возвращаться на свою родину, — и исчезают, неизвестно где и как, редко достигая цели христианского своего назначения, или переходят, под разными предлогами, в руки частных лиц несколько не заботящихся о пользе общей.

Я видел монастыри греческие и монастыри латинские. При последних я видел школы, госпитали и удобные гостиницы для странников; видел монахов-лекарей, безвозмездно подающих помощь страждущим; видел сестер милосердия, терпеливо ухаживающих за больными, без различия их религии; — при греческих монастырях я ничего не видал. Удивительно ли, что жители Востока пристращаются к католицизму, что духовенство латинское приобретает там сильное и всеобщее влияние, и что влияние это распространяясь все более и более, со временем поставит католицизм на степень первенствующего там вероисповедания.

Миссионеры различных сект Реформации занимаются пропагандой на свой лад; религиозные убеждения их простираются большей частью на одних евреев, но и то поддаются им с большими трудами и недаром. Правда, деньги, платимые за обращение к христианству, действуют удачнее всех ученых проповедей, но зато неопиты оставляют религию Спасителя и обращаются снова к юдаизму, едва только Миссии прекращают им свои пенсии. Бывали примеры, что некоторые евреи неоднократно переменили свои религиозные убеждения, делая для себя тем самым довольно выгодную спекуляцию. Случается, что евреи, обращаясь в христианство, постепенно переходят от одного исповедания к другому. Один молодой израильтянин, приняв святое крещение по обрядам Православной Церкви, вскоре был привлечен к католицизму, но, услышав, что в лютеранское

столярное заведение преимущественно принимаются лютеране, он тотчас же отказался от Западной Церкви и, через несколько месяцев, снова обратился к религии отцов своих, когда за дурное поведение был выгнан из столярной. При мне рассказывалось это происшествие в библиотеке католического монастыря, и отец библиотекарь, пожав плечами, сказал со всем христианским смирением: no cambiati la distanza nel palazzo del diavolo!¹⁰ Как обнаруживает выражение это прикрытый фанатизм западного духовенства!

Наняв верховых лошадей и взяв с собой проводника отправились мы 12 марта осматривать окрестности. Утро было теплое, прогулка восхитительная. Мы намерены были объехать кругом город, и начав с ворот Давидовых, углубились в зеленую, восхитительную долину Иосафатову, опоясанную с одной стороны потоком Кедронским, с другой заслоненную высокими, безжизненными, гранитными горами. Мерными шагами переступали наши кони, осторожно пробираясь то между высокой травой, то промеж рассыпанных камней; неумолкаемо описывал местности проводник наш, рассказывая, — на каком-то, едва ли не одному ему понятном, наречии, — легенды церковные и происшествия исторические, — а библейские воспоминания сменялись одно другим, а истины евангельские как будто олицетворялись и возобновлялись, при воззрении на священные места сии. Каждый из нас дал свободный ход коню; никто не заставлял себя слушать чичероне, показывавшего, по обычаю всех проводников иерусалимских, под каким деревом отдыхал Божественный Мессия, или на каком камне он оплакивал ослепленную злобу гордых врагов своих. Каждый из нас занят был собственными думами, дорогими воспоминаниями христианскими, столь неразлучно связанными с воспоминаниями быстро протекших годов детства.

Мы приехали в сад Гефсиманский, — но ворота были заперты на ключ, и нынешнего его владельца, армянина родом и католика по религии, не было дома. Надлежало удовольствоваться одним наружным обзором. Непышен и небогат роскошной растительностью этот сад, где Мессия, как человек, в последний раз принес жертву природе, где в последний раз Он плакал и молился, где и скорбел и страдал он, приготавливаясь к страшной, к последней жертве. Через каменные, древние изгороди, веками связанные вокруг обросшей травой, виднелась купа нескольких масличных деревьев, по уверению проводника, живых свидетелей молитвы и душевных страданий Богочеловека, окрест все было грустно и мертво, все ужасало душу гробовой тишиной! Говорят, что сад Гефсиманский, и во время евангельские и после них, был одним из роскошнейших садов в иерусалимских окрестностях, но что нынешнюю бедность его должно приписать набожности многочисленных поклонников, из коих каждый старался принести на свою родину ветвь от священных деревьев его, в воспоминание

дальнего и опасного странствия. Нынешние поклонники тоже готовы не щадить остающихся деревьев; но для сохранения их приняты меры, и духовенство угрожает иногда анафемой простолюдинам, дабы удержать их от подобных попыток.

Местами взбираться на гору Элеонскую, загроможденную и справа и слева набросанными камнями, покрытую кое-где грустными масличными деревьями, изредка оживленную стадами коз и овец. И здесь, как в окрестностях сада Гефсиманского, все было пусть и уныло; ни одного христианского памятника не было воздвигнуто на горе, бывшей свидетельницей дивного Вознесения. На скале, с которой поднялся на Небо Искупитель Мира, устроена маленькая часовня, не имеющая ни одного образа, не украшенная никакой надписью; в нескольких шагах от нее находится мечеть, но и она едва ли не оставлена правоверными. Говорят, что здесь также разные вероисповедания христианские намеревались устроить монастыри свои, но несогласие и соперничество не дозволили ни одному из них прославлять, по своим обрядам, Вознесшегося, на месте Его Вознесения. Ныне, выстроенная часовня или, лучше, этот каменный шалаш — служат местом соединения всех духовенств, для празднования дня удаления от земли Богочеловека. Посреди часовни находится выдавшийся от скалы камень, с которого именно, уверяют, поднялся Искупитель. Усердие какого-то поклонника или монаха, в воспоминание сего чуда, вырезало отпечаток ноги человеческой на самом камне, а грубость и невежество проводников, уверяют: что Спаситель, вознесясь на Небо, оставил здесь следы ноги Своей. Ни одно Евангелие, ни одна церковная легенда, не говорят о подобном обстоятельстве, и самое духовенство считает его непростительной выдумкой.

Оставив часовню, мы подошли к мечети, и стороживший ее старый турок очень любезно пригласил нас войти на минарет, чтоб полюбоваться видом Иерусалима. Мы не заставили повторять это приглашение, и последовали с радостью за седобрадым нашим вожатым.

Трудно было подниматься по узкой и крутой лестнице минарета, но, войдя в устроенную в самой верхней части его светелку, — удивлению и наслаждению не было конца. Весь Иерусалим, будто нарисованный, явился перед нами: мы могли пересчитать все его разбросанные куполы и минареты, могли, с помощью нашего [Guide des voyageurs](#)¹¹, определить и отличить все главнейшие его здания, могли рассмотреть все холмообразные его твердыни. Мечеть Омара, с чудесными галереями легких, воздушных колонн, с пространными дворами и беломраморными площадями, была видна нам с вершины минарета, как из окон дворца Пилатова, откуда иногда позволяют смотреть на нее, и то за порядочный бакшиш, любопытным европейцам¹². Все ворота Иерусалима, его зубчатые, кое-где уставленные пушками стены, окружая его со всех сторон, приводили на память имена

христианских героев, павших на них, при бранных возгласах: Dieu le veut! Dieu le veut!¹³ Библия и Тассо были неразлучными спутниками нашими, во время странствования по Палестине; мы их читали и здесь, попеременно восхищаясь то умильной простотой вековых поэтов Сиона, то великолепными октавами творца Освобожденного Иерусалима.

Обходительный хозяин минарета, рассчитывая на порядочный бакшиш, радушно угощал нас вареньями с прозрачной, холодной водой, прекрасно приготовленным кофе и чистыми, со всей восточной изысканностью наполненными трубками; меж тем мы, освежаемые легким весенним ветром, спокойно развалившись на мягких диванах, любовались всем, что видели ныне, мечтали о всем, что читали и что изучали. И живо представилось мне то время, когда Иерусалим, — данник Римский, пышная столица Ирода, — вступил впервые в мировую славу свою, когда проповеди и притчи Мессии впервые возвестили непреложные истины, долженствовавшие произвести всеобщий переворот в политическом и религиозном быте Вселенной и вывести человечество из заблуждений и неверия, в которые было ввержено оно, в следствие ложных направлений.

Роскошен и шумен был Иерусалим тогда, — в царствование Ирода, вассала Августа: многолюдные его улицы кипели жизнью и довольством, дворцы и цирки блистали богатством, ристалища покрывались великолепными колесницами; самый храм Бога Единого, хотя далеко уступавший в красоте и великолепии древнему храму Соломонову, сиял в мраморе и злате. Зодчий и ваятели римские ничего не упустили, чтоб воздвигнуть его по желанию щедрого и расточительного Государя. Сам Ирод, воспитанный при дворе римском, друг кесаря, не жалел ни доходов государственных, ни собственного достояния на блеск храма, столь драгоценного сердцу евреев. Искусство и огромные богатства, украшавшие храм этот, наконец поставили его на степень уважения народного; богачи и бедные одинаково гордились им, одинаково признали его святыней отечественной, и готовы были не щадить никаких усилий для его славы и благосостояния. Ненавистны были князьям Израиля предприятия идумсянина, тяжело иго государя иноземного, но народ редко разбирает внутренние побуждения; наружный блеск привлекает его незаметно к нововведениям: поэтому народ еврейский недолго противился всем замыслам Ирода, и скоро свyksя с ним и с пышным двором его.

Иерусалим, не слушая порицаний малого числа партизанов старины и национальности, незаметно начал сближаться с обычаями римскими: театры и цирки, великолепно выстроенные щедростью Ирода, ежедневно кипели народом; молодое поколение, желая угодить своему Государю, принимало обычаи и даже язык Рима; разврат и утонченное варварство Италии видимо и смело вкрадывались в нравы израильтян и были внесены в столицу их, вместе с государем данником, вместе с проконсулом, насто-

ящим и своевольным правителем побежденного народа, вместе с легионами императорскими, обязанными защищать покоренную страну от внешних неприятелей и в то же время сохраняют ее в страхе и повиновении!

Празднества, игры и ристалища сменялись одни другими. Двор и проконсул были покровителями утех народных; искусства и науки, вместе с изысканными произведениями разных стран переплывали море Средиземное; Рим, Афины, и Антиохия снабжали Иерусалим своими художниками, актерами, гладиаторами, риторам, прелестницами, невольниками, национальная ученость, состоявшая в философско-религиозных прениях, царствовала по-прежнему в великолепном храме. Религиозные споры фарисеев и саддукеев одни поддерживали тень самостоятельности еврейской в этом вихре подражаний образу жизни и занятий римских, и они же, опутав сеть своих изысканий и несогласий ученых и первосвященников Израиля, отвлекли их внимание от святых и чистых истин, провозглашаемых Небесным Учителем в пустынях Иорданских и среди столицы, и они же не позволили им понять время, столь ясно рассчитанное и предсказанное древними пророками, столь нетерпеливо ожидаемое ими самими, — время пришествия Мессии!

Между тем погибал мир древний, между тем нравственно разрушался вечный Рим со всеми отдаленными, богатыми его провинциями. Вся машина общественного и политического устройства древних готова была рушиться; она действовала, как будто по навыку, бессознательно. Религии не существовало нигде, никакой, она была подкопана философией, древние обряды ее казались смешными в глазах ученых римлян и греков; оракулы не прорицали, — их подлоги были слишком уже грубы для современной образованности; миры поэтов умолкли, — одна сатира находила себе повсюду обильную пищу. Кое-где, но неясно, без уверенности, высказывались начала иной религии, долженствовавший нанести последний, решительный удар древним верованиям; но начала эти хранились только в недрах высшей учености, их провозглашатели нередко платили жизнью за свои мнения, а народ оставался по-прежнему без теплой веры, без нравственного направления.

Самое устройство древнего общества оказывалось не современным: связи родства были разрушены; женщина потеряла неотрицаемые права свои; святость брака была попорана и замещена развратом, допускаемым законами. Участь рабов и все постановления, относящиеся до этих несчастных, приводили в ужас современников. Обуздания пороков не было: императоры, их приближенные и патриции гордились своим развратом. Наказания придумывались для рабов и для тех, кто не нравился сильным, кто был столь слаб, что не мог защитить себя. Законы существовали на пергаментях, — в сущности они заменялись лицепрятием. Общество погибало: человек, изнемогая от лени и разврата, добровольно сложил с себя

имя гражданина, члена общества и человека, — добровольно делался игрушкой капризов того лица, от которого он ждал себе выгод, — добровольно, подобно животным, жил одной чувственной, материальной жизнью, не заботясь ни о каких нравственных потребностях, — добровольно отрекался от всех связей родственных, и существовал собственно своей особой, не зная никого, кроме своего собственного эгоизма.

Так было в Риме, в эпоху, предшествовавшую рождению Спасителя; так начинало быть и в Палестине и повсюду, куда заносились орлы римские, — во всех провинциях всесветной Империи. Но настала пора искупления: Искупитель явился во всей умильной простоте своей, и заря возрождения просияла над древним миром. От пустынных берегов Иордана и Моря Мертвого до цветущих холмов Назарета, от озера Галилейского до шумных площадей Иерусалимских, раздалось Слово Воплощенного, и это Слово пересоздало мир древний, возвысило человечество и поставило его на ту степень в звене творений, на которую был возведен он Творцом своим при начале бытия и от которой уклонился, вследствие своих заблуждений. Не богатые и не знатные последовали за Божественным Учителем: новая Религия, проповедовавшая чистоту нравов и любовь к ближнему, отвергающая разврат и эгоизм, была слишком тяжела для них, была недоступна для них, и поэтому она не могла быть ни понята, ни усвоена учеными и богатыми израильянами. Двенадцать бедняков, с сердцем чистым, не испорченным современной ученостью, удаленные от общества знатных, одни были призваны к восприятию Небесного Учения; им одним было вверено свыше возвестить его по всем странам вселенной.

Три года раздавались в Палестине святые и чистые проповеди из уст Самого Богочеловека, три года приводили они в изумление ученых Израиля, не понимавших вековых и непреложных истин, и отрицавших неразгаданные чудеса, творимые Мессией; но тем не менее учение распространялось: народ бежал за Иисусом, повсюду называл Его своим Учителем и, при наступлении национального праздника, встретил Его торжественно в Иерусалиме, устилая дорогу пальмами и оглашая воздух криками восторга и радости. Тогда только поняли угрожавшую им опасность еврейские правители и философы, тогда вооружились они предоставленной им властью и, ужаснувшись быстрых успехов Евангелия, решили уничтожить их одним ударом, — предав позорной смерти Искупителя.

Шумен и многолюден был Иерусалим в последнюю эпоху древний еврейских праздников, предшествовавших новой эре: волны народа, по обыкновению, притекли в него из всех городов Царства Иудейского; в храме и на площадях отдельные группы рассуждали о речах нового Пророка; многие были очевидцами необъяснимого исцеления больных; другие, полные страха и волнения, рассказывали о воскресении мертвых, о восстании из гроба Лазаря. Жители Вифании видели самого мертвеца, бледного, по-

крытого погребальными одеждами, — выведенного из глубокого жилища своего единым словом Иисуса, сына Марии и Иосифа. В оцепенении стоял изумленный народ; он старался объяснить себе все виденное и слышанное; с детства вкорененное ожидание Мессии невольно приходило на ум, невольно говорили многие: «Пришло время Израиля! Воистину Мессия явился между нами!»

Между тем первосвященники, фарисеи и ученые недоумевали в пышных чертогах своих, что предпринять им при очевидном волнении умов, при ежедневно усиливающемся подрыве их власти, при угрожающей опасности скорого изменения старого порядка вещей оставалось одно средство, — поправить общественное мнение, схватить Назарянина, разогнать его последователей и, в случае волнения народного, обратиться к Проконсулу и представившему новое учение — угрожающим владычеству римскому.

Это средство было одобрено в ночных совещаниях Анны, Каиафы и их советников. Оно приведено в исполнение, благодаря равнодушию Понтия Пилата, обманутому лукавыми наветами, и странному слухом о народном волнении и дрожавшему при мысли об ответственности перед лицом Сената и Императора.

Совершен суд, столь умирительно описанный евангелистами; смертью Богочеловека запечатлелась великая тайна Искупления, но не умерло вместе с Распятым Божественное слово Его, открыто и твердо, не взирая ни на какие, происки, не страшась никаких преследований, вступило оно в борьбу с прежними верованиями, и скоро воцарилось оно по всем концам вселенной, — изумив свет чистотой небесных истин своих!

Так рассуждал я сам с собой, глядя на нынешний Иерусалим и приводя на память всю историческую его судьбину; между тем была пора ехать в город, мы спустились с горы Элеонской, и поскакали к Кедрону.

Множество иссеченных в скалах гробовых пещер невольно привлекают на себя внимание перед самыми воротами города. Некоторые из погребальниц этих заключают ряды комнат, почти все имеют между собой сообщения, почти все сберегают в недрах своих останки мощных мужей Израиля. Следуя далее, вы видите налево вечно-темную, вечно-грустную и страшную погребальницу странников и злодеев, — место, купленное за 30 сребренников, возвращенных предателем. И что-то ужасное тяготит грудь при виде этого чернеющего пригорка, заклеянного богоотступным предательством, и какой-то голос таинственный напоминает о справедливом воздаянии в будущем; вы невольно торопите коня, чтоб скорее проехать грустные места эти, — и вот прозрачный и живой источник Силоама внезапно обрадует утомленные постоянной каменистой безжизненностью глаза ваши.

Будто вырос между скалами этот, разукрашенный богатой зеленью, весело струящийся, исторический источник, свидетель чудес Спасителя!

Довольно хорошо сохранившаяся часовня, окрест обсаженная ветвистыми деревьями, всегда кипит молящимися странниками, всегда наполнена толпами иерусалимских обитателей, приходящих в знойные дни утолять жажду свою священной влагой Силоама. Дика и неприветлива окрестная природа в местах этих: куда не посмотрите, везде голые утесы с чернеющими пещерами, везде серые камни с пролегающей между ними дорогой в Вифанию, не гостеприимен кажется и библейско-поэтический Сион, заслоненный с этой стороны высокой, зубчатой стеной. Одна купель Силоамская оживляет всеобщее уныние, одна она веселит взоры и сердца путников.

Поворачиваешь в сторону и углубляемся, между скалами и рывинами в погребальные пещеры царей и пророков. Гробовое спокойствие их не нарушается и ныне, ибо и теперь вокруг их нет ни малый шаг селения. Пещеры эти находятся в совершенном запустении, и нередко служат складом нечистот; самый доступ к ним не легок также. За неимением дороги, должно далеко оставлять лошадей, пробираться пешком между острыми камнями, перескакивать разные ямы, скатываться в рывины и предпринимать все это, совершенно без всякого вознаграждения. Эти царственные усыпальницы далеко не похожи на погребальные чертоги фараонов Фивской династии; наружный вид их избит и изуродован до крайности а внутренность, засыпанная горами земли и мусора, едва позволяет проползть на коленях в первую комнату. Такова, по крайней мере, пещера Давидова, сохранившаяся, как уверяют, лучше прочих.

Проехав далее, проводник объявил нам, что мы приближаемся к гроту Иеремии, в котором пророк этот оплакивал предвиденное им разрушение гордого Иерусалима. Грот находится в каком-то селении, и его хозяин, родом турок, не хотел впустить нас осмотреть его внутренность. Начались споры и объяснения: оказалось, что владелец грота, не получив бакшиша от каких-то путешественников, осматривавших его за день до нашего прихода, — решил не позволять входить туда никому более. Мы заплатили щедро; деревянные ворота растворились, и, задобренный хозяин, сам вызвался сопровождать нас по всем углам своего владения. Труд не большой, ибо весь грот был весьма малого размера, и походил на древнюю каменоломню, как должно было заключить из неровных углублений, оставшихся от высеченных из них камней. Вся внутренность его не имеет ничего замечательного; она была наполнена разными досками и боченками, — хозяйством нынешнего своего властелина.

Гробы Иосафата и Захарии и памятник Аввесалома как тысячелетние часовые, сторожат разметанные окрест себя громадные камни. Гробница Аввесалама, если она точно произведение времен Давидовых, невольно поражает игривостью своих размеров и чистотой отделки. Эта небольшая гранитная беседка, с легко накинутым гранитным же куполом, невольно

напоминает храмы Греции, и смелостью архитектуры заставляет сомневаться в действительной принадлежности праху Аввесалома. Несмотря на это, и ныне набожные евреи, проходя мимо этого памятника, долгом считают бросить камень, в знак презрения к гробу сына, возмутившего спокойствие Израиля междоусобной войной против отца своего.

Миновав все семь ворот Святого города, мы вступили в Сион той же стезей, которой выехали, и, поворотив налево, постучались в двери богатого монастыря армянского. Он выстроен на месте палат Каиафы и владеет, говорят огромными вкладами, щедрыми приношениями банкиров Константинопольских и дарами зажиточных обитателей Грузии и Армении. Гостиница этого монастыря ежегодно вмещает в себе сотни богомольцев, приходящих сухопутно на поклонение и содержимых, без всякой платы, на полном монастырском иждивении; она снабжена всем необходимым для странников, и проживающие в ней грузины и армяне, с которыми случилось мне разговаривать, отзываются с восхищением об этом национальном своем приюте.

Нас впустили немедленно в монастырское здание, и отец-привратник охотно показал нам все его достопримечательности. Церковь устроенная на самом месте темницы Спасителя, хотя не блестит внешним богатством, но замечательна своей чистотой и опрятностью; смотря на нее, невольно забываете, что находитесь в Иерусалиме, невольно думаете о запустении церквей греческих. За алтарем устроена светлица: в которую, после допроса перед лицом первосвященника был введен Искупитель, поразивший истиной ответов несправедливых судей своих. За церковью, на дворе монастырском, показывают место, где апостол Петр, уstraшенный всем виденным в ночь предательскую, отрекся от своего Божественного Учителя. Жестяной петел, служащий украшением колодца, ископанного неподалеку этого места, напоминает и теперь подробности ночи, во время которой был привлечен из сада Гефсиманского Искупитель человечества. Недалеко от этого монастыря находится полуразвалившаяся мечеть Давида; она была прежде монастырем католическим, и выстроена на том месте, где в последний раз Спаситель вкусил Пасху с учениками своими, на месте Тайной вечери. Теперь здание это похоже на какой-то караван-сарай, и служит только предлогом для сбирания бакшишей с осматривающих его поклонников.

Усталые кони наши отказывались идти далее; они спотыкались на каждом шагу по неровным улицам; мы также не прочь были от отдыха, а потому решились окончить прогулку, осмотрев квартал еврейский.

И здесь, как везде, где живут потомки Израиля, — улица их теснее и грязнее всех прочих частей города. Мы заходили в несколько синагог, — все они бедны и отвратительны.

Наступала суббота; нам говорили, что евреи имеют обыкновение собираться плакать над остатками древнего храма своего. Туристы не должны

ничего упускать из виду; а потому и мы охотно пошли смотреть на это обыкновение. Миновав базары и пробравшись по бесчисленному множеству закоулков, достигли мы до стены действительно выдающейся вниз холма Мориа. Римское расположение плит, искусно пригнанных одна к другой, говорило за себя: действительно, это может быть, был остаток стены от храма Ирода. Несколько старых евреек, два или три оборванные израильтянина стояли облокотившись на эту стену, и показывали вид плача; маленький полунагой жиденок ревел весьма усердно, но, верно, не от религиозных воспоминаний. Смешно было это обыкновение, но мы не смеялись, боясь нарушать какие бы то ни было убеждения. Приехавшие вскоре после нас английские путешественники были не столь снисходительны, как мы; они громко начали издеваться над простодушными евреями, и выведя их из терпения, едва не заплатили дорого за свою наглость и необразованность.

Христиане Востока, нередко смущаемые и преследуемые при отправлении религиозных обрядов, имеют обыкновение, подобно первовековым последователям учения Спасителя, запираются на несколько дней в храмах, для мирного проведения дней годовых праздников в посте и молитве. Обыкновение это свято исполняется, как греками, так и католиками в Иерусалиме, особенно во время праздников Святой Пасхи. Греки поселяются в храме Воскресения с среды на страстной недели, и выходят только после заутрени и литургии на Светлое Воскресение. Католики вступают в храм с пятницы, и оставляют его тоже в воскресенье.

Я пошел в церковь. Обе огромные двери ее были настежь; толпы, без различия пола и возраста, без различия вероисповеданий, шли за толпами; храм уподоблялся какой-то гостинице, куда сходились приезжающие. Католические монахи различных орденов, богомольцы разных наций, армяне и греки-католики в национальных костюмах, старики, женщины и дети, — все стекались сюда, с намерением поселиться на два дни, и поэтому каждый тащил за собой свой скарб и свою провизию. Слуги и разношники несли за господами их перины, подушки, одеяла и корзины с постными кушаньями; бедняки бежали с ковриками и узелками, — каждый торопился забраться прежде других, чтоб захватить себе местечко поудобнее и спокойнее. Брань, крик, смех, говор и шарканье — заглушали самое церковное чтение. Между тем — духовенство продолжало отправление Богослужения, и нимало не обращало внимание на эти беспорядки: оно издавна присмотрелось к ним! Все углы храма были заняты: богомольцы расстилали в них постели свои, раскладывали вещи и провизию, и поселялись, как дома. Хоры сберегались для почетных и богатых; временное пребывание на них уже устраивалось с некоторым комфортом: делались нары из досок для постелей, раскидывались ковры, устанавливались столики и стулья. Келии монахов, прислужников при Святом Гробе, отводились для помещения духовенства.

Одна Голгофа, грозная и таинственная, стояла в стороне от этих сует религиозных! Благодаря уединению и малости пределов своих, она была устранена от ничтожества житейских предрассудков!

В назначенный час, затворились двери храма; мусселим запер их на ключ, и только одно маленькое окно открывалось при самой крайней надобности, и то не без бакшиша.

Недостаток надзора за многочисленностью прихожан, располагающихся, как дома, по разным отдаленным и темным углам обширного храма, невежественный предрассудок восточных женщин¹⁴ — служили, говорят, поводом для разных беспорядков, при этом церковном обычае, а готовность многих протестантских миссионеров порицать все обыкновения церкви восточной и западной, пользуется этими беспорядками для преувеличения их столь отвратительными слухами, что сердце отказывается верить им при всем видимом развращении восточных нравов.

В страстную субботу, столь умирительно празднуемую у нас в России, все было мертво и уныло в Иерусалиме: храм не растворялся весь день, опустела улица Сионская, опустела даже шумная площадка, преддверие церкви. Греки и прочие христианские вероисповедания лишены были служения своего, по случаю католических праздников. В воскресенье тоже уныние, та же пустота в городе; возвратившись рано по утру домой из церкви, поклонники и духовенство отдыхают от усталости.

В гостинице Гаузера составлялся караван путешественников, для посещения Иордана, Мертвого моря, монастыря Св. Саввы и Вифлеема; на обзор этих мест полагалось три дня; я пристал к каравану, не желая пропустить удобного случая.

Надобно быть на Востоке, чтоб понять, сколько предстоит мелочных хлопот, затруднений и издержек при малейшей прогулке вовнутрь страны. Надлежит найти опытного и расторопного драгомана, который согласился бы: продовольствовать вас во все время дороги, приискать хороших лошадей с европейскими седлами, взять надежных проводников, нанять мулов для тяжестей, найти порядочного повара. Несколько дней проходит в переговорах и торгах с разными драгоманами: все они представляют множество свидетельств, обыкновенно выдаваемых им путешественниками, все выхваляют свои познания и запрашивают за труды свои деньги баснословные. Кое-как вы оканчиваете с тем из них, требования которого не столько высоки, как прочих его товарищей, приходит дело до контракта обыкновенно заключаемого в канцелярии того консульства, под покровительством коего находится драгоман или путешественник.

Тут другая история: в присутствии консула, драгоман высказывает совершенно новые требования, о которых не упоминал прежде, и не соглашается на ваши предложения. Для приведения в ясность каждой статьи контракта, надлежит употребить иногда более получаса времени, должно

спорить за каждую безделицу. Наконец, после долгих рассуждений и совещаний, дело устраивается: контракт подписан обоими сторонами, вы платите драгоману половину условленной суммы, он объявляет что находится совершенно в вашем распоряжении; вы полагаете, что все кончено, — ничуть не бывало. На другой день драгоман является чуть свет с жалобами на разные трудности и неудачи при заготовлении всего необходимого в пути, он показывает вам свои закупки, и просит прибавить что-нибудь сверх условленной платы; новые споры и возражения, новые уступки, между тем вы замечаете, что находитесь в его власти, ибо половина денег уже ему выдана. Через несколько дней начинается проба товара, вина и лошадей; весьма часто все бывает скверно; драгоман доказывает, что все прекрасно; вы требуете перемены того, что вам не нравится, и драгоман видя вашу настойчивость, наконец все устраивает по вашему желанию.

Главная забота устранена, — остается еще обделать многое. Должно нанять стражу, для охранения вас и пожитков ваших от разных воровских покушений; это не большие хлопоты: каждый путешественник, внося шейху бедуинов за свою особу по два фунта стерлингов, смело может быть уверен в своей безопасности. Необходимо снарядить собственную аптеку, для вспомоществования себе или своим товарищам, при ранах, ушибах, укушениях ядовитых змей, скорпионов и при других, тому подобных обстоятельствах, легко могущих случиться во время странствия по Сирии. Наконец надлежит пометить паспорта у разных властей города, и исходатайствовать у Греческой и Католической Патриархий циркулярные предписания подведомственным им монастырям о принятии вас в недра оных. Эти предписания столь необходимы, что ни одна обитель не впустит вас в священные стены свои, если вы позабудете запастись ими.

Долго хлопотали мы для составления нового каравана; наконец, все условлено, все обсуждено и придумано, все приведено в порядок. Я присоединился к двум бельгийским путешественникам, и мы решили, посетив Иордан, Мертвое море, монастырь Св.Саввы и Вифлеем, возвратиться снова в Иерусалим и, прожив здесь еще несколько дней, ехать сухим путем в Бейрут, держась побережья Средиземного моря.

16 марта мы сели на лошадей и выехали, через ворота Архидиакона Стефана, на дорогу Иерихонскую. Общество наше состояло из 15 разноплеменных путешественников; следовательно, весь караван, с драгоманам и многочисленной прислугой, заключал более ста вьючных и верховых лошадей, не считая трех сотен бедуинов, сопровождавших нас, для защиты в случае встречи с за-иорданскими разбойниками. Выехав за ворота, мы остановились на зеленой поляне, чтоб подождать отставших и устроиться, по обычаям, для правильного похода.

Вид нашего общества был оживлен и пестро разнообразен. Он был, поистине достоин кисти любого художника. Сыны Альбиона, в множестве при-

езжающие из Европы и Индии, усваивают себе какие-то особые костюмы для путешествия. Они обыкновенно драпируются в полосатые шотландские плащи, из-под которых выставляют на показ свои длинные охотничьи ножи и пистолеты, а головы убирают круглыми шляпами, полузакрытыми, вроде чалмы, большими кусками батиста и, непременно, снабженными зелеными вуалями. Батист назначается для предохранения джентlemenов от удара солнечного, а вуаль — для защиты лиц их от загара. Французы и бельгийцы приезжая на Восток, любят одеваться, с головы до ног, по-восточному, уверяя что туземцы не оказывают достаточного уважения к их парижскому платью. Мы, русские, нигде не расстаемся с своими серыми шинелями, и по ним узнаем друг друга во всех странствованиях.

Караван собрался и устроился. Путешественники выехали на первую линию; позади их следовали слуги и драгомань; мулы замыкали шествие; а ловкие бедуины, с их желтосмуглыми лицами, ярко рисовавшимися под белыми головными уборами, с распущенными по ветру бурнусами, держа на плечах свои длинные и гибкие копыя, грациозно скакали на бойких конях — в голове, по бокам и в конце каравана.

Проехав небольшую зеленую долину, свидетельницу мученической смерти первого страдальца за учение Спасителя, — архидиакона Стефана, — углубились мы в безжизненные горы Иудейские. Проезжать их было истинное наказание: наемные лошади, обыкновенно употребляемые для дальних разездов, отстоявшись несколько времени в городе, в первые дни путешествия мучат седоков своих без пощады; они то и дело, грызутся между собой, лягаются, кружатся, взвиваются на дыбы и ежеминутно, кажется, готовы сбросить вас в какую-нибудь пропасть или на острые камни; сидеть на них в первый день дороги очень неприятно; потом лошадь привыкает к вам, вы привыкаете к лошади, и едете спокойно, и к концу дороги не милосердно погоняете ее хлыстом, ибо она уже истомлена и едва передвигает ноги.

Вифания, место чудесного воскресения Лазаря, была перед нами. Она отстоит от Иерусалима не более, как на полтора часа езды, окружена отвсюду каменистыми горами и, будто оазис между ними, расстилается узорчатым ковром разнообразной зелени. Все пусто и уныло здесь: жители небольшой деревни бедны и малочисленны; поклонники стекаются сюда только в день, посвящаемый церковью на воспоминание о чудесном Воскресении Лазаря, в обыкновенные дни богомольцы собираются редко, боясь быть ограбленными в дороге.

Оставив за собой зеленое ущелие Вифании, мы ехали по постоянно скучной, каменисто-горной пустыне. Странствование грустное утомительное, но наполненное библейскими воспоминаниями! В горах этих, сорок дней провел Спаситель в посте и молитве, пред начатием божественного учения Своего; здесь отверг Он житейские искушения духа тьмы; непо-

далеку отсюда раздалось впервые Слово Воплощенного; об этих местах нередко упоминал Он в проповедях и притчах своих, и в нескольких шагах отсюда, в долине Вифании, совершено было последнее чудо в земной жизни Искупителя.

Мы двигались медленно, выбирая по возможности удобную дорогу и, через 5 часов езды, достигли до последних иерихонских возвышений. Благодаря ясной, чудесной погоде — вид был восхитительный, при всей грозной красоте своей. Ни одного луга, ни одного деревца — на необъятном пространстве; везде гранит и утесы, везде чернеющие пропасти; вдали — чуть виднеющаяся зеленая равнина Иерихонская, а в самом конце ее — едва достигаемый оком, ярко струящийся Иордан между кучами деревьев!

Сердце невольно содрогалось при виде этих величественных противоположностей; глаза непрерывно устремлялись вдали: что-то таинственное шевелилось в душе, но предаваться восторгам было не место и не время; надлежало смотреть ежеминутно под ноги лошади, ибо переход был самый опасный.

Направо от нас возвышалась огромная, разрушенная стена, принадлежавшая, Бог знает, какому зданию. Была ли то развалина какого-нибудь благочестивого монастыря, или руина средневековой крепости, феодальный замок палестинского рыцаря, — наши путеводители не могли объяснить нам. Никакого остатка строения не было видно за стеной; одни громадно наброшенные кирпичи валялись по дороге, до самой пропасти, находящейся налево и будто готовящейся поглотить странника, который вздумал бы впиться взорами в зияющую черную бездну ее. Мы должны были пробираться по этим кирпичам, ибо их объехать не возможно, должны были делать тысячи кругов и поворотов, спускаясь, друг за другом, почти по отвесной скале, на засыпанную камнями вековых развалин долину. Приученные к подобным путешествиям кони, почуяв опасность, внезапно присмирели: они шли спокойно и осторожно; мы только поддерживали их, но не позволяя спотыкаться.

Преодолев какую бы то ни было трудность, человек любит повеселиться: так и мы оставив за собой грустные горы, понеслись с радостью по широкой Иерихонской долине; не более, как в час доброй езды, через 6 часов по выходе из стен Иерусалима, мы были уже у развалин Римского водопровода, на месте обыкновенного привала караванов. Окрестность как будто ожила при нашем появлении: зеленые и белые шатры раскинулись близ светлого ручья; десятки голосов заговорили вдруг весело и громко; ржали расседланные кони; хлопотали слуги, пели песни и рассказывали сказки наши хранители — бедуины; а полная луна, фантастически бросающая свет свой между деревьями и кустарниками, великолепно освещала всю картину нашего табора.

Кроме развалин водопроводов, здесь нет никаких древностей; самая арабская деревня, устроенная, как говорят, на месте древнего ветхозаветного Иерихона, теперь оставлена жителями.

На другой день, рано утром, поезд наш двинулся к Иордану. Караван разделился: тяжести, кухня и лишняя прислуга, под прикрытием половины конвоя, отправилась прямой дорогой, в монастырь Св. Саввы; мы, налегке, пустились к цели нашей поездки. Утро было чудесное и невольно располагало к веселости; лошади играли и шли бодро по ровной долине; шутки, смех и разговоры не умолкали; проводники-бедуины заскакивали вперед, спешивались с коней и, выхватывая из чехлов свои винтовки, неожиданно рассыпались по кустарникам, будто осматривая, не скрываются ли в них разбойники. Мы знали, что эти меры предосторожности были не более, как игрушка: ибо, видя нашу многочисленность, никто не осмелился бы нас беспокоить; но бедуины столь добросовестно играли свою комедию, что, смотря на них и любуясь их ловкостью и воинственной отвагой, мы не заметили, как приблизились к реке евангельской. «Иордан!» закричал кто-то впереди, «Иордан! Иордан!» раздалось из уст всякого, и каждый невольно стиснул ребра коня, и все мы поскакали к священным водам Иордана!

Не широка и не глубока река эта, свидетельница непостижимого Богоявления; величаво и беспрепятственно катит она мутные волны свои между невысокими берегами, покрытыми, с обеих сторон, едва проходимыми тростниками и раскидистыми ивами! Вытекая из гор Антиливанских и орошая большую часть Палестины, Иордан теряется в таинственных и негостеприимных волнах Мертвого моря и, подобно всем горным речкам, гордится богатством вод своих, или значительно теряет их, смотря по времени и по погоде, какие стоят на кедровой вершине Ливана.

Подъехав к Иордану, каждый из нас сбросил одежды и погрузился в священные волны, каждый наполнил водой нарочно приготовленную в Иерусалиме жестянку, каждый вырубил себе посох из ив, растущих на берегу его.

Под слабым управлением пашей турецких, иорданская долина, действительно, сделалась вертепом сирийских разбойников. При посещении этой части Палестины, благонадежный конвой — первое условие; иначе те же бедуины, которые обыкновенно охраняют платящих за свою безопасность, имеют обыкновение грабить и убивать других путешественников, которые надеясь на собственную многочисленность, или полагаясь на официальные уверения о спокойствии страны, поспеют внести за себя их шейху по 2 фунта стерленгов.

Подобное происшествие случилось около того времени, когда я посетил Палестину. Какое-то Английское общество, составленное из разных джентлементов и леди, не соглашалось, по британскому упрямству, пла-

тить общепринятой подати. Напрасны были возражения их драгомана, напрасны увещания самого консула, — чудаки уверяли, что они не позволяют ограбить себя презренным бедуинам, что все они хорошо вооружены и довольно многочисленны, и поэтому не намерены бросать даром полновесных гиней своих, в угоду обветшалым обычаям. Выехали, благополучно дошли до Иерихона, спокойно переночевали там, добрались на другой день до Иордана и, гордясь своей неустрашимостью и подсмеиваясь над опасениями драгомана, весело принялись странствующие искатели сильных ощущений — кто за свой завтрак, кто за альбом, под сенью развесистых ив и акаций. Вдруг десятки пуль полетели в них из-за Иордана; вдруг множество всадников, явившихся, неизвестно откуда, бросились на их пожитки. Смущенные неожиданностью натиска, оглушенные внезапностью гортанных криков, отважные путешественники не думали защищаться, а бедуины, угнав их лошадей и мулов, не сделали им никакого вреда, и скрылись. Раскаиваясь в неуместной отваге, несчастные должны были идти несколько часов пешком, томясь от голода и жажды, изнемогая от странствия по глубоким пескам и едва приступным утесам. Мщение, жестокое лишение должно было вознаградить их за претерпенные страдания; фаланга и отрубленные головы — могли только удовлетворить оскорбленной чести британского имени. С подобными чувствами, добрались до стен Иерусалима добровольно накликавшие на себя беду страдальцы, — и там явились с грозным протестом к консулу. Паша, которому были переданы их жалобы, по несколько раз заставил рассказать себе все подробности несчастного приключения, и основываясь на показании обиженных, что нападение началось выстрелами из-за иорданских тростников, — объявил, что разбойники принадлежат, по-видимому, к Пашалыку Дамасскому, и что по этой причине он не в состоянии сделать ограбленным никакого удовлетворения. Они поехали в Дамаск, клянясь отыскать своих злодеев и жестоко рассчитаться с ними, по всем правилам танзимата; но вероятно, и там тяжба их с бедуинами пойдет не так успешно, как они воображают.

Оставив цветущие берега Иордана, в продолжении двух часов мчитесь вы по грустной, песчаной равнине. Ни одного селения, ни одного животного, ни одной птицы не встретите во всю дорогу; везде не прерываемая тишина, повсюду вековое усыпление. Бледно-серые вулканические горы — непроницаемой цепью окружают медленно зыбящееся между ними Мертвое море; сугробы песков — однообразной пеленой застилают всю равнину.

Не щедро и негостеприимно море это, оправдывающее грозным видом своим данное ему название. Ни одна ладья не скользит по девственным волнам его; никакая рыба, никакое чудовище не обитает в неразгаданных недрах; самые испарения, подымающиеся от его влаги, смертельны для человека и для животного, и потому далеко отходит от ужасного соседа

всякое существо, одаренное жизнью, и только изредка отважные бедняки приходят из отдаленных деревень собирать на берегах его выбрасываемую им пену (bitumen de Judee),¹⁵ из которой выделяются разные ничтожные вещицы.

Полдневный жар палил нас беспощадно; никакой ветерок не колыхал неподвижную поверхность моря, а вдали, куда едва досягало око, густые туманы непроницаемой завесой расстилались от волн до самого неба.

Так вот это таинственное Мертвое море, не позволяющее доселе проникнуть в грозную даль свою ни одной ученой экспедиции, море Лотово, как называют его арабы, где, по словам бытописания, сожжены огнем небесным богатые и цветущие грады: Содом, Гомор, Адама, Зебоим и Сегор, со всеми их жителями!

Изнемогая от зноя, мои товарищи думали освежиться волнами моря; они бросились туда с наслаждением, но, через несколько минут, должны были оставить купанье, потому что соль облепила их тело, лицо и волосы: она съедала глаза, закладывала уши и принуждала употреблять драгоценную для всех воду Иорданскую, чтобы обмыться от соленых слоев и избавиться от несносных мучений.

С радостью все мы оставили печальные берега Мертвого моря, и продолжали путь к монастырю Св. Савы. Дорога шла, по-прежнему, по грустным и едва приступным утесам; лошади, будто дикие козы, ловко цепляясь за камни, терпеливо карабкались на грозно нависшие вершины, или упираясь передними ногами, медленно и осторожно спускались в ущелья. Сидеть прямо не было возможности; мы то припадали к голове коня, думая как бы держаться на нем, в случае если лопнет сидельная подпруга, то почти опрокидывались на хребет, дабы равновесием облегчить трудность спуска. И горе тому путнику, который упадет с коня, или непривычный конь которого поскользнется хоть на одном камне, — скорая смерть должна быть ему единственным утешением, ибо рука никакого друга не в состоянии подать ему облегчения, никакие старания не спасут от жесточайших страданий, при неминуемых увечьях. Монастырь удален отсюда на 7 часов горной езды: ни одного селения на пути, — окрест все дико, все пустынно.

Дорога изрыта, по всем направлениям вулканическими извержениями; сугробы камней сменяются глубокими рытвинами и оврагами; а не затушенные веками сопки, то там, то здесь, однообразно выпускают из недр своих клубы черного дыма.

Истомленные долгим, однообразным переходом, измученные голодом, около 8 часов вечера приблизились мы к монастырю Св. Савы. Непрístupной твердыней стоит он на вершине едва достигаемого утеса; гранитные гребни с одной стороны и узкое, глубокое логовище Кедрона с другой, как верные союзники, оберегают его от всякого вражеского нападения; а высо-

кие, надежные стены с башнями и бойницами, защищая святуго обитель от нападений бедуинов, обеспечивают мирным обитателям ее спокойный приют и не возбранную молитву, во время междоусобий и беспорядков, столь часто повторяющихся в Сирии.

Путь вьется заметной только привычному глазу стезей между тысячами холмов и ущелий. За час езды от монастыря, — монастыря не видно, и вдруг он неожиданно является пред вами. Вы поднимаетесь до врат его по довольно ровной и гладкой дороге, выдолбленной здесь по приказанию покойного Ибрагима-Паши, сына Мегемета-Али, вице-короля Египетского, во время вторжения его в Сирию.

Отправленные вперед люди наши уже все приготовили для нашего приезда; нас ввели вовнутрь монастыря и разместили по чистым и светлым комнатам, назначенным для путешественников. Я спросил: нет ли здесь русских иноков: мне отвечали, что есть два монаха. Кто устоит в чужой стране от желания поговорить на родном языке и познакомиться с соотечественниками? Я пошел видеться с столь неожиданно найденными здесь земляками. Оба они называются Саввами, и уже с давнего времени живут в этой обители. Один из них отказался от родины и от всего мирского; он ведет строгую жизнь отшельника, и не любит разговаривать; он отвечал кратко и задумываясь за каждым словом на все мои вопросы, а потому я подойдя под его благословение, скоро ушел из келии, боясь нарушить неуместным посещением его благочестивые размышления. Другой, услышав, что я русский, с восторгом прибежал ко мне и долго со мной беседовал. Он был отставным унтер-офицером лейб гвардии Егерского полка, участвовал во всех подвигах войны Отечественной и находился в сражении под Прейсиш-Эйлау; он горько раскаивался, что оставил отечество и много жаловался на монахов греческих, обращающихся с ним, по словам его, далеко не по-братски. Я сколько мог, утешил старика, обещав ему передать его слова и жалобы архимандриту нашему в Иерусалиме.

На другой день мы пустились осматривать внутреннее устройство монастыря. Учрежденный благочестивым основателем для мирного приюта отшельников, он вполне осуществляет цель своего назначения. Ничто не может нарушать здесь религиозных размышлений иноков; мысли не могут устремляться ни на что мирское, кроме непрерывной молитвы, строгого постничества и прочих духовных подвигов. Образ вечного покоя и тишины ненарушаемой, ежедневно представляется духовный братии при воззрении на однообразие окружающей их природы, которая также отказалась здесь от всего живого, которая ни одной травке не позволяет своей растительностью нарушать гробовое усыпление окрестности. Как вне монастыря, так и внутри его, ничто не напоминает отшельникам об оставленном ими мире со всеми красотами его. Куда ни обернитесь, куда ни посмотрите — везде смерть, одна смерть приготовляет мысли и сердца

их к вечному покою праведных, к минуте переселения в мир таинственный. Взгляните на эти храмы монастырские, их стены покрыты духовной живописью, представляющей или благочестивые подвиги прежде почивших отцов и братьев, или грозные часы удаления их от земной жизни, или мученические кончины иноков, погибающих от мечей гонителей христианских убежищ. Спросите, что покрывают мраморные плиты, по которым ступаете, и вам скажут, что под ними почивают тела усопших отшельников. Отдерните занавес от нишей, нарочито устроенных в стенах храма, и крестясь, с ужасом вы отодвинетесь назад от них, ибо там находятся пирамиды отсеченных голов, сложенных здесь после разорения и истребления варварами множества монастырей, существовавших некогда в окрестностях Иордана. Взойдите на одну из башен, посмотрите кругом себя, — и только громадные утесы, с кое-где выдолбленными пещерами уже преставившихся отшельников, только песчаные равнины и безоблачная синева неба — являются изумленным и утомленным вашим взорам!

Слух не веселится ни пением, ни щебетанием ни одной птицы, ибо ни одно крылатое не залетает в эту юдоль смерти, и только небольшая площадка, находящаяся вблизи усыпальницы преподобного Савы, удобренная издали привезенной землей, непрерывно орошаемая водой фонтана и весело украшенная, как оазис в этой пустыне, разными деревьями, травами и цветами, будто напоминает мирным инокам о тех странах злчных и благоухающих, куда стремятся они ежеминутными помыслами после всех тревожных забытого ими света. К этой площадке собираются они, окончив свои духовные упражнения; здесь находят непродолжительное отдохновение от трудов своих.

Осмотрев все достойное внимания, мы выходили уже за ворота, чтоб ехать к Вифлеему, — как шум и споры драгоманов наших с монастырскими служителями заставили нас остановиться. Драгоманов уверяли, что они, кроме всего заплаченного за взятые припасы, положили в пользу монастыря, по одному ливру стерлингов каждый, следовательно четыре ливра; что провизия была привезена ими, и обед изготовлен нашими поварами, что монастырь подчивал нас, по принятому обыкновению, вареньями и кофе; и что внесенные ими деньги были весьма достаточны за одну ночь, проведенную в стенах его. Четыре ливра стерлингов монахам казалось мало с 16 путешественников; они жаловались на скупость драгоманов; мы велели прибавить им еще четыре, и вышли за ограду, сопровождаемые благословениями и изъявлениями радости со стороны этих верных блюстителей монастырских интересов.

Стыдно было мне, из всего каравана единственному одноверцу монастырской братии, при этом новом доказательстве подобного сребролюбия; я с досадой ожидал строгих суждений моих спутников, и давал себе слово не брать горячо под свою защиту жадных монахов, но товарищи моего

странствия были столь учтивы, что, по крайней мере при мне, никто ничего не говорил об этой проделке.

Проехав еще несколько часов, скучной однообразной дорогой, мы выбрались наконец из этого царства пустынных утесов. За несколько времени езды до Вифлеема, природа точно переменяет свою наружность: богатая растительность покрывает поля, селения виднеются направо и налево; вы или проезжаете между разными виноградниками и садами, наполненными масличными и фиговыми деревьями, или встречаетесь с множеством проходящих обитальцев, с караванами ослов и лошаков, тяжело нагруженных разными туземными произведениями. Между тем путь лежит, по прежнему, все по горам и лощинам; но они здесь не утомляют вас: они вас восхищают разнообразием пышных уборов своих; и весело здесь храпят ваши кони, повинясь малейшему движению руки, — и быстро сменяются ваши думы, при виде и теперь еще удивляющих красотой своей огромных римских водопроводов, или при звуках копыт по гладкой каменной дороге, кое где сохранившейся еще и ныне не смотря на варварство нынешних обитателей. И сюда прорывалось некогда благодетельное просвещение, и здесь человек мыслил и подчинял природу могучей воле своей!

Небо облачалось серыми тучами, время делалось ежеминутно прохладнее и вдруг крупный, обильный дождь полил на нас, после постоянной семимесячной прекрасной погоды. Мы сначала обрадовались ему, как давно невиданному старинному знакомцу, пришедшему напомнить о небесах родины; но он начал напоминать о ней столь усердно, что мы, скрепя сердце и окутавшись у кого чем случилось, спешили поскорее добраться до какой-нибудь кровли. По счастью, Вифлеем был не далеко; мы вскоре увидели его серые, по холмам разбросанные, домики и обитатели.

Добрых полчаса надлежало взбираться на каменную заросшую высокой травой и кое-где украшенную масличными деревьями гору; надлежало дать полную свободу лошади, иногда, как дикая коза, висевшей между стремнинами, иногда исчезающей в глубоких лощинах; мы, поневоле, перенесли все эти трудности с истинно стоическим терпением, и скоро постучались в запертые ворота католического монастыря. Нам отворили их, и ввели нас в темные и серые комнаты, назначаемые для путешественников. Помещение скудное, но оно показалось для нас восхитительным — оно предлагало нам спокойный и теплый приют, на несколько часов ненастной погоды; мы единогласно решили остаться в нем до следующего утра. Гостеприимные иноки, в одну минуту, накрыли чистым бельем огромный дубовый стол в трапезной; тотчас же разместили всех нас по особым келлиям; кофе, варенья и кувшины с довольно хорошим, сладким вином из виноградников вифлеемских, были предложены нам со всем радушием, от прочей провизии мы отказались, имея с собой все необходимое.

Служили вечерню в храме Рождества, выстроенном на самом месте воплощения Бого-человека; я пошел в церковь поклониться яслям, в которые был положен родившийся Искупитель. Никого не было в храме, ничто не нарушало торжественной тишины, — я мог спокойно, не отвлекаясь, осмотреть вертеп, временный приют Святого семейства, ныне величественный храм — предмет споров католиков с православными, мог обойти все его различные пределы, различить все лампы, — благочестивые приношения разных наций, — не угасимо теплящиеся пред яслями Искупителя мира.

Вифлеем напоминает много Геброн и по своему положению и по своей бедности; его улицы также бедны, гористы и неопрятны, также скучны и безжизненны. Ничто не развлекает в них глаза путников, ничто кроме религиозных размышлений, не занимает думы. Народонаселение Вифлеема едва ли немного более Гебронского. В пустынных его улицах редко встретите прохожего; зато продавцы перламутровых образов, крестов и четок — не дают вам покоя; едва выходите на улицу, они со всех сторон набегают на вас, как на законную свою добычу, толкаются, дерутся между собой, надоедают своими торговыми предложениями, выводят из терпения самыми адскими криками; чтобы освободиться от услужливости их, вы покупаете разные вещицы, или вспомня право сильного, принимаетесь за хлыст, и только таким образом избавляетесь от их докучливости.

Не то было в Вифлееме во времена, предшествовавшие христианской эре: город этот был одним из цветущих в Палестине; он кипел обилием и многолюдством, и, по своему соседству со столицей, всегда занимал важное место в истории евреев. Грустен и уныл он ныне, отживя век свой, вместе с рассеянным по своему Израилем, и только священное имя его повторяется ежедневно, из конца в конец Вселенной, в набожных песнопениях Христианской Церкви, и только паломники и туристы навещают его, дабы поклониться месту Рождения Искупителя мира.

Осмотрев храм Рождества и погуляв по городу, мы отправились, на другой день, в Иерусалим, располагая погостить там еще несколько дней до окончательного отъезда из Земли Обетованной. Погода стояла восхитительная; природа будто обновилась после вчерашнего дождя: всякое дерево, каждый куст оживленные благодатной влагой неба, игриво отсвечивали лучи солнца на вспрыснутых дождевыми каплями листочках; потоки, виваясь будто змеи, шумно сбегали с гор и стремнин на лощины; полевые цветы и травы благоухали ароматом.

Через полтора часа тихой и спокойной езды, мы были в Иерусалиме.

Католические праздники Святой Пасхи кончились, — до греческих оставалось еще около четырех недель; западные поклонники уже выезжали на родину, восточные предпринимали путешествия по разным монастырям Палестины, и потому Иерусалим пустел и становился день от

дня скучнее: он облакался, так сказать, в будничное платье. Удаленный от морского берега, не оживляемые никакой торговлей, существующий только благочестивыми вкладыми и приношениями, этот город принимает вид монастыря тотчас же по окончании праздников Светлого Воскресения.

Отдохнув после Божественной службы, паломники выезжают в отечество; вереницы караванов тянутся по пути в Яффу или в Бейрут; толпы пешеходов спешат туда же, дабы заблаговременно получить места на пароходах. Иерусалим существует, в продолжении всего года, жизнью домашней, ожидая новых пришельцев; тогда вся деятельность приостанавливается: улицы пустеют, купцы оставляют базары, гостиницы закрываются, и путешественники, которые посещают в то время Святой Город, часто жалуются на лишения и недостатки, которым подвергаются в стенах его.

По окончании праздников Святой Пасхи и с наступлением лета, природа окрест Иерусалима становится грустнее и недоступнее обыкновенного: невыносимые жары и безветрие, в продолжение нескольких месяцев, томят без пощады несчастных жителей; веселая долина Иосафатова, — единственная утеха взоров между каменистыми горами и ущельями — изнемогают палящих лучей солнца, теряет всю прелесть свою и, лишенная свежей весенней зелени, одевается грустной пожелтевшей ризой; вода из источников: Иезекиля, находящегося внутри города, или Силоамского, расположенного за стенами его, — с наслаждением черпаемая томимыми жаждой жителями Сиона, — бывает часто причиной множества болезней, а недостаток медицинских пособий и необходимость прибегать к тем средствам, которые находятся у каждого под рукой, нередко делают эти болезни не излечимыми, или развивают различные эпидемии.

Общества нет никакого, увеселений никаких в продолжении всего года; немногие иностранные консулы, постоянно пребывающие в Иерусалиме, ведут жизнь самую грустную. Неожиданный приезд каких-нибудь путешественников становится для них истинным наслаждением: тогда несколькими часами живого светского разговора они стараются вознаградить себя за все время скучной жизни; тогда, на несколько дней, оживляется их существование; но путешественники, осмотрев все, что должно, спешат уехать, и опять начинается прежнее уныние, и опять убийственное однообразие. Самая материальная жизнь имеет тысячи неудобств: кроме весьма немногих монастырей и двух или трех европейских домов, в Иерусалиме невозможно отыскать ни одного удобного помещения, все дома сыры и нездоровы, ни один не представляет ни малейшего комфорта.

Не описываю в подробности храма Воскресения ни других церквей, устроенных при разных монастырях: кто знает их у нас на Руси из красноречивых описаний предшествовавших мне поклонников — литераторов? Я воспользовался несколькими днями, назначенными для последнего

пребывания нашего в Иерусалиме, чтоб посвятить их исключительно обозрению тамошней святыне, и не взяв с собой никакого проводника, с помощью одного благочестивого земляка-паломника, коротко знакомого с местностью, посетил все исторические места столицы Давида, помолится святым ее древностям. Кратковременное пребывание в Иерусалиме достаточно освоило меня с тамошними обычаями; я взирал, если не хладнокровно, то по крайней мере, с тихой грустью на все несообразности, ярко отражающие собой презрение владычествующего магометанства к религии Спасителя, на вековое запущение и неопрятность, окружающие место страданий, смерти и Воскресения Искупителя — следствия ненависти и раздоров христианских пастырей! Как извинить это преступное равнодушие? Как объяснить, почему духовенства восточное и западное, постоянно спорящие о первенстве своем, не могут подать друг другу руку для общей пользы, не могут соединить свои денежные средства на выкупление мест, соседних храму Воскресения, занимаемых задними строениями базаров, служащих складом нечистот, бойней птиц и баранов, распространяющих невыносимый запах в самом храме?

Не говоря уже о гаремных решетках, выходящих на площадку храма, — сердце ваше содрогнется невольным ужасом, душа наполнится гневом и скорбью, если вы пуститесь по маленькой улице, влево от храма, мимо монастыря Св.Георгия, и пройдете ближней дорогой на базары. Там груды птичьих голов, ручьи крови разных животных, пригорки перьев и навозу, стаи голодных собак, тлеющие остовы лошадей и ослов, — вот что поразит взоры ваши у самой стены храма, созданного Императрицей Еленой, вот что вырвет из глубины сердца заслуженное проклятие всем виновникам подобного нечестия!

И с насмешливой улыбкой проходит здесь мусульманин, презрительно сравнивая святыню христианскую с надменной, блистающей в мраморе мечетью Омара, — и с глубокой грустью, поникнув головой, удаляется отсюда благочестивый поклонник, вспоминая былое и оплакивая настоящее; а какое бы то ни было духовенство, хладнокровно слагая вину на противников, будет доказывать, почему оно не заботится исключительно о приведении в опрятность храма с наружной стороны его.

В Иерусалиме и вообще на Востоке, мелочные интриги, разнообразные козни и развращение нравов всех сословий — превосходят всякое описание: рассказы о них наполняют душу грустью и ужасом; одно православие народное, твердо укорененное в сердцах греческих обитателей, подданных Порты, должно приводить в восторг всякого мыслителя!

Со времени разделения церквей и до эпохи нашей, Православие Востока испытывало множество преследований; не однократно подкапываемое: то различными софизмами нововводителей, то искушаемое постоянными происками Первосвященников Запада, то угрожаемое истребительным

мечем исламизма, — оно, как утес гранитный, твердо выдерживало окрест себя бушующие бури; оно смиренно, с мученическим спокойствием, переносило все злобные беснования врагов своих; оно передавалось, как заветная святыня, от родителей детям; оно бережется и ныне единственным сокровищем в юных, могущих сердцах славян и греков, — сохраняется для скорой, для блистательной будущности!

Хвала вам, благородные потомки героев древности, сыны падшей Византии! Хвала вам, кратко блеснувшие на горизонте Европы, юные славяне, вековые сподвижники и страдалцы за верования предков! Крепчайте духом в минуту новых искушений; по-прежнему будьте тверды среди грубого варварства и окрест утонченных козней; по-прежнему молитесь, надейтесь по-прежнему, — и единственная, одноверная заступница ваша, благодатная Россия торжественно подаст вам могучую десницу на гибель ненавистного врага, и воскреснет ваша минутно-поблекшая слава, и восторжествует гонимая ныне вера предков, и громко и гордо раздастся имя драгоценной родины, и затрепещут новыми чувствами сердца славянские.

Слух о прибытии в Константинополь князя Меншикова дошел до Иерусалима во время моего там пребывания. Как ветер промчался он между разноплеменными обитателями Святого Города, — как гром небесный, поразил пашей и все магометанство, — как луч солнца, давно невиданный после долгого ненастья, благодатно озарил сердца православных. В Турции нет секретов: самые глубокие государственные тайны быстро расходятся по разным слоям общества; так и теперь, весть о прибытии на Босфор блестящего военного посольства быстро распространилась повсюду. Всяк объяснял, сообразно своим понятиям цель посольства: торжество Православия, уничтожение Турции и составление новых государств — свободно и смело провозглашались в кругу греков; предсказания любимого Агафангела¹⁶ читались невозбранно по всем домам и кофейням; сами мусульмане, с их восточной покорностью судьбе, соглашались, что время их политического существования кончилось, что, после 400-летнего владычества Царьградом (исполнившегося 20 мая 1853 года), они вынуждены будут оставить цветущие берега Византии, и что никакая сила не в состоянии спасти их от рокового приговора!

Время нашего пребывания в Иерусалиме приходило к концу; в последний раз я преклонил главу перед Гробом Искупителя, в последний раз пал ниц перед грозной Голгофой, и 21 марта сел на коня, чтоб предпринять путь в Европу.

Погода, к нашему выезду, совершенно испортилась: постоянные дожди делали дороги непроходимыми; в городе, страшная сырость и течь в домах распространяли болезни, — я захворал, но откладывать отъездом было невозможно. Караван наш был снаряжен окончательно; всякий лишний день делал большую разницу в путевых расчетах; мои новые товарищи

уговаривали меня собраться с силами, дабы доехать хотя до Назарета, где, в католическом монастыре, я нашел бы все медицинские пособия; надлежало согласиться, тем более, что рассчитывать на выздоровление в Иерусалиме было почти невозможно; я решился, и в 12 часов пополудни 21 марта, мы выехали из столицы Псалмопевца, теми же воротами, какими вступили в священные недра ее, — воротами Царя и Пророка.

Небо было покрыто серыми, наводящими грусть на сердце тучами; ветер неистовствовал, готовясь, кажется, вырвать с корнем последние деревья окрестностей иерусалимских, — он пролетал с визгом между каменными ущельями, расшибался яростно на одиноких утесах; дождь лил беспрерывно, залепляя глаза у людей и лошадей; избалованные постоянно хорошей погодой кони, храпели и сердились, стараясь стать боком или задом к ветру, тогда как нам надлежало лицом принимать все порывы его; прибавьте к этому лихорадочное расположение, страшную боль в голове, завалы в груди — и вы поймете всю тоску путешествия по голым горам в подобную погоду. Около 4 часов пополудни начало смеркаться; буря была еще во всем разгаре своем: это была буря, неразлучная спутница весеннего равноденствия, постоянно свирепствующая по несколько дней, — следовательно, нечего было рассчитывать на скорое прекращение ее.

Мы остановились на ночлег, отыскав место для табора на небольшой лощине, между двумя безжизненными горами. Палатки наши раскинулись с трудом под навесом дождливого неба; деревянные гвозди глубже обыкновенного впились в рыхлую землю, дабы предохранить, по возможности, шатры наши от напора ветра; ковры и рогожи развесились со всех сторон, для защиты от потоков дождя, который к ночи полил еще обильнее. Мы подкрепили себя добрым приемом пунша и, закрывшись походными плащами, улеглись на своих складных постелях. Всю ночь бушевал ветер; всю ночь лил дождь, не переставая ни на минуту; часто палатки наши качались на столбах своих, готовые уступить напору вихря; парусина была промочена и пробита; самые ковры и египетские рогожи не в состоянии были удержать потоков дождя, — он смело врвался в наши постели; надлежало терпеть ожидая дня, и мы вытерпели.

На утро погода стояла по прежнему: со всех сторон задернутое серовлажным покровом облаков небо не подавало ни малейшей надежды на перемену погоды; мы поднялись со светом, и скоро сели на коней, предпочитая как-нибудь подвигаться вперед, чем тонуть в своих мокрых палатках. Драгоман наш объявил нам: что на этот день невозможно совершить большого перехода и что мы остановимся на половине пути, в одной христианской деревне, ибо палатки наши промокли до такой степени, что нечего и думать об употреблении их на следующую ночь. Кто не путешествовал по Востоку в дурную погоду, тому не легко понять нашей радости при мысли о следующей ночи, предлагающей нам спокойный и теплый приют во

время ненастья; все мы захопали с восторгом в ладоши при этом предложении, а я, забыв мои боли, запел на весь караван: «мне хижина убога приятнее всего!»

Странное существо человек! Неожиданное удовольствие переменяет мгновенно расположение его духа; улыбающаяся впереди надежда — в минуту заставляет его стоически переносить все настоящие неудачи, и осуществившись эта надежда — и разочарование как раз запустит губительные когти свои в грудь вашу!

Мы будто ожили от слов нашего путеводителя: дурное настроение духа прошло, точно изгнанное магической силой; мы громко смеялись над теми проделками, к которым каждый из нас должен был прибегать прошедшей ночью, чтоб отыскивать сухое место на узкой своей постеле; мы шпорами оживляли своих коней, поочередно говоря им речи об ожидающих их радостях под деревенскими навесами с сухими на ушах торбами; мы не обращали внимания на дождь и вихрь, постоянно свирепствовавшие и точно делавшие усилия для погружения нас снова в тоску и безнадежность. Услужливый драгоман наш, проезжая впереди каравана, поддерживал наше веселое расположение, рассказывая разные анекдоты о прежних своих путевых похождениях; благодаря его веселости и собственной бодрости, мы не примечали скучного переезда по постоянно бесплодной каменистой дороге, и около двух часов пополудни добрались благополучно до деревни где рассчитывали осушиться и согреться, после постоянного суточного холода.

Деревня эта, как грань каменистой Иудеи, стоит перед цветущим роскошным уделом библейской Самарии. Немногие хижины были наброшены на самом гребне утеса, коего хребет и бока покрывались масличными садами и виноградниками. Дождевые потоки с ревом рвались на долину; взбираться через них, по отлогим камням, было трудно и скользко, но наши лошади, ободряемые нетерпением всадников, стремившихся достичь скорее до теплого приюта, бодро и осторожно вынесли нас на самую вершину.

Мы выбрали себе приютом большую и, по возможности, удобную хижину, хозяева коей радушно поделились с нами помещением, уступив во временное владение наше переднюю часть своих хором, и поселившись в задней вместе с телятами, курами и баранами. Дождь продолжал лить, — мы подсмеивались над ним, восхищаясь великолепной квартирой и давая слово не иначе покинуть ее, как только с восстановлением хорошей погоды. В пути, человек невольно становится философом, и забывает о существовании комфорта: нам было тепло и сухо в избе арабского поселянина; наши ковры и походные постели неожиданно озаарили ее необычайной роскошью, дорожный стол и складные стулья изумляли устройством своим наших хозяев и их друзей; приходивших подивиться на обычаи странству-

ющих европейцев; кочевая кухня, расположенная в подвале хижины, ароматом варившихся кушаньев ласкала наше обоняние. Мы были счастливы и веселы, живя собственной жизнью, наслаждаясь настоящими минутами покоя, и стараясь изгнать из мысли все воспоминания об удобствах путешествий, не разлучных с железными дорогами, пароходами и тому подобными ухищрениями европейской утонченности.

Поселяне приходили смотреть на нас толпами; поздоровавшись, при входе, обычным приветствием «селям алейкюм», и услышав наше «алейкюма селям» они безцеремонно закуривали свои трубки, усаживались кругом нас; вели, по-видимому, очень дельные между собой разговоры о наших привычках, покачивали головами, показывали на нас пальцами, и не выпускали из виду ни одного нашего движения. Так продолжалось до вечера; только с наступлением темноты гости наши оставили нас в покое.

На другой день, погода начала поправляться; солнце заблестело во всей весенней красоте своей. Грустная Иудея была за нами, — впереди лежала роскошная Самария. Мы весело вскочили на коней и понеслись по ровной, благоухающей цветами долине. Переход был большой: надлежало на ночь добраться до Наблуса (древнего Сихема), надлежало сделать обход, чтоб посетить гроб Иосифа и колодезь Иакова; надлежало поклониться остаткам храма, выстроенного на месте темницы Иоанна Крестителя. Виды окрестностей были восхитительны: дорога шла непрерывно то по зеленым холмам и крутизнам, то по гладкой, разукрашенной травами и цветами поляне; проходя по местам этим, мы были совершенно вознаграждены за минувшие неприятности, мы давно позабыли о них, с жадностью глотая целительный воздух полей, втягивая с наслаждением аромат растений.

Вот наконец живописный пригорок, где, по преданию покоится прах ветхозаветного Патриарха Иосифа! Вот колодезь отца его! Ни от того, ни от другого памятника древности нет ни малейшего остатка, и только полуразвалившаяся мечеть, засыпав разметанными кирпичами, на несколько шагов доступ к себе, стоит одинокая, изредка посещаемая путешественниками.

Зато какое наслаждение любителям природы и живописи! Кто откажется внести эту веселую видопись в страннический альбом свой! Окруженная кущей платанов руина, фантастически выказывает из-за раскидистых ветвей их разбитые, зубчатые минареты, а игривый фонтан струится у самых стен развалин. Прекрасное лазуревое небо, окаймленное золотистыми отливами солнца, точно любителю роскошным убранством полей, а зеленые, цветистые луга, благодатно согреты теплотой лучей его, восхищаются красотой неба. Везде жизнь, всюду гармония. Один человек здесь не разделяет вечного праздника природы, один он не вторит ей своей деятельностью: постоянно тревожимый грабителями, вечно угрожаемый, вечно преследуемый, — далеко бежал он от привлекательных мест сих,

унося в редкие и бедные города свои ежедневные промыслы. Где нет христианства, там нет тишины и мирных занятий, туда не может проникнуть свет образованности; жесток и недоступен там сильный, хитер и низок слабый: первые живут на счет последних, последние должны прибегать ко всем лукавствам, для личного самосохранения, гражданских добродетелей не существует!

Тихо и осторожно проходили мы, со всем караваном, по роскошным местам этим, боясь дать полный бег коню, боясь отделиться от толпы наших проводников, дабы не быть ограбленными какой либо шайкой кочующих бедуинов. К двум часам пополудни, достигли мы до Себасты, — по преданию, древней столицы Царства Израильского, великолепно отстроенной и укрепленной, по словам историка Иосифа, в царствование Ирода. Судя по местоположению, этот город был восхитителен во время своего существования. Подобно храму, стоял он на возвышении холма, окруженного со всех сторон широкой, цветистой поляной; несколько огромных уступов, вероятно, украшенных прежде великолепными зданиями, вели к самому замку, (акрополису) — необходимой принадлежности всех древних городов, а щедрая Самарийская природа богато украшала дарами своими зодческую роскошь расточительного Ирода. Ныне только несколько колонн, ясно носящих на себе характер времен Византийской архитектуры, да один полуразвалившийся, восхитительный портик, — остались от прежнего блеска падшей столицы.

Но и это произведение не относится до времен Ирода, — это развалина монастыря, выстроенного благочестивой Императрицей Еленой на том месте, где содержался в заключении и был обезглавлен, по приказанию царя — четверовластника, Иоанн Креститель, вероятно, на самом месте замка Ирода, при котором была и темница Предтечи. Монастырь этот также был поразителен своими размерами: несколько кое-где уцелевших колонн, спускаясь с холма, далеко углубляются в долину, а самая развалина занимает все пространство холма. Бедная деревушка прилепилась кое-где под самые стены бывшего храма, плоские кровли хижин, заросшие травой и мохом, совершенно сравнялись с землей.

Желая насладиться видом руины, я отъехал от камней и переступил на квадратную площадку, но несколько мальчишек с визгом бросились ко мне и, схватив за уздцы лошадь, всеми силами оттягивали ее к камням; я удивился было этой дерзости, но дело скоро прояснилось: квадратная площадка была не что иное, как крыша хижины, в середину которой я рисковал провалиться вместе с лошадыю.

Отдохнув под тенью портика, мы продолжали путь по чудесной дороге. Природа была всюду роскошна, — время восхитительное; развалины разных монастырей или смело взброшенных на зеленеющие утесы замков, — непрерывно обращали на себя наше внимание. Около семи часов

вечера мы вступили в восхитительную Наблускую долину. Замкнутая со всех сторон высокими горами, покрытыми густыми дебрями лесов, поляна эта, на каждом шагу, поражает вас новыми видами и непрерывно — сменяющимися картинами: то широко растянется она, будто испестренная дорогим ковром полевых узоров, то сожмется неожиданно между двумя горами, то вдруг изумит внезапно представляющейся рощей платан, фиг и тамарисков; вы медленно пробираетесь по отлогости горы, будто боясь нарушить шагами коня величественную таинственность природы, а взоры ваши с наслаждением переносятся с предмета на предмет, а сердце бьется все сильнее и сильнее, пораженное торжественностью мироздания!

Наблус (или Сихем), один из цветущих городов древней Самарии, подобно прочим городам Сирии, немного отличается от большой деревни. Единственная его улица идет вдоль всего города: на ней помещены кофейни и базары, на ней красуются несколько мечетей, на ней устроены различные фонтаны. Она затоплена со всех сторон в роскошной зелени, игриво выказывающейся из-за серых домов тамошних обитателей; она наполнена разнохарактерными толпами; евреев, турок, сирийцев, бедуинов и странствующих европейцев; сюда спешит всякий за своим делом, за отдыхом под сенью платан и акций, за благодатным кейфом при дверях гостеприимной кофейни. Пройдя раз по этому бульвару Наблуса, возвращайтесь к своему пристанищу: вы видели все, что хотите видеть. В других частях города, кроме садовых изгородов, кроме высоких стен и блуждающих собак по переулкам, ничего не увидите. Народонаселение Наблуса простирается до 10 000 душ, а самый город не имеет ныне ни одного остатка древности ничего замечательного для глаз путешественников, кроме бесподобных окрестностей.

Мы остановились у ворот города, под вековыми сикоморами; а драгоман наш побежал отыскивать помещение: он возвратился скоро, и мы въехали, в след за ним, в растворенные ворота одного еврейского семейства, согласившегося принять нас, на эту ночь, под кров свой. Огромная, чистая и светлая комната отдана была в полное наше распоряжение; после ночей, поведенных под мокрыми палатками или в бедной деревушке, комната эта приводила нас в восторг своими широкими диванами и чистыми египетскими рогожами: мы сладко отдохнули в ней после перенесенных трудов большого перехода, и на другой день, с обновленными силами, пустились продолжать свой путь.

Было 24 марта. На следующий день, посвящаемый Церковью для празднования Благовещения, мы располагали быть в Назарете, на месте чудного явления Архангела Пресвятой Деве, в самом храме Благовещения. Мои товарищи, католики по религии, разделяли мое желание; драгоман уверял, что мы непременно рано утром 25 будем в Назарете, но что надлежит остановиться на ночь в виду Фавора, у одной деревни. Весь день ехали

мы чудесной равниной, устланной самой разнообразной растительностью и издали обведенной доходящими до небес горами. Веселый ветерок изредка колыхал гибкие стебли растений, навевая на нас юным, весенним ароматом; вокруг нас все дышало негой и покоем; всюду богатая производительность щедрой природы, как был на показ, выставляла перед нами девственные уборы свои; мы ехали, наслаждаясь каждой минутой времени, каждым шагом коня, и часто приподнимались на стременах, желая посмотреть скорее на божественную вершину Фавора, освященную величественной тайной Преображения. К закату солнца — вдруг покинули мы цветущую долину, — вдруг, как бы чудом, увидели себя среди громадных утесов, промеж оврагов и рытвин, прогрызенных будто бы дыханием вулканов, между разметанными глыбами камней.

Дивна и великолепна эта роскошная Сирия — колыбель туманной древности, дорогой рудник для всякого мыслителя, для всех отраслей познаний! С какой стороны ни начните рассматривать страну эту, она тотчас же займет любопытство ваше: или летописями и преданиями своих исчезнувших обитателей, или верованиями и обычаями нынешних подселенцев своих, их чудными правами, их образом жизни и обычаями.

Соединенная с Европой безграничной синевой Средиземного моря, удаленная от Малой Азии необъятным пространством луговых степей и отделенная от Африки безбрежными песками пустынь, — неисповедимой волей промысла, Сирия всегда занимала замечательное место в истории человечества, была постоянной целью разных завоевателей, была рассадником религиозных идей, была некогда центром торговой деятельности и предприимчивости. По временам устранимая от исторических исследований происшествиями в других частях света, она всегда неожиданно обращала на себя внимание звеном мгновенно развивавшихся в ней событий, выдающим ее снова на картину истории, связывающим судьбу ее с бытом прочих народов. Усыпленная, будто на веки, под угнетающей десницей последователей Магомета, она изредка напоминала о себе: то непрерывными борьбами своих властителей, то не согласиями своих разноплеменных обитателей, то изысканиями отважных ученых, дерзавших углубляться в сокровенные недра ее, презирая опасности, борясь с трудами и лишениями. Недавно пробужденная от давнишнего усыпления междуособным спорам дряхлого магометанства и соперничеством двух держав престарелого Запада, она снова погружена ныне в какой-то сон магический — до того дня, когда временно примирившиеся соперники столкнутся опять на Востоке, когда Франция и Англия будут вынуждены подумать об Египте и о Сирии.

Изучение нравов нынешних обитателей Сирии может занять, на всю жизнь, добросовестного ученого; их предания и поверья, освященные давностью веков, — их обычаи, со времен Авраама передаваемые от поколения поколению и ныне сохраняемые в различных рукописях, любопытны до

чрезвычайности; но доступ к ним нелегок: племена эти не любят делиться с иностранцами и иноверцами своими семейными постановлениями, и берегут их, как родную святыню, не показывая чужому, холодному взгляду.

Критический разбор различных сект мусульманства, наводняющих Сирию, может навести философа на цепь предположений и заключений; но скольких трудов требует это изучение! С какими лишениями и опасностями сопряжено оно для того, что бы посвятил себя этим изысканиям! А сокровища, закопанные в недрах этой страны таинственной? А поэтические развалины Балбека, Пальмиры и Ниневии? А руины Римских мостов и водопроводов, рассеянные повсюду? Кого не приведет в восхищение это достояние учености! Кого не заставит пожалеть искренно, что доступ столь труден к нему — по причине варварства бедуинов, по слабости и нерадению турецкого правительства!

Физический характер Сирии не менее любопытен нравственного: от снеговой вершины Ливана до узорчатых полей долины Эздрелонской, от каменистых гор Иудеи до великолепного побережья моря Средиземного — противоположности, самые разительные, самые величественные, на каждом шагу поражают ваше внимание, на каждом шагу возбуждают в душе вашей столько воспоминаний и размышлений!

Проехав, около часа времени, по грозной и безжизненной лощине, мы снова очутились в роскошной поляне, — помчались по необозримому пространству равнины Фаворской. Гора евангельская была перед нами; но было поздно, — солнце уже закатилось; мы вечером достигли до места, назначенного для отдыха, и поэтому не видали Фавора. Разведя бивуачные огни тотчас по прибытии, мы, при свете их, разбили кочевой лагерь наш в виду одной деревни.

Деревня эта всегда имела самую дурную славу: не опытные путешественники платили дорого иногда за ночлег вблизи ее, но другого приюта не было до самого Назарета, а располагаться на ночь в поле еще опаснее. Остается единственное средство, — отдаться под покровительство шейха и нанять охранную стражу из самых деревенских жителей; тогда арабские идеи о чести и святости гостеприимства надежно охраняют вас от всяких воровских предприятий. Наш драгоман, зная обычаи Востока, окружил нас цепью вооруженных поселян; а шейх поручился за нашу безопасность и за неприкосновенность наших вьюков; мы вкусно поужинали и сладко заснули в долине Фаворской.

На другой день восходящее весеннее солнце осветило долину, во всей необъятной красоте ее; мы вышли из палаток, пробужденные прелестью утра, и божественный Фавор представился глазам нашим озлащенный отливами лучей, пробивавшихся из исчезающих туманов. «Коней! Коней!» кричали мы, думая, не более как в полчаса, домчаться до Фавора и намереваясь завтракать на его священной и богатой великолепной раститель-

ностью вершине, но благоразумный Вицензо, расторопный драгоман наш скоро нас вывел из нашей восторженности: он ясно доказал, что близость Фавора была не что иное, как оптический обман, часто случающийся на огромных плоскостях, и что мы ранее полудня не доберемся до подошвы горы евангельской.

Было 5 часов утра; мы выпили по чашке кофе и, расплатившись с шейхом и его стражей, весело помчались по благоухающей равнине. Фавор был постоянно перед нами. Будто избранный перстом Божиим из всей семьи окружающих его горных утесов, одиноко стоит он между цепью возвышенностей, разделяющих долины Фаворскую и Эздрелонскую, и, точно круглая, гигантская пирамида Сахары, величественно возносит к небесам богато венчанную лесами юга главу свою. Вид восхитительный своей торжественностью, грозно таинственный воспоминаниями евангельскими! и невольно приближаясь к подножию этой горы божественной — всяк снимает фуражку, и невольно каждый осеняет себя знаменем креста, а гимн церковный: «преобразился еси на горе Христе, Боже наш!» вырывается из уст, и ряд дорогих воспоминаний занимает мысли!

Огромная равнина Фавора не помещает на себе ни одного селения; поверхность ее никогда не испытывает острие плуга, недра, кроме густой дикой травы, не производят никакого растения, и только кони кочующих бедуинов переносятся по ней из конца в конец, гоняясь за добычей, и только стаи хищных шакалов приходят играть сюда, раздирая воздух своими ревами, издали уподобляющимися плачам грудных младенцев!

Мы ехали, в продолжении восьми часов, по этой долине, не слезая ни на минуту с лошади, и ни одного живого существа не встретили на огромном пространстве; гора Фаворская точно удалялась от нас, будто мираж в Аравийской пустыне; голод нас мучил, — мы непременно хотели завтракать на Фаворе и, забывая необходимость не отлучаться от каравана, нетерпеливо шпорили коней, желая скорее домчаться до его подошвы. Было 3 часа пополудни, когда наконец достигли мы до ожидаемого привала. Время неожиданно начало изменяться; быстро набегающие тучи угрожали непогодой; мы подкрепили себя получасовым отдыхом и снова пустились в путь, спеша до дождя убраться в Назарет.

Дорога началась горами, окружающими со всех сторон священное жилище Богоматери. По лесам и камням мы пробирались полтора часа до стен этого города, и скоро увидели разбросанные домики его, монастыри и церкви, восхитительно расположенные среди роскошных площадок, при ярко струящихся фонтанах, под ветвями богатых садов и зеленых рощей.

Путешественники обыкновенно останавливаются в монастыре францисканов; мы последовали общему примеру, решившись поселиться здесь на все время дурной погоды. Между тем она совершенно испортилась: дождь лил весь день и всю ночь; из монастыря не было возможности сделать шага.

26 марта время начало проясниться;¹⁷ я взял маленького назарянина, воспитывавшегося у францисканов, и пошел с ним осматривать священные древности.

Храм Благовещения находится недалеко от монастыря. Наподобие всех церквей Востока, он окружен высокими стенами, к внутренней стороне коих прилеплены разные кельи, монастырская больница и аптека. Множество людей разных состояний толпилось и сидело у дверей последней, ожидая медицинской помощи; я остановился посмотреть на лечение. Монах-доктор, с несколькими помощниками, свободно объясняясь по-арабски, поочередно подходил к страждущим, расспрашивал о их недугах и тут же делал свои распоряжения: те из больных, которые требовали продолжительного лечения, немедленно отводились в госпиталь; иными перед дверями аптеки открывалась кровь; другие, выслушав советы доктора и получив лекарство, уходили к себе домой; — все чистосердечно, на разных наречиях, восхваляли Господа, и Святым Его именем благодарили врачей-иноков за помощь. Утешительно это проявление любви христианской, с какой бы целью ни производилось оно!

Великолепный храм католический стоит посреди огромного двора, ровно устланного квадратными мраморными плитами; внутренность церкви роскошно убрана цветами и прекрасной живописью; орган, как уверяют превосходный, но я его не слышал. Две широкие мраморные лестницы ни сходят вовнутрь здания, к так называемому Дому Богоматери. Великолепный и пышно убранный алтарь устроен также в этом углублении. «Вот место. Где явился Архангел Гавриил Пресвятой Деве!» сказал мне маленький проводник мой, указывая на алтарь; «самый же дом Богородицы был перенесен Ангелами в Лоретто!»

Дом преподобного Иосифа «обручника Св.Девы, находится в нескольких шагах от храма; он точно прилеплен к соседней горе и, кроме благочестивых воспоминаний, неразлучных с именем святых хозяев его не имеет ничего достопримечательного, не помещает в себе ни одного алтаря, ни одной часовни.

Недалеко оттуда находится место школы, где, по преданию, Божественный Младенец впервые изумил присутствующих глубокомыслием своих рассуждений, а несколько поодоль указывают на огромный камень; на котором будто трапезовал Спаситель с учениками своими. Все эти памятники христианской святыни в Назарете принадлежат исключительно духовенству католическому, и кроме места, на коем выстроен храм Благовещения, вряд ли имеют полные доказательства своей исторической действительности.

Пройдя несколько бедных, но довольно опрятных улиц, и минуя восхитительную зеленую площадку, с которой неожиданно открывается живописный вид на Фавор и на окружающие его горы Галилейские, — вы увиди-

те себя перед роскошным, ярко пробивающимся из недра утеса водометом. Свежая, прозрачная вода, игриво пробегая по уступам расположенного здесь вертограда, падает тысячами брызг в мраморное хранилище и щедро наделяет своей влагой все народонаселение назаретское. Преклоняйте колена и в смирении сердца падайте ниц перед священным этим источником: он тот самый, к которому юная Дева, Матерь Искупителя мира, не раз приходила, по обычаю дев Востока, за водой для своего семейства.

В нескольких шагах от этого фонтана выстроена небольшая церковь греческая; туда от источника проведена к алтарю, возведенному как уверяют, на самом месте древнего водохранилища, — следовательно, освященному стопами Богородицы. Служили вечерню; народ толпился в храме; благовонный аромат каминов, наполненных свежей амброй фимиама застилал все здание церкви, наполнял ее какой-то непостижимой таинственностью. Душа невольно смиряется в этих местах, напоминающих о невидимом присутствии Бога-Живого, невольно чело клонится к долу, и во прах падает смертный пораженный и осененный непостижимой благодатью Всевышнего! Помолившись усердно, хотя и краткой молитвой, напившись чистой прозрачной воды из церковного источника, я выходил из святилища с какой-то тихой радостью в сердце, с чувством теплой веры, в каком-то благодатном упоении. Но и здесь, — как всюду, где поселяются монахи греческие, — недолго продолжается очарование поклонников; так было и со мной. Едва лишь опустил я серебряный ковш, которым черпал воду, как несколько чернорясых рук протянулось ко мне, требуя бакшиша; только успевал я расплачиваться с одними, другие уже собирались около меня за поживой; сам чтец, оставя свое место и продолжая начатое чтение, подошел ко мне, показывая знаками, что и его забывать не следует; я роздал все мелкие деньги, и бежал из храма.

Монастырь францисканов снабжен всем необходимым для удобства путешественников: отводимые келии просторны и опрятны; стол готовится собственными товарами на особой кухне; бедные странники пользуются монастырской трапезой; прислуга и лошади помещаются в особом строении. По статутам Ордена, женщины не допускаются в общий монастырь; для путешествующих с дамами назначается помещение в монастырской гостинице, называемой *Casa nova*. Цены на все припасы, которые берутся от монастыря, самые умеренные; бедные могут проживать на полном монастырском содержании, но не более трех недель.

Народонаселение Назарета не превышает 2000 душ, христиан и магометан; евреи не имеют права селиться в городе.

Погода поправилась; величественное весеннее солнце сияло в полном блеске, позлащая лучами богатые окрестности Назарета. 27 марта утром, мы простились с гостеприимными францисканами и, взглянув в последний раз на святые древности, направили коней к долине Эздрелонской.

Несколько часов проходили мы живописной, но трудной, засеянной со всех сторон камнями дорогой, напомнившей нам странствования по горам Иудейским. Наконец, с приближением к долине Эздrelонской, путь видимо начинает поправляться: богатая растительность всюду берет верх над безжизненными утесами, всюду восхищает неподражаемой красотой своего творчества; заросший великолепными лесами, последний спуск на равнину невольно приводит в восторг всякого путника!

Долина Эздrelонская редко посещается путешественниками по причине почти ежедневных на ней разбоев, и потому большая часть туристов, жертвуя обзорением горы Кармельской, Сан-Жан-д'Акра, Тира и Сидона, сворачивают из Назарета на Тибериаду и, побывав в Дамаске, приезжают прямо в Бейрут. Не располагая делать столь большие обходы и уверенные в расторопности нашего драгомана, мы доверились счастливой звезде его, и не ошиблись. Построив, сколько возможно удобнее караван наш и не отлучаясь ни на шаг от него, мы осторожно и медленно прошли этой долиной без всяких приключений, не встретив ни одного бедуина, не заведя даже ни одного белого бурнуса, на всем зеленом, ароматическом поле Эздrelона.

Около 2 часов пополудни мы вступили в ворота Кайфы, небольшого приморского городка Сирии, изредка посещаемого коммерческими судами и производящего незначительную торговлю с разными портами Средиземного моря. Один из тамошних негоциантов, кайфский уроженец, занимает место консульского агента разных держав, славится своим гостеприимством, и любит принимать у себя проезжающих иностранцев. Вицензо уверял нас, что учтивость требует заехать сделать визит этому всемирному представителю торговых наций; мы сами были не прочь от визита, рассчитывая отдохнуть немного на мягком диване и освежиться чашкой кофе, а потому, не споря, согласились на предложение нашего драгомана.

Дом консульский отыскать было не трудно; правда, что он вопреки обычаев Востока, не был украшен ни одним из флагов, которых столько находилось в распоряжении хозяина, но это был единственный дом во всем городе, и потому нам указали его тотчас же. При этом случае мы увидели город, полюбовались на несколько сотен разбросанных тут и там хижин посмотрели на базаре, где едва ли можно найти что-нибудь в случае крайней необходимости, и, подивившись глубочайшей грязи, в которой тонули наши лошади среди улиц, мы очутились перед воротами консульского дома. Агент принял нас со всей европейской учтивостью; он объяснялся довольно хорошо по-итальянски, но, никуда не выезжая из своего родного города и ничем не занимаясь, кроме торговли, конечно не мог очаровать нас занимательностью своих разговоров; мы пробыли у него недолго и, после обыкновенных угощений вареньями с холодной

водой, кофе и трубками, распростились с хозяином и отправились далее, чтоб заблаговременно доехать до Кармеля.

Оставив ворота Кайфы вы мчитесь по небольшому полю, кое-где забро-санному множеством камней, кое-где заснятому трудолюбивыми кайф-скими жителями. Может быть, это самое поле было свидетелем чудесь пророка Илии: когда праведник, поселившись на Кармеле, теплой молит-вой испросил у Бога Истинного плодотворный дождь, для оживления из-мученной постоянной засухой нивы, может быть здесь собирались толпы народа из цветущих древних городов Сирии слушает изречения пророка, и видеть чудеса его. Тогда все дышало здесь жизнью, силой и богатством: библейское поле тучнело ярко-пестными засевами; вероятно и Кайфа, древняя Гефа, не уступала деятельностью ни Тиру, ни Сидону, а окрестные селения кипели многолюдством. Ныне все бедно, все тихо и безжизненно, несмотря на соседство торгового города, на близость монастыря карме-литского; и только постоянные, мерные всплески моря, с шумом выбрасы-вающего покрытые белой пеной волны свои на утесы Кармеля, нарушают грустное, вековое молчание.

В час доброй езды, доехали мы до подошвы горы, священной обители великого пророка древности, и медленно начали взбираться на ее крутую вершину. Благодаря трудолюбию иноков, дорога довольно удобна, широ-ка и хорошо расчищена, а в местах более опасных снабжена надежными изгородами для предохранения от обрывов; ехать по ней было для нас истинным наслаждением, тем более, что после выезда из Каира, мы уже по-забыли о существовании шоссе и других удобств дорожных. Небо было чисто и ясно, — ни одного облачка над землей, никакого тумана над бес-предельной, чуть колыхающейся равниной моря! По мере возвышения на мыс Кармельский, вид природы становился ежеминутно великолепнее и восхитительнее: направо от нас простиралась пройденная долина Эздре-лонская и исчезающие в садах домики и минареты Кайфы, налево — ти-хое, грозно величественное море с разбросанными по необъятной синеве парусами, а прямо, — серые твердыни Сан-Жан-д'Акра и чуть виднеющий-ся издали мыс Белый (cap Blanc), покрытый сверху донизу сединой валу-нов, развивающихся о его подошву. Усталые кони медленно поднимались на вершину, и останавливались очень часто, чтоб переводить дыхание; мы не торопили их, наслаждаясь ежеминутно неподражаемыми картинами создания.

Ворота монастыря гостеприимно растворились при нашем прибытии; мы сошли с коней в первом дворе его, назначенном для помещения ло-шадей и прислуги, и войдя во второе отделение обители, были нежи-данно поражены какой-то изысканной чистотой и наружным блеском, столь редким на Востоке, столь нравящимся нам, жителям просвещен-ной Европы.

Здание, определенное на прием путешественников, великолепно и подходит более на удобную отель большого города, нежели на смиренную гостиницу монастырскую. Огромные окна его выдаются на самое море; несколько широких, удобных лестниц вводят странников во внутрь временного жилища; небольшой, прекрасно расположенный цветник набросан на самом крае утеса.

Едва успели мы смыться и очиститься после дороги, как прислужник доложил, что обед нас ожидает в столовой. Отец Карл, эконом монастыря, родом испанец, чисто и бегло говорящий по-французски, председательствовал за трапезой и угощал нас во всем радушием гостеприимного хозяина. Он легко и свободно поддерживал разговоры, рассказывая разные монастырские происшествия; вспоминая разные политические драмы, разыгрывавшиеся, так сказать, под самыми стенами обители; он с юных лет поступил в монашество на Кармель, только один раз посетил после того свое отечество, но тоскуя там о благодатном климате Сирии и о спокойной жизни добровольного затворника, не мог ужиться в Европе, и возвратился на Кармель, с твердой решимостью никуда не выезжать отсюда. Разговор почтенного старца был занимателен до чрезвычайности: слушая его, мы забыли, что гостеприимный нам хозяин может иметь занятия, гораздо важнейшие поддержания нашей беседы, но он нас уверил, что прием странников составляет здесь главнейшую его обязанность, и мы, успокоенные словами его, просидели с ним до самой ночи.

Отведенные нам комнаты были удобны и прекрасны во всех отношениях: чистотой они могли состязаться с модной гостиницей Европы, вся мебель их была приспособлена для успокоения путешественников, все было придумано для доставления странникам комфорта, на несколько дней отдыха. Мы с восторгом бросились на мягкие диваны, покрытые простынями белизны снеговой и с восхищением решили провести весь следующий день на Кармеле.

Церковь Пророка Илии великолепна: богатые алтари ее блестят в серебре и золоте, прекрасная живопись украшает в разных местах стены храма, пол покрыт лоснящимися, точно паркет, мраморными плитами. Ничто не говорит здесь о бедности христиан на Востоке; напротив, это святилище невольно напоминает страны просвещенные благодатью религии Спасителя, коих обитатели смело и торжественно восхваляют пострадавшего за них Господа!

28 марта весь день был употреблен нами на обзор монастырских зданий и на разговоры с словоохотливым экономом. Здания эти выстроены еще недавно и, в некоторых местах, не везде окончены. Главным руководителем постройки был сам отец Карл, посвятивший всю жизнь свою горе Кармельской и с наслаждением показывающий все достопримечательные подробности сроднившейся с ним обители.

По обыкновению монастырскому, нам подали книгу, для записания в ней имен наших. Она вся была покрыта надписями посетителей горы Кармельской, благодаривших, на родном своем наречии, гостеприимный монастырь за радушный прием и кратковременное успокоение после трудной дороги; мы присоединили также выражения нашей чистосердечной благодарности за двухсуточное пребывание и, пожав в последний раз руку почтенного эконома, спустились пешком до самой подошвы горы, прославленной деяниями взятого на Небо пророка Илии.

Отсюда путь наш лежал по отлогому берегу Средиземного моря. Выехав туда, мы более не боялись ни жара, ни дурной погоды: от первого освобождал нас здоровый, свежий ветер, постоянно налетающий на нас из глубины бездны; от последней нам легко было найти защиту во множестве ханов, выстроенных на самом побережье.

Берег Средиземного моря в этих странах чрезвычайно плоск и низок; он бывает часто опасен не только для парусных судов, но и для пароходов; в бурную погоду он совершенно не виден с кормы судна, и потому мореходцы, при малейших порывах ветра, стараются поспешно удаляться в открытое море. Самые гавани Яффы, Каифы, Тира и Сидона считаются у моряков весьма ненадежной стоянкой, и посещаются только при самой крайней надобности, да и то на короткое время; даже мелкие одномачтовые суда, содержащие сообщения между Бейрутом и этими портами, весьма не охотно проходят около берегов, предпочитая бороться с яростью валунов, в удалении от земли, нежели быть выброшенными на отмели. Несмотря однако на эти предосторожности, большая часть берега загромождена остовами гниющих кораблей и лодок, извергнутых гневным морем на песчаную свою окраину.

Отсюда до самого Бейрута страна была спокойна, — о разбоях не было и речи; мы проходили населенной частью Сирии: следовательно, могли ехать как хотели, а это также своего рода наслаждение! Что ни говорите, но погарцевать на лихом коне по гладкому побережью моря, остановиться отдохнуть под развесистой платаной, и спокойно выпить чашку кофе под зеленолиственным навесом кофейни, — едва ли не также приятно, как катиться по гладкому шоссе или, лениво развалившись в мягких креслах, мчатся в изящных вагонах железной дороги.

Караван наш был направлен к месту ночлега кратчайшей дорогой; мы были уверены в его безопасности и не обязаны следовать за ним, едва передвигая ноги. Время стояло восхитительное, море, вместо угрожающего вида, навевало на нас освежительным ветерком, обдавало ароматом пучин; мы были беззаботны и счастливы, как в былые дни юности, и резвились, как дети, выпущенные на волю после нескольких часов скучного школьного затворничества. То пускали мы вихрем разгоряченных коней своих, играя в перегонки друг с другом; то брали уроки джериды¹⁸

у проводника нашего Хисса, готового не щадить лошадей своего хозяина за лишний глоток рома в награду за свои лекции, — то направляли коней против седых волн моря, яростно налетавших на отлогий берег и разбивавшихся мелкими брызгами о самые копыта. Не замечая времени, мы домчались таким образом до самых стен Сан-Жан-д'Акра, древней Птолемаиды, и остановились пораженные дивом: неприступной крепости никто из нас не заметил!

Мы смотрели во все стороны, воображая видеть ряд гранитных укреплений, наполненных войсками, униженных пушками, и ровно ничего не увидели. Плохие деревянные ворота даже не стереглись часовыми, — ни о какой военной строгости не было и речи.

Где же ныне грозные твердыни твои, могучая Акра? Где твои смертоносные бойницы, столько раз испытавшие силу древних и новых завоевателей, — первые не преклонившие гордую главу перед знаменами величайшего из полководцев Европы, — первые видевшие безнадежное отступление от зубчатых стен своих любимца победы, гениального султана франков, как называли его на Востоке? Англичане, воспользовавшись раздором Мегемета Али с Портой, разрушили, почти до основания, все укрепления Сан-Жан-д'Акра, считавшиеся до того времени неприступными, и турецкое правительство не возобновляло их более.

Мы остановились в Акре не более часа, для подкования лошадей; посидели в кофейне, ибо по пустым улицам ходить было скучно и глядеть нечего, и едва только кузнец кончил работу, выехали на полевою сторону крепости, застроенную, вместо бойниц, прекрасными садами.

Проехав несколько времени богатыми окрестностями Акры, мы снова углубились в неприступные утесы, далеко врезающиеся в море. Мыс Белый (cap Blanc) стоит столетним стражем между Птолемаидой и Тиром, и, безгласный свидетель прошедших событий, гордо взирает на вечно ярящиеся окрест его волны. И грозно бушует здесь море, ударяясь со всего размаха в почерневшие скалы, и неистово ревет оно, будто стараясь сбить гранитную подошву векового соперника; но разбиваясь в тысячи брызг об остроконечные ребра мыса, оно отступает, побежденное его твердостью, и катит побелевшие от ярости волны свои далеко в глубину неизведанную!

Природа снова будто омертвела для нас: всюду — едва досягаемые утесы, по которым вьется узкая, чуть проходима стезя; направо — камни на камнях, пропасти за пропастями; налево — необъятное глазом, чернеющее море; над нами точно чистая совесть праведника среди взведенных на него гонений, — прозрачная безмятежная лазурь неба. Мы ехали шагом все выше и выше; мы не разговаривали, пораженные грозной величием пути. Вот лестница Тира «(Echelle de Tyr)!» сказал нам Вицензо; «здесь лошади могут споткнуться на спуске, — не худо взять их под уздцы и осторожно сходить вниз, хотя и это довольно опасно!»

Отдохнув немного в кофейне, устроенной на самом гребне Тирской лестницы, мы последовали совету нашего путеводителя и начали медленно ползти вниз, придерживаясь за выдающиеся со всех сторон глыбы камней и терпеливо таща за собой коней своих. Скоро, однако, подобный род странствования нам надоел донельзя: ноги болели, исколотые рассыпанным по дороге острым щебнем; голова кружилась от жара; лошади следовали за нами нехотя. Мы сели на седла, решившись — лучше ввериться осторожным шагам испытанных коней своих, чем несколько часов мучить себя несносной ходьбой по голым утесам. Долго продолжался скучный и опасный переход; бывали минуты, когда лошадь, оседая назад и упершись передними ногами, высматривала место, где бы ступить надежнее: бывали минуты, когда она дрожала, чувствуя, что один неосторожный шаг повлечет за собой неизбежную гибель ее; бывали минуты, когда и у нас часто замирало сердце, смотря на эти бездны, усеянные острыми камнями, на эту едва проходимую стезю, вьющуюся, как змея, по самой окраине бездны. Благодаря Провидению, мы благополучно перешли грозную лестницу Тира, и скоро увидели себя в самой столице финикиян.

Нынешний Сура (древний Тир) едва вмещает в себе до тысячи бедных, грязных домишек; торговли почти нет никакой; плохая гавань исчезнувшей из мира древней Царицы морей не приманивает к себе ни единого корабля, и только одномачтовые перевозные арабские лодки лениво покачиваются в покинутом порте. О древнем роскошном пурпуре Тира, о смелых бесчисленных галерах его, о поэтической Дидоне или о жестокосердном Пигмалионе, — нынешние обитатели Сура не рассказывают даже в сказках своих, которые любят они столь страстно.

Мы объехали кругом Сура и не увидев никаких остатков древности, кроме самых ничтожных развалин стены, кое где выдающейся из моря, — вероятно, руине моста, связывавшего порт с сушей, — продолжали путь наш до другого града, вычеркнутого из семьи городов Сирии, — до древнего Сидона.

Путь проходил все по берегу моря. Направо от нас лежали песчаные степи, налево разные деревушки и селения лепились к самым окраинам побережья, множество трактиров (ханов) и кофейн, через каждый полчаса, предлагали нам отдых и прибежище, а свежий весенний ветерок, навевая на нас аромат моря, магически поддерживал наши силы и не позволял чувствовать ни малейшей усталости. 31 марта мы въехали в Сидон (нынешняя Саида) и сошли с коней у дверей кофейни, построенной в самом порте.

И здесь как в Тире, все грустно, бедно и безжизненно; самые жители, как бы нехотя, занимаются мелочными своими интересами; какое-то уныние видимо царствует повсюду; даже море, точно с ленью, окачивает выказывающиеся из волн его остатки древней стены, — может быть, разва-

лины одного из дворцов и храмов древнего Сидона, может быть, каменные грани, защищавшие богатые галеры его от яростных волн знакомой им пучины. Нынешняя Саида славится только великолепно-тучными лугами, куда богатые обитатели Бейрута отправляют на пастбища дорого ценных коней своих.

Удалившись немного для сокращения пути, от моря, мы взяли в сторону и, перед закатом солнечным, разбили стан наш среди восхитительной равнины, спустившись с пригорка, на котором висели развалины массивной, давно покинутой мечети. Отсюда оставалось несколько часов до Бейрута: там ожидали нас быстролетные пароходы, со всеми удобствами: там каждый из нас рассчитывал получить вести из Европы. Дальний и опасный путь был кончен благополучно; мы были в восторге, припоминая преодоленные лишения, и восхищаясь грядущими наслаждениями в образованном кругу давно покинутого общества. В этот последний день нашего странствования по Сирии, природа точно хотела запечатлеть в нашей памяти неподражаемые красоты свои и, будто для образца, соединила здесь и свое творчество и дело рук человека — своего любимца. Широкое поле, заслоненное с одной стороны начинающеюся цепью гор Ливанских, было перерезано, по разным направлениям, речками и каналами; многочисленные стада домашних животных, с радостным ржанием и мычанием, бежали к водопою; в воздухе вились птицы, оглашая его своим щебетанием; а два удивительно сохранившиеся римской постройки моста, стояли живыми памятниками бывшего здесь благоденствия и довольства.

Мы поздно вошли в палатки, насладившись в последний раз благодатной негой сирийской ночи, и на другой день, встав до восхождения солнца, бодро вскочили на коней, горя нетерпением увидеть себя в Бейруте.

Утро было туманное, холодное. Надлежало ехать шагом, ибо глубокие пески, по которым проходили мы, напоминали нам наше странствие по пустыне Эль-Ариша; но мало по малу разъяснилась погода, и самая местность начала делаться разнообразнее: игривые потоки струились тут и там, их берега пестрелись цветами и деревьями; а в нескольких шагах от изящных лугов начиналась снова песчаная равнина, инде засыпанная горами морских камней и раковин, инде изрытая глубокими обвалами и рытвинами. Хребты Ливана рисовались все яснее и яснее; лучи солнца медленно рассеивали нависшие на них туманы, и скоро они явились перед нами во всем торжественном своем величии. Отдаленные домики бейрутского предместья, мгновенно выказывающиеся из заслоняющих их сосновых рощей, предстали перед нами: мы вонзили шпоры в ребра коней и быстро понеслись к стенам города.

Предместья бейрутские простираются на довольно большое расстояние от города. Они населены маронитами, греками, евреями и разными

европейскими мастеровыми и мелкими промышленниками; они застроены трактирами, кофейнями и несколькими дачами богатых городских обывателей; в них вечно кипит торговля и разного рода деятельность; по праздникам, то и дело, там слышатся песни и музыка; там устроен деревянный театр, в котором даются странствующими по Востоку актерами разные итальянские оперы, драмы и водевили, — даются усердно, ежедневно и по крайнему уразумению; там находится знаменитая сосновая роща (*bois de sapin*) — предмет восхищения бейрутских жителей, обыкновенное место любовных свиданий молодежи, иногда сходбище несчастных соперников, решающих в ней с оружием в руках свои несогласия, любимая прогулка молодых и старых, постоянная цель для пикников и других общественных увеселений, — одним словом, это Елисейские поля Бейрута, где вы смело можете встретить; кого хотите, — стоит только выехать туда между 4 и 5 часами по полудни.

В городе находятся несколько гостиниц; мы остановились в самой лучшей, *Hotel d'Orient*, устроенной в нескольких шагах от дома нашего генерального консульства. Гостиница бесподобная и недорогая; хозяин ее *signor Giovanni*, своей вежливостью, предусмотрительностью и услужливостью невольно заставляет позабыть, что находитесь на Востоке, в стране лишений, где каждый живет по своим понятиям. Самое расположение гостиницы поражает своей оригинальностью. Огромный квадратный зал составляет центр всего здания; он вымощен гладкими мраморными плитами, и совершенно не имеет никакой кровли: лучи солнца безвозбранно проникают вовнутрь его, оживляя своей теплотой пирамидально возвышающийся посреди его богатый цветник южных растений, а приморский ветерок постоянно сохраняет в нем самую приятную атмосферу. Бывают и здесь конечно дожди и непогоды, но что значат они в благодатном климате Сирии.

В стенах открытого зала проведены краны с чистой холодной водой — первой необходимостью на Востоке; а по бокам его устроено множество комнат, роскошно снабженных всем, что нужно для путешественников.

Возвышенная терраса будто висит над зданием. Войдите туда и, сев на одну из симметрически установленных скамеек, полюбуйтесь бейрутскими видами. Безбрежная, непроницаемая оком, синева Средиземного моря прежде всего привлечет к себе ваше внимание: то тихо зыблется она, ласково покачивая мачты судов, стоящих в гавани; то неистово мечется покрытая седыми валунами и с диким воем разбивается о каменистые берега пристани, и точно негодует на дерзкого человека, подчинившего и ее, необузданную, могучей воле своей: с помощью полотна и клубов пара, осмеливающегося гулять по всем направлениям лона ее и перелетающего, по воле своей ее пространные пределы, недоступные даже и орлам небесным, — этим могучекрылым созданиям Всевышнего».

Порт бейрутский находится в непрерывной деятельности, в вечном движении; парусные суда и пароходы ежедневно приходят в гавань с товарами и пассажирами, или отходят из него, нагруженные туземными произведениями. Сотни белеющих парусов постоянно красуются в виду бейрутского побережья.

Бейрут выстроен почти у подошвы Ливана, на том же самом месте, где существовал и древний Берит Финикийский, известный своим богатством и прославленный легендой о морском драконе, пораженном копьем небесного всадника. Положение города восхитительно: зеленые, исчезающие в облаках вершины ливанские, будто венцом утесов, заслоняют его со стороны Триполи и Дамаска; а широкая песчаная равнина отделяет от побережья. Высокие стены монастырей греческих и маронитских и зубчатые замки владетелей Друзов, попеременно являющиеся между зелеными высотами Ливана, поэтически красуются в едва доступном для глаза отдалении; они находятся в расстоянии нескольких часов езды от города, и гостеприимно принимают в недра свои семейства бейрутских обитателей, имеющих обыкновение удаляться туда при наступлении лета, для того, чтоб провести время жаров в умеренной полосе богатого и поэтического хребта ливанского.

Нынешний город, хотя далеко уступающий в богатстве и красоте древнему, имеет однако несколько довольно хороших зданий, к числу которых должно отнести огромные и еще не оконченные казармы и прекрасный Дом сестер милосердия; а также некоторые дома иностранные консулов и богатых негоциантов. Улицы, правда, ничем не отличаются от улиц прочих городов Востока, но они шире и чище каирских; игривые фонтаны, расположенные в разных частях города, обильно наделяют водой всех жителей; а роскошные, устроенные со всей затейливостью восточной неги, бани, невольно приманивают на упоительные мраморные скамьи свои, как сирийцев, так и путешествующих европейцев. Базары и каравансарай немногим уступают в обширности базарам и каравансараям Стамбула, и снабжены всевозможными товарами; но туземные изделия в них столь же редки, как и повсюду, ибо дешевизна и доброта европейских произведений совершенно убила все фабрики Востока, и слава ковров, шалей, шелковых тканей и добротных клинков — существует здесь только по преданию.

По примеру прочих городов Востока, Бейрут окружен со всех сторон высокими стенами, кое где украшенными далеко не воинственными башнями. Укрепления со стороны моря находятся в развалинах: они разрушены английской эскадрой, во время занятия Сирии войсками Ибрагима-Паши.

Я прожил несколько недель в Бейруте, по причине случившейся неисправности австрийской пароходной компании «Ллойд» и пользуясь добродушным гостеприимством и любезностью нашего генерального консула,

К.М.Базили, имел случай видеть бейрутское общество. Оно не велико, как всюду на Востоке, но тем не менее приятно и очаровательно; в образованном кругу его, постоянно следящим за всем, что происходит в Европе, я проводил свои вечера с истинным наслаждением.

Давно ожидаемый пароход «Germania» прибыл из Яффы. Я в последний раз простился со своими бейрутскими приятелями. Звонок загредел, машина засвистела, — мы весело понеслись к Кипру. Было 23 апреля.

- 1 Восточное восклицание: Слава Богу!
- 2 Т.е. Самсон — *К.В.*
- 3 Клод Форбен (Claude de Forbin-Gardanne, 1656–1733) — граф, французский флотоводец. Имеется в виду книга: Voyage de le Levant en 1817 et 1818 par Mr le Cte de Forbin. Paris, 1819 — *К.В.*
- 4 Жан де Тевено (Jean de Thévenot, 1633–1667) — французский путешественник по Ближнему Востоку — *К.В.*
- 5 Восточное восклицание: мир вам!
- 6 Мы потеряли дорогу — (итал.).
- 7 Жулик и каналья — (итал.).
- 8 *Фр.* «Путеводитель по Востоку».
- 9 Мечеть — (араб.).
- 10 Он переменял место в дворце дьявольском! — (итал.).
- 11 Т.е. «Путеводителя» — (франц.).
- 12 Мечеть Омара (именуемая по-арабски Эль Хаарам: заветная) считается одной из священнейших зданий Магометанства. Она выстроена на холме Мориа и как полагают, на самом месте древнего храма Соломонова. Мусульмане и преимущественно сирийские поклонники Магомета питают к ней особенное благоговение. Не только доступ в середину ее запрещен всякому неправоверному, но даже никто, кроме мусульманина, не может посмотреть на нее. Бывали примеры, что некоторые путешественники приезжали из Константинополя с фирманами Порты, позволявшими им осмотреть эту мечеть, но паши и градоначальники Иерусалимские отказывались от исполнений фирмана, боясь дать повод мятежу, который неминуемо вспыхнул бы, при виде европейца, дерзающего перешагнуть за заповедную черту.
- 13 «Этого хочет Бог!» — (франц.).
- 14 Желание иметь многочисленное потомство, еще со времен библейских, было развито в высшей степени на всем Востоке: богатые и бедные, знатные и простолюдины, одинаково гордятся множеством детей, одинаково смеются над теми, кто их не имеет. Беда женщине, признанной не способной к деторождению; она отвергается мужем, изгоняется из семьи своей, делается посмешищем подруг; один разврат остается ее уделом, и она предается ему, чтобы снискать себе пропитание. Для спасения себя от подобной гибели, женщины не отступают ни от одного средства и, странно, что, как

христианки так и мусульманки, верят одинаково: что достаточно провести несколько ночей в Храме Воскресения, при наступлении праздников Святой Пасхи, чтобы непременно сделаться матерью. Враги православия и католицизма объясняют этот предрассудок по-своему.

¹⁵ Смола Иудеи — (франц.).

¹⁶ Греческий монах, существовавший, неизвестно, в какой столетии, написал, в подражание Апокалипсису, политические предсказания. Греки и восточные славяне питают к этой книге не обыкновенное доверие и уважение. Странно, что у турков и у арабов существуют предсказания, совершенно в духе Агафангела, а, может быть и заимствованные от него; меня уверял в Каире один английский ориенталист, что арабский предвозвещатель провозглашает именно: что последний султан в Константинополе будет называться Абдул-Меджидом.

¹⁷ Так в тексте — *К.В.*

¹⁸ Джирит — тонкое короткое метательное копье — *К.В.*

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО И РДМ В ИЕРУСАЛИМЕ В ОТНОШЕНИЯХ С ИЕРУСАЛИМСКОЙ ПАТРИАРХИЕЙ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Священник Максим Янышевский

В начале XX века отношения между Генеральным консульством в Иерусалиме, Иерусалимской Патриархией и Русской духовной миссии претерпевали резкие изменения. Так, генеральный консул А.Г. Яковлев проявил себя последовательным сторонником жесткой линии по отношению к грекам, и покровителем русской деятельности на Святой Земле. Он держался мнения, что: «Русские деятели (РДМ, ИППО) <...> находятся как бы в кабале у православной патриархии»¹. А сменивший его А.Ф. Круглов держался иного взгляда. По его мнению, «интересы православия и успех нашей в Палестине Миссии требует сосредоточения всей духовной власти в руках Патриарха»². В чем же основные причины такого различного мнения, и с какими внутренними взаимоотношениями наши иностранные представительства встретили 1914 год?

А.Г. Яковлев, занимавший пост генерального консула с 1897 по 1907 гг., весьма категорично относился к деятельности Иерусалимской Патриархии. Во многом причиной столь натянутых отношений явился спор А.Г. Яковлева с Иерусалимским патриархом Дамианом за право обладания лаврой Харитона Исповедника. Фаранская лавра была основана в 330-х годах, и является одним из самых древних монастырей Святой Земли. Из-за тяжелого положения христиан в исламском государстве, лавра оказалась заброшенной, и лишь в конце XIX — начале XX века в ней вновь возродилась монашеская жизнь. Землю, на которой находился древний монастырь, приобрел на свое имя подданный Российской Империи Д.А. Попов. Узнав об этом приобретении, Иерусалимская Патриархия выступила против, заявив о своих правах «на все христианские развалины в Палестине»³. Российскому генеральному консульству пришлось включиться в юридическое разбирательство. В данном споре греческое духовенство использовало все возможные средства, и разбирательство приобрело та-

кой масштаб, что в Айн-Фарское дело включились Берлин и Петербург. В итоге, МИД Российской Империи предписал послу в Константинополе И.А. Зиновьеву «дать понять Иерусалимской Патриархии, к каким печальным и даже пагубным последствиям может привести тот путь, на который она вступила в своих отношениях с российским представителем, а равно и с нашею Духовною миссией в Святой Земле»⁴. В данном вопросе генерального консула в Иерусалиме полностью поддерживал посол в Константинополе И.А. Зиновьев. В своем донесении министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу он отмечал: «Иерусалимская патриархия далеко не всегда благожелательно относится к нашим интересам и учреждениям в Святой Земле»⁵.

Указанная неуступчивость дорого обошлась А.Г. Яковлеву. Патриарх Дамиан не смог забыть нанесенную обиду. По словам А.Г. Яковлева, «после Айн-Фарского дела патриарх задался одной целью: удалить меня отсюда и удалить с позором»⁶. Свою роль сыграло и свидание А.Г. Яковлева с великим визирем. Свидетелем встречи явился Константинопольский патриарх, и в Иерусалим передали, что А.Г. Яковлев перед турецкой властью неуважительно выразился о главе Иерусалимской Церкви. Патриарх Дамиан обиделся, и до минимума свел свои отношения с представителем Российского МИДа.

В декабре 1905 года А.Г. Яковлев донес И.А. Зиновьеву, что Блаженнейший Дамиан так и не совершил ответный визит в генеральное консульство. А.Г. Яковлев трижды был у Дамиана, но патриарх добивался еще одного свидания, дабы всем показать «что он заставил меня прийти к нему просить прощения. Я не могу этого сделать. Это было бы для меня очень большим унижением»⁷. И.А. Зиновьев предпринял попытку изменить отношения между генеральным консулом и Иерусалимским патриархом. Он обратился к великому визирю с просьбой сообщить подробности свидания с А.Г. Яковлевым. Великий визирь был крайне удивлен и сообщил, что ничего оскорбительного относительно Иерусалимского патриарха сказано не было. А, Вселенский патриарх, от которого якобы и пошла информация, не присутствовал на данной встрече. Согласно письму И.А. Зиновьева, великий визирь был крайне недоволен, что «его имя было примешено к интриге, имевшей явную цель нарушить добрые отношения»⁸ между патр. Дамианом и генеральным консулом А.Г. Яковлевым. Сам же И.А. Зиновьев выразил уверенность, что данное письмо убедит патриарха в лживости дошедших до него слухов, и добрые отношения восстановятся. Но послу в Константинополе не удалось примирить враждующих до самого отъезда Яковлева из Иерусалима.

Новый генеральный консул А.Ф. Круглов руководил российским представительством в период с 1907 по 1914 гг. Вся непростая обстановка, связанная с политикой России на Святой Земле, была ему известна. До

своего нового назначения А.Ф. Круглов исполнял должность секретаря генерального консульства в Иерусалиме. Заняв руководящую должность, А.Ф. Круглов, в первую очередь постарался «установить <...> доброжелательные отношения с главой Иерусалимской Православной Церкви»⁹. Как мы видим, новому генеральному консулу сделать это удалось. Теперь, в ежегодных отчетах наше представительство отмечало доброжелательность патриарха по отношению к русским паломникам, различным просьбам Генерального консульства и деятельности Русской Духовной Миссии. В отчете за 1908 год было отмечено благословение Иерусалимского патриарха строительства русского храма в Хевроне, у дуба Мамврийского. В отчете за 1910 год был подчеркнут радушный прием экипажей русских канонерок «Терец», «Хивинец» и «Донец»¹⁰. И даже такие незначительные просьбы, как желание установить у Святого Гроба неугасимую лампаду в память почившего великого князя Сергея Александровича¹¹, всегда принимались во внимание главой Иерусалимской Церкви. Генеральный консул рапортовал: «никаких недоразумений не обнаружилось. Он (патриарх Дамиан — примечание автора) всегда с обычной любезностью исполнял все просьбы, с которыми Генеральному консульству приходилось обращаться в православную патриархию по делам русских подданных»^{12 13}.

Но, наладив отношения с Иерусалимской Патриархией, А.Ф. Круглов испортил добрые отношения с Русской Духовной Миссией.

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме начала свою деятельность в 1847 г., и первоначально располагалась в иерусалимском Архангельском монастыре. Однако к 1914 г. РДМ представляла собой уже целую инфраструктуру, состоявшую из храмов, монастырей, гостиниц для паломников и земельных участков. К ней относились и две женские монашеские общины — Горненская и Елеонская, общее число сестер которых достигало 380 человек. Миссии принадлежало 6 храмов и несколько молитвенных домов, где совершались для паломников богослужения. Также миссия обладала 11 странноприимными домами, приютами для детей-сирот и богадельней для престарелых женщин. Все перечисленное Русская духовная миссия создала благодаря самостоятельной деятельности. В этот период, Миссию возглавлял архимандрит Леонид (Сенцов), который существенным образом отличался от своих предшественников. Леонида во внутренней министерской переписке прямо сравнивали с архимандритом Антонином (Капустиным) и, можно представить, какую «головную боль» представлял собой начальник Миссии для иерусалимских иерархов.

Русская духовная миссия осуществляла самостоятельную деятельность на территории Святой Земли, возглавлялась Святейшим Синодом и не подчинялась Иерусалимской Патриархии. Данное положение дел не нравилось греческим иерархам, и в этом вопросе их полностью поддерживал наш генеральный консул А.Ф. Круглов. В личной беседе с ар-

химандритом Леонидом он настаивал, что начальник Миссии нарушает каноническое право Иерусалимской Патриархии, и призывал «признать канонически неизбежным подчинение духовному главенству и высшему руководству Иерусалимского патриархата во всех делах касающихся Церкви»¹⁴. Но, как сам признавался А.Ф. Круглов, все его слова: «не только совершенно игнорировались, но принимались даже за враждебные, как направленные к защите «греков»¹⁵.

Самостоятельная деятельность Русской миссии не нравилась и Генеральному консульству. Более всего хлопот доставляло незаконное строительство архимандритом Леонидом храмов для паломников. Турецкое правительство запрещало покупать земли, недвижимость и юридически затягивала дела связанные со строительством. Подобная система сдерживания породила систему обхода распоряжений властей. Здания стали возводиться без всякого разрешения. Многие из резидентов иностранных государств прибегали к этому способу. Таким же образом поступал и начальник Русской духовной миссии архимандрит Леонид (Сенцов). Все попытки А.Ф. Круглова остановить архимандрита Леонида заканчивались провалом. Как пример, можно рассмотреть строительство нового храма в честь Святой Троицы в Горненском монастыре.

25 ноября 1910 года, Иерусалимский губернатор обратился в Генеральное консульство с официальным уведомлением о том, что «проживающие в Горнем, русские приступили к постройке там церкви, не имея на то необходимого по закону разрешения и просил о прекращении самовольной постройки»¹⁶. Устная просьба переданная архим. Леониду А.Ф. Кругловым осталась не выполненной. Тогда, Иерусалимский губернатор Азми-бей 6 декабря 1910 года вновь обратился к генеральному консулу с письмом, в котором просил «о скорейшем приостановлении незаконных строительных работ в Горнем до получения официального разрешения»¹⁷. Данные обращения иерусалимского губернатора заставили А.Ф. Круглова выложить в письме послу в Константинополе все свои переживания. Слова в письме были полны скрытого раздражения и ставился вопрос о том, «насколько для государственных интересов Империи важно и необходимо, да и вообще, необходимо ли в двух шагах от старой «Антониновской» церкви в Горнем строить там еще вторую «Леонидовскую» без разрешения и ведома не только турецкого, но и нашего правительства»¹⁸.

Эта проблема строительства храмов в обход местных турецких законов заинтересовала Первый департамент МИД, который попросил посольство в Константинополе «уведомить, имеет ли оно намерение предпринять по сему поводу какие-либо шаги»¹⁹. В ответ Н.В. Чарыков сообщил, что незаконное строительство может: «создать нежелательные осложнения с турецкими властями. Принимая, однако, во внимание, что начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме ни в каком отношении не подчиняет-

ся Генеральному консульству и не состоит в ведении последнего, Императорскому посольству не представляется возможности предпринять по сему поводу какие-либо меры, применимые вообще на деятельность архимандрита Леонида лишь через посредство его духовного начальства»²⁰.

Время шло, и строительство продолжалось. 5 июля 1912 года иерусалимский губернатор вновь обратился с официальным посланием к нашему генеральному консулу, в котором сообщил, что «начальник Русского учреждения <...> продолжает, вопреки данным распоряжениям, постройки <...> в деревне Айн-Кярем <...> без получения на то разрешения следуемого по правилам и закону шариата»²¹. Копия обращения губернатора была послана А.Ф. Кругловым начальнику Иерусалимской миссии, но, согласно его донесению от 10 августа 1912 года, «до сих пор Генеральное консульство не могло получить даже ответ на посланное сообщение»²².

Таким образом, активные действия архимандрита Леонида (Сенцова) лишь ухудшали отношения Русской духовной миссией с Генеральным консульством. В итоге, все переросло в личную неприязнь²³, и вылилось в попытку патриарха Дамиана и генерального консула А.Ф. Круглова дискредитировать начальника РДМ в глазах столичного начальства.

События развивались следующим образом. 5 июля 1912 года губернатор Иерусалима обратился в Российское генеральное консульство с официальным протестом против деятельности начальника Миссии. А через несколько дней — 9 июля 1912 года с жалобой на начальника Миссии, но уже в Петербург, обратился Иерусалимский патриарх Дамиан. Глава Иерусалимской Церкви писал в Святейший Синод о враждебной «в отношении патриархии и всего православного палестинского духовенства деятельности (архимандрита Леонида) клонящуюся к умалению Святой Церкви Иерусалимской и к разрыву священных уз, соединяющих матерь Церквей со Святой Церковью Российской»²⁴.

Как мы видим, жалобы последовали в одно время. Был ли сговор между губернатором и патриархом — неизвестно. Возможно, глава Иерусалимской церкви, узнав о протесте губернатора, решил своим письмом показать Петербургу, что начальник Миссии своими шагами только осложняет отношения как с государственной, так и с церковной властью Палестины. Естественно, для прояснения картины посольство в Константинополе, предписанием от 10 июля 1912 года, потребовало у своего представителя в Иерусалиме А.Ф. Круглова отзыв по обвинениям патриарха. Через месяц, 10 августа 1912 года, он дал свой ответ, по сути, явившийся новым обвинением начальника РДМ.

В своем отзыве А.Ф. Круглов прикрыл греческое духовенство от обвинений, поставив знак равенства между «началами» той политики, которую проводила Российская Империя на Востоке и «началами», которыми руководствовалась Иерусалимская Патриархия. И задал вопрос: действия

начальника Духовной миссии соответствуют ли этим «началам»? Ответ был категоричным: способы, которыми пользуется архимандрит Леонид, характер мероприятий «налагают на его деятельность отпечаток, не соответствующий строго проводимому императорским правительством взгляду и заставляют признать ее идущей в разрез с начертаниями императорской власти»²⁵.

По мнению генерального консула, архим. Леонид занял позицию, не позволяющую говорить даже о дружественных отношениях между Патриархом Иерусалимским и представителем Святейшего Синода. «Все сношения архимандрита Леонида с Патриархией заключаются единственно в сослужении во время царских праздников в храме Святого Воскресения <...> да в приглашении патриарха на службы в наших церквах в определенные дни года»²⁶. В своем письме, А.Ф. Круглов подчеркнул, что в своих отдельных донесениях и ежегодных отчетах не упускал случая отмечать неправильный образ действий начальника РДМ, и предупреждал, что «не будет ничего удивительного, если односторонняя доброжелательность патриарха, под влиянием вышеприведенных причин и других обстоятельств изменит свой характер»²⁷. В этот же день, в довершение ко всему написанному, А.Ф. Круглов переслал в Константинополь и Петербург официальную жалобу иерусалимского губернатора на начальника РДМ по поводу продолжения неразрешенного строительства в Горнем.

Таким образом, позиция Российского генерального консульства в Иерусалиме при А.Ф. Круглове свелась к апологии Иерусалимского патриарха Дамиана и критике начальника Русской духовной миссии.

Необходимо отметить, что жалоба патриарха Дамиана на начальника РДМ, в истории отношений Иерусалима и Петербурга, была не первой. В 1910 году, по этому же поводу, Святейшему Синоду Российской Церкви пришлось создавать специальную комиссию, под председательством Ярославского архиепископа Тихона (Белавина), которая полностью оправдала действия архимандрита Леонида в Святой Земле.

Копия заключения данной комиссии хранилась в Стамбуле. 2 октября 1912 г., Первый департамент МИД попросил Российское посольство в Константинополе переслать искомый документ. Интересно, что впоследствии на документе 1910 года карандашом была сделана пометка: в данном документе «содержится оправдание всех действий архимандрита Леонида от возводимых на него статским советником А.Ф. Кругловым»²⁸. Таким образом, Петербург отзыв А.Ф. Круглова, генерального консула в Иерусалиме, воспринимал именно как официальное обвинение.

В рассматриваемый нами период, посольство в Константинополе возглавил М.Н. Гирс. Столкнувшись с данной ситуацией, опытный дипломат предпринял следующие шаги. В письме от 27 мая 1913 года Г.Н. Трубецкому он высказывал полное доверие деятельности архимандрита Леонида

да: «По тщательной проверке <...> Императорское посольство пришло к заключению, что обвинения патриарха Дамиана <...> не соответствуют действительному положению вещей, и <...> деятельность архимандрита Леонида в Палестине должна быть признана корректной по отношению к патриархии и весьма полезной с точки зрения поддержания православия в крае и заботах о русских паломниках»²⁹. Таким образом, новый посол в Константинополе встал на защиту представителя Святейшего Синода.

В Константинопольском посольстве было принято решение положить конец существующим открытым трениям не только между Генеральным консульством и Духовной миссией, но и русским духовным представительством с Иерусалимской Патриархией. Для этого, в первую очередь, посольству понадобилось привести в единство с собой позицию Генерального консульства в Иерусалиме по отношению к деятельности архимандрита Леонида (Сенцова).

Доверительным предписанием от 14 января 1913 года М.Н. Гирс обратился к генеральному консулу в Иерусалиме А.Ф. Круглову: «Из внимательного рассмотрения представленной <...> копии жалобы <...> явствует, что содержание означенной жалобы во многом не соответствует фактическому положению вещей, вообще неправильно освещая деятельность представителя Российского Синода в Иерусалиме. По сведениям Императорского посольства архимандрит Леонид заботится о благоустройстве учреждений Духовной миссии, ея церковей, участков и памятников древности, одновременно выказывая попечение о русских паломниках <...>. Таким образом, деятельность Духовной миссии является полезной с точки зрения русских интересов в Палестине и соответствует исконной политике России, направленной к поддержанию православия в Святой Земле»³⁰.

В своем отчете А.Ф. Круглов подвергал нападкам стремление о. Леонида к созданию независимого русского центра, назвав эти шаги противоречащими российской политике. В ответ М.Н. Гирс тенденцию, направленную на независимость, именовал положительной, потому как она, с одной стороны, выливается в форму «вполне культурную и гуманную по отношению к нашим паломникам»³¹, с другой, способствует распространению и укреплению русского влияния на Востоке.

Для того, чтобы в Иерусалиме усвоили новое видение церковной политики, М.Н. Гирсу пришлось несколько раз в ультимативной форме подчеркнуть, что действия Миссии вполне правильны и они не нуждаются в корректировке. Таким образом, через жесткую позицию посла, Российское посольство привело в единство официальную позицию наших зарубежных представительств по отношению к деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме.

В вопросе взаимоотношения Иерусалимской патриархии и Русской духовной миссии М.Н. Гирс понимал, что сделать эти связи искренними и

дружескими в короткий срок не удастся. Слишком много разногласий. Но, погасить открытое недовольство представлялось возможным. Для этого, М.Н. Гирс воспользовался теми добрыми отношениями, которые сложились между А.Ф. Кругловым и патр. Дамианом.

Так, в письме от 14 января 1913 года генеральному консулу, как представителю Российской Империи, предписывалось, используя весь такт и опытность, склонить «патриарха Дамиана восстановить с архимандритом Леонидом те мирные и доверчивые отношения, которые представляются в высшей степени желательными между главой Иерусалимской Церкви и представителем Российского Правительственного Синода в Палестине»³². О всех мерах, которые будет принимать Генеральное консульство, А.Ф. Круглов должен был донести в Российское посольство. Чтобы полностью разбить иллюзии А.Ф. Круглова в «безгрешности» Иерусалимского патриарха, М.Н. Гирс напомнил о событиях 1909 года, когда восставшее Святогробское братство низложило Дамиана. В этот тяжелый момент архимандрит Леонид принял сторону главы Иерусалимской Церкви, проявив заботу о личной безопасности изгнанника, и, своими последующими тактичными действиями, значительно способствовал воцарению мира в Иерусалиме. «В благодарность», после окончания «бунта», патриарх в Петербург отправил жалобу, в которой говорилось о нарушении начальником Миссии канонических прав Иерусалимской Церкви.

Но, как показывают документы, первые шаги к сближению Русской духовной миссии и Иерусалимской Патриархии совершил сам архимандрит Леонид (Сенцов). Вернувшись из России начальник Миссии, вероятно, руководствуясь новыми указаниями Святейшего Синода, «круто изменил свое прежнее оппозиционное отношение к главе Иерусалимской Церкви, — пишет в донесении А.Ф. Круглов, — и вместо постоянного стремления отдалиться от блаженнейшего Дамиана, ныне предпринял некоторые меры с целью, по-видимому, установить с ним, хотя бы внешним образом, сношения»³³.

По приезду, архим. Леонид преподнес патр. Дамиану подарок — икону и, испросил у патриарха благословение участвовать в патриаршем богослужении на праздник Крещения Господня. Обычно, в этот день служба совершалась начальником Миссии в русском Троицком соборе. Ответно Патриарх служил с начальником Миссии 13 января на Елеоне, в день памяти игумена Парфения, чего за последние годы не происходило.

На последовавшей личной встрече с патриархом начальник Русской миссии поднял вопрос о жалобе, что отправил Дамиан в Святейший Синод. Он просил «не верить печатным заметкам, будто бы он вызвался в Россию по поводу этой самой жалобы, о которой он в первый раз узнал в Императорском посольстве в Константинополе и был удивлен приписываемым ему деяниям, на деле не существовавшим»³⁴. Глава Иерусалимской Церкви еще не знал, каким будет официальный ответ Петербурга,

и это позволило ему заявить, что доброжелательство патриарха «к России и, вообще, к русским деятелям настолько всем известно, что ему нет надобности об этом и говорить»³⁵. Но он был вынужден в послании еще раз заявить о нежелательных фактах, разделяющих две братские Церкви, потому как объяснения Святейшего Синода от 1910 года не оправдывают незаконных действий начальника Русской миссии.

На слова Иерусалимского патриарха сразу же последовала реакция М.Н. Гирса, который заявил генеральному консулу, что все действия Русской духовной миссии корректны, и он не может признать объяснения блаж. Дамиана удовлетворительными, потому как в них проскальзывала мысль, что «отношения между Иерусалимской Церковью и Русской духовной миссией в Палестине станут мирными только в том случае, если нежелательные факты, которые приводил патриарх в своей жалобе, будут изменены»³⁶. Между тем, «таких нежелательных фактов нет, и деятельность архимандрита Леонида должна быть признана правильной и полезной»³⁷.

М.Н. Гирс вменил в обязанность А.Ф. Круглову: в «весьма доверительной и тактичной форме» обратить внимание патриарха «на это последнее обстоятельство» и разъяснить ему, что восстановление добрых отношений «в не меньшей степени зависит от самого патриарха Дамиана»³⁸. Чтобы на деле доказать искренность доброжелательства греческого иерарха к России, патриарху было предложено помочь Русской миссии приобрести участок под строительство гостиницы на берегу реки Иордан.

А.Ф. Круглов расписывался в своем бессилии что-либо сделать, потому как получить место Святого Крещения желали не только православные, но и другие вероисповедные группы, имеющие «гораздо большие средства, чем мы»³⁹. Согласно докладу генерального консула, только Иерусалимской Патриархии удалось построить два небольших монастыря близ Иордана, но грекам до сих пор не удается «добиться у турок закрепления за собою места Святого Крещения»⁴⁰. Любой неосторожный шаг, по словам А.Ф. Круглова, мог нарушить равновесие в этом вопросе.

По мнению А.Ф. Круглова, «невозможность» осуществления данного мероприятия осознавало ИППО и целый ряд начальников РДМ, «поэтому в Генеральное консульство даже не поступало никаких ходатайств со стороны русских подданных или русских учреждений <...> по крайней мере, за мое 18 летнее знакомство с Иерусалимом <...>. Не поступало также никакого ходатайства подобного рода и со стороны начальника Духовной миссии — он такого дела никогда не начинал, а потому и о содействии ему в этом начинании, естественно, не могло быть и речи»⁴¹. Конечно, это была неправда. В отчете за 1911 год, на имя Н.В. Чарыкова, мы находим, что И.Шамутилов, доверенный человек архимандрита Леонида, «и в 1910 и в 1911 году продолжал свои неуместные ходатайства, в которых Генераль-

ное консульство вынуждено было отказывать ему, в виду категорического запрещения центральной власти продажи иностранцам и найма ими земель на реке Иордан»⁴².

Чтобы не оказаться в немилости нового начальства, А.Ф. Круглов предлагал свои, непростые пути приобретения земельного участка на берегу реки Иордан. Так, в отчете за 1912 год мы находим донесение, согласно которому Иорданскую долину обследовали англо-египетские предприниматели, сыновья Лувфуллы-паши из Каира, с целью использовать впоследствии ее под хлопковые плантации. Предположив, что при воплощении в жизнь данного проекта место Крещения будет выкуплено, наш генеральный консул вошел в сношения с нашим посланником в Каире, который хорошо был знаком с данными предпринимателями. И предложил ему начать вести переговоры по поводу будущего выкупа места Крещения на реке Иордан. «Если бы нашлись солидные русские предприниматели, то в случае <...> успешного осуществления проекта Лувфуллы-паши все зависящие от <...> агентства меры содействия будут приняты»⁴³.

Изменились ли отношения А.Ф. Круглова к патриарху Дамиану после новой политики Константинопольского посольства — нет. Генеральный консул продолжал поддерживать Иерусалимского патриарха, в том числе, и в финансовых вопросах.

6 февраля 1914 года секретной телеграммой А.Ф. Круглов сообщил в Министерство о том, что Французское консульство, пользуясь тяжелым положением Иерусалимской Церкви, предложило продать Франции земли Патриархии за 20.000 золотых рублей. На участке земли предполагалось построить иезуитскую коллегия. Согласно словам генерального консула, «по разговору со мною патриарх задержал прискорбную сделку, прося, не может ли Министерство выручить и выдать за счет бессарабских доходов 120.000 рублей авансом»⁴⁴.

В Петербурге забеспокоились, и Г.Н. Трубецкой запросил по этому поводу мнение поверенного делами в Константинополе Гулькевича. Ответ пришел почти сразу. По мнению Посольства, доводы, приводимые А.Ф. Кругловым, не заслуживают внимания, «нося характер неблагоприятного запугивания»⁴⁵.

Иезуитская коллегия может быть построена и на других землях, не зависимо от позиции Иерусалимской Патриархии. Нельзя поручиться и тем, что патриарх Дамиан, получив аванс от России, не воспользуется предложением Французского консульства. «Если бы патриарх и наш генеральный консул, не прибегая к вышеупомянутому приему, ходатайствовали о выдаче <...> авансом части доходов за 1913 год»⁴⁶, то можно было бы удовлетворить их просьбу. Таким образом, мы видим, что эту ситуацию Посольство рассматривало как совместный хитрый ход патриарха Дамиана и генерального консула А.Ф. Круглова.

МИД согласился с позицией Гулькевича, и со своей стороны А.А. Нератов посчитал необходимым предупредить патриарха Дамиана о том, что, в случае продажи земель, хотя бы через третьих лиц, «на коих затем была бы воздвигнута иезуитская коллегия, Патриархия рискует совершенным приостановлением высылки доходов»⁴⁷.

Данные слова были переданы патриарху Иерусалимской Церкви. В ответ, Его блаженство написало пространное благодарственное письмо, с пылкими заверениями о своей любви к России. В нем Дамиан повествовал от тех великих и трудных подвигов, к которым должна быть готова Сионская Церковь, писал о тех колоссальных издержках, которым она подвержена и подвергается, вследствие множества разнообразных ересей и пропаганд, следующих со стороны Запада. И против всего этого вела и ведет свою трудную борьбу Иерусалимская Патриархия, «отстаивая каждую пядь священной почвы Палестины, что она всегда считала и считает первым и высшим своим посланничеством»⁴⁸. Пусть Российская Империя спит спокойной, «нет опасности никакой, чтобы мы уступили, как выше сказано, инославным и прозелитистам почву для деятельности, в особенности же в настоящие дни, когда Святая Матерь Церквей переживает время из тех редких времен, каковые она переживала во всей вообще своей истории»⁴⁹. Но, отягощенная неравной борьбой и потерей доходов с бессарабских имений, греческие иерархи черпают утешение в истории, которая показывает, что великая и богохраняемая православная империя, всегда оказывавшая сострадание Святым Селениям Господним, «не откажет и ныне милостивно взирать на положение святой Сионской Церкви, но опять окажет явные и осязательные доказательства своего благочестивого и великодушного расположения»⁵⁰. И ни слова в послании о предшествующем желании продать земли. Одни только красивые слова. Распоряжение о перечислении 120.000 рублей было сделано 11 марта 1913 года.

Как мы видим, позиции А.Ф. Круглова и А.Г. Яковлева по отношению к Патриарху Дамиану не совпадали. Это хорошо иллюстрирует дело «русских пожертвований», которые совершали наши соотечественники в пользу греческих монастырей Палестины. Еще в 1905 году Хозяйственное управление при Святейшем Синоде отмечало заявления людей, жалующихся на тот факт, что настоятели монастырей, которым делали пожертвования из России, не получали деньги. Возникшая по этому поводу переписка Первого департамента МИД с Генеральным консульством в Иерусалиме выяснила, что все пожертвования, как для Святого Гроба, так и для различных членов Святогробского братства, передаются Иерусалимскому патриарху Дамиану под расписку.

Эта схема действовала по той причине, что все высшее духовенство находилось в его подчинении. «Но патриарх, — писал в 1905 году А.Г. Яковлев — злоупотреблял этим и, передавая деньги своим или некоторым

членам Синода (Иерусалимской церкви — Я.М.Н) любимцам, клал деньги предназначенные остальным в общую кассу. Монах не получивший денег, очевидно не благодарил жертвователя. Последний узнавал в России на почте, что Святейший Синод получил его деньги и писал ему запрос в резкой форме. Святейший Синод отвечал, что деньги посланы Генеральному консульству в Иерусалим. На запрос в еще более резкой форме Генеральное консульство отвечало, что деньги были переданы под расписку патриарху. Адресат же на справки наши и жертвователя нашего отвечал, что никаких денег и писем не получал. В конце концов жертвователь ничего не мог разобрать и составлял себе мнение далеко не лестное для Святейшего Синода или Генерального консульства»⁵¹.

Из личных разговоров с греческими игуменами, российский генеральный консул А.Г. Яковлев выяснил, что: «Патриарх им не только ничего не дает и даже, наоборот, с них берет по несколько сот полуимпериалов в год при отдаче им монастыря в аренду»⁵². В виду такого отношения Иерусалимского патриарха Дамиана, Первый департамент МИД по соглашению со Святейшим Синодом Российской Церкви, предписал Генеральному консульству в Иерусалиме: «во избежание в будущем помянутых недоразумений»⁵³ передавать пожертвования лично в руки адресатам под расписку.

Данный факт возмутил Иерусалимского патриарха, потому как он терял одно из «основательнейших средств к воздействию на подвластных ему игуменов и пополнению кассы патриархии (в среднем около 125.000 франков ежегодно)»⁵⁴. Этим объясняются те многочисленные и настойчивые ходатайства, которыми Иерусалимская Патриархия пыталась удержать пожертвования в своих руках. «Сделайте по-старому, — убеждал А.Г. Яковлева близкий к Дамиану архимандрит Гликерий, — в Министерство же ответите что-нибудь, а там и забудут»⁵⁵.

Последующие дела показали, что предписание МИД Иерусалимской Патриархией было проигнорировано, и при А.Ф. Круглое Российское генеральное консульство вернулось к прежнему способу передачи пожертвований. «Обходной маневр» был произведен на заседании Синода Иерусалимской Церкви, на котором «все адресаты выдали общую доверенность, уполномочившую патриарха на получение всех пожертвований, поступающих из России»⁵⁶. Таким образом, патр. Дамиан вновь оказался «бесконтрольным распределителем следующих из Святейшего Синода сумм»⁵⁷. Трудно судить о том, сколько писем с пожертвованиями получили адресаты. Хотя, можно предположить, что при передаче денег через Патриархию расписки могли иметь формальное значение, представляя из себя, «продукт частного соглашения получателя с блаженнейшим Дамианом»⁵⁸.

В основе дела, которое вызвало бурную переписку, лежит пожертвование госпожи Косицкой. Эта дама изъявила желание пожертвовать Иерусалимской Церкви 15.367 руб. 96 коп., но, адресаты указанную сумму не

получили. По документам можно проследить тот путь, который прошли деньги. Так, 13 декабря 1911 г. 40.926 фр. 65 сант. в виде ассигнаций поступили на счет Первого департамента МИД. После, 2 января 1912 г. они проследовали из Петербурга в Одессу, поезде. Там, 7 января на пароходе РОПиТ они отправились в Яффу. 18 января по прибытию в порт они благополучно были достигли Иерусалима. Размен ассигнаций последовал 11 марта 1912 года, а передача денег началась 18 июня. Об этот свидетельствовала расписка патр. Дамиана, который забрал в указанный день значительную часть — 14.837 руб. 96 коп. из 15.367 руб. 96 коп. Оставшуюся сумму денег Патриарх снимал до 26 июля включительно.

В декабре 1912 года Косицкая обнаружила, что адресаты не получили высланные из России деньги, и написала министру Иностранных дел гневное письмо. «Многие жертвователи направляют свои денежные пакеты в Санкт-Петербург, в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде, а оттуда отправители просят немедленно переслать их деньги по назначению. Спустя месяцев 8 — 10 отправители посылают письма, спрашивая адресатов: получены ли их деньги. Конечно, получатели отвечают, что не получены <...> И вот эта неприятная переписка продолжается около 2-х лет и даже больше <...> Где эта сумма? Кто держит ее до сих пор и для какой цели? Пора бы давно ее доставить в Иерусалим и затем немедленно выдать тому, на кого адресовано, но не другим лицам. Сколько подобная «спешка — задержка» причиняет скорбей тому кто посылает и тому кто получает. Если такое маленькое дело в точности не исполняется, то как же более крупное? Есть предположение, что посылаемую сумму из Синода, кто-нибудь закладывает под проценты, как в России, так и в Турции»⁵⁹.

Это письмо заставило Первый департамент МИД обратиться к генеральному консулу в Иерусалиме А.Ф. Круглову с просьбой «возвратиться к прежнему порядку пересылки пожертвований, поручив <...> передавать таковые непосредственно, помимо Патриархии, и без промедления под расписки адресатов»⁶⁰. Использование этого способа поддержал в своем отзыве и российский посол в Константинополе М.Н. Гирс, назвав его «в высшей степени целесообразным»⁶¹, потому как должен положить конец промедлению в деле выдачи сумм жертвователей.

Генеральный консул А.Ф. Круглов предложение Петербурга встретил без особого энтузиазма. В целом ряде донесений, «составленных в едва ли соответствующем официальной переписке тоне»⁶², он указал на затруднительность их выполнения, и просил о дополнительных инструкциях. Так, на стол М.Н. Гирсу легла толстая переписка между А.Ф. Кругловым и Первым департаментом МИД.

Согласно этой переписке, 8 апреля 1913 года генеральный консул в Иерусалиме в ответном послании в Министерство начал «по косточкам»

разбирать инструкции Петербурга. Вызвало недоумение у А.Ф. Круглова выражение «отступление от нормы» передачи пожертвований. Он подчеркнул, что Консульство передает деньги не на основании решения Синода Иерусалимской Церкви, который не может влиять на образ действия представителя МИДа, а на праве доверенности, которое может получить любой человек.

Генеральный консул напомнил, что в 1908 году МИД рассмотрев этот вопрос признал: «дело передачи пожертвований, с юридической точки зрения, в Иерусалиме поставлено вполне правильно»⁶³, о чем было заявлено и обер-прокурору Святейшего Синода. А.Ф. Круглов указал Петербургу, что сила доверенностей может быть законно отменена только самими доверителями, которым вместо жалоб на не получение денег из России следовало законным образом обратиться в Генеральное консульство, с просьбой отменить силу официальной бумаги. Или же, доверенность «должна быть опровержена судом — никакому другому учреждению, в том числе и Генеральному консульству, не дано законом право отвергать силу доверенности, да еще выданной турецкому подданному»⁶⁴. Поэтому, принимая данные соображения, А.Ф. Круглов и продолжал передавать пожертвования из России предъявителю документа — патриарху Дамиану. Теперь же, в силу долга исполнения служебной дисциплины, необходимой для правильного функционирования каждого учреждения, Генеральное консульство в Иерусалиме принимает упомянутое Министерское предписание.

Коснулся А.Ф. Круглов и вопроса времени, которое тратило Генеральное консульство на передачу пожертвований. Он отмечал, что до распоряжения Министерства передача осуществлялась без излишнего промедления, сейчас же, это время может увеличиться в несколько раз.

Не отходя от дела, генеральный консул в красках описал механизм передачи денег. Так, Хозяйственное управление при Святейшем Синоде препровождает пожертвования — письма и деньги при общей ведомости, число которых порой достигало 1.000 и более. В ведомостях, по словам А.Ф. Круглова, порой можно встретить не только неточности, но и ошибки номеров сумм и назначений. Все эти данные Генеральное консульство перепроверяет. А, принимая в расчет, что «на прочтение безграмотно написанного и неразборчивого письма крестьян, определение сумм, проверки номеров и почтовых переводов требуется, по меньшей мере, 6 минут на каждое письмо, то на одно только это необходимо употребить более 100 часов или, считая канцелярский день в 5 часов, 20 дней непрерывной ежедневной работы специально занявшегося этим чиновника»⁶⁵. А особо го чиновника на это дело в Генеральном консульстве не имеется. Таким образом, вся эта работа производится одновременно с прочими обязанностями, которые также требуют быстрого исполнения. После проверки всех данных следует уточнение общей суммы по ведомости. Лишь после

окончания всей этой кропотливой работы, препровожденный Департаментом вексель меняется в банке и полученная сумма распределяется между получателями. После изготовления отношения, с указанием всех номеров писем и сумм денег, пожертвования передаются лицу, имеющему от получателя доверенность. Все эти последние действия совершаются без задержки, и занимают всего лишь три дня.

Ныне же, с изменением порядка передачи пожертвований, все выше указанные действия дополнятся новыми шагами. Так, придется добавить время на изготовление двойных расписок для вызова каждому получателю отдельно. Если же поверенные патриарха находятся в монастырях Иерусалиме, то могут на запрос явиться сразу же. Если же получатель несет церковное послушание в отдаленных местах, то явиться за деньгами быстро не сможет при всем своем желании.

А.Ф. Круглов в письме попытался заставить Министерство согласиться с собой, что использующаяся им система работает правильно и аккуратно. А задержки, по его мнению, могут происходить из-за действий Хозяйственного управления Святейшего Синода. Таким образом, всю вину за промедление в несколько лет, он попытался возложить на другие плечи, приведя в пример, что «жертвы с просьбой помолиться в Иерусалиме, например, об исцелении болящих, лежали иногда там годами»⁶⁶. Но, в своем письме А.Ф. Круглов не объяснил, почему деньги, полученные патриархом, не дошли до самих получателей. Этот вопрос не стал рассматриваться генеральным консулом, и был затушеван подробным рассмотрением самого механизма распределения денег. При чтении переписки складывалось мнение, что А.Ф. Круглов специально уводил от рассмотрения проблемы взаимоотношений патриарха со своими подчиненными.

В своих последующих действиях, А.Ф. Круглов стал заваливать Первый департамент МИД незначительными вопросами, решение которых было вполне естественным. Так, 8 апреля 1913 года в Петербург отправилось письмо с просьбой разрешить следующий вопрос. В Иерусалим пришла ассигнация в 6.127 руб. 80 коп. кружечного сбора в пользу храма Святого Гроба Господня. А.Ф. Круглов спрашивает, кому выдавать деньги: в пользу Святого Гроба Господня или в пользу храма Святого Воскресения. Далее он дает объяснение, что в храме Святого Воскресения находится Святой Гроб Господень. Храм находится в ведении православного патриарха, латинского куста и армянского патриарха. По существующей практике, в прежние времена, деньги, в этом случае, передавались греческому патриарху, «так как права и привилегии, касающиеся Святого Гроба Господня и храма Святого Воскресения, состоящего под положением о status quo, принадлежат ему»⁶⁷. Это же вопрос в отношении храма Святого Воскресения А.Ф. Круглов задал в ноябре 1913 года, покорнейше прося почтить Генеральное консульство указаниями.

Просил А.Ф. Круглов разобраться и в следующем случае. В марте 1913 года Генеральное консульство получило ассигнацию в размере 665 фр. 78 с. на сооружение и содержание храма в Керак. Во избежание могущих последовать жалоб и недоразумений, он просил «не отказать поставить Генеральное консульство в известность под чью именно расписку оно должно будет впредь выдавать означенную сумму»⁶⁸, потому как в данном случае церковь в Керাকে управляется посланным туда представителем патриарха Дамиана, состоящим в Патриархии на жаловании. В прежние времена деньги пересылались в Патриархию.

В ноябре 1913 года А.Ф. Круглов вновь поднял вопрос о пожертвовании в отношении храма Керака, потому как в Иерусалим «прибыла уже вторая ассигновка на такую же сумму и на тот же предмет, которая вместе с первой до сих пор хранятся в кассе Генерального консульства без движения. Считаю продолжительное хранение это не соответствующим назначению, позволяя себе покорнейше просить Департамент почтить меня надлежащими указаниями по изложенному выше предмету»⁶⁹.

Таким образом, мы видим, как А.Ф. Круглов создавал прецеденты искусственной задержки, в которых виноватым выступало само же Министерство. В дело пришлось включиться послу в Константинополе М.Н. Гирсу. Так, из секретной телеграммы от 23 декабря 1913 года в Министерство мы узнаем, что им было подчеркнуто А.Ф. Круглову «строго придерживаться предписания Министерства относительно непосредственной передачи адресатам, помимо Патриархии, полученных из России пожертвований в пользу разных духовных мест»⁷⁰. Посол также подчеркнул правильность существующего порядка передачи пожертвований, который способен оградить как и Генеральное консульство, так и саму Иерусалимскую Патриархию в нарекании на не получение адресатами денег из России.

Читая переписку понимаешь, что А.Ф. Круглов жертвовал собственной карьерой, отстаивая права патриарха Дамиана. Чем это можно объяснить. Возможно, личным расположением.

Таким образом, мы можем сказать, что в основе антипатии А.Г. Яковлева и патриарха Дамиана лежал спор о лавре Харитона Исповедника. В основе тесной связи А.Ф. Круглова и патриарха Дамиана лежали личная симпатия и общая неприязнь к деятельности архимандрита Леонида (Сенцова). Все это различие стало возможным из-за отсутствия четкой позиции в вопросе Святой Земли у Российского МИД и Императорского посольства в Константинополе. Лишь строгая позиция М.Н. Гирсы привела в единство наши зарубежные ближневосточные представительства.

Чем же закончилась история с русским архимандритом Леонидом (Сенцовым). Посол в Константинополе был заинтересован, чтобы ситуация в Иерусалиме находилась под контролем. Поэтому, он стал защищать начальника РДМ от нареканий своего же генерального консула в Иеруса-

лиме. Интересно отметить, что позиция М.Н. Гирса была сформирована ранее официальной реакцией Святейшего Синода. Официально Петербург ответил на жалобу патриарха Дамиана лишь через 4-е месяца. Так, 22 апреля 1913 года обер-прокурор В.К. Саблер обратился к министру Иностранных дел с просьбой передать ответное послание Святейшего Синода патриарху Иерусалимскому Дамиану. В письме, которое начиналось словами: «Получив сие досточтимое послание вашего блаженства Святейший Синод признал необходимым потребовать от архимандрита Леонида по настоящему делу объяснения, каковыя им и представлены Святейшему Синоду от 22 ноября 1912 года»⁷¹, иерархи Русской Церкви полностью оправдали действия начальника Русской духовной миссии.

Послание русских иерархов стало поводом для собрания Синода Иерусалимской Церкви, на котором его подвергли обсуждению. Оно вызвало, как писал А.Ф. Круглов, чувство полного удовлетворения. Было отмечено то «объективное» отношение, с которым обсуждалась жалоба патриарха, и по достоинству «оценены» указания, данные начальнику Миссии. «Сионская Церковь убеждена ныне в прочном существовании общения в мире и любви между нею и Церковью Всероссийскою»⁷². В конце заседания Блаженнейший Дамиан сказал: «Как бы ни сложились обстоятельства, как бы ни было блестяще будущее нашей великой нации Иерусалимской Церкви, даже независимая в материальном отношении, должна сохранять мир и единение с Церковью всероссийской, покровительствующей в прошлом, и может быть и в будущем»⁷³. Вполне ясно, что другой официальной реакции Иерусалимского Синода последовать не могло. Здесь же можно отметить, что патриарх предостерег греческих иерархов от последующих нападков на РДМ, подчеркнув, что Иерусалимская Церковь должна сохранять мир и единство с Русской Церковью.

Нельзя сказать, что жалоба главы Иерусалимской Церкви прошла бесследно. Она сделала свое дело, потому как в церковных кругах Петербурга начала назревать мысль поменять своего представителя в Святой Земле.

27 марта 1914 года министр иностранных дел С.Д. Сазонов получил отношение от обер-прокурора В.К. Саблера, в котором сообщалось: «Святейший Синод предложил начальника Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида возвести во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, а вместо него начальником Иерусалимской духовной миссии назначить настоятеля Новгородского Юрьева монастыря, кандидата богословия, архимандрита Ювеналия, в 1903 году бывшего в составе православной Миссии в Урмии, хорошо известного своей доброй жизнью и религиозной строго монашеской настроенностью»⁷⁴. Данное письмо было переправлено в Российское посольство в Константинополе.

Мнение М.Н. Гирса было однозначным. Должность начальника Духовной миссии в Иерусалиме являлась в высшей степени ответственной. Он

хотел на этом месте видеть человека решительного, отстаивающего русские интересы. Какие задачи в видении константинопольского посла приходилось решать начальнику Русской духовной миссии: «нравственное руководство русскими паломниками, ограждение их от через чур сильной эксплуатации со стороны греческого духовенства»⁷⁵. Необходимость поддерживать добрые отношения не только с греческой иерархией, но и с низшим арабским духовенством, являться в спорах между ними посредником и, одновременно, вести борьбу с инославной пропагандой, которую греки почти игнорируют. Плюс ко всему, М.Н. Гирс подмечал, что все проблемы начальнику Русской миссии приходилось решать на фоне «недостаточно дружелюбного к нам отношения со стороны Святогробского братства и патриарха Дамиана»⁷⁶.

Архимандрит Леонид, по мысли посла, со всем справлялся и, более того, за время своего нахождения во главе Миссии, привел в отличное состояние все русские храмы, участки и памятники древности. «Важность сохранить за нами приобретенные преимущества — несомненна, тем более, что не только турки, но и Святогробское братство, прилагают все старания, чтобы пошатнуть русское влияние в крае. <...> При этих условиях его уход не может не вызвать серьезных опасений за дальнейшую судьбу начинаний нашей Церкви в Палестине, столь умело им ведомых и столь близких русскому сердцу»⁷⁷. Поддержка активных действий Русской Духовной Миссии, по мнению М.Н. Гирса, влекла за собой укрепление позиций самого Российского государства на Ближнем Востоке.

¹ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т.2. М., 2000. С. 308 — 309.

² АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 12.

³ Россия в Святой земле. Документы и материалы. Т. 2. С. 308.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 6009. Л. 5.

⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 6009. Л. 3.

⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 6009. Л. 11.

⁹ АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 11.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1856. Л. 70.

¹¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1856. Л. 70.

¹² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1856. Л. 71.

¹³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1859. Л. 37.

¹⁴ АВПРИ. Ф.142. Оп. 497. Д. 412. Л. 23.

¹⁵ АВПРИ. Ф.142. Оп. 497. Д. 412. Л. 25.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3457. Л. 2.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3457. Л. 2.

- 18 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3457. Л. 3.
- 19 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3457. Л. 4.
- 20 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3457. Л. 5.
- 21 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 9.
- 22 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 8.
- 23 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 18.
- 24 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 32.
- 25 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 28.
- 26 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 23.
- 27 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 25.
- 28 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 37.
- 29 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 13 — 14.
- 30 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 15.
- 31 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 16.
- 32 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 15.
- 33 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 6.
- 34 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 6.
- 35 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 6.
- 36 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 17.
- 37 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 17.
- 38 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 17.
- 39 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 2.
- 40 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 2.
- 41 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 2–3.
- 42 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1858. Л. 62.
- 43 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1859. Л. 34.
- 44 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 420. Л. 1.
- 45 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 420. Л. 3.
- 46 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 420. Л. 3.
- 47 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 420. Л. 4.
- 48 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 420. Л. 6.
- 49 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 420. Л. 6.
- 50 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 420. Л. 6.
- 51 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 3.
- 52 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 3.
- 53 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 3.
- 54 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 3.
- 55 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 3.
- 56 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 10.
- 57 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 4.
- 58 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 4.
- 59 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 8–9.

- 60 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 10.
61 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 11.
62 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 12.
63 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 14.
64 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 15.
65 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 16.
66 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 17.
67 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 18.
68 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 19.
69 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 20.
70 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 419. Л. 23.
71 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 412. Л. 33.
72 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 11.
73 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 415. Л. 11.
74 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 413. Л. 42.
75 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 413. Л. 39.
76 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 413. Л. 39.
77 АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 413. Л. 40.

ИЗ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО
ОБЩЕСТВА

Вопросы ПОСЛЕВОЕННОГО ОБУСТРОЙСТВА ПАЛЕСТИНЫ В СОВЕТЕ ИППО (1915) К 100-ЛЕТИЮ ДИСКУССИИ

Состояние Палестинского Общества в канун Великой войны, как тогда называли Первую мировую, характеризовалось двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, Общество, казалось, достигло пика своей активности и благосостояния. В нем состояло около 5 тысяч членов, в том числе — среди почетных — почти все выдающиеся представители императорской фамилии. Отделы ИППО действовали в 52 епархиях Русской Православной Церкви. Подворья и странноприимные дома, принадлежавшие Обществу в Палестине, вмещали одновременно до шести-семи тысяч паломников, а в целом за год — до девяти-десяти тысяч¹. О бюджете ИППО говорят следующие цифры: на 1 марта 1909 г. в кассе Общества, после подведения баланса прихода и расхода, оставалось (наличными, в процентных бумагах и оборотном капитале) 273 354 руб. 74 коп., на 1 марта 1910 г. — соответственно 303 695 руб. 13 коп., на 1 марта 1911 г. — 361 796 руб. 37 коп.². В условиях революционных кризисов и общего оскудения общественного интереса к церковно-политическим инициативам (в т.ч. на Ближнем Востоке) происходило ощутимое снижение основных источников финансирования Общества — цифр ежегодного Вербного сбора в храмах и монастырях Империи, кружечного сбора “на нужды паломников” и сбора пожертвований в специальные “кружки” ИППО. Это приводило к нараставшей экономической зависимости Общества от государственного финансирования и единовременных государственных вложений. Последние крупные строительные проекты ИППО в Палестине (Николаевское подворье в Иерусалиме, освященное 6 декабря 1906 г., и Сергиевское подворье в Назарете, освященное в 1904 г.) оказались возможны лишь благодаря государственной беспроцентной ссуде в полмиллиона рублей. На плечи государственного казначейства легло со временем и бремя расходов на школьное дело Палестинского Общества на Ближнем

Востоке. 5 июля 1912 г. император Николай II подписал одобренный ранее Государственной думой закон о бюджетном финансировании русских учебных заведений в Сирии и Ливане³. 14 июня 1913 г. обер-прокурор Святейшего Синода В.К.Саблер представил в Государственную думу доклад об отпуске из казны по 100 000 рублей в год в пособие ИППО — «с внесением означенной суммы с будущего 1914 г. в подлежащее подразделение финансовой сметы Св. Синода»⁴.

События Первой мировой войны, остро поставившие перед российской внешней политикой проблему овладения черноморскими проливами, а равно решение вопросов, связанных с послевоенным устройением принадлежавших Турецкой империи стран библейского региона, подвинули руководство ИППО к проработке и обсуждению соответствующего материала в Совете Общества для последующего представления выводов и пожеланий в Святейший Синод и, главное, в Министерство иностранных дел. Среди документов, обсуждавшихся в Совете весной 1915 г., выделяются два подробных доклада, подготовленных управляющим русскими учреждениями в Палестине Павлом Ивановичем Ряжским⁵.

Один из них — «Доклад по вопросу об укреплении недвижимых имуществ ИППО в Сирии и Палестине» — опубликован нами в двухтомнике «Россия в Святой Земле»⁶. В документе, датированном 16 июня 1915 г., подробно проанализирован состав недвижимостей, принадлежавших Обществу по данным на 1914 год, состояние их правовой защищенности, вопросы охраны и эксплуатации участков и подворий. Другой доклад, подготовленный П.И.Ряжским немногим раньше, весной 1915-го, публикуемый нами в настоящем сборнике, посвящен вопросам политического и правового устройства Святой Земли и русского дела в Палестине в послевоенный период.

Напомним обстоятельства создания доклада. С началом Дарданельской операции войск Антанты в феврале 1915 г. петроградский МИД был всерьез обеспокоен дипломатической проработкой своих намерений относительно Цареграда и вообще раздела «наследства больного человека». Как писал в «Воспоминаниях» министр иностранных дел С.Д. Сазонов, «весь март 1915 года протек в переговорах между Петроградом, Лондоном и Парижем о Проливах и Константинополе. Они шли вполне удовлетворительно, хотя и не ровным шагом... К концу марта оставалось только оформить состоявшееся соглашение и закрепить его в виде письменного акта»⁷.

Параллельно поспевал и главнейший прогностический документ наших палестиноведов. Первоначальный вариант доклада, представленный управляющим русскими подворьями ИППО в Палестине П.И.Ряжским вице-председателю Общества князю А.А.Ширинскому-Шихматову 28 февраля 1915 г., был направлен последним на отзыв ведущим членам

Совета (прежде всего, помощнику Председателя М.П.Степанову), а также бывшим российским генконсулам в Иерусалиме (А.Ф.Круглову) и в Бейруте (Г.Д.Батюшкову). Уже 8 марта 1915 г. Михаил Петрович Степанов направил письмо А.А.Ширинскому-Шихматову с изложением своего, в целом положительного мнения о докладе. 9 апреля 1915 г. датирован первоначальный отзыв члена ИППО сенатора М.Н.Галкина-Враского (позже М.Н.Галкин-Враский направит А.А.Ширинскому-Шихматову свой отзыв и на переработанный вариант доклада П.И.Ряжского), а на следующий день получены гораздо более подробные и обоснованные “Заметки” иерусалимского генконсула Алексея Федоровича Круглова (вице-председатель ИППО счел необходимым обратиться к автору с особым благодарственным письмом, а затем оформить благодарность ему специальным отношением Совета Общества). 12 апреля письмом на имя секретаря ИППО А.А.Дмитриевского сообщил свои замечания генконсул в Бейруте Георгий Дмитриевич Батюшков. 5 мая 1915 г. большим письмом на имя А.А. Ширинского-Шихматова П.И.Ряжский сообщил свой ответ на замечания оппонентов — преимущественно, на наиболее обстоятельный разбор его доклада, сделанный в “Заметках” и “Кратких замечаниях” А.Ф.Круглова.

На основе сделанных замечаний П.И.Ряжский доработал текст своего доклада (прежде всего, добавил в конце его несколько страниц с анализом изменения ситуации при условии перехода Палестины под управление Англии и Франции) и представил в Совет окончательный вариант. Он обсуждался в заседании Совета 29 мая 1915 г. и был одобрен к печати на правах рукописи. 21 июля 1915 г. десять экземпляров отпечатанной крайне ограниченным тиражом окончательной версии авторизованной Советом записки, под заглавием “Вопросы, связанные с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией”, было отослано Министру иностранных дел С.Д.Сазонову “как выражение мнения и основанных на долголетнем опыте пожеланий Совета Общества при выработке по окончании войны мирного договора с Турцией”. Аналогично, 10 экземпляров было направлено обер-прокурору Святейшего Синода А.Д.Самарину для учета позиции ИППО “при обсуждении вопросов, связанным с будущим, по окончании войны, устройством церковных дел на Ближнем Востоке”.

В архивном деле отсутствуют сведения о том, пыталось ли МИД учесть хоть в какой-нибудь степени пожелания Палестинского Общества при подготовке перекрестного обмена нотами с державами Антанты 1916 г., который именуется обычно «соглашением Сайкса-Пико-Сазонова» и даже «переделом Ближнего Востока». Во всяком случае, ИППО, со своей стороны, озаботилось созвать в январе 1917 г. в Петрограде «Совещание к вопросу о положении Русского дела в Святой Земле по

окончании Мировой войны»⁸. Сегодня странно читать материалы этого совещания. В самый канун крушения, за несколько недель до Февральской революции, участники совещания продолжали предаваться мечтам о светлом будущем, когда “последний Пятый крестовый поход (т.е. Первая мировая война. — Н.Л.) завершится освобождением Святой Земли от османского владычества”, и высказывали “непременное желание, чтобы Святая Земля была бы в обладании русского богоносного народа”⁹. Палестинское Общество устами своего секретаря А.А.Дмитриевского (именно ему принадлежат процитированные слова) пыталось даже представить вопрос о Святой Земле как едва ли не главную цель войны. “Я уверен, — говорил Алексей Афанасьевич в заседании 20 января 1917 г., — что русский — богоносный и крестоносный в то же время — народ, ныне ведущий кровавую жестокую войну и несущий величайший крест испытаний, если он не получит утешения сознавать, что, наконец, он достиг и стал прочно у Живоносного Гроба Господня, то не будет считать законченным свой великий подвиг и не будет считать настоящую войну победоносной”. Другие участники Совещания, такие как князь А.Н.Лобанов-Ростовский, высказывались не менее решительно, что де “греческое православие (в Святой Земле. — Н.Л.) должно быть поглощено российским православием”¹⁰.

На этом фоне трезвым реализмом звучало предостережение П.И.Ряжского. “Может создаться такое положение (имеется в виду, в Палестине. — Н.Л.), что образуется новая колония или новое колониальное государство, и нам скажут сами духовные главы православных общин, что “мы в вас не нуждаемся, вы нам не нужны, позвольте нам жить так, как нам хочется, а ваши интересы русские — они есть, и вы их устраивайте путем соглашений с нами: вы нам уступите, мы вам уступим”. Вот мне и хотелось бы, чтобы был выяснен вопрос о том, как Россия может сохранить свое прежнее покровительственное отношение к Церкви (очевидно, имеется в виду Иерусалимская Церковь, но, может быть, и Православная Церковь в целом. — Н.Л.). Мне кажется, что она его может потерять и я очень этого боюсь”¹¹.

До окончания Великой войны и заключения мирных договоров не дожили ни многие из участников обсуждений 1915–1917 гг. (М.Н.Галкин-Враский умер в 1916 г., М.П.Степанов — в декабре 1917 г.), ни сама, грустно сказать, Российская Империя. Случилось так, как и предполагал Павел Иванович. Внутренние проблемы Иерусалимского Патриархата остались, они сохраняются и поныне. Но Россия свои позиции в Палестине и в целом в поствизантийском пространстве действительно утратила.

Н.Н. Лисовой

Документы 1915 года.

1. Докладная записка Совета ИППО, представленная в МИД и в Святейший Синод. Петроград, июль 1915г.¹² НАБОРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР. ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Вопросы, связанные с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией¹³.

Россия должна приготовиться к заключению достойного ее великих жертв почетного мира и подвести, итоги всем счетам, которые накопились в течение нескольких столетий в ее отношениях к германо-турецкому миру и теперь, по окончании этой великой войны, должны быть ликвидированы. С 1898 года крепко установлены были политические связи и общность интересов между пангерманским и панисламистским движениями и Турция бесповоротно была вовлечена в сферу германского влияния; во всех мусульманских странах началась деятельная пропаганда идеи общности политических интересов ислама и германизма. Результатом такой дальновидной подготовки мусульманских стран было то, что через три месяца после начала войны с Германией, Турция вероломно напала на наши южные берега и объявила “священную войну” (джихад) всех мусульман против России и ее союзников; на Кавказе и в Индии начались со стороны мусульманского населения попытки к восстанию, в Персии со стороны духовенства раздаются горячие призывы к “джихаду” против русских и англичан, а со стороны курдов и турок предприняты и активные военные меры для вытеснения нас и внесения смуты в спокойную жизнь этой страны. В случае полной победы России и ее союзников над германо-турецким союзом, задачи освобождения славянских народов от германского владычества, а восточных христиан — от мусульманского ига турок, едва ли можно будет осуществить без нарушения территориальной целостности воюющих с нами империй.

Однако заранее невозможно предвидеть все случайности и возможности теперешней великой мировой борьбы и учесть их влияние на общую политическую конъюнктуру ко времени заключения мира. Надо быть готовыми не только к лучшему, но и к менее удовлетворительным исходам начатого предприятия. Возможен и такой исход, когда, с одной стороны, война будет иметь настолько благоприятный для России конец, что Турция и ее союзники принуждены будут принять на себя полную ответственность за все убытки, потери и вред, которые причинены ими русскому государству, отдельным русским учреждениям и обществам и живущим в ней русско-подданным вследствие вооруженного нападения на Россию без вызова со стороны последней; а с другой стороны, — когда вследст-

вие недостаточной решительности результатов войны, или вследствие других причин, Турция еще сможет сохранить свое политическое существование в известных границах и даже суверенитет, или протекторат над Сирией и Палестиной. При недостаточно определенном положении дел на театре военных действий и при неимении точных сведений о соглашениях союзных правительств по данному вопросу, настоящая записка, по необходимости, должна принять за исходную точку для всех последующих соображений наличный факт существования Турции, — воюющей с нами державы, и, если не неизбежное, то весьма вероятное появление ее на мирном конгрессе по окончании войны в качестве договаривающейся стороны. Если предположения, принятые в этой записке за точку отправления, не осуществляются, или будут осуществлены только отчасти и в иной форме, то основные задачи и цели Императорского Православного Палестинского Общества в пределах Сирии и Палестины от этого не изменятся. Изменятся только способы и пути к их достижению и увеличатся или уменьшатся трудности их осуществления. Для Общества, как и для других заинтересованных русских учреждений, важнее всего формулировать свои пожелания и выяснить всю совокупность условий, из которых они проистекают, заблаговременно дать нашему ведомству иностранных дел весь тот материал, на котором основывают выводы Императорское Православное Палестинское Общество о своих нуждах и целях. Что касается распоряжения этим материалом, то оно станет фактически возможным после окончания войны, или несколько ранее, при открытии предварительных переговоров между союзными державами для подготовки мирной конференции. Некоторые из выраженных в записке пожеланий, конечно, не могут быть обсуждаемы с турецким правительством по существу, как, например, вопросы, касающиеся внутренних церковных отношений и порядков, но они все-таки внесены в записку с целью обеспечить за Россией формальное право на разрешение этих вопросов по существу с заинтересованными учреждениями и лицами, доселе принадлежавшими к оттоманскому подданству.

Нормальное развитие деятельности Общества в пределах Турции, прежде всего, зависит от общих условий, в которые поставлена оттоманским правительством деятельность иностранных учреждений и обществ, а затем и от признания им легальности тех специальных задач и целей, которые ясно выражены в уставе Общества и в своей совокупности составляют его отличительный характер. В силу этого пожелания Общества, ко времени заключения мира с Турцией, по необходимости, должны выйти за пределы узкой сферы его специальных интересов и формулировать некоторые общие правовые нормы, которыми должна быть обеспечена деятельность иностранных учреждений в Турции вообще и в частности — Императорского Православного Палестинского Общества.

Эти пожелания сводятся к нижеследующим пунктам.

I.

Официальное признание за Русским Правительством права на покровительство Православной Церкви, ее религиозным, благотворительным и просветительным учреждениям и на охранение автономии этих учреждений в их внутренних делах¹⁴.

Доселе покровительство католическим учреждениям в Турции, *независимо от их национального состава*, принадлежало Франции; права отдельных католических наций внутри этих учреждений отчасти регулировались периодической (через 3 года) сменой приоров с соблюдением национальной очереди: испанца сменял итальянец или немец, француз и т. д. Но право внешнего представительства пред оттоманскими правительственными учреждениями по делам католических церковных учреждений имела одна только Франция. Нельзя сказать, что это исключительное право Французской республики встречало всегда и всюду безусловное признание со стороны дипломатических и консульских агентов других католических держав и, особенно, Германии, выдвигавшей формулу национального покровительства церквям разных исповеданий. Однако эти отдельные нарушения прежнего порядка доселе не могли поколебать твердо установленного договорами принципа.

Православные церковные учреждения всегда искали покровительства и пользовались им только со стороны России. Это покровительство стало обычным правом нашей дипломатии, добытым и упроченным целым рядом кровопролитных войн с Турцией, постоянным притоком и ежегодных правительственных субсидий и пожертвований из России на нужды восточных Православных Патриархатов, и постоянным вмешательством русских дипломатических представителей во внутренние отношения Патриархатов по просьбам самой иерархии или паствы. Греческое по происхождению и крови и оттоманское по подданству Святогробское братство в Иерусалиме нередко прибегало к покровительству России в спорах с католиками и армянами, в случае притеснений со стороны оттоманских властей. Но, в то же время, оно всегда пряталось за свое оттоманское подданство, когда Россия предъявляла ему какие-нибудь пожелания, не соответствующие узко националистическим тенденциям воинствующего панэллинизма. Всегда готовое пользоваться покровительством, моральной и материальной помощью России, Братство не всегда признавало открыто обязанности, пристекающие из таковых отношений. По его мнению, Россия должна давать средства, направляемые им для целей панэллинизма, и ничего не требовать не только для своей паломнической массы, но даже и для местной православной арабской паствы¹⁵. По тем же побуждениям чисто националистического и панэллинского характера, Патриархия

добилась учреждения в Иерусалиме греческого консульства и известных прав представительства в официальных случаях и церковных церемониях после русского консульства. В последние годы, вследствие домогательств эллинского правительства, но *на русские* деньги Патриархия открыла и содержит при Святогробском монастыре учебное заведение, подучившее от эллинского правительства разрешение выдавать оканчивающим курс аттестат зрелости, предоставляющий его владельцу в Эллинском королевстве все права окончившего курс правительственной греческой гимназии. Без сомнения, на одном этом дело не остановится и мало помалу будет создан круг других, специально эллинских интересов у Св. Гроба, главным образом на русские средства, и эти интересы также незаметно будут изъяты из ведения и русского консульства, и оттоманских властей Иерусалима¹⁶. В прошлом 1914 году, по ходатайству покойного румынского короля Карла, православные румыны, доселе посещавшие св. места вместе с нашими русскими паломниками и находившие приют на наших подворьях, получили право и султанское разрешение на устройство своей православной церкви в Иерусалиме, на постройку своего монастыря или подворья и на учреждение консульства. Ничего нет удивительного, если за румынами того же потребуют болгары, сербы, австрийские старообрядцы и т. д.¹⁷ Нарушение единства представительства интересов Православной Церкви и защиты их, резкое обособление национальных интересов отдельных православных народов, может быть, и будет приятно для мелкого национального тщеславия их, но едва ли поведет к добру и без того раздираемую жестокими раздорами Иерусалимскую Патриархию и едва ли упрочит ее позицию в борьбе с западными христианскими исповеданиями. Для Православной Церкви, как всемирного союза, гораздо выгоднее и удобнее иметь дело с одним могущественным православным государством-покровителем, чем с несколькими мелкими государствами, не всегда готовыми и способными поставить церковные интересы выше национальных. Это понимают на Западе и этим сознанием поддерживается право Французской республики на покровительство католическим конгрегациям в Турции, столь мало покровительствуемым в самой Франции. Конечно, права отдельных православных народов, как *членов Церкви* и совладельцев общехристианских святынь, должны быть приняты во внимание и должны быть учтены при будущем переустройстве церковных отношений в Иерусалимском Патриархате; но для этого нет надобности раздроблять доселе принадлежавшее только России право покровительства Православной Церкви в пределах Турции между несколькими мелкими государствами, ибо, *обессилив русскую власть, они не станут сами сильнее и не усилят позиций православия.*

Такая политика может быть оправдываема не с широкой точки зрения церковных интересов, а только с узко эллинистической точки зрения.

Руководствуясь принципами: *beati possidentes* и *divide et impera*¹⁸, греки, в поисках за новыми союзниками, думают усилить свои ослабевающие с каждым годом позиции в Иерусалиме внесением мелких раздоров между своей покровительницей Россией и др. православными народами и даже, если возможно, между отдельными русскими учреждениями. Но, понятная с узкой и своекорыстной точки зрения панэллинских интересов, такая политика глубоко противна интересам Православной Церкви в ее целом и интересам ее славянского большинства.

Признания права России на покровительство православным церковным учреждениям в Сирии и Палестине необходимо добиться от турецкого правительства в случае счастливого для нас окончания войны, чтобы, по примеру католической церкви, раз навсегда установить у Св. Гроба Господня и других общехристианских святых мест Палестины необходимое единство, справедливое равновесие, внутреннюю гармонию национальных элементов, входящих в состав Православной Вселенской Церкви, и тем самым усилить ее в борьбе с другими религиями и инославными исповеданиями. Теперь же все преимущества в этом отношении на стороне католичества.

II.

Полное практическое осуществление принципа веротерпимости, провозглашенного конституционным законом 1908 года, не только по отношению к христианскому населению Турции, но и по отношению ко всем другим религиям.

Конституцией 1908 года теоретически признан принцип веротерпимости и за исламом признано значение господствующей религии только в том смысле, что глава государства должен исповедовать ислам, а не другую какую-нибудь религию.

На практике, однако, принцип полной веротерпимости в Турции доселе не осуществляется. Свобода переходить во всякую другую религию, терпимую законами, принадлежит только не мусульманам; мусульманин же не может переменить своей веры; христианин, добровольно перешедший в мусульманство, или принужденный к этому, не может возвратиться к прежней вере без опасности для своей жизни; таким образом, на деле правом пропаганды в полной мере пользуется один только ислам; для прочих религий оно ограничено только тою частью населения Турции, которая не принадлежит к исламу. Изменника исламу могут безнаказанно убить, и ни полиция, ни суд не вмешиваются в такие дела, и ни один свидетель преступления не решится подтвердить факта под угрозой мести. Такое положение вещей, созданное обычаем, помимо противоречия теоретическим принципам турецкого конституционного закона и нетерпимости его, особенно в Св. Земле, для христианских миссионеров, приводит еще к тому,

что довольно значительная часть кочевого населения Турции (бедуины), а отчасти и осевшего в глухих отдаленных местах Заиордания и пустынях за Мертвым морем, в сущности, не принадлежит ни к какой религии и имеет самые смутные и неопределенные представления о ней; некоторые из них называют себя христианами, другие мусульманами или друзьями, но на деле они ни то, ни другое, готовы молиться и в мечети, и в церкви и одинаково не понимают значения ни той, ни другой. Христианская миссия могла бы сделать здесь многое, но огульное причисление всех этих кочевников и полукочевников к неизвестному им исламу ставит непреодолимую преграду для распространения среди них христианской веры и культуры. Иерусалимская Церковь, теперь удовлетворяющая только религиозные нужды православных арабов и русских паломников, могла бы найти здесь обширное поприще для *миссионерской* деятельности, теперь для нее невозможной.

Школы Палестинского Общества иногда принимают мусульманских детей, но с большою разборчивостью и осторожностью, не иначе, как с особого разрешения инспектора на каждый случай и с истребованием письменного заявления родителей, дабы не создать конфликта с турецкими местными властями. Мусульмане в них освобождаются от изучения христианской веры и истории ее.

Россия, предоставившая мусульманам, живущим в ее пределах, полную религиозную свободу, имеет право рассчитывать на взаимность со стороны Турции.

III

Восстановление капитуляций, отмененных с 17 сентября 1914 года без согласия держав, односторонним распоряжением оттоманского правительства.

Нельзя отрицать того, что капитуляции тяжелы и стеснительны для турецкого правительства, но и европейским учреждениям в Турции без них существовать невозможно до тех пор, пока турецкое уголовное и гражданское законодательство и судопроизводство, несколько исправленное слепком с наполеоновского кодекса, совсем не освободятся от пут шариата и пока турецкие суд, администрация, полиция, тюремное ведомство и почта не будут преобразованы по европейскому образцу и притом не на бумаге только, но и на деле.

Объявление конституции 1908 года дало младотуркам основание настойчиво требовать от европейских держав уничтожения капитуляций; при этом они не скупались на обещания различных реформ. Под влиянием этих обещаний и надежд на новый конституционный режим, представители европейских держав в Константинополе, в том числе и русский посол, склонны были пойти на широкие уступки в этом вопросе, и наши

сирийские и палестинские консулы получили инструкции, в ожидании неизбежной в скором времени отмены капитуляций, стараться не доводить возникающих на местах споров до посольства и центральных правительственных учреждений Турции, а улаживать их путем дружеских сношений с местными властями. На деле это повело только к тому, что наши консульства временно были совершенно обезоружены во всех спорных вопросах, а вилайетские власти, весьма быстро узнавшие о таком распоряжении из газет, учли все выгоды своего положения к большому ущербу заинтересованных иностранцев, менее всего считаясь с принципами справедливости и законности. Политические комбинации высшего порядка, на которые были рассчитаны эти уступки, не осуществились; глухая вражда турок к России, раздуваемая германцами, оказалась слишком живучей. Между тем, захват власти младотурками и для самой Турции не принес никаких существенных улучшений. Добившись власти путем военных переворотов и поддерживая ее лживыми обещаниями необходимых реформ, младотурки менее всего были заняты последними. Отказавшись от той осторожности и предусмотрительности, которой отличалась внешняя политика Абд-уль-Гамида, они бросились в смелые политические авантюры, результатами которых были сначала отказ от Боснии и Герцеговины и потеря суверенных прав в Восточной Румелии, война с Италией и потеря Триполийской области, аравийское и албанское восстания, Балканская война и утрата почти всех европейских владений и, наконец, настоящая великая война, грозящая Турции если не полной утратой политической независимости, то изгнанием из Европы и существенными изменениями границ в Азии. Внутри страны все осталось или в прежнем состоянии, или ухудшилось. Новый закон о вилайетском управлении, принятый парламентом, еще не проведен в жизнь, за недостатком денежных средств. Состав и качества администрации и суда остались те же. Полиция только немного лучше оделась, а качественно не улучшилась. Министерство народного просвещения было больше занято покушениями на подчинение себе иностранных школ, чем развитием своей собственной школьной сети. Оптовая торговля и немногочисленные заводские и фабричные предприятия по-прежнему сосредоточивались преимущественно в руках иностранцев; собственного пароходства нет и не может быть, в виду подавляющей конкуренции иностранного каботажа. Разорительная для земледельческого класса сдача поземельного налога (десятины) на откуп купцам и разным аферистам — доселе не отменена. Две предшествовавшие войны опустошили казну и обременили население непосильными налогами, а третья ведется, правда, на немецкие деньги, но беспощадные реквизиции рабочего скота, хлеба, даже семян, всякого рода провизии, мануфактуры, экипажей, лошадей и всяких вьючных животных, усиленные поборы с населения взамен личного отбывания воинской повинности,

сокращение подвоза дешевых товаров из-за границы, прекращение вывоза за границу многих местных продуктов, особенно лимонов и апельсинов, и мн. др. неблагоприятные условия военного времени должны довершить финансовое и хозяйственное расстройство Турции. Мечтать о реформах, требующих денег прежде всего, после разорительной войны для Турции невозможно; чтобы подучить эти деньги и расплатиться с кредиторами военного времени, она вынуждена будет продать себя и свою независимость или влечать жалкое существование в конец обанкротившегося и обнищавшего государства.

Ввиду этого, надеяться на существенные улучшения государственно-правовой жизни Турции в ее законодательстве, администрации, суде, учебных заведениях и хозяйстве нет никаких оснований. Европейским державам, вероятно, трудно будет настаивать на полном сохранении капитуляций экономического характера, а турки будут требовать полной их отмены, ссылаясь на разорение населения и пустоту государственной казны. Палестинское Общество не так сильно заинтересовано в сохранении капитуляций этой категории и не считает нужным уклоняться от уплаты справедливых налогов с своих доходных статей в Турции, однако, *под условием сохранения за ним тех экономических преимуществ и изъятий, которым будут предоставлены таковым же турецким или иностранным благотворительным или просветительным обществам и учреждениям.*

Но, будучи готово отказаться от капитуляций экономического характера на условиях равенства с однородными оттоманскими и иностранными учреждениями, оно с тем большею настойчивостью и твердостью должно отстаивать капитуляции политического и судебного характера. Неприкосновенность личности и жилища всякого русского подданного для оттоманских властей, присвоенные нашим учреждениям некоторые права экстерриториальности, неподсудность гражданских исков к нам для турецких смешанных, коммерческих и шариатских судебных учреждений, гарантии правильности предварительного следствия и судебного разбирательства по делам уголовным в присутствии консульских делегатов, внутренняя автономия наших учреждений в отношении управления ими и независимость их от турецкого контроля, — все это такие условия, от которых нельзя отказаться, не рискуя самым существованием наших учреждений; иначе для наших учреждений и служащих в них русско-подданных оттоманские власти создадут такие невыносимые условия, при которых они откажутся выполнять свое назначение. Оттоманское правительство в последние годы пользовалось всякими окольными путями, чтобы, в нарушение капитуляций, принудить иностранные учреждения в той или другой форме признать над собой турецкий контроль и стать в зависимое положение по отношению к местной администрации. Уступки в этом

отношении могут погубить наши учреждения, ибо стать добровольными служителями младотурецкой политики они не могут и Общество не согласится тратить свои денежные средства на чуждые ему цели, а турецкое правительство, раз ему удастся пробить большую брешь в капитуляциях политического и судебного характера, употребит все усилия для отмены русского протектората над учреждениями Палестинского Общества и превращения их в оттоманские, или к их уничтожению путем всяческих косвенных и прямых стеснений, придинок, давления па служащих оттоманского подданства и дискредитирования русско-подданных в глазах местного населения. В виду этого, безусловно, необходимо *обеспечить внутреннюю автономию учреждений Общества от вмешательства местной оттоманской администрации* в дела паломнические, учебные, церковные и врачебные, в вопросы, касающиеся назначения и увольнения служащих, составления правил, инструкций, программ для различных учреждений Общества и т. п.

С 17 сентября 1914 года в Турции были закрыты все иностранные почты, причинявшие турецкой казне значительные убытки. Иностранные почтовые учреждения функционировали исправнее оттоманских, и потому в Иерусалиме и портовых городах Сирии и Палестины публика предпочитала пользоваться иностранной почтой. Кроме того, письма, сдаваемые па турецкую почту, не всегда были гарантированы от перлюстрации. Во внутренних сношениях с селениями, удаленными от моря, функционировала одна оттоманская почта, за исключением Иерусалима. Для Общества и русских паломников наибольшее значение имела Иерусалимская почтовая контора. Через нее шла вся паломническая переписка с Россией и, кроме того, она должна была иметь миллионный оборот по выдаче денежной корреспонденции не только русским паломникам и Духовной Миссии, но также Патриарху, митрополитам, Святогробскому братству и особенно греческим монастырям, рассылающим по России возвания о присылке пожертвований десятками и даже сотнями тысяч экземпляров и получающих от бывших паломников, их родных, друзей или знакомых, весьма большое количество почтовых переводов и денежных писем. Эта весьма ответственная и сложная операция, затрагивающая иногда вопросы весьма щекотливого свойства, и под русским контролем нередко возбуждала основательные или неосновательные жалобы и недоразумения с разных сторон; под турецким же управлением число таких жалоб и недоразумений возрастет безмерно. Одним из первых затруднений будет невозможность почтовых переводов по турецкой почте в русских кредитных билетах, вследствие отсутствия надлежащего соглашения между русским и оттоманским правительствами и вследствие того, что турецкая почта не располагает русскими кредитными билетами для расплаты по почтовым переводам и не принимает денежных пакетов с кредитками;

она принимает только звонкую монету почтовыми группами. Обмен же русских кредиток на турецкую золотую и разменную монету па турецкой почте может повести к большим злоупотреблениям за счет русских отправителей и получателей. Затем, тот, хотя и не достаточный и слабо организованный, контроль, который в последнее время был нашим правительством установлен по отношению к рассылке разными аферистами и авантюристами подложных или не соответствующих видам нашего правительства воззваний и по отношению к получению ими денежных сумм от обманутых этими воззваниями наивных жертвователей, станет совершенно невозможным. Зная порядки турецких почтовых контор, можно заранее доказать многочисленные случаи пропажи на почте мелких и крупных денежных отправок в расчете на трудности, сопряженные с расследованием таких дел по международной почте, особенно же для наших простых паломников. Наконец, все те мелкие неудобства и недоразумения, которые могут происходить между нашею паломнической массой, не знающей местных языков, и всякими почтовыми чиновниками, не знающими русского языка, внесут в это дело чрезвычайно много беспорядков и взаимного недовольства. По этим соображениям Обществу следовало бы добиваться восстановления русских почтовых контор в главных центрах паломнического движения, т. е. Иерусалиме, Яффе, а равно в Хайфе и Назарете, которые предположено соединить с Иерусалимом железной дорогой, а также и права перевозить русскую почту из портовых городов по турецким железным дорогам, что доселе не допускалось. Что касается других портовых городов малоазийского и сирийского побережья, то в существовании там русской почты Палестинское Общество мало заинтересовано и не имеет особенно веских оснований возражать против уступок оттоманскому правительству в случай необходимости.

IV

Разрешение греко-арабской церковной распри и обеспечение русских интересов у Св. Гроба и других мест поклонения в Иерусалиме и Палестине.

Палестина, подвергшаяся когда-то сильному греческому влиянию, но не ставшая греческой страной даже под византийским владычеством, теперь представляет собой арабскую область с вкрапленными среди сплошного арабского населения небольшими и сравнительно немногочисленными еврейскими и немецкими колониями и несколькими тысячами иностранцев разных национальностей, расселившимися преимущественно по городам. Значительная часть еврейских колоний населена русско-подданными евреями, в числе нескольких десятков тысяч. Есть несколько сот греков, живших преимущественно в Иерусалиме с торговыми целями и частью привлеченных сюда искусственно самой Патриархией

по соображениям панэллинистического характера. Главная церковь Иерусалимского Патриархата состоит из нескольких десятков тысяч арабов, нескольких сот русских и греков, постоянно живущих здесь; кроме того, ежегодно посещают Палестину от 4 до 12 тысяч русских паломников, не свыше 1000 греков и несколько сот сирийцев из соседнего Антиохийского Патриархата. Во главе управления Патриархатом стоят Патриарх, Синод, и Святогробское братство, всего не более 300 человек, все — греки; православные других национальностей, особенно славянских, в это братство совершенно не допускаются; члены его набираются исключительно из выходцев королевства Эллинского и островов Архипелага, или местных греков; в виде исключения, в составе его имеется теперь только один араб-архимандрит, старающийся быть греком более чем сами греки. На вакантные места епископов и митрополитов Синодом избираются только греки, принадлежащие к Святогробскому братству. Таким образом, это братство является единственным, но сильным оплотом панэллинизма в Палестине. В его руках сосредоточено все управление церковными делами и имуществами, к нему или отдельным его членам стекаются значительные денежные пожертвования из России. Белое приходское духовенство состоит из арабов; высшие иерархические должности в Церкви ему совершенно недоступны; материальное обеспечение у него чрезвычайно жалкое: 1—3 наполеона в месяц (от 7 р. 50 к. до 22, 5 руб.) от Патриархии. Все церковные учреждения Палестины содержатся главным образом на средства, получаемые из России от имений, приклоненных Св. Гробу, пожертвований по почте и от приезжающих паломников. При братстве раньше существовала, теперь временно закрытая, Крестная школа (духовно-учебное заведение), в которой дети обучались и воспитывались по-гречески и в направлении узко националистическом и в духе нетерпимости к славянским народам. Братством содержится несколько десятков не вполне удовлетворительных начальных школ, часть их существует только на бумаге в отчетах, но не функционирует на местах. Отношения между местным православным населением и святогробским братством недоверчивые и глухо-враждебные. Православная арабская паства и белое духовенство недовольны тем, что совершенно устранены от церковного управления и влияния на церковные и благотворительные учреждения, что им недоступны высшие иерархические должности, так как им не позволяют вступать в монашество и в состав братства; что их Арабской Церковью управляют чуждые им по крови и языку греки, а главное, что хозяином всех крупных денежных пожертвований на св. места Палестины из России и от паломников является греческое братство, а не арабские общины. Конечной целью арабов является замена греков у св. мест и в Святогробском братстве арабами, восстановление арабской национальной иерархии по примеру Антиохийской Церкви и присвоение всех не-

движимых имуществ и денежных доходов Св. Гроба палестинским православным общинам. Греки, давая скудное содержание местным церквям и школам, стараются сохранить среди подавляющего арабского большинства господство небольшой, но тесно сплоченной и фанатически солидарной греческой горсточкой святогробцев, сея раздоры и смуты среди арабов, прибегая к подкупам среди администрации и наиболее влиятельных православных арабов и пользуясь влиянием и поддержкой со стороны вселенского Патриарха и Эллинского королевства. Не имея возможности с каким-нибудь успехом оспаривать каноническую основательность и справедливость части арабских требований касательно уравнивания церковных прав подавляющего численностью арабского большинства, и сильное только своей сплоченностью греческого меньшинства, Святогробское братство старается доказать, что палестинские арабы — обарабившиеся потомки греков. Но это не изменяет существа дела, так как потомки греков стали арабами и по языку, и по своим симпатиям и не хотят опять превращаться в греков. Гораздо большее значение при разрешении этого запутанного вопроса имеют следующие соображения святогробцев, приводимые ими в оправдание своего господства в Патриархате. Они говорят: св. места Палестины и Гроб Господень суть общехристианское достояние, принадлежащее не одним местным слабым арабским церковным общинам, а христианам всего мира и всех народов; поэтому притязания арабов на управление этими местами мало основательны; самое большее, на что они могут рассчитывать, это получение внутренней церковной автономии под верховною властью Иерусалимского Патриарха и некоторое денежное пособие от Святогробского братства; что касается греков, то их настоящее господствующее положение на св. местах и в Иерусалимском Патриархате опирается, во-первых, на их исторических правах и заслугах в качестве хранителей святынь Палестины; во 2-х, на многочисленных султанских и халифских фирманах и бератах, начиная с завоевателя Иерусалима Омара; в 3-х, на том, что они *делегированы* христианским православным миром и всей Православной Церковью хранить святыню в неприкосновенности от покушений врагов православия, и, как делегаты всего православного мира, упрочившие такое правовое положение глубокой исторической давностью его, они не обязаны серьезно считаться с корыстолюбивыми и неосновательными притязаниями арабов.

В 1909 году началось церковное восстание арабов против Святогробского братства. Патриарх Дамиан, мудро советовавший братству и Синоду сделать небольшие уступки более справедливым требованиям арабов и тем возбудить их отказаться от более серьезных притязаний, был объявлен Иерусалимским Синодом и Святогробским братством низложенным с престола вследствие своей духовной неспособности. Арабы вступились за него и, при поддержке оттоманских властей, несмотря на солидарность с

Братством Вселенского и Александрийского Патриархов, а равно и эллинского Синода, добились восстановления Дамиана в его правах и изъявления покорности ему со стороны вышедших из подчинения митрополитов и членов Братства. После восстановления мира между Патриархом и Братством, состоялось соглашение и с арабскими церковными общинами. Оставляя в стороне второстепенные пункты этого соглашения, мы укажем только на два главных: 1) Святогробское братство и Патриархия, отвергнув арабский контроль за доходами и расходами Братства, обязуются ежегодно уплачивать из своей казны на церковные и благотворительные учреждения арабов по 30. 000 наполеонов (по 225. 000 рублей) ежегодно; 2) распоряжение этими средствами, контроль за их целесообразным расходом, а равно обсуждение всех вопросов относительно организации, расширения и улучшения церковных, просветительных и благотворительных учреждений принадлежит вновь сформированному Смешанному совету, состоящему под председательством Патриархата из 6 духовных лиц — святогробцев, назначаемых Синодом и Патриархом, и 6 светских лиц — арабов, выбираемых каждые два года разными церковными общинами Патриархата по очереди.

Ни одна сторона не была удовлетворена этим компромиссом в полной мере; неискреннее соглашение заключено было не затем, чтобы быть осуществленным и честно выполненным с обеих сторон, а только чтобы оттянуть на время окончательное решение вопроса.

Прошло почти четыре года и ни за один год обещанные 30. 000 наполеонов в кассу Смешанного совета не были внесены под разными предложениями: то русских паломников было мало, то русская Государственная Дума сократила доходы от бессарабских имений и т. п. В Смешанном совете, состоящем из 13 голосов, святогробцы имеют 7, в том числе голос председателя. 6 арабских голосов утратили всякое практическое значение, потому что светские члены, получив от Патриархии хорошее постоянное содержание и квартиры, ведут себя в совете более чем двусмысленно, лавируя между избирателями и Братством: одни из них открыто стали на греческую точку зрения и поддерживают в общинах греческие партии, субсидируемые Братством, другие, для виду, громко, но бессодержательно высказываются в оппозиционном духе, с парадного входа производят пустые и бесплодные демонстративные выступления, а с черного хода с любезной и искательной улыбкой идут к Братству за субсидиями и жалованьем и лукаво уверяют, что они пошумели только так, для виду, не всерьез, по пустому поводу, чтобы и избирателям угодить, и Братству ущерба не причинить, и свою репутацию забияки не испортить. Таким образом, в сущности, все осталось по-прежнему. За три года Смешанный совет только говорил, дебатировал, рассматривал много плохо обдуманных и разработанных проектов разных улучшений, поочередно отвергал их, или

сдавал в долгий ящик для переделки, словом, делал вид, что он работает ужасно много, и ничего на самом деле не сделал. Греки, не скрывая своего пренебрежительного отношения к Смешанному совету и своего нежелания выполнить принятые обязательства, только иронизировали над арабской разобщенностью и неорганизованностью, а нам, русским, указывают на эти недостатки, как на доказательство неспособности арабов к самоуправлению и необходимости греческого контроля над ними. Давая многим иерусалимцам квартиры и хлеб, Братство потребовало, чтобы этот расход был отнесен на счет обещанного пособия, а иерусалимцам внушило мысль, что большая часть его должна быть ассигнована в распоряжение иерусалимской общины и в ущерб прочим городам Палестины. Тогда возникли споры и разногласия между арабскими общинами за раздел шкуры еще не убитого медведя. Воспользовавшись этими раздорами, Братство совсем отказалось уплачивать ежегодно по 30. 000 наполеонов и только благодаря новому вмешательству турецкого правительства обещало выплатить по 15. 000, т. е. половину обещанного раньше. Теперь, когда началась война и Братство само поставлено в затрудненные условия, конечно, и речи не может быть об исполнении даже и урезанных обещаний. После же войны в течение нескольких лет пособие не будет выдаваться под тем предлогом, что Братству надо покрыть все свои убытки за время войны.

Какова должна быть *русская точка зрения на этот счет?*

Она не может вполне совпадать ни с греческой, ни с арабской точками зрения, но некоторые притязания и арабов, и греков должна признать вполне справедливыми и законными.

Эллинизация Востока, начавшаяся со времен Македонской монархии Александра, — факт общеизвестный. Римское владычество не прекратило этого процесса, а скорее усилило, так как Сирия и Палестина вошли в состав восточной, наиболее эллинизированной, половины империи (Византии). Не мало способствовало этому и самое распространение христианства, священные книги которого написаны на греческом языке, а лучшие писатели и богословы писали тоже по-гречески. Поэтому до VII века в церковной жизни этих стран влияние греческого языка, образованности, литературы было весьма, сильным, хотя и не подавляло развития христианской литературы на местном сирском языке. Что касается иерархии, то в ее составе бывали и греки, и местные уроженцы. После завоевания Иерусалима халифом Омаром (636 г.) влияние Византии ослабло, так как новые завоеватели были заинтересованы в этом по политическим соображениям, однако, оно не могло совершенно исчезнуть, несмотря на усилия халифов порвать долговременные исторические и религиозные связи этих стран с христианской Византией. На патриаршем престоле в последующие времена мы видим по преимуществу туземцев из местных греков или сирийцев. Так продолжалось до смерти последнего из туземных патриархов

Дорофея (1534 г.), преемником которому был избран родившийся в Морее, но с детства живший в Египте и Палестине грек Герман. Мало помалу он заместил все высшие иерархические должности в Палестине греками и завещал впредь никогда не избирать туземцев на высшие церковные должности. Во второй половине XVII в. Патриарх Досифей окончательно закрепил преобладание греков в иерархии организацией Святогробского братства, ставшего с тех пор тесно сплоченной дружиной не только на страже св. мест, но и на страже эллинских интересов в Св. Земле, и захватившего в свои руки как управление церковными делами, так и власть над самим Патриархом, избираемым исключительно из его среды.

Греческое влияние в восточных арабских Патриархатах поддерживалось не только традициями, унаследованными от времен Византийской империи и отчасти воспринятыми возникшей на ее развалинах Оттоманской империей, но и тем влиянием, которое греческая национальность сохранила среди своих завоевателей и особенно, в столице империи Стамбуле. Вселенский Константинопольский Патриарх был объявлен султанами главою христианской румийской нации, прочие Патриархи Востока стали от него в большую зависимость и искали его покровительства, часто и жили при нем. Пользуясь таким преимуществом, греки, оставив национальное белое духовенство в очень незавидном материальном и правовом положении, сохранили власть и высшее руководство церковными делами в руках греческого черного духовенства. С пробуждением национального самосознания, у арабов Антиохийского Патриархата возникло стремление создать свою национальную церковную иерархию и добиться автокефальности сирийской Церкви, теоретически признаваемой канонами, но практически утраченной. Сначала они добились права, наряду с греческими, иметь и своих арабских митрополитов, а потом, в 1897–1899 годах, добившись арабского большинства в антиохийском Синоде, после удаления с кафедры Патриарха Спиридония, при поддержке русского правительства и Палестинского Общества, избрали на патриарший престол митрополита-араба Мелетия. Несмотря на протесты прочих греческих Патриархов Востока и эллинского Синода, султан утвердил его в должности. Его преемник, Блаженный Григорий IV, благодаря посредничеству и советам русского посольства в Константинополе и, несмотря на свое арабское происхождение, был уже признан Константинопольским, Иерусалимским и Александрийским Патриархами и церковное общение восстановилось. *Точка зрения, усвоенная русским правительством и последовательно проведенная в сирийском (антиохийском) церковном вопросе, не может быть иной и по отношению к палестинским православным арабам, поскольку речь идет об их бесспорном праве на церковную автономию и на устройство их внутренних церковно-общинных дел. Поэтому, с русской стороны не может быть никаких возражений против желаний*

палестинских православных арабов иметь одного или несколько архиепископов или митрополитов-арабов, канонически подчиненных Иерусалимскому Патриарху и обладающих всеми правами членов Сионского Синода, не исключая даже и права избрания на патриарший престол, пользоваться денежными пособиями от Патриарха на содержание церковных учреждений в Св. Земле, иметь свой смешанный народный совет распределения этих пособий между арабскими церковными общинами и обсуждения разных мероприятий к улучшению церковных и благотворительных арабских учреждений в Палестине., устраивать свои монастыри, школы, больницы, приюты, словом пользоваться полной свободой в устройстве своих внутренних церковных отношений и дел.

Однако, греки и греки, утверждая, что храм Благовещения, пещера Рождества Христова, Голгофа, Гроб Господень, храм Воскресения, места Крещения, Преображения, Вознесения, Успения Богоматери и т. д. должны быть достоянием всех христианских народов, а не одного из них и тем более не одной довольно слабой, сравнительно немногочисленной и действительно плохо организованной, группы православных арабских общин Палестины. *Такое утверждение должно вполне совпадать с нашей русской точкой зрения.* Еще со времен крестовых походов Св. Земля перестала быть полною собственностью местного туземного населения и стала предметом настойчивых домогательств католических народов Европы. Католической Европе Православная Церковь может противопоставить, конечно, не слабую общину Палестины, а союз всех православных народов, руководимый Россией.

Две главных ветви христианского дерева, православие и католичество, заняли в Палестине строго обособленное положение, определенное международными договорами, укрепленное правами исторической давности, и со времен Крымской войны стараются строго соблюдать status quo ante в отношении владения отдельными св. местами Палестины. Католическая церковь под протекторатом Франции, плохо или хорошо, сумела устроить свои интернациональные отношения, установила равновесие между отдельными национальными группами, входящими в ее состав, и их стремлениями. Достигнутое ею внутреннее объединение дало ей силу в борьбе с разбегающимся во все стороны православным стадом и придало значительную устойчивость ее церковным учреждениям. Такого же единства и внутренней солидарности между национальными элементами надо добиваться и для Православной Церкви. После этой войны едва ли можно возбуждать вопрос об изменении status quo с католиками, находящимися под покровительством нашей союзницы. Нам, православным, трудно будет сделать новые уступки, а католикам еще труднее, тем более, что этот вопрос без предварительной всесторонней подготовки и весьма сложных переговоров вообще является неразрешимым.

Но в сфере влияния Православной Восточной Церкви пора, наконец, установить твердый порядок и прекратить ту внутреннюю вражду в пределах Иерусалимского Патриархата, которая является позором для православных христиан и предметом поношения даже для мусульман, не говоря уже про инославных христиан; эти споры необходимо безотлагательно прекратить во имя высших интересов и достоинства вселенского союза, именуемого Восточной Кафолической Церковью.

Греческое Святогробское братство, владея всеми принадлежащими православной церкви св. местами Палестины, старается оправдать свое исключительное господствующее положение в Иерусалимском Патриархате, свое право замещать все высшие иерархические должности и распоряжаться пожертвованиями на Св. Землю, тем соображением, что оно, в качестве делегата не одной какой-нибудь поместной церкви, напр., русской или арабской, а всей вселенской православной церкви, в течение многих веков является верным стражем Гроба Господня и других святых мест, что благодаря его выносливости, изворотливости, многовековым терпению и страданиям, православная церковь сохраняла за собой часть святых мест в тяжелый период турецкого владычества и небольшой остаток верных этой Церкви сынов — теперешних арабов. Отрицать в этом деле исторические заслуги греков было бы так же несправедливо, как и преувеличивать их значение. Хотя никогда Православная Церковь не делегировала греков для охранения св. мест каким-нибудь формальным актом, но молчаливое признание их исторической роли и заслуг никогда не оспаривалось в ней, и в этом смысле греки, наравне с прежними туземными иерархами, действительно были как бы уполномоченными стражами св. мест. Многие они растеряли, но не мало и соблюли в целости. Некоторая часть местного населения, хотя и небольшая, принадлежит к греческой национальности или когда-то принадлежала к ней. Все это несомненно дает и грекам право на влияние в делах Иерусалимского Патриархата и изгнать их отсюда так же, как это сделано было в Антиохийском Патриархате, после Патриарха Спиридония, было бы несправедливо уже по одному тому, что они тоже православные совладельцы святых мест.

Однако, отсюда никак не следует, что греки при всяких исторических переменах должны быть оставлены *единственными бессменными стражами Св. Гроба навсегда*, до скончания мира. Всемирное значение древней Византии безвозвратно пало и нет надежд на воскрешение его современными панэллинистами с их узко националистическими стремлениями и идеалами. Судьба Царьграда еще не решена, но решается настоящей великой войной и будет ли он международным, эллинским или славянским городом, пока одному Богу известно, но едва ли он останется турецкой столицей, управляемой германцами. Судьбы Вселенского Патриарха, после папы второго по чести христианского епископа, по оконча-

нии текущей войны могут определиться иными факторами и условиями, отличными от теперешних. Младшему по чести, тому православному патриаршему престолу „Третьего Рима» придется, может быть, сказать веское и решительное слово касательно устройства всей вообще Вселенской Церкви восточного ряда, ибо подавляющее большинство членов Православной Церкви состоит теперь из славян, а покровителем и защитником славянства выступает единокровный ему русский народ. Четыре восточных Патриарха среди тяжелых исторических невзгод, перенесенных их паствой, растеряли былую славу и блеск своих Церквей, сохранив только громкие титулы да небольшое сравнительно число православных сынов. Давно уже они живут и поддерживают свои церковные учреждения, главным образом, за счет пособий и пожертвований из России. Особенно это нужно сказать относительно Иерусалимского Патриархата, главные средства которого состояются: 1) из доходов от бессарабских имений; 2) процентов с пожертвованных капиталов; 3) кружечного сбора в России; 4) доходов от русских паломников; 5) пожертвований, пересылаемых Хозяйственным Управлением при Св. Синоде и Палестинским Обществом; 6) пожертвований из России при денежных письмах и почтовых переводах от частных лиц. Наибольшее значение имеет последний источник, дающий до 900. 000 р. в год, по сведениям местных арабов. На всякие гласные расходы Братство тратит по 75.000 руб. в год, остальные суммы остаются в негласном распоряжении Патриарха, Синода, Братства и отдельных членов его. Несмотря на это, Патриархия обременена большими долгами. Без преувеличения можно сказать, что все местные церковные учреждения живут русским паломническим сезоном; в плохой сезон духовенство и учителя патриарших школ часто по несколько месяцев остаются без жалованья. Без поддержки из России все местные церковные учреждения должны захиреть.

Нам, русским, из этого бесспорного и очевидного положения давно надо было сделать спокойные выводы, не увлекаясь ни грекофильством, ни арабофильством, ни желанием поглотить “Матерь всех Церквей” в православном славянском море и руководствуясь единственно высшими интересами вселенского православия и благом союза Православных Поместных Церквей. Поместной Арабской Церкви должна быть предоставлена та свобода внутреннего национально-церковного самоопределения и развития, какой она добивается от греков, захвативших высшую иерархическую власть в ней. Однако, исключительное значение Св. Земли для всего христианского мира и особенно для нашего русского православного народа дает нам даже более, чем другим православным народам, бесспорное основание требовать себе места под солнцем Палестины и приобрести права, соответствующие нашим жертвам на Св. Землю. Получая большую часть средств на содержание палестинских церковных учреждений от России и

русского народа, Иерусалимский Патриархат не может оспаривать права России на контроль за правильным и целесообразным расходом этих средств. Считая себя делегатами всей Православной Церкви, будто бы доселе признававшей их историческими стражами св. мест, греки, однако, не могут отрицать права Русской и Славянских Церквей, составляющих большинство в православном мире, *заменить часть греческой стражи в составе Святогробского братства делегатами своей народности* и отменить по отношению к св. местам Палестины, принадлежащим Православной Церкви, исключительные права греческой национальности, не соответствующие теперь ни ее значению и заслугам в православном мире, ни изменившимся политическим условиям палестинской жизни.

Преобладание эллинского элемента в составе Иерусалимского Патриархата нельзя обосновать на его численном превосходстве, ибо греков в Палестине гораздо меньше, чем русских, не говоря про арабов. *Оправдать запрещение вступать в состав Святогробского братства всем православным мира, кроме греков, даже исконным православным Палестины — сиро-арабам*, невозможно ни с какой точки зрения, не говоря уже про каноническую, не делающую различия между эллином и иудеем. Те доводы, которыми святогробцы особенно успешно борются в спорах с оттоманскоподданными арабами и которые имеют особливую силу при посредничестве между ними оттоманских властей, а именно, ссылки па грамоту первого халифа — завоевателя Иерусалима Омара; на многочисленные султанские фирманы и бераты, начиная с завоевателя Константинополя Магомета II, для России и прочих Славянских Церквей, равно Румынской и даже Церкви Эллинского королевства, имеют интерес только исторический, а не канонический, ибо законы мусульманских завоевателей не составляют неизменного канона для христианской церкви. Святогробцы, конечно, найдут защиту в правительстве Эллинского королевства, но едва ли эта защита может быть особенно энергичной, в виду чрезвычайной слабости правовых позиций Святогробского братства. Нельзя же серьезно доказывать, что Гроб Господень и др. св. места Палестины должны принадлежать одним грекам, а прочие православные народности имеют здесь только одно право молиться и одну обязанность — приносить свои жертвы. Это не национальная греческая, а общехристианская святыня.

В виду этого, после победоносной для России войны, представляется целесообразным придать Святогробскому братству и избираемому из его состава Сионскому Синоду иную, более соответствующую интересам славянства, организацию, чуждую теперешнего узко-националистического греческого характера и более приспособленную к удовлетворению высших интересов Восточной Православной Церкви в ее целом. При этом условии Сионская Церковь станет самодовлеющей целью, а не служеб-

ным средством для достижения чуждых ее природе националистических стремлений, и получит возможность восстановить свое былое значение для христианского просвещения и распространения веры в современных полудиких странах.

Само собою разумеется, что это предложение, а равно способы и средства для его проведения в жизнь должны быть представлены на рассмотрение и одобрение русского Святейшего Синода и предварительно обсуждены и изучены со всех сторон в междуведомственной комиссии учеными специалистами по каноническому праву и истории Церкви, и людьми, знающими современный Восток, в частности Палестину, не только по книгам и рукописям, но и по личным впечатлениям. Иное, менее осторожное и вдумчивое, отношение к этому важному церковному вопросу могло бы повести к последствиям, весьма прискорбным с точки зрения высших интересов вселенского православия.

В Восточной Православной Церкви нет того единства, организованности и тесного взаимообщения между отдельными поместными церковными единицами, какие издавна составляли отличительную черту и силу западной католической церкви. Соборная жизнь времен высшего расцвета византийского христианства пошла, на убыль с началом упадка империи и теперь почти совсем замерла на Востоке, а торжественные послания, какими в весьма редких случаях обмениваются Иерархи и Синоды поместных православных церквей, не могут заменить постоянного, организованного и живого общения между ними, как частями единого вселенского организма. На этот исторически процесс постепенного разобщения православных поместных церквей Востока и их обособление от русской церкви Турция имела роковое влияние, ибо и интересы ислама (панисламизма), и общеизвестные тенденции турецкой государственности повелительно призывали оттоманское правительство к возможной дезорганизации христианства во всех арабских, греческих, славянских и иных православных церквях, вошедших в состав империи, и к ослаблению их связи с их покровительницей-Россией. Не прекращавшиеся никогда попытки Рима подчинить себе всю восточную церковь, не исключая и русской, и усиление националистических течений среди турецких христиан, возраставшее по мере их освобождения от гнета турок, также не мало содействовали распаду уже ослабленного церковного единства. Теперь Турция должна потерять свое прежнее роковое влияние на церковные дела Востока, а между отдельными народными церковными течениями должно быть установлено справедливое равновесие самой же церковью под защитой и покровительством России. Призвать к необходимому единению и взаимной сплоченности отдельные поместные православные церкви может только Россия; другие православные народы не обладают достаточными для этого средствами и авторитетом.

Если великая мировая война завершится полным торжеством России и ее союзников и жизненные интересы России будут обеспечены предоставлением в ее распоряжение ключей от Черного и Мраморного морей, то переход Царьграда в державное обладание ее станет неизбежным последствием победы, а с ним вместе перейдут на Русского Царя и попечение о восстановлении древнего величия вселенского престола восточной церкви, и сохранение за ним первенства чести согласно канонам вселенских соборов.

По этим соображениям, после войны представляется необходимым и своевременным обеспечить не только за отдельными поместными, но, по возможности, и за всей вселенской православной церковью в ее совокупности ту свободу канонического самоопределения и преобразования своей внутренней жизни и между церковных отношений, которой ей не доставало со времен упадка Византии. Этот вопрос затрагивает автокефальные церкви турецкого Востока самым существенным образом, ибо с падением Царьграда должна пасть по необходимости и вся устаревшая турецкая организация христианской церкви греческого обряда. Выступая покровительницей православной церкви на Востоке, Россия должна обеспечить за собой, по крайней мере, *minimum* тех условий, без которых право покровительства осталось бы пустой формой без реального содержания. Кроме общего признания оттоманским правительством *права России на покровительство* православной церкви в пределах Турецкой империи, к числу таких условий должны быть отнесены:

1) *признание полной автономии православных церквей турецкого Востока во всех делах внутреннего церковного порядка и управления в отношениях к турецкой власти;*

2) *обеспечение за православными епископами турецкого Востока неограниченной свободы участия в церковных соборах, созываемых для обсуждения правил христианской веры, жизни, церковного управления и суда, как в пределах самой Турции, так и вне ее, в других православных государствах;*

3) *признание за всеми иностранными подданными православного вероисповедания, живущими в пределах Турции, всех церковных прав, какими пользуются по уставам церкви православные оттоманского подданства;*

4) *признание за Россией, как первенствующей православной державой и покровительницей православия, преимущественного права на охрану Св. мест, принадлежащих православной церкви, на приведение их в должный порядок, соответствующий их святости, на благоустройство и тех мест поклонения, которые являются общим достоянием православных и др. христианских исповеданий по соглашению с заинтересованными сторонами;*

5) установить контроль за правильным расходом тех денежных средств, которые поступают на содержание и украшение Св. мест чрез русские консульства, Хозяйственное Управление Святейшего Синода, Императорское Православное Палестинское Общество др. правительственные или общественные учреждения России;

6) предоставление России разрешить греко-арабский спор в Палестине, как вопрос внутренних отношений в православной церкви, по соглашению с заинтересованными сторонами или при посредстве собора поместных православных церквей.

Если после войны армянские области Турции отойдут во владение или под протекторат России, то соответствующим образом должно быть обеспечено покровительство России и армянским церковным интересам в Св. Земле, а также и право на разрешение споров, могущих возникнуть между армянской и православной церквами из за владения Св. местами в Палестине.

Императорское Православное Палестинское Общество особенно заинтересовано в правильном разрешении сложного греко-арабского вопроса, потому что многие из его усилий, направленных к поддержанию православия в Палестине, не достигают своих целей в полной мере, вследствие несогласованности его мероприятий с деятельностью Патриархии, вдохновляемой узкими интересами панэллинизма или даже своекорыстными расчетами одного святогробского братства; Обществу приходится нередко встречать открытое противодействие со стороны членов братства только потому, что оно не может и не должно служить слепым орудием для осуществления чуждых ему и православной церкви в ее целом специально греческих или монастырских интересов; в церковном споре с арабами нейтральная позиция Общества, как стороннего наблюдателя, и справедливое отношение к основательным требованиям арабов только еще более возбуждают подозрительность греков и опасение изгнания их из Палестины по примеру Сирии. Хотя опасения эти и неосновательны, поскольку они касаются права греков на участие в совладении Св. местами, тем не менее притворно вежливое отношение к учреждениям Общества со стороны высших официальных представителей Патриархата мало смягчает плохо скрываемое недружелюбие к ним и враждебные выступления против них со стороны второстепенных агентов.

Преобразовав греческое святогробское братство на широких началах участия в нем делегатов от православных народов восточного обряда и противопоставив его объединенной международной организации католических стражей-францисканцев, Иерусалимский Патриархат мог бы спокойно и без всякого ущерба для себя дать местным церковным общинам ту церковную автономию во внутренних делах, которой они добиваются, свою иерархию, общинные организации, право самостоятельного распо-

ряжения благотворительными учреждениями и оказывать необходимую денежную помощь этим учреждениям. Пользуясь этой поддержкой, местные православные арабы будут заинтересованы не в том, чтобы ослабить подчинение своих народных митрополитов иерусалимскому Патриарху и его Синоду, а в том, чтобы укрепить и расширить свою связь с ними, упрочить свое влияние на разрешение Синодальных дел Патриархата и свое положение в составе членов святогробского братства. Если теперь у них находится много веских доводов, чтобы оспаривать исключительное право греческой нации на управление палестинской церковью, то с предоставлением им своей иерархии, участвующей в разрешении дел сионской церкви, поводы для основательных протестов должны исчезнуть.

В последнее время неоднократно высказывалось пожелание¹⁹, чтобы русское правительство добилось для Русской Духовной Миссии в Иерусалиме права иметь у Св. Гроба и в других местах Палестины „свои алтари» и беспрепятственно совершать в них богослужение. Доселе отдельные алтари или приделы имели только те христианские исповедания, которые отделились от Православной Церкви и которых греки не пускают к своим алтарям. Мы, русские, от Православной Церкви не хотим отделяться, а потому не можем и отказаться от наиболее важных св. мест, принадлежащих ей, ради приобретения своих отдельных алтарей и престолов. Тем самым мы отказались бы от более ценных прав, оставшихся за Православной Церковью. Доселе св. места были разделены между христианскими исповеданиями, а не национальностями. Французы, испанцы, итальянцы служат на католических алтарях или на общих св. местах, находящихся в совместном владении, в указанное им время, в очередь, а русские, греки, румыны, болгары и т. д. — на православных алтарях или на общих местах тоже в определенное status quo время. Поставить новые алтари нам не позволят католики, ибо это будет нарушение международного status quo, но при благоприятных обстоятельствах возможно было бы добиться добровольной уступки престолов у мелких восточных сект (коптов, абиссинцев и сириан), при условии каких-нибудь других компенсаций. Такая добровольная уступка, может быть, и не сочтена была бы за нарушение status quo, но, конечно, она открыла бы и католикам новые пути к расширению своих владений у св. мест. Поэтому было бы безопаснее добиться согласия Патриарха и Святогробского братства на предоставление одного, двух престолов, находящихся за Голгофой, в распоряжение нашей Русской Духовной Миссии для ежедневных служений в определенное время. Однако, этим не должно быть умалено право нашего духовенства служить и на других православных или общих с католиками престолах. *Право совершать богослужение на славянском языке для наших паломников на всех без исключения св. местах, принадлежащих Православной Церкви, должно быть непременно обеспечено.*

Теперь господствующим богослужебным языком в Палестине является язык высшей иерархии — греческий, непонятный ни арабам, ни славянам. Правда, греки делают в этом отношении широкие уступки и тем и другим. Когда большинство молящихся арабы, то и богослужение, за исключением некоторых частей, совершается преимущественно по-арабски; когда приходят большие русские караваны, то литургия почти вся, за исключением нескольких возгласов и песнопений, совершается по-славянски. В большие праздники, когда много бывает и русских, и арабов, богослужение совершается на греческом, арабском и русском языках, с двумя хорами певчих: русским и греческим. При посещении румынских епископов, им позволялось за патриаршей службой произносить свои очередные возгласы по-румынски. По существу против такого порядка в международном Иерусалиме нельзя спорить. Но все-таки он не устраивает наших паломников в желательной мере, потому что, во 1-х, хотя многие святोगробцы умеют совершать литургию и по-славянски, но их греческий акцент при произношении славянских ектений и возгласов, их искажения наших славянских церковных мелодий — едва переносимы для славянского уха даже старожилов, не говоря уже про паломническую массу; во 2-х, кроме литургии и молебна греки не совершают других церковных служб по-славянски (вечерни, повечерия, утрени, часов, панихид, всенощных бдений); в 3-х, и некоторые их порядки и обряды не согласуются с нашим церковным уставом, к которому паломники привыкли у себя дома; в 4-х, русское духовенство допускается к сослужению на св. местах с греческим духовенством, но не иначе, как при его участии на предстоятельском месте. Вообще, за редкими исключениями, греческое духовенство всегда старается подчеркнуть свое преобладание и господство в Иерусалимской Церкви, и не всегда с пользой для себя. С арабским духовенством считаются еще меньше, чем с русским; напр., арабский священник Каны Галилейской в церкви, построенной русскими и отданной в заведование Патриархии, несколько лет тому назад мог совершать богослужение не иначе, как с разрешения греческого пономаря или служки, жившего при церкви; теперь на место этого пономаря прислан иеромонах и канонические отношения приняли более приличный вид. В той же церкви дети греческой школы допускаются к пению на клиросе, чтению Апостола, а арабским детям русской школы это запрещено игуменом. Все это делается, конечно, с тою предвзятою целью, чтобы упрочить в сознании местных православных арабов и приезжих славян-паломников идею греческого церковного приоритета в Палестине, приучить к известной традиции и опираться на нее в случае споров для достижения более важных реальных целей. Мы, русские, не можем и не должны разрушать тот канонический порядок, который создан Православной Церковью для определения взаимоотношений между отдельными чинами церковными, независимо от их национально-

сти, возраста, личных качеств и т. п. Но, не затрагивая основ внутренней дисциплины Иерусалимской Церкви, мы, однако, не можем и не должны мириться с таким уклонением от канонического порядка, при котором греческая нация, будучи чуждой местному населению и большинству паломников по крови и языку, получила такие же *исключительные права* на занятие высших иерархических должностей, какими пользовались когда-то только первосвященнические роды колена Левиина среди родного ему по крови и языку еврейского народа.

Поэтому, параллельно с преобразованием состава Святогробского братства, мы должны также добиваться и того, чтобы установлена была известная *очередь* и для славянского служения на св. местах, и чтобы *русским паломникам была обеспечена возможность слушать не одну литургию, а все церковные службы на славянском языке* на всех св. местах Палестины, принадлежащих Православной Церкви, и чтобы *таковые богослужения совершались для славян духовными лицами из славян или безукоризненно владеющими этим языком лицами других национальностей*.

Практически эти цели могли бы быть осуществлены при наилучших условиях в том случае, если бы, наряду с введением в состав Святогробского братства и русского духовенства, была облегчена возможность устройства русских мужских и женских общежительных монастырей в пределах Палестины, хотя бы по образцу разросшихся в последнее время Елеонской и Горненской обителей. К сожалению, доселе *устройство новых церквей и монастырей со стороны турецкого правительства, а отчасти и Патриархии, встречало трудно преодолимые препятствия*, которые и следовало бы устранить по окончании этой войны. Главное препятствие заключалось в необходимости испрошения *особого султанского разрешения на устройство новых церквей и монастырей*. Если бы это право было предоставлено Патриарху и местным властям, то большая часть трудностей отпала бы сама собой.

В Палестине пока имеют успех только женские монастырские общины России²⁰. После войны было бы весьма желательно преобразовать нашу Русскую Духовную Миссию в большой образцовый мужской общежительный монастырь, или даже лавру, и дать ему средства для того, чтобы он мог стать одним из центров духовного просвещения и выполнять свое миссионерское назначение. Теперь же ни личный состав Миссии, ни ее денежные средства, ни условия, в которые поставлена ее работа, не позволяют ей расширять рамки своей просветительской деятельности.

Палестинское Общество, призванное заботиться об интересах русского паломничества согласно своему уставу, принимает на себя все заботы об удовлетворении материальных нужд наших паломников, об устройстве их быта, улучшении жизненных условий, удобств и попечение о всех пере-

движениях паломнических масс по Св. Земле; по мере своих сил стремясь совершенно освободить Духовную Миссию от этих мирских попечений о внешней стороне паломнического быта,

т. е. помещении, продовольствии, передвижении и т. п., оно с тем большею настойчивостью желало бы усиления духовного руководства паломническими массами и просветительной ее деятельности, а в связи с этими задачами — повышения духовно-образовательного и научного ценза большинства ее членов, увеличения числа их и, конечно, назначения достаточных для этого денежных средств.

V.

Признание за Палестинским Обществом, а равно и за отдельными его церковными, благотворительными и просветительными учреждениями в Турции, всех прав, присвоаемых европейским законодательством так называемому юридическому лицу.

Турецкое мусульманское законодательство не признает юридических лиц, оно считается только с правами отдельных физических лиц, а не с их союзами и обществами. Поэтому все общества, компании, союзы, товарищества, религиозные, ученые и промышленные учреждения и т. д. во всех сделках по недвижимым имуществам вынуждены прибегать к посредничеству своих членов, служащих или посторонних лиц, дающих свое имя. Поэтому же почти все недвижимые имущества иностранных благотворительных учреждений записаны на имя частных лиц и, при известной формальной придирчивости со стороны властей или недобросовестности доверенных, могут быть отобраны у них. Если этого не сделали до сего времени, то только потому, что учреждения почти всех великих держав были бы вынуждены дипломатическим путем предъявить оттоманскому правительству весьма энергичные протесты, а фиктивные владельцы имуществ не откажутся назвать настоящих собственников.

Сами турки признают неудобства такого пробела в своем законодательстве, создающего весьма невыгодные условия для развития торговли и промышленности. Для своих религиозных и благотворительных учреждений они создали институт вакуфного права; но оно слишком неуклюже, не гибко и не приспособлено к теперешним условиям экономической жизни. Каждый частный владелец недвижимости может превратить свою собственность в вакуф (уакф) известного религиозно-благотворительного или общественно-государственного учреждения, или своего потомства, семьи, как юридического лица, и определить условия пользования им, даже порядок правопреемства или передачи прав на владение на случай вымирания семьи или рода, закрытия или уничтожения учреждения и т. д. Но, совершив вакуфный акт в шариятском суде, он уже теряет право сам внести какие-либо изменения в этот акт, как бы ни были велики практические неудобства отдельных постановлений акта,

не предусмотренные при составлении его; не могут сделать этого и его правопреемники; имущество становится неотчуждаемым, поступает под надзор вакуфного управления, его назначение не может быть изменено. Естественно, что такие стеснительные требования со стороны мусульманского шариатского закона о вакуфах совершенно не мирятся с европейским правосознанием христианских учреждений и часто ставят их в безвыходное положение. Напр., если участок объявлен вакуфом церкви или подворья, то нельзя там выстроить школы, больницы; если вакуфным владением объявлено какое-либо общество или учреждение, то с закрытием или распадением общества, учреждения вакф остается без хозяина, выморочным имуществом; если в вакуфном акте не предусмотрен другой жизнеспособный преемник, то ликвидируемое общество или учреждение не имеет права указать такового, или продать свое имущество частным лицам без обхода закона. Недвижимые имущества на праве полной собственности (мульк) могут приобретать по закону только физические, но не юридические лица.

В сознании неудовлетворительности своего закона от 7 сафара 1284 г. по мусульманскому летосчислению, турецкое правительство, на основании временного закона от 8 февраля 1328 г. (1913 по нашему летосчислению), дозволило религиозным и благотворительным учреждениям переписать на свое имя те имущества, которые доселе были записаны на имя частных третьих лиц, а отношением министра юстиции на имя Антиохийского Патриарха от 10 марта 1329 г. (1914 г.) за № 6 дано было знать, что этот временный закон, действие коего ограничено было 6 месяцами, должен быть заменен вскоре новым законопроектом проектом, рассматриваемым турецким парламентом. Издания такого закона, однако, на деле не последовало и доселе. Этот законопроект имел целью урегулировать юридические права обществ, акционерных компаний, товариществ и т. д.

Поэтому необходимо настоять на издании нового закона, который обеспечивал бы за Палестинским Обществом, а то и за другими русскими учреждениями, *все права юридических лиц и в частности право приобретать или отчуждать недвижимую собственность в Турции всеми законными способами, установленными для лиц турецкого подданства и иностранцев*, вступать в арендные и иные договоры, принимать дар, наследовать по завещаниям, производить залоговые операции, вчинять иски в суде и отвечать по ним, выдавать доверенности, кредитоваться, страховать движимые и недвижимые имущества, совершать всякого рода нотариальные в домашние акты и т. д.

VI.

Укрепление за Палестинским Обществом тех недвижимых имуществ в Турции, которые уже приобретены им на имя частных лиц оттоманского или русского подданства.

К таким имуществам относятся записанные а) на имя в Бозе почившего Великого Князя Серия Александровича: 1) Сергиевское и 2) Вениаминовское подворья в Иерусалиме, 3) Вифлеемский участок, 4) Рамалльский, 5) Бейрутский, 6) Кфейрский, 7) Иерихонский, 8) Назаретское подворье, 9) Хайфское подворье; б) на имя бывшего инспектора школ А. И. Якубовича: 10) 3-й Назаретский участок, 11) Кафр-Канский, 12) Рамесский; в) на имя бывшего инспектора П. П. Николаевского: 13) часть усадьбы Назаретского подворья; г) на имя бывшего консульского агента С. К. Хури: 14) Хайфский приморский, 15) Назаретский огород Шурруша; д) на имя начальника Назаретской семинарии А. Г. Кезмы: 16) бывшая усадьба Магли, 17) бывшая усадьба бр. Эд-Дабуэ, 18) недавно купленная обширная усадьба для Назаретской семинарии, и 19) подаренный Сюрзуком участок земли в Аффуле.

По этим участкам Общество исправно уплачивало налоги и фактически они признавались его собственностью и местными турецкими властями. Тем не менее, спокойное фактическое владение этими имуществами при неблагоприятных обстоятельствах (напр., после неудачной для нас войны с Турцией) легко может быть нарушено или отменено обыкновленным судебным порядком или путем захвата со стороны соседей или местных властей. В случае смерти лиц, на имя которых записаны имущества Общества, может возникнуть множество непредвиденных осложнений. Так, в Бозе почивший Великий Князь Сергей Александрович не оставил никаких завещательных распоряжений относительно записанных на его имя имуществ Общества, а выданные им доверенности после его смерти теряют свою силу. Общество и не могло быть назначено его правопреемником по тем же причинам, по которым оно не могло быть приобретателем этих имуществ. Притом же русские завещания, не легализованные оттоманскими властями, могут быть признаны последними недействительными и имущество по закону станет выморочным. Якубович и Хури дали полную доверенность начальнику Назаретской учит. семинарии А. Г. Кезме на распоряжение имуществами Общества, записанными на их имя. Но Хури умер, а Кезма может умереть, за их наследниками остается формальное право предъявлять свои притязания на все имущества наследодателей, записанные на их имя в крепостных книгах. Обществу пришлось бы при каждой перемене в составе фиктивных владельцев вступать в сложные переговоры, вновь совершать все формальности и производить расходы по переукреплению; в случае недобросовестности наследников, оно было бы поставлено в критическое положение. При обычном течении турецкого делопроизводства выполнение всех формальностей, сопряженных с этим делом, доставило бы консульствам и посольствам несколько лет медлительной переписки, а Обществу стоило бы больших денежных расходов. При заключении мирного договора этот пункт будет принят без всяких возражений, его не

надо только позабыть. В случае категорических приказаний центрального правительства крепостные акты (кушаны) без промедления будут выданы местными крепостными учреждениями (табо), так как местной администрации хорошо известен действительный собственник этих имуществ. Это важное дело непременно должно быть разрешено после войны, иначе оно может затянуться опять на несколько десятилетий, пока не откроется новой возможности разрубить Гордиев узел.

В частности, в Хайфе, по соглашению между русским посольством и османским правительством, Палестинское общество уступило часть своего приморского вакуфного участка под городские улицы, а часть распорядителю вакуфа в качестве “бадали-мисль” для превращения остальной части в полную собственность “мульк”, причем Обществу было предоставлено устроить набережную перед своими постройками, заняв для сего часть заливаемой морем отмели. После многолетней тяжбы Общества с наследниками учредителя этого вакуфа, по сему делу состоялось формальное соглашение между хайфским каймакамом, действовавшим от имени правительства и правления Геджасской дороги, управляющим вакуфом шейхом де-Сагли и управляющим палестинскими подворьями, действовавшим от имени Общества, причем была обусловлена *выдача кушанов на этот участок в его измененных соглашенияем границах, удостоверяющих право Общества на владение этим участком в качестве “мульк”, а не “уакфа”, и на устройство своей набережной на заливаемой морем отмели. Несмотря на настояния управляющего подворьями Общества и местного вице-консула, кушаны, вопреки соглашению, до самой войны не были выданы под разными формальными предложениями. Необходимо настоять на выдаче этих кушанов и на разрешении Обществу, немедленно по окончании военных действий и заключении мира, приступить к застройке означенного участка и постройке набережной перед ним.* Для Общества весьма важно также, чтобы место, отвоеванное у моря за его счет под набережную, было также, признано его полною собственностью и включено в кушан, так как за эту полосу моря Общество уступило городу часть своего участка для проведения городских улиц без всякого вознаграждения со стороны города.

VII.

Сохранение за религиозными, просветительными и благотворительными учреждениями Палестинского Общества в Турции тех прав, преимуществ и изъятий из общих законов о повинностях, которые предоставлялись доселе, или будут предоставлены законом и административными распоряжениями впоследствии таковым же османским, или иностранным учреждениям и обществам.

Доселе, наравне с другими иностранными и оттоманскими учреждениями благотворительного, просветительного и религиозного характера, подворья, школы, церкви и больницы Общества пользовались следующими преимуществами на основании турецких законов, или административных распоряжений:

1. *Беспошлинным пропуском через таможни:* а) всех заграничных товаров, необходимых для продовольствия и содержания прибывающих из России паломников; б) всех строительных материалов и инструментов, выписываемых из-за границы для постройки домов, подворий, школ, больниц, церквей и для ежегодного ремонта их; в) книг, учебных принадлежностей, наглядных пособий для преподавания в школах и вообще школьного инвентаря; г) икон, церковных риз, сосудов и др. богослужебных принадлежностей; д) больничного, столового и постельного белья, одеял, кроватей, халатов, медицинских инструментов, аптечных материалов для больниц и амбулаторий; е) различных предметов обстановки для всех учреждений Общества.

2. *Освобождением построек Общества от взимания муниципальных сборов за разрешение на производство постройки.*

3. *Освобождением от муниципальных и иных налогов на дома для школ, больниц, подворий и церквей,* за исключением доходных построек, не предназначенных для означенных благотворительных, религиозных или просветительных целей Общества.

4. *Правом беспошлинной торговли на территории паломнических построек Общества* по удешевленным ценам предметами продовольствия, спичками, иконами, крестами и др. *objets de piete*, книгами религиозно-назидательного характера на русском языке и путеводителями по Св. местам Востока, фотографиями и картинами этих мест и т. п., дорожными вещами, необходимыми для русских паломников.

5. *Освобождением от таможенной цензуры книг, газет и журналов,* выписываемых из-за границы для учреждений Общества, или для распространения среди паломников.

Для Общества важно не только сохранить за собой выше перечисленные льготы, которыми оно пользовалось доселе, но и обеспечить за собой па будущее время *права наибольшего благоприятствования* в случае предоставления оттоманским или др. иностранным учреждениям того же рода новых льгот.

Однако, Общество не стало бы возражать против обложения муниципальными и иными сборами тех его недвижимых имуществ, которые не предназначаются для благотворительных учреждений, а эксплуатируются с промышленными или иными целями (напр., магазины и дома, сдаваемые в наем частным лицам для извлечения дохода, и т. п.).

VIII.

Разрешение Палестинскому Обществу строить новые паломнические подворья и приюты, а при них церкви, больницы, амбулатории, школы, магазины для продажи паломнических товаров во всех городах и селениях Оттоманской империи, посещаемых русскими паломниками с религиозною целью, без испрошения для каждого отдельного случая особого султанского ираде, или разрешения центрального правительства, на общих основаниях, установленных законом для прочих зданий, принадлежащих лицам или учреждениям оттоманского подданства, но с сохранением за ними тех льгот, которые предоставляются законом другим оттоманским и иностранным благотворительным, церковным и просветительным учреждениям.

Места поклонения посещаемые русскими паломниками, далеко не все надлежащим в образе оборудованы паломническими подворьями и вспомогательными при них учреждениями, а те города, в которых уже имеются паломнические приюты, не всегда располагают достаточными помещениями для паломников. Даже лучшие и самые обширные из подворий — Иерусалимские бывают переполнены великим постом и паломникам приходится ютиться в большой тесноте, Во многих же местах совсем нет подворий, как, напр., на реке Иордан, где к празднику Крещения собирается до 2. 000 паломников, в Буркине, Кане Галилейской и др.

Чтобы обеспечить подворьями весь русский паломнический маршрут по Востоку, в будущем пришлось бы построить для паломников различной вместимости дома: в Яффе, Вифлееме, Аффуле, Кане Галилейской, Тивериаде, Дженине, на Фаворе, в Набулусе, Рамалле, на реке Иордане, в Тире, Сидоне, Бейруте, Дамаске, Смирне, Мирах Ликийских, Константинополе. Кроме того, и существующие подворья в Иерусалиме, Хайфе, Назарете, Иерихоне, Бет-Захаре, Хевроне и при русских монастырях тоже потребуют расширения.

Теперь постройка подворий, церквей при них, амбулаторий, школ, больниц обставлена чрезвычайными затруднениями, так как каждый раз приходится испрашивать разрешение из Константинополя, ожидать окончания весьма длительной и сложной переписки между посольством и Портой, местными консульствами и оттоманскими властями. В сущности этим не обеспечиваются никакие турецкие интересы и вся эта канцелярская волокита придумана с единственной целью задержать, замедлить нормальное беспрепятственное развитие и рост учреждений Общества. Общество в данном случае только желает освободиться от бесполезных и с турецкой точки зрения стеснений. Поэтому, оно, без сомнения, не будет возражать против надзора местных властей на общих основаниях, установленных законом для построек отдельных лиц и учреждений оттоман-

ского подданства, имеющих дело только с местными муниципалитетами и представителями административной власти; ему нужно освободиться только от исключительных стеснений, с какими сопряжено исходатайствование султанского ираде с разрешением на постройку подворий, больниц, школ, амбулаторий и молитвенных домов при них.

IX.

Улучшение условий передвижения русских паломников в пределах Турции и, в частности, караванных путешествий по Св. Земле, а также сохранение за ними прежних льгот для паломников.

1. Нашим паломникам ежегодно приходится испытывать большие затруднения при высадке в палестинских портах вследствие их необорудованности. Яффский рейд, где происходит высадка и обратная посадка большей части русских паломников, и в летнее время не всегда доступен и безопасен, а в осенние и зимние бури на неделю и больше совсем прекращает морские сообщения. Паломнические пароходы иногда днями ждут в открытом море перемены ветра, чтобы подойти к берегу и начать погрузку и выгрузку, иногда уходят отстаиваться в соседние порты Египта (Порт-Саид, Александрия), или возвращаются обратно в Бейрут. Хайфский порт кое-как оборудован после постройки железной дороги на Дамаск и Набулус, ибо имеет железнодорожный мол для высадки и лучше защищен от ветров Кармилемским хребтом, но паломников, едущих в Иерусалим, здесь нельзя высаживать, потому что железная дорога, проведенная из Хайфы чрез Аффуле и Дженин до Набулуса, еще не доведена до Иерусалима и, как говорят, не будет доведена в ущерб правительственной Геджасской дороге и в интересах французской частной Яффо-Иерусалимской железной дороги, конкурирующей с первой за счет нашего паломнического движения. Если бы Хайфа была соединена непрерывным рельсовым путем с Иерусалимом, то наши паломники сэкономили бы много денег, времени и сил, высадившись в Хайфе, посетив по Хайфско-Дамасской (ветвь Геджасской) дороге Назарет, Тивериаду и затем направившись от ст. Аффуле, между Хайфой и Тивериадой, вблизи Назарета, на Дженин чрез Набулус в Иерусалим; из Иерусалима после посещения Св. мест южной Палестины, они отбывали бы в Россию чрез Яффу. Теперь же они проезжают сначала в Иерусалим чрез Яффу, потом караванным путем идут обратно на север в Набулус, Дженин, Назарет, Фавор, Тивериаду и тем же путем снова возвращаются в Иерусалим, употребляя на это утомительное путешествие около двух недель, затем опять чрез Яффу возвращаются в Россию. После соединения Набулуса с Иерусалимом рельсовым путем, паломнические караваны из Иерусалима в Назарет и Тивериаду стали бы излишними, всю северную Палестину паломник мог бы осмотреть *по дороге в Иерусалим*. Традиционные палестинские

караваны паломников, направлявшиеся прежде даже и из Яффы к Иерусалиму, с проведением железных дорог отжили свое время и в последние годы значительная часть паломников предпочитает посещать Галилею, пользуясь кружным морским путем на Хайфу, или шоссейной дорогой в экипажах на Набулус, а между Яффой и Иерусалимом все ездят по железной дороге.

Правление правительственной Геджасской железной дороги употребляло все усилия, чтобы поскорее соединить с Иерусалимом железнодорожной веткой находящуюся неподалеку от Назарета станцию Аффуле; эту железнодорожную ветку предполагалось впоследствии продолжить до Египта. К сожалению, правлению позволено довести дорогу только до Набулуса, а продолжение ее до Иерусалима было приостановлено по требованию французского правительства, к большому неудовольствию турок, немцев и нас, русских. Последний заем Турции после Балканской войны был заключен во Франции не без содействия нашего посольства в Париже; при заключении этого займа правительство республики выговорило для своих подданных: а) три концессии на постройку и эксплуатацию портов в Яффе, Хайфе и Триполи (в Северной Сирии); б) возобновление концессии на эксплуатацию Яффо-Иерусалимской жел. дороги, построенной частной французской компанией, на новый срок; в) соединение Яффы или ближайшей к ней ст. Лидды рельсовым путем чрез всю Палестину и Южную Сирию до станции Райак па Бейрутско-Дамасской ж. д., принадлежащей тоже французской компании; от Райака идет рельсовый путь на север к Хомсу, Хаме, Алеппо, Александретте, Мерсине и далее к Константинополю; г) отказ оттоманского правительства от своего намерения продолжить Аффуле-Набулусскую ветку до Иерусалима в интересах частной железнодорожной компании, эксплуатирующей Яффо-Иерусалимскую железную дорогу, но в прямой ущерб всему местному населению и интересам русского паломнического движения как христианского, так и мусульманского.

Теперь на пути Иерусалим-Набулус-Назарет-Тивериада русские паломники вынуждены будут совершать путешествие между Иерусалимом и Набулусом прежним караванным путем, или же делать по железной дороге огромный крюк: Иерусалим-Яффа-Набулус и оплачивать французам расстояние, более чем вдвое превышающее своим протяжением сравнительно короткую линию между Иерусалимом и Набулусом. Столь искусственное и противное интересам и местного населения, и туристов отклонение центральной магистрали, прорезывающей Палестину с севера на юг, в сторону Яффы, весьма чувствительно должно отразиться на прямых выгодах русского паломнического движения в Св. Земле; мы попадем в самую невыносимую кабалу французской железнодорожной компании; а насколько эта компания мало считается с интересами местного населения, можно судить по

тому, что пробег товаров между Яффой и Иерусалимом по жел. дороге, на расстоянии 87 километров, удорожает их стоимость на 10–20%²¹.

При этом случае нам необходимо *обеспечить существенные материальные интересы русского паломничества*, как христианского, интересующегося главным образом Св. местами Палестины, так и мусульманского, имеющего сборным пунктом Дамаск, откуда начинается Геджасская железная, дорога и отправляются караваны в Мекку.

Устройство портов в Яффе и Хайфе французами, или оттоманским правительством, до займа предполагавшим отдать постройку Хайфского порта Геджасской дороге, для нас, русских, как и для иностранных туристов и коммерсантов, только выгодно. Если французы будут настаивать на восстановлении концессионных прав в Яффе и Хайфе, то мы в своих собственных интересах должны их поддержать, ибо Россия едва ли может дать для этого дела своих предпринимателей. Если бы, сверх ожидания, французы отказались от этих концессий, то для нас было бы важно, чтобы оттоманское правительство за свой счет, или при Помощи акционерных иностранных компаний, *надлежащим* образом оборудовало порты Хайфы и Яффы. Нашим интересам не противна и постройка железной дороги между Яффой или Лиддой и Райаком, если она не помешает соединению Иерусалима и Набулуса по кратчайшей линии между ними. Но *прекращение постройки железной дороги между Иерусалимом и Набулусом, предоставленное Геджасской железной дороге и ею в большей части пути (до Набулуса) уже законченной, является чрезвычайно невыгодными и для русского паломнического движения, и для оттоманских интересов.*

Надо надеяться на то, что французское правительство согласится принять в серьезное соображение эти русские интересы, если ему своевременно будет на них указано русским правительством. Конкуренция Геджасской дороги мало желательна Яффо-Иерусалимской французской частной компании, но можно бы помирить наши и французские интересы таким образом, что та же *Яффо-Иерусалимская компания за свои счет продолжит ветвь Геджасской дороги между Иерусалимом и Набулусом, или предоставит правлению Геджасский даром закончить свой первоначальный проект соединения Хайфы и Дамаска с Иерусалимом рельсовым путем, удовлетворившись одной концессией на соединение рельсовым путем Яффы и Райака.*

Далее, в том случае, если бы Палестина после войны оказалась под протекторатом или Англии, или Франции, нам следовало бы по этому вопросу договориться с союзниками и решить его сообразно с интересами России. В таком случае русские интересы будут вполне совпадать с интересами новых хозяев Сирии и Палестины, если, конечно, их не суживать до круга специальных интересов очень маленькой Яффо-Иерусалимской железнодорожной компании.

2. Доселе русское паломническое движение в Палестину совершается исключительно по кружному морскому пути чрез Одессу, Константинополь, Смирну, Родос, Мерсину, Александретту, Триполи, Бейрут, Хайфу и Яффу.

Главная выгода его, — относительная дешевизна морских сообщений, — однако, уменьшается продолжительностью этого путешествия, большей потерей времени и, конечно, денег на продовольствие паломников в пути, а для многих, особенно старых или больных людей, этот путь чрезвычайно тяжел вследствие предрасположения к морской болезни при беспокойном состоянии моря. И вообще, он более удобен для западной половины Европейской России, связанной с Одессой большим количеством железных дорог, но не так привлекателен для паломников юго-восточной части Европейской России, Сибири, Закаспийской области и Кавказа. Когда линия Алеппо-Мерсина будет соединена с Константинополем непрерывным рельсовым путем, — а это произойдет, вероятно, в течение настоящей войны по стратегическим соображениям, — то откроется возможность путешествовать из России в Палестину по железным дорогам чрез Румынию, Болгарию, Константинополь, Малую Азию (Анатолию) и Сирию. Этот путь будет стоить, вероятно, дороже морского, но за то он будет менее продолжителен. Для Кавказа, Азиатской России и для смежных с Кавказом областей Европейской России кратчайший железнодорожный путь в Палестину может быть проведен только от Батума или Карса в Александретту. Не говоря уже про *политическое, военное, торговое и транзитное значение этого пути к Средиземному морю*, я хочу только отметить его *будущее значение для русского паломнического движения в Палестину, как кратчайшего пути*. Если Армения после войны окажется во владении, или под протекторатом России и если ее политические границы совпадут с этнографическими границами распространения армянского племени в пределах шести турецких вилайетов и Киликии, то мы станем ближайшими соседями Сирии и направление железных путей будет приведено в полное согласие с интересами России и, конечно, русского паломнического движения в Св. Землю. Если же Армения останется под протекторатом Турции, или только часть ее будет присоединена к России, а Киликийская область останется вне нашего распоряжения и влияния, то при заключении мира мы должны себе обеспечить *кратчайший железнодорожный путь от Кавказа к Средиземному морю, на Александретту и Алеппо*. Если концессия на этот путь не может быть предоставлена России, то все же последняя может настоять на том, чтобы *черноморские и каспийские порты Кавказа были соединены кратчайшим рельсовым путем с Средиземным морем чрез Александретту*, будет ли строителем его оттоманское правительство, или иностранные концессионеры. Этот железнодорожный путь от Батума

или Карса до Медины и Мекки, с неизбежными ответвлениями к Суэзскому каналу и Египту, помимо своего значения для наших православных паломников, будет иметь огромное значение для еще более оживленного движения русских мусульман на родину Магомета из Крыма, приволжских губерний, Кавказа, Туркестана и Закаспийской области.

3. Назарет, в котором бывает ежегодно до 5. 000 русских паломников и много туристов-иностранцев, доселе не имеет удовлетворительного сообщения с ближайшей железнодорожной станцией Аффуле, отстоящей от него всего на 1 час езды в экипаже. Если невозможно соединить его коротенькой *железнодорожной веткой с Геджасской дорогой*, то необходимо настоять на устройстве *вполне исправной, благоустроенной шоссейной дороги для паломнического движения*. Совершенно необходимо также устройство хорошего шоссейного пути *от Назарета, на гору Фавор*, вместо существующей теперь горной тропинки для вьючного скота, *и окончание шоссейной дороги между Каной Галилейской и Тивериадой* с продолжением ее по берегу Тивериадского озера в одну сторону чрез Магдалу до Капернаума, а в другую — до станции Симах на Хайфа-Дамаской железной дороге и продолжение шоссейной дороги *от Иерихона до Мертвого моря и реки Иордана*, куда направляются все наши паломнические караваны по топкой и грязной во время дождей низменной равнине, пересекаемой глубокими руслами стремительных потоков.

4. В случае соединения Набулуса и Иерусалима железной дорогой и открытия железнодорожного паломнического движения между Хайфой и Иерусалимом, Палестинское Общество будет нуждаться в устройстве *подворья или барачков для паломников, пакгаузов для паломнического багажа и железнодорожной платформы для него на узловой станции Аффуле* на собственном участке, примыкающем к железной дороге. Необходимо заранее обеспечить беспрепятственное со стороны турецких властей осуществление этой задачи.

5. Все русские паломники считают своим долгом непременно побывать на Иордане у предполагаемого места Крещения Господня. К празднику Богоявления на берегах этой реки одновременно собирается до 2—3 тысяч человек для присутствия при праздничном богослужении и водоосвящении. Между тем, никаких приспособлений ни для размещения, ни для продовольствования паломников, ни даже для богослужения на этом месте нет. В зимнее дождливое время надомники проводят всю ночь с 5-го на 6-е января на берегу реки без всякой защиты от дождя, ветра и холода, за неимением подворья или хотя бы барачков, снят на голой сырой земле; литургия и причащение паломников совершаются во временном тростниковом шалаше, протекающем от дождей и опасном в пожарном отношении; для крещенского купанья в реке после водоосвящения нет каких-либо закрытий, которые могли бы отделить мужчин от женщин, а также оградить не

умеющих плавать от опасности утонуть в реке; для водоосвящения нет никакого помоста, на котором могли бы разместиться священнослужители, его приходится совершать на качающейся и сбиваемой быстрым течением реки лодке; переезд на другую сторону реки совершается на ненадежных и плохих лодках. Если большой караван ночью застигает дождь, то за неимением места, где бы можно было укрыться, ему приходится разбежаться по окрестным монастырям или в Иерихон за несколько верст, по грязной, размокшей и залитой многочисленными ручьями и потоками равнине, в глубокой темноте, или всю ночь до рассвета мокнуть на берегу Иордана. Такие условия в дурную погоду становятся совершенно невыносимыми. Столь печальное положение этого деда объясняется тем, что оба берега Иордана и побережье Мертвого моря были объявлены личной собственностью султана Абд-уль-Гамида, а после его низложения — государственной собственностью; ни султан, ни правительство не разрешали ни отчуждать эти земли в частную собственность, ни арендовать их на долгий срок, ни возводить какие-либо постройки для наших паломников, ни плавать по реке на гребных или моторных судах.

Поэтому, Обществу надо бы воспользоваться благоприятным исходом войны для того, чтобы разрешить этот вопрос в интересах наших паломников один раз навсегда. Для сего следовало бы потребовать от турецкого правительства, чтобы оно а) *выделило из состава государственных земель в собственность Общества на обоих берегах реки Иордана около места, где русские празднуют Крещение Господне, от 2 до 4 десятин земли для устройства стана русских паломников, за вознаграждение по справедливой оценке или в качестве компенсации за захват всех наших благотворительных учреждений на время войны и насильственное прекращение их деятельности;* б) *разрешило оборудовать это место сооружением на реке помоста для водосвятия, молитвенного дома, паломнических барачков, с трапезными кухнями и водогрейными, загонов для вьючного скота и мест для экипажей, а также иметь несколько лодок и моторных катеров для перевозки паломников с одного берега на другой.*

6. *Сохранение за русскими паломниками всех льгот в отношении свободного путешествия по Св. Земле без турецкого тескере и освобождения их багажа от таможенных сборов и пошлин, каковыми они доселе пользовались, имеет существенное значение для них и должно быть обеспечено за ними и после войны.*

В начале этого столетия турецкие власти покушались отнять это давнее право, обеспеченное договорами еще с XVIII столетия, на том основании, что другие иностранцы не возражали против замены заграничных паспортов турецкими для путешествия внутри страны в пределах не одного, а нескольких вилайетов. Так как северная Палестина с Назаретом от-

несена к Бейрутскому вилайету, а не к Иерусалимскому мутесаррифлику, то власти стали требовать для всех паломников, посещающих Назарет в караванах из Иерусалима, выправки турецкого паспорта (тескере). Вследствие энергичных протестов Иерусалимского консульства и константинопольского посольства, турки пошли на уступки и, чтобы остаться верными принципу, применяемому в отношении других иностранцев, перечислили Назаретскую казу из состава Бейрутского вилайета к Иерусалимскому мутесаррифлику. Через несколько лет они, правда, восстановили старое административное распределение областей, но о русских паспортах уже не возбуждали никаких споров.

Весь паломнический багаж обыкновенно доселе пропускался без пошлин и подвергался досмотру в отдельных случаях, когда возникали подозрения относительно провоза подлежащих оплате пошлиной товаров под видом паломнического багажа. Само Общество строго следило, чтобы такие злоупотребления в ущерб турецкой казне не допускались, и, не желая компрометировать этой льготы, чрез своих проводников и приемщиков багажа следило за соблюдением интересов фиска в данном случае.

7. Предоставление Обществу пониженного или льготного железнодорожного тарифа для групповых перевозок паломников и их багажа по турецким правительственным железным дорогам на началах наибольшего благоприятствования.

Такие льготы обыкновенно предоставлялись и нам, и туристским иностранным компаниям и были в интересах самих железных дорог. Нам нужно обеспечить только условия равенства с наиболее благоприятствуемыми туристскими компаниями.

X.

Для беспрепятственного и успешного осуществления своих *ученых* задач, указанных в Высочайше утвержденном уставе, Общество нуждается в предоставлении ему оттоманским правительством *права на свои средства снаряжать ученые экспедиции или командировать отдельных специалистов* для исследования и изучения достопримечательностей древности, природы, этнографии и истории Востока, *производить археологические раскопки и научные изыскания* в пределах империи, *входить для сего в соглашения с заинтересованными лицами и учреждениями относительно покупки или аренды необходимых для сего земельных участков, распространять добытые сведения посредством издания научных книг, периодических изданий, записок, сборников, описаний, карт, фотографических снимков, эстампов, публичных чтений и рефератов, учреждать свои музеи, библиотеки и читальни, собирать в них коллекции древностей, рукописей, производить измерения, обмеры памятников древности, зондаж почвы, на основаниях, установленных*

законом для других подобных же ученых обществ и учреждений как иностранного, так и оттоманского подданства и на началах наибольшего благоприятствования.

Труды Общества в этом направлении доселе были стесняемы отсутствием ясного и определенного соглашения между русским и оттоманским правительствами. Между тем в последнее время особенно усилился интерес к научным изысканиям в Палестине в научных и общественных кругах России и Общество предполагает усилить и существенным образом реорганизовать свой научный отдел привлечением к сотрудничеству в нем весьма известных авторитетов по востоковедению) и расширить не только свою весьма почтенную издательскую деятельность, но вновь обратиться, к научным изысканиям на месте, приостановленным, на некоторое время по недостатку денежных средств. Поэтому обеспечению этих интересов после войны Общество придает весьма важное значение.

XI.

Сохранение русского протектората над учебными заведениями Палестинского Общества, более точное определение их правового положения в Турции и обеспечение возможности их умножения, приостановленного в последние годы турецким правительством.

В 1902 году султанским ираде было признано легальное существование учебных заведений Общества, причем они были названы “русскими”. Однако, вскоре же, в 1903 г., местные власти пытались умалить значение этого акта, заявляя, что, несмотря на признание их легального существования в Турции в качестве *русских* школ, русские консульские власти и посольство не имеют права официального покровительства им (депеша посла Зиновьева от 30 октября — 13 ноября 1903 г. № 305); они должны подчиняться надзору и управлению местных турецких дирекций просвещения. По настоянию посольства, оттоманское правительство нотой от 25 октября — 7 ноября 1903 г. обещало, что зависящие от Палестинского Общества 87 школ, законное существование которых было признано Императорским правительством будут трактуемы так же, как и другие иностранные школьные учреждения, равным образом признанные Высокой Портой. После этого в течение нескольких лет школы Общества пользовались полной автономией в своих внутренних делах и распоряжках и турецкое министерство просвещения не касалось их, как и *других иностранных школ*.

С изданием закона о всеобщей воинской повинности и привлечением христианского населения Турции к отбыванию этой повинности в армии, учителя наших школ, наравне с учителями оттоманских школ; были освобождены от действительной службы в войсках на основании одной из статей этого закона; для этого от них требовалось только представление инспекторского удостоверения о том, что они состоят на учительской

службе. Вскоре, однако, начались придирки. Оттоманские власти потребовали, чтобы инспекторские удостоверения были легализованы нашими консульствами. Признав такое требование правильным, инспектора подчинились ему и все выданные ими свидетельства легализовали в подлежащих сирийских и палестинских консульствах. Немного спустя, воинские присутствия признали и консульскую легализацию недостаточной и потребовали, чтобы таковые инспекторские свидетельства или учительские дипломы, выдаваемые педагогическими советами учительских семинарий, были явлены и зарегистрированы в местных дирекциях народного просвещения (мажлис-иль-маариф). Чтобы не создавать больших трений с властями и не причинять затруднений нашим учителям оттоманского подданства, инспектор Палестинских школ подчинился и этому требованию: все инспекторские свидетельства, дипломы педагогических советов учительских семинарий были представлены в подлежащие турецкие дирекции и там вторично легализованы у турецких властей. Два года спустя после того, дирекции (мажлис-иль-маариф) отказались легализовать учительские свидетельства выпускных воспитанников Назаретской учительской семинарии на том основании, что все школы Общества, в силу султанского ираде получившие признание их *легального существования* в качестве русских школ, однако, не имеют права *функционировать легально* в виду несоблюдения ими требования ст. 129 устава народного просвещения, сообщенной посольствам словесной циркулярной нотой от 3 декабря 1873 г. (Ecoles communales, 24 Djem. I. 1286. Dust, vol. II p. 184. Instruction publique 2 Sept. 1869.-Arist. Vol. III n. 277. loi orgnique). Согласно этой статье, “частные школы” (les ecoles libres) суть те, которые основаны общинами или частными лицами, оттоманами и иностранцами, с платным или бесплатным обучением, содержатся на средства их основателей или присвоенных им вакуфов; открытие этих школ разрешается в провинции генерал-губернатором и академическим советом (мажлис-иль-маариф), а в Константинополе министерством народного просвещения, и такое разрешение выдается только на следующих условиях:

1. воспитатели и учителя должны обладать свидетельством на право-способность пли дипломом, выданными министерством народного просвещения или местным академическим советом;

2. в программах курса не должно быть ничего противного политике и морали, а посему эти программы и учебники, по которым они проходятся, должны быть одобрены министерством народного просвещения или местным академическим советом;

3. школы, открытые без соблюдения сих условий, будут закрыты;

4. начальники их обязаны легализовать в министерстве народного просвещения или местном академическом совете дипломы и свидетельства, которыми обладают их учителя.

Закон этот, изданный гораздо ранее (1869 г.) открытия школ Общества (с 1886 г.), не может и не должен иметь применения к ним уже потому, что наши школы открыты не в том порядке, какой им указан, а в порядке отдельного Высочайшего указа (ираде) признаны *русскими, состоящими под покровительством русских консулов*, наравне с другими иностранными школами. Общество в силу этого не может быть приравняемо к частному лицу иностранного подданства, открывающему частную школу на условиях, одинаковых и для лиц оттоманского подданства, не находящихся под покровительством иностранной державы. Кроме того, в вышеуказанном законе совершенно не определены условия, при которых вообще могут быть легализованы иностранные дипломы учителей-иностранцев; все предоставлено безграничному усмотрению академических советов; применение его фактически повело бы к устранению всех русских учителей, воспитателей, инспекторов, заведующих, не имеющих турецких дипломов, к низведению программ, курсов, методов преподавания, научного ценза учащихся до того жалкого уровня, который наблюдается в местных правительственных школах, к оставлению за основателем этих школ — Обществом одного голого права — давать свои денежные средства на дело, всецело зависящее от местного турецкого академического совета. На такие условия ни одно из иностранных просветительных обществ не согласилось и не согласится; не может согласиться на них и наше Палестинское Общество. Подчинение этому закону должно неизбежно привести к закрытию русских школ самим Обществом, чего, кажется, и домогаются турки, как последней своей цели.

Весной прошлого года константинопольскому послу по вопросу о воинской повинности было обещано “уравнять” наших учителей с учителями правительственных школ, но, кажется, предполагалось, а осенние события подтвердили это, что “уравнение” сводилось собственно к отмене *всяких льгот* как для иностранных, так и для оттоманских учителей. Едва ли, однако, успели это правило провести в законодательном порядке, но в последнее время по отношению к иностранцам в Турции вообще с законами не считались под влиянием той агитации, которая велась в пользу отмены капитуляций и вмешательства в европейскую войну против России и ее союзников.

Общество придает весьма важное значение сохранению льгот по воинской повинности за своими учителями, потому что от этой повинности все молодое христианское население, не могущее откупиться деньгами, бежит в Америку, и учительские ряды терпят страшную убыль, вносящую расстройство в жизнь школы.

Если вообще всякие льготы по воинской повинности для учителей турецких и иностранных школ будут отменены навсегда, то необходимость в легализации учительских свидетельств академическими советами для

нас отпадает. Но едва ли и после войны эта отмена льгот для учителей останется в силе. Кроме того, после отмены капитуляций турки обложили наших учителей еще дорожною повинностью (дарбийе) от которой они раньше освобождались по закону.

В виду вышеизложенного, поставленный в заголовке тезис можно бы расчленить на следующие частные требования:

1) *подтверждение права Палестинского Общества на автономное заведование и управление своими учебными заведениями в Турции, независимо от ст. 129 устава народного просвещения и относящихся к ней циркуляров министерства просвещения, раз эти школы не пользовались и не будут пользоваться денежными пособиями из средств турецкого государственного казначейства, и сохранение за Обществом полной свободы в вопросах о назначении учительского персонала русского и оттоманского подданства, об его содержании, об изменениях в уставах и программах учебных заведений, о выборе или издании учебных руководств и пособий, книг для чтения, о надзоре за внутренней жизнью школы и руководства ею;*

2) *признание за нашими учителями семинарий и начальных школ права на льготы по отбыванию воинской и дорожной повинности в той мере, какая установлена или будет установлена для учителей оттоманских школ;*

3) *признание за нашими учительскими семинариями того разряда турецких учебных заведений, к которому отнесены турецкие нормальные школы и беспрепятственное легализирование выдаваемых ими дипломов подлежащими академическими советами, если это безусловно необходимо для освобождения их от воинской повинности.*

В данном деле Общество могло бы пойти на одну существенную уступку, которую можно формулировать так: с целью дать возможность академическому совету составить точное представление о подготовленности выпускных воспитанников для учительства в начальных школах и *под условием предоставления им таких же прав, какими пользуются воспитанники соответствующих оттоманских школ, педагогические советы семинарий будут производить выпускные экзамены при участии делегатов, командированных в состав экзаменационных комиссий местным академическим советом.* Однако, на эту уступку Общество могло бы пойти при недвусмысленном обещании со стороны турецкого правительства не пользоваться ею для расширения области ее применения

С целью свести на нет внутреннюю самостоятельность наших учебных заведений в отношении местных академических советов.

Нотой от 28/15 сентября 1905 г. за № 62773/68 оттоманское министерство иностранных дел, сообщив Императорскому посольству в Константинополе дополнительный список признанных им учреждений Палестин-

ского Общества, почло долгом уведомить, что отныне предварительное разрешение оттоманского правительства должно быть испрашиваемо для всякого религиозного и благотворительного учреждения, открываемого в империи, и те учреждения, которые основаны без разрешения, не будут признаны Высокой Портой.

В принципе, против справедливости такого условия спорить нельзя. Но на деле это повело к тому, что *Палестинское Общество лишилось возможности легальными путями открывать новые школы, переносить в другие места прежние школы* и удовлетворять многочисленные ходатайства сирийских и палестинских православных общин об открытии новых учебных заведений. С того времени прошло 9 лет и ни одно ходатайство инспекторов и Совета Общества доселе не подучило надлежащего разрешения.

Если поставленное условие должно быть рассматриваемо, как известная гарантия для высшего правительственного наблюдения за развитием деятельности Общества в Турции, то оно может быть принято Обществом без возражений. Но если оно имеет в виду только положить предтл, *конец дальнейшему естественному росту учреждений Общества*, то последнее обязано употребить все усилия, чтобы вырваться из этих тисков и добиться необходимой ему свободы действий.

Американское посольство в подобных же случаях поступало таким образом: представляя ходатайство об открытии своего нового учреждения, оно назначало турецкому правительству изустный срок для ответа, и если ответа в назначенный срок не получало, то спокойно открывало это учреждение, считая молчание правительства за признак его согласия с представленным ходатайством.

Насколько правилен или неправилен такой образ действий, можно судить разню, но он всегда достигал своей цели.

Без сомнения, наше Министерство Иностранных Дел найдет также действительные способы, наиболее пригодные для обеспечения нормального роста благотворительных учреждений Общества, в особенности после успешной войны.

Обществу же надо ходатайствовать пред Министерством Иностранных Дел, чтобы ему была обеспечена мирным договором *возможность дальнейшего легального развития и умножения его благотворительных учреждений и, в частности, открытия новых школ по ходатайству местных православных общин, с ведома местных оттоманских властей*.

Не надо забывать того, что такой убийственной канцелярской волокиты в течение нескольких лет на какому-нибудь очень простому делу, напр., об открытии небольшой школы в глухой, всеми заброшенной дереве, не может вынести никакое долготерпение этих общин и покровительствующего их желаниям Православного Палестинского Общества.

XII.

После открытия военных действий против России, турецкие военные власти заняли своими войсками Иерусалимские, Назаретское и Хайфское подворья Общества, больницу, амбулатории Общества, здания духовной миссии, выселили всех служащих из их квартир, частью выслали за пределы Турции, частью сослали в Дамаск в качестве военнопленных, не позволили отделить частное имущество служащих от имущества Общества, захватили все склады, магазины, запасы провизии, белья, одеял, утвари и вообще обстановки без описи и расписок, часть имущества реквизировали для военных надобностей, а часть позволили растащить в город по офицерским квартирам; много не реквизированного имущества испортили и привели в негодность; денежные суммы, находившиеся у Общества на текущем счету в местных иностранных банках, были задержаны

по распоряжению местных властей; помещения, занятые войсками, привели в такое состояние, что после войны придется везде произвести основательный ремонт; высланным за границу служащим позволили взять только самое необходимое, а большую часть движимого имущества заставили бросить на произвол судьбы. Из многих школ Общества школьный инвентарь, учебники, книги, карты, письменные принадлежности переданы в турецкие школы; все учреждения Общества на все время войны вынуждены были прекратить свою работу. Есть сведения и о том, что бывший управляющий Хайфского вакуфа снова хочет восстановить свои вакуфные права на участок, теперь принадлежащий Обществу на правах полной собственности (мулька).

Всего ущерба, всех убытков и потерь, которые понесло Палестинское Общество в Турции после объявления войны, теперь пока оно не может даже и исчислить по недостаточной осведомленности о судьбе каждого учреждения в отдельности. Это может выясниться только после войны. Общество также не знает, секвестрованы ли были его недвижимые имущества или только временно заняты правительством!

Ни в итальянскую, ни в балканскую войну ничего подобного не наблюдалось в Турции в отношении учреждений и лиц подданства враждующей державы.

Палестинское Общество, развивавшее широкую благотворительную деятельность среди христиан оттоманского подданства и чуждое военным целям и задачам, такого отношения к своим учреждениям со стороны турецких властей не заслужило. И его средства не столь велики, чтобы без особых затруднений и спокойно выдержать последствия такого беспримерного разгрома его учреждений и имущества.

По этим соображениям оно должно настаивать после войны:

1) на возвращении ему всех домов и земельных участков, секвестрованных турецким правительством или временно захваченных местными учреждениями или частными лицами турецкого подданства;

2) на возвращении после войны всего уцелевшего движимого и недвижимого имущества его или на возмещении ему всех потерь и убытков, причиненным правительственными реквизициями или секвестром движимого имущества различных учреждений Общества;

3) на уплате убытков и потерь Общества, происшедших от порчи или приведения в негодность возвращенного ему движимого и недвижимого имущества и занятие его учреждений;

4) на возвращении денежных вкладов Общества, хранившихся на текущем счету в местных кредитных учреждениях и секвестрованных правительственными властями;

5) на уплате вознаграждения служащим Общества за отобранные или задержанные у них деньги или имущество, принадлежавшее им лично.

Еще до войны у турок была мысль обложить всех иностранцев и в том числе служащих Палестинского Общества *личным подоходным* налогом и установить довольно высокий вычет из содержания служащих, уплачиваемого не турецким правительством, и даже вообще не учреждением оттоманского подданства, а русским Палестинским Обществом, благотворительным учреждением, даже и по турецким законам освобождаемым от налогов. После отмены капитуляций турки стали требовать с служащих Общества налог “теметю” в размере совершенно даже не пропорциональном получаемому ими содержанию, и до уплаты этого совершенно произвольного, ничем не регламентированного налога не позволяли даже рускоподданым возвращение в Россию, задерживая на железных дорогах и портовых пристанях. Было бы целесообразно, поэтому оградить *содержание рускоподданных служащих Общества, выплачиваемое из его благотворительных средств, от всяких посягательств со стороны турецкого фиска*, так как это содержание уплачивается не оттоманской казной или учреждениями, а иностранным Обществом и по существу своему такие вычеты из содержания являются налогом на благотворительные расходы иностранных Обществ в пределах Турции²².

* * *

Принятые в настоящей записке положения имеют весьма неодинаковую значительность и некоторые из них весьма условный характер. Не все они могли быть сформулированы с достаточной определенностью и решительностью, прежде всего по причинам, обусловленным неустойчивостью и неопределенностью теперешнего военного времени и множеством возможных непредвиденных осложнений в будущем, способных перевернуть все расчеты. Но формулировать их, хотя бы и в несовершенном виде, и

поставить на обсуждение, наконец, даже просто сделать свод тех пожеланий, которые невольно возникали у работников Палестинского Общества в последние годы и обсуждались в Обществе по частным случаям, — уже значит сделать *первый шаг* для выяснения того пути, по которому Общество должно пойти после настоящей великой войны при условиях, во многом отличных от прежних.

В случае, если Турция утратит всякую власть над Сирией и Палестиной и нам придется считаться с автономными странами, иди с их новыми хозяевами, все же тот порядок, который создан турецким режимом, вдруг, сразу отпасть не может и новый хозяин должен считаться с нашими, так называемыми, „интересами“, обеспеченными прежним хозяином. Так было в Египте, когда Франция отказалась от него в пользу Англии, в Марокко и др. местах. Мы имеем право на „компенсации» в случае нарушения этих „интересов» и, без сомнения, даже и новые владельцы Сирии и Палестины будут заменять старые порядки новыми с большой постепенностью. Поэтому часть наших пожеланий останется вполне осуществимой даже и при новых хозяевах Палестины, а часть может и отпасть, вследствие возможных радикальных изменений в теперешних правовых условиях сиро-палестинской жизни.

В том случае, если Сирия и Палестина будут совершенно изъяты из состава Оттоманской Империи, их судьба | может определяться различно, в зависимости от весьма разнообразных и многочисленных случайностей военной и дипломатической борьбы народов и ранее обозначившихся политических стремлений участников этой борьбы.

В политической печати разных стран доселе намечались следующие комбинации: 1) французский протекторат; 2) английский протекторат, даже с присоединением к Египту; 3) автономия под покровительством одной или нескольких европейских держав, наподобие ливанского статуса; 4) предоставление Палестины прежним ее владельцам — евреям-сионистам, и образование нейтрального государства под гарантией Европы и Соединенных Штатов С. Америки. Вопрос о русском протекторате над Сирией и Палестиной изредка упоминался в разных общественных собраниях и докладах, как *riim desiderium*, в осуществимость которого при настоящих условиях мало кто верит, в периодической же печати серьезно не ставился и не обсуждался. Палестинские евреи-сионисты, не исключая и русско-подданных, давно мечтают о скупке всех свободных земель Палестины и вакуфных владений правительства, особенно же Иорданской долины, ЭздRELонской, Саронской, Баттуфа и Тивериадского побережья. За последние годы сионисты в этом направлении сделали много; недавно в Египте из палестинских беженцев образовался даже отряд добровольцев-евреев, вступивших в английскую армию с целью завоевания Палестины, но отправленных к Дарданеллам; среди американских евреев

сионисты ведут агитацию в пользу восстановления в Палестине¹ еврейского государства под покровительством Англии или других государств. Мусульманское арабское население Сирии и Палестины, а равно и друзы, разочарованные в: успехе младотурок, тяготеют больше к Англии, мечтая об образовании в союзе с Египтом большого мусульманского арабского халифата, имеющего включить и Аравию с священными для мусульман городами Меккой и Мединой. Огромное экономическое развитие Египта в последние десятилетия под английским владычеством, религиозная терпимость англичан, широкие права самоуправления и даже автономии, предоставляемые английским колониям, огромная финансовая мощь Англии и ее организаторские таланты в области торгово-промышленной жизни и экономической политики, получившее в Египте широкое развитие арабское национальное движение к политическому обособлению, терпимое английской администрацией, — все это склоняет симпатии Сирийских и Палестинских арабов-мусульман на сторону Великобритании. Католики, униаты, марониты Сирии и Палестины в большинстве склоняются на сторону Франции. Православное население этих стран более всего расположено к России, особенно сельское, но оно не без основания плохо верит в то, что Россия предпримет активные шаги к упрочению своего политического влияния в этих странах, так как союзные отношения к Франции и Англии и большая заинтересованность в проливах Мраморного моря должны ограничивать ее стремления в более отдаленных странах и связать ее свободу действий. Весьма развившаяся за последнее десятилетие эмиграция в разные части Америки устанавливает крепкие экономические и культурные связи Сирии и Палестины с Америкой, особенно, англизированной ее частью. Отсюда и среди православного населения, особенно городского, торгового, теперь не мало найдется сторонников английского протектората над этими странами. Англофильские тенденции преобладают и в самом иерусалимском Святогробском братстве, разумеется, после эллинофильских.

Если Сирия и Палестина превратятся после войны в автономные колонии Англии или Франции, или в маленькое нейтральное государство под протекторатом всей Европы или части ее, то положение русских интересов там может оказаться в некоторых отношениях в гораздо менее выгодных условиях, чем до войны. В таком случае России останется по возможности лучше обеспечить свои экономические и церковные интересы, сфера политического влияния по необходимости должна весьма сузиться, потому что с капитуляционным режимом не помирится никак ни одна из колониальных держав Европы. Наши экономические интересы будут поставлены в лучшем случае только в условия наибольшего благоприятствования и международной торговой конкуренции. Но наши церковные народные интересы непременно должны быть после войны обеспечены твердым согла-

шением с новыми хозяевами Палестины и Сирии. Наиболее устойчивой и обещающей точкой отправления для таких соглашений могут быть только ранее принадлежавшее России право на покровительство Православной Церкви в пределах Турции и, особенно интересы восточной православной вселенской церкви в ее целом. Нам нужно тогда возможно твердо обеспечить автономию антиохийского, иерусалимского Патриархата и др. автокефальных церквей православного востока в их внутренних церковных делах и возможно шире раздвинуть рамки для участия этих церквей в соборах представителей других православных церквей. Теоретически минимум этих прав на вмешательство в церковные дела Сирии и Палестины под знаменем вселенского православия должен быть не меньше того, который будет предоставлен международной организации католической церкви. Другие, чисто политические, пути для нашего проникновения трудно будет установить; вероятно, даже невозможно. Международно-церковная организация православия в отошедших от Турции странах даст, если не русскому государству, то русской церкви преобладающее влияние на церковную жизнь сирийских в палестинских общин по причинам, объясненным выше. Поэтому было бы важно обеспечить право России призывать на церковные соборы сиро-палестинских и малоазийских иерархов, право соборов на законодательство церковное и каноническую юрисдикцию по всем внутренним делам церковного управления, суда, поскольку устанавливаемые нормы не входят в сферу гражданской юрисдикции и законодательства страны и вообще не противоречат им.

Следуя порядку отдельных глав этой записки, можно формулировать эти изменения следующим образом:

I. Формальное признание за Россией права на покровительство церковным учреждениям и на внутреннюю автономию ее благотворительных учреждений может и должно быть дано и Францией и Англией, потому что Иерусалимский церковный *status quo ante bellum* обеспечивается международными договорами, с которыми новые владельцы обязаны считаться, если не захотят нарушить наших законных интересов.

II. Принцип веротерпимости будет ими осуществлен даже и без особых усилий с нашей стороны.

III. Часть капитуляционных ограничений местной администрации и суда могут быть сохранены на время, пока не будет преобразованы по европейскому образцу местная администрация и суд, но на долгое сохранение их было бы, напрасно рассчитывать.

IV. Разрешение греко-арабской распри и вопроса о совладении Св. местами станет возможным только под условием установления общих гарантий свободы православной церкви и права ее на осуществление внутренних преобразований в качестве международной организации, интернационального союза православных церквей, на подобие католичества; с

этой точки зрения окажутся приемлемыми все 7 пунктов, изложенные на стр. 21 и 22, но придется усложнить переговоры соглашениями с другими православными государствами и выступить солидарно с ними.

У. Вопрос о признании за Императорским Православным Палестинским Обществом прав юридического лица вполне разрешим, потому что он не встретит никаких препятствий с точки зрения правовых принципов европейского законодательства.

VI. Укрепление за Обществом принадлежащих ему недвижимых имуществ можно осуществить даже скорее, чем при турецких порядках.

VII и VIII. Принцип равного благоприятствования нашим учреждениям в отношении льгот с таковыми же католическими может быть принят, но конкретные формы его, зависящие от изменений таможенного, муниципального, строительного и т. д. законодательства, могут потерпеть существенные изменения.

IX. Все выраженные здесь пожелания могут получить даже скорейшее осуществление, чем при турецком владычестве, так как они соответствуют экономическим выгодам страны; но в некоторых частностях, рассчитанных на условия турецкого режима, придется уступить без особого ущерба для нас.

X. Могут быть обеспечены только права равного или наибольшего благоприятствования.

XI. Автономия наших начальных конфессиональных школ может быть сохранена, но предоставление учащимся, окончившим курс, каких-либо особых прав и преимуществ по государственной или общественной службе непременно повлечет установление государственного контроля за ними.

XII. Возвращение недвижимых имуществ легко обеспечить, но вознаграждение за убытки и порчу имущества, в случае политической смерти Турции, не осуществимо.

Землю, *святую* для всех христианских народов, без сомнения, не следовало бы расценивать на монету одних политических, экономических или стратегических интересов отдельных участников этой войны. Никто много не выиграет в материальном отношении от владения, этой небольшой, но дорогой для христианского сердца площадью земли. После настоящей самой жестокой кровопролитной войны за мир и свободу народов против деспотической гегемонии одной милитаристической нации, Святая Земля, казалось бы, по преимуществу пред всеми другими странами, должна стать страной глубочайшего мира, христианской свободы и взаимного уважения христианских народов, ибо здесь впервые воспеты были “мир на земле и благоволение среди человеков”. Настоящая грустная картина наружного мира и скрываемой фанатической ненависти между христианскими стражами Св. Гроба Господня,

вынужденного мира, охраняемого штыками и часовыми турецкой мусульманской страны, кажется позорной, унижительной для христианских народов, не умеющих без турок жить в мире около Гроба Учителя мира. Поэтому, установление твердого правового порядка в отношениях отдельных христианских исповеданий в Св. Земле является вопросом чести и религиозного достоинства для всех христианских народов²³.

Петроград,
28 февраля 1915 г.

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д. 6. Лл. 277–303 об.

2. Письмо Помощника Председателя ИППО М. П. Степанова Вице-Председателю Общества князю А. А. Ширинскому-Шихматову. Москва, 8 марта 1915 г. Маш. копия.

Дорогой Алексей.

Записка П. Ив. Ряжского очень хорошо составлена, и мне кажется, она затрагивает все важные вопросы; но я протестую против прав исторических²⁴ греков для господства их в Иерусалимской Патриархии. До VII в. на престоле Св. Иакова, брата Господня²⁵, были, безразлично, то туземцы, то уроженцы иных стран. Патриарх Софроний, с которым заключил договор Омар, по взятии Иерусалима, в 636 году, был уроженец Дамаска. В этом договоре вовсе не уполномочивает Омар греков быть блюстителями Иерусалимского Патриархата, а упоминает лишь их в числе других христианских народов, за которыми закрепляет их церкви и владения.

Политические соображения калифов не могли допускать, чтобы Патриархи покоренных ими христиан были ставленниками главного их врага — Византии, порвать связь с которою местного населения было главною их политической целью. Вот причина, отчего мы в течении почти целого тысячелетия, до 1534 г., на Иерусалимском Патриаршем престоле видим исключительно туземцев. Не греки сохранили до 1534 г. святыни Иерусалима и Палестины, а бедные, не имевшие средств, туземные Патриархи.

Когда в 1534 году умер Дорофей, последний из туземных Патриархов, — на его место был избран Герман, родившийся в Морее, но с детства живший в Египте и Палестине и настолько усвоивший местные язык и обычаи, что все принимали его за туземца, не подозревая его действительного происхождения. По вступлении на патриарший престол, Герман начал мало помалу все высшие духовные должности своей Патриархии замещать греками, и когда все они таким образом были замещены, он за-

вещал никогда впредь не избирать туземцев на места высшей, духовной Иерусалимской иерархии. Вот каким образом произошло мирное завоевание Иерусалима и Св. Земли пришлым греческим высшим духовенством, явление это не исключительно присуще одной Палестине: такова церковная история и в славянских землях. Нас должно особенно поразить это явление в Св. Земле, где греческое духовенство является, в полной степени, пришлым, чуждым местному населению по языку и обычаям.

В виду вышесказанного представляется, что туземное население, т. е. в настоящее время арабы (их на 300 т<ысяч> ж<ителей> будет 280 т.), имеет полное право на избрание на патриарший престол, нисколько не нарушая исторических традиций: из туземцев избирались на престол Св. Иакова в течении 1 т<ысячи> лет, а греки владеют им лишь 400 лет. Изгнание этого пришлого элемента из Св. Града казалось бы необходимым.

* * *

Протестую также против мнения П. Ив. Ряжского, что мы, русские, не должны требовать себе отдельных алтарей в храме Гроба Господня «по разным темным /?/ углам»²⁶. Мне представляется будущее так: кому бы Иерусалим не был подчинен — под протекторатом России должно быть все православное в Св. Земле. Наша Духовная Миссия, по своему назначению, потеряла свое значение. Нам надо иметь там Лавру с Архиепископом во главе; он же член Святогробского братства. Все православные должны иметь, по расписанию, свои дни службы у всех святых Св. Земли, на своем языке, в определенные дни. Это не мешает России иметь свой алтарь в храме Гроба Господня, где совершает духовенство ежедневно богослужение²⁷. Нам неоспоримо легче будет иметь дело с турками, если после войны они останутся хозяевами Палестины. Навряд ли захотят это допустить англичане, из-за Египта. В таком случае, мы должны настаивать на нейтрализации Палестины и управлении ею — Россией, Англией и Францией с протекторатом всего православного Россией. Этому правлению придется твердо установить, по историческим традициям, вероисповедные права. Патриархия будет, следовательно, под протекторатом России. Надо преобразовать Святогробское братство, в которое должны войти представители православных христиан и непременно наш гражданский представитель России, настоятель русской Лавры и представитель Палестинского Общества. Низвести на *minimum* греческий элемент.

У меня есть основание думать, что мы не так далеки, чтобы получить алтарь в храме Гроба Господня, что было бы величайшим, вопреки мнению П. Ив. Ряжского, счастьем для России. В Абиссинии христианство утвердилось в IV в. Хотя они монофизиты, с V века, но считают нас своими единоверцами. В Иерусалиме, в храме Гроба Господня, и Вифлееме, у них издавна

были свои многочисленные владения, утвержденные за ними, договором, Омаром в VII в. Позднее их владения там, обманом и силой, были отобраны армянами, греками и коптами, как напр. храм Константина и Елены /над местом обретения Животворящего Древа/, монастырь Deir el-Sultan, примыкающий к храму Гроба Господня, и, в самом храме, несколько часовень /Петра и Павла; Архангела Михаила, Матери Божией — прислонена к кувуклию и пр. / Будучи очень религиозными, до фанатизма, абиссинцы много лет хлопочут о восстановлении их в правах владения. Турецкое правительство им всегда отвечает: докажите документами ваши права и тогда существующее status quo будет законно нарушено и все получают обратно свое. После долгих усилий документы были найдены в Константинополе, Иерусалиме и других местах. Некоторые — оригинальны, другие, которых нельзя было изъять из архивов, сняты фотографией и засвидетельствованы властями. Между прочими документами есть секретное отношение греческого Синода, в Иерусалиме, своему представителю в Константинополе, в 1905 году, тоже сфотографированное. Там говорится, что в патриаршем доме есть древний ходжет, писанный на пергаменте, доказывающий право абиссинцам. Отношение заканчивается словами: “абиссинцам нужно предоставить покровительство, чтобы не поступить по отношению к ним несправедливо и чтобы копты не получили силу”. Оставалось лишь представить эти документы Турецкому Правительству, для утверждения прав абиссинцев и ввода их во владение²⁸. Абиссиния имела в виду прислать посольство в Россию, прося поддержки ее в ее иске и обещая за это, а также в благодарность России за многие милости, оказанные ей Россией /несколько десятков тыс. ружей, патронов, ядер, устройство госпиталей, посылка инструкторов и пр./, она ей хотела предложить, на выбор, когда утвердится во владении, две часовни в храме Гроба Господня. Конечно, все это держалось в страшном секрете, т. к. малейшая нескромность могла бы возбудить страсти и испортить все дело. Теперь, конечно, лучше об этом не распространять, но все же это дело не может быть, благодаря настоящим обстоятельствам политическим, испорчено за нарушением тайны. Спрашивается: неужели, <если> все это состоится, — абиссинцы представят, заручившись правом собственности, дарственную на два алтаря в храме Гроба Господня, - мы, по мнению П. Ив., должны будем от сего отказаться?!! — Сомневаюсь.

Вот, собственно, мои замечания. Все остальное в записке Ряжского очень основательно обдуманно.

/Подписал / Твой М. Степанов.

8 / III 1915 г. Кремль.

Если у власти будут турки, абиссинцам, при нашей поддержке, легко будет получить фирман. Если будет тройственное правление, то, скрывая от него желание абиссинцев подарить нам в будущем две часовни, надо будет представить ему документы, которые оно должно будет рассмотреть, а затем

утвердить абиссинцев с их правом. С коптами абиссинцы по сему уже вошли в соглашение, что было не трудно, так как они отлично знают, что владеют неправильно; копты также о предложениях России — ничего знают.

АВПИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 6. Л. 3–6 об.

Письмо сенатора М.Н. Галкина-Враского Вице-Председателю ИППО князю А.А. Ширинскому-Шихматову. Петроград, 9 апреля 1915г.
Подлинник.

Милостивый Государь,
Князь Алексей Александрович.

Возвращая при сем доставленную мне Вашим Сиятельством записку по вопросам, связанным с восстановлением деятельности Императорского Палестинского Общества в Св. Земле по окончании войны с Турциею, нахожу необходимым, в качестве моего мнения по предмету проектируемых в записке мероприятий к выяснению и упрочению положения православных вообще и русских в частности и ближайшим образом учреждений в Св. Земле, высказать, что все соображения записки исходят из предположения о том, что, и в случае благоприятного для России конца настоящей войны с Турциею, последняя сохранит суверенитет или протекторат над Сириею и Палестиною, и лишь в заключительных словах записки выражены крайне общие предположения по тому же предмету на случай, если Турция утратит всякую власть над Сириею и Палестиною. Между тем, едва ли удобно Палестинскому Обществу в своей записке обосновываться на несокрушимости оттоманского режима в Св. Земле, когда нам, русским, так хочется верить в близкое исполнение наших многолетних молитв о разрушении царства агарянского и когда столь необходимо готовить и русское общество, и представителей нашей власти, ведающей нашими делами за границею, к тому, что должно быть концом желаний великого богоносца — русского народа. Поэтому, если представляется полезным иметь план мероприятий по благоустройению православного русского дела в Св. Земле и на случай менее вероятного и совсем для нас нежелательного сохранения прав Турции над Св. Землей, то было бы еще приятнее видеть дальнейшую детальную разработку таковых мероприятий и на тот случай, если настоящая война приведет к победе Св. Креста в месте его первоначального водружения, чего мы все молитвенно желаем.

Благоволите принять и проч.

АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д.6, л. 67–68.

4. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В ИЕРУСАЛИМЕ А.Ф. КРУГЛОВА ПОМОЩНИКУ СЕКРЕТАРЯ ИППО Д.В. ИСТОМИНУ. ПЕТРОГРАД, 10 АПРЕЛЯ 1915 Г. ПОДЛИННИК.

Дорогой Димитрий Владимирович

Закончив свои заметки, я намеревался было занести их сам, но немного прихворнул (лихорадка) и должен теперь сидеть дома, а пакет поручил дочке, которая лично передаст тебе: доверительное письмо Его Сиятельству Кн<язю> Ширинскому-Шихматову, возвращаемую Записку и мои — тоже доверительныя — Заметку и отдельные отметки. Писания эти, разумеется, ничего исчерпывающего не представляют, да я и не задавался целью исчерпать вопрос — это только мое личное мнение, не предназначенное, конечно, ни для гласного обсуждения, ни для опубликования; оно может быть ошибочно, но основано на долгих наблюдениях. Высказывая это мнение, главн<ым> обр<азом>, по вопросу о Иер<усалимском> Пр<авославном> П<атриархате>, я имел в виду предупредить, что необходимо принять в расчет все, если примут решение идти по этому пути, чтобы не явилось каких-нибудь неожиданных препятствий; поспешность в таких делах крайне опасна — пример с Афоном слишком свеж, а “танцевать назад” для Великой России недопустимо. Особенно надо иметь в виду, что наши новые преобразования вызовут такие же требования, но только в больших размерах со стороны наших союзников — Фр<анции> и Англ<ии> (ведь после разгрома Германии мы едва ли будем нужны им). Все это, разумеется, за счет того же Православия в Св. Земле (так как с других брать уже нечего). Записка этого как будто не предвидит и даже как бы успокаивает относительно неприкосновенности нашей союзницы, St<atu> Quo и пр. Вообще, по-моему, она только с первого взгляда забывает обширностью, но по существу нового оригинального там нет, даже Кондоминиум не новое изобретение; кроме того, он не разработан, много слов и желаний, а практического мало. Как будто все это так легко: пришел, сел и стал командовать — конечно, оно соблазнительно и приятно бы было там действительно сесть, как следует, но предварительно надо устранить возможность неудачи, ведь вопрос идет не о лицах, а о Пр<авославной> Церкви.

Я тебе буду очень благодарен, если ты предварительно сам ознакомишься с заметкою и в случае, если найдешь недочет, не откажи вернуть все с твоим советом; если же не найдешь, то будь так добр, закрой пакеты Князю и прикажи передать по адресу, чем много меня обяжешь.

Твой А. Круглов.

P. S. Если можно, хотел бы получить копию моих заметок, т.к. торопился и снять не успел, а так же хотелось бы иметь и оттиск Докладной Записки.

АВ ПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 6, л. 7–8об.

5. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В ИЕРУСАЛИМЕ А.Ф. КРУГЛОВА ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИППО КНЯЗЮ А.А. ШИРИНСКОМУ-ШИХМАТОВУ. ДОВЕРИТЕЛЬНО. ПЕТРОГРАД, 10 АПРЕЛЯ 1915 Г. ПОДЛИННИК.

Милостивый Государь.

Князь Алексей Александрович.

Дмитрий Владимирович Истомина, переслав докладную записку “О восстановлении деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме”, сообщил мне о желании Вашего Сиятельства ознакомиться с моим взглядом на выдвигаемые в этой записке вопросы.

С неизменной готовностью исполняя это желание Вашего Сиятельства, считаю долгом, однако, прежде всего оговориться: некоторые из упоминаемых в означенной записке предположений касаются вопросов настолько большой государственной важности, что с моей стороны было бы большой нескромностью претендовать на безошибочное их разрешение или даже на всестороннюю оценку и, если я позволяю себе здесь коснуться их, то лишь в пределах личных моих наблюдений на месте, и, главным образом, с точки зрения возможности практического осуществления предполагаемого изменения строя Иерусалимской Православной Патриархии.

Возвращая при сем подлинную записку и прилагая к ней краткую заметку общего характера, а равно и отдельные отметки по различным пунктам, позволяю себе надеяться, что Ваше Сиятельство изволит снисходительно отнестись к тем пробелам и недостаткам, которые невольно могли в них оказаться.

С глубочайшим почтением и искреннейшею преданностью имею честь быть,
Милостивый Государь,

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

А. Круглов.

На первой странице письма помета А.А. Ширинского-Шихматова: “Прошу подготов<ить> благодар<ственное> письмо за весьма вдумчивый, интересный труд, открывающий для меня несколько новую, не лишнюю логичности точку зрения”.

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д. 6. Л. 16–17.

6. ОТЗЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В ИЕРУСАЛИМЕ А. Ф. КРУГЛОВА НА ПРОЕКТ «ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ» ИППО. ПЕТРОГРАД, 10 АПРЕЛЯ 1915 г. Маш. копия.

КРАТКАЯ ЗАМЕТКА

Доверительно

Насколько можно было разобраться при беглом ознакомлении с содержанием записки, затрагиваемые ею вопросы разбиваются приблизительно на три группы; из них к первой относятся такие, без разрешения которых возобновление деятельности ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского Общества в Иерусалиме почти не осуществимо, и поэтому разрешение их должно быть поставлено на первый план в виде, если можно так выразиться, безусловных требований, предъявляемых к Тур<ецкому> Пр<авительству>. Среди этих требований, вопрос первостепенной важности заключается, конечно, в необходимости немедленного же возвращения Обществу всего недвижимого имущества, с возмещением ему всех проторей и убытков, вознаграждением служащих и т. п.

Не менее важным представляется и вопрос об укреплении за Обществом всего недв<ижимого> имущества, находящегося в его распоряжении в Палестине тем способом, который наиболее прочно обеспечивал бы это имущество от случайностей. Разумеется, при проведении закона о юридич<еском> лице, упоминаемом в записке, явилась бы возможность перевести имущество на имя Общества, но, как хорошо известно, выработка нового закона в Турции, проведение его чрез законодательные учреждения и, наконец, приведение его в исполнение, по отношению к нашему недв<ижимому> им<уществу> в Иерусалиме, не может не потребовать весьма значительного срока, а при возможном существовании злой воли, вопрос об укреплении недв<ижимого> имущества русск<их> учреждений может принять даже затяжной характер, что уже совершенно противоречило бы интересам Общества; недвижимости ИМПЕРАТОРСКОГО Пр<авославного> Пал<естинского> Общества в Иерусалиме и др<угих> местах составляют как бы капитальную основу всей его работы на месте, и подвергать ее риску затяжного процесса было бы, по меньшей мере, не практично; поэтому, уже при самом заключении договора с Тур<ецким> Правительством, выговаривая закон о юридич<еском> лице, мы должны требовать от него закрепления всех недвиж<имых> имуществ русских благотворительных учреждений в Иерусалиме и др. местах, хотя бы временно, но незамедлительно, за ИМПЕРАТОРСКИМ Правительством, как тому были уже примеры, а затем, по выработке нового закона, перевести на имя Общества, выговорив себе по трактату точно определенные льготы по освобождению благотв<орительных> учреждений от каких бы то ни было налогов. К той же категории вопросов относятся и вопросы о свободе

передвижения паломников, освобождения их от тэккерэ и т. п.

Ко второй группе относятся вопросы о восстановлении капитуляций, о новых льготах, /напр. имущественных, кроме торговых/, о новых школьных требованиях и пр.

Разрешение этих вопросов в благоприятном для нас смысле, представлялось бы существенною выгодною для И. Пр. П. Общества в видах успешности дальнейшего развития его деятельности в Палестине, ибо, как совершенно правильно отмечается в записке, без близкого участия в надзоре за отправлением тур. властями судебных, административных и др. функций и без преимущественного пользования известною степенью вне земельности, деятельность наших учреждений в Палестине была бы поставлена в неудобовыносимые рамки, и в совершенную невозможность успешного развития. Но, все эти вопросы касаются не одного только И.П.П. Общества, а всех русских учреждений и, одновременно, всех русско-подданных в Турции; будучи поэтому тесно связаны с такими же вопросами почти всех европейских правительств, они являются объединенными как бы в одну общую категорию, хотя и сложившуюся в силу исторической необходимости, создать известные преимущества и исключения для немусульман иноземцев, но не всегда с одинаковым единодушием и искренностью защищавшуюся со стороны заинтересованных иностр<анных> правительств. Поэтому, при всей несомненной желательности и необходимости не только восстановления капитуляций /в том виде, в каком они были до войны, или *status quo ante bellum*/, но и их более точного определения и выяснения способа проведения в жизнь, — осуществление этого на практике, находится, к сожалению, в зависимости от полного единения договаривающихся держав, а равно и от др. условий, почему и являются, так сказать, условными требованиями, предъявляемыми к Тур<ецкому> Правительству.

Как бы то ни было, но обе эти группы, непосредственно касаясь интересов И. Пр. П. Общества и его деятельности в Палестине, не представляют собою чего-либо особенного и заключаются скорее в восстановлении *status quo ante bellum* с небольшими лишь улучшениями; восстановлении, которое является естественно необходимым, законным и всемерно желательным и, надо надеяться, что требования, предъявляемые по этим двум группам, будут вполне удовлетворены.

Несколько иной характер носит третья группа вопросов о пожеланиях, выраженных в записке, по предмету создания более благоприятной почвы для русской деятельности в Св. Земле, путем изменения организации церковной жизни в Иерусалиме, а именно вопросы: о покровительстве Православию в Св. Земле, о веротерпимости, о железнодорожной сети в Тур<ецкой> Империи, о разрешении греко-арабской распри и об обеспечении русских интересов у Св. Гроба Господня.

Минуя вопросы о веротерпимости, железнодорожном строительстве и т. п., как носящие слишком общий характер, а равно и вопрос о покровительстве Православию, который, в общем его значении, уже хорошо известен и будет, вероятно, дополнен, в смысле выяснения права официальной формы представлений, делаемых Тур<ецкому> Пр<авительст>ву по всем вопросам о защите Православия, как это выговорено и установлено по отношению к покровительству католичества Францию, — я перейду непосредственно к предположениям, выраженным в записке, по вопросу об обеспечении русских интересов у Св. Гроба Господня и других мест; предположению, которое, хотя и не представляется совершенно новым проектом²⁹, но, тем не менее, является настолько широким, что вынуждает остановиться на нем несколько более других, тем более, что сама записка, указывая на все вопросы, как на выходящие из рамок специальных задач Общества, не рассматривает их во всей полноте, а только, так сказать, намечает отдельные пункты.

Насколько можно было из беглого ознакомления с этой частью записки уяснить смысл приводимого выше предположения, одним из главных препятствий для русской деятельности в Иерусалиме ею выставляется панэллинистическое направление работы греческого Святогробского братства /из членов которого состоит вся Иер<усалимская> Прав<ославная> Патриархия/, для устранения какого-либо препятствия предполагается установление новой организации в виде международного православного кондоминиума.

Рассматривая этот способ разрешения данного вопроса, как отдельный и совершенно самостоятельный, можно, с первого взгляда, действительно увлечься новой комбинацией, в предположении, что она даст возможность Православной Церкви в Иерусалиме возвеличиться и побороть своих многочисленных исконных врагов; но, при внимательном обсуждении его в связи с другими обстоятельствами, мы должны будем, прежде всего, согласиться, что данный вопрос наитеснейшим образом связан с жизнью всей Православной Церкви, а, следовательно, и с русской церковною жизнью, которая до сих пор служила и служит одним из основных устоев всей государственной жизни России, а потому, затрагивая наиважнейшие стороны нашей высшей религиозной политики, в тоже время входит составною частью и в общую политику Империи; к разрешению же вопросов таковой государственной важности может быть приступлено лишь тогда, когда, после всестороннего изучения его, подробной разработки плана перестройки, полной подготовки средств и способов его осуществления, получится полная уверенность в том, что ни жизненным интересам России, ни самой Правосл<авной> Церкви не грозит ни малейший ущерб.

Существует ли у нас такая уверенность в успехе, изучили ли мы данный вопрос настолько всесторонне³⁰, разработан ли план и осуществле-

ние его практически, готовы ли средства, изучены ли пути? Как это ни досадно, но, не скрывая от себя настоящего положения дела, мы должны ответить на все эти вопросы совершенно отрицательно.

Католическая организация, на которую указывает записка, является не результатом искусственных комбинаций, а выработана исторически, жизнью целого ряда веков и составляет характерную черту Римско-Католической Церкви, члены которой /независимо от народности/ подчиняются ее дисциплине, а в данном случае, в Иерусалиме, члены Латинской Кустодии, францисканцы, кроме того, подчинены еще и главе своего ордена. Несмотря, однако, на столь солидные пути, сковывающие этих членов Латинской Кустодии в Иерусалиме, все-таки и среди них беспрестанно проявляется взаимное недоверие, зависть, вражда и ссоры на почве национальных интересов различных входящих в ее состав народностей, неблагоприятно отражающиеся и на их делах /еще недавно вновь назначенный и только что прибывший в Иерусалим Начальник Иерусалимской Кустодии — Кустод-Итальянец, играющий главнейшую роль во всех вопросах о status quo и о религиозной политике вообще, должен был покинуть свой пост Стража Св. Гроба Господня и Св. Земли, не пробыв на нем и трех недель, — настолько борьба его с испанскими сочленами Кустодии обострила их отношения. Правда, у них, благодаря той же дисциплине, редко выносятся сор из избы и факты не оглашаются, но они все-таки остаются фактами, которыми, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что дела латинян идут вперед не с тем успехом, с которым они должны бы были идти, судя по внешнему, кажущемуся, единению и дисциплине.

В нашей Православной Церкви непогрешимой папской власти нет, история не создала ее, и отдельные Церкви не связаны ни такою дисциплиною, ни организацией; их пришлось бы еще создавать, и создавать искусственно ad hoc; пока же они не создались, пришлось бы удовлетворяться лишь надеждою на доброе согласие и единение, и на ней основывать предполагаемый кондоминиум; но практически какая же власть могла бы объединить, связать и дисциплинировать членов этого кондоминиума в той степени, в какой связаны члены францисканского ордена, латинской кустодии. Там достаточно было, например, одного телеграфного приказа из Рима — страж Св. Гроба и Св. Земли исчез и раздор прекращен, а при кондоминиуме ни о чем подобном не может быть и речи, тем более, что самое понятие «condominium» и предполагает как бы самостоятельное обладание частью прав и лишь при условии идеального стремления всех членов разных народностей православных государств к миру и согласию можно бы было еще рассчитывать на известные результаты, но ведь нельзя же не знать, что в кондоминиум должны войти, прежде всего, те же местные греки и арабы, затем, настоящие Эллины, известные нам в достаточной степени Болгары, Румыны и, наконец, Сербы и Черногорцы и

др.; при настоящем международном соотношении этих народностей, при том до фанатизма обостренном стремлении к национальному обособлению, которое отличает большинство названных народов, разве возможно с уверенностью не только рассчитывать, но даже и говорить об идеальных стремлениях их к христианской любви, миру и единению; если там, в католическом лагере, при помянутой выше дисциплине и подчинении, идет раздор его членов и глухая, но резкая борьба с покровителями, то чего же можно ждать от кондоминиума, не объединенного никакою сильною властью. Напрасно мы будем скрывать от самих себя, что на деле они неминуемо внесут туда свои чисто национально-политические цели и задачи, как бы то ни было, во всяком случае, у нас нет не только уверенности в невозможности такого печального явления, но нет даже гарантии в том, что мы, вместо успеха, не очутимся лицом к лицу с еще большею разрухою Иер<усалимской> Прав<ославной> Церкви, чем до войны.

Поэтому, казалось бы, такой способ разрешения данного вопроса, а именно перестройка Иерус<алимской> Православной Патриархии на началах международного православного кондоминиума, едва ли может считаться отвечающим нашим видам и задачам. Да и вообще, если проникновение наше к Св. Гробу Господню и другим Св. местам и занятие там первенствующего для Русской Православной Церкви положения поставлено одною из государственных задач и целей России, и ИМПЕРАТОРСКОЕ Правительство, во всей его совокупности, признав целесообразным перестроить коренным образом Иер<усалимскую> Прав<ославную> Патриархию путем устранения греческого националистического преобладания и завладения /нами/ ее историческими функциями /в роде указываемого запискою права охранения св. мест и т. п./, сочтет данные обстоятельства наиболее благоприятствующими и найдет средства для осуществления этой задачи и господство греческого /тур<ецко>- под<данного>/ элемента будет действительно устранено, то представляется совершенно непонятным, почему открытый свободный путь не занять нам самим на благо великой Прав<ославной> Церкви, а непременно допустить на него с правами «совладельцев» не только тех же местных греков /тур<ецко>-под<данных>/, но присоединить к ним, на тех же правах, еще греков-Эллинов, Болгар, Румын и Сироарабов? При возможной /хотя бы даже и случайно/ враждебности их к нам, не только великая цель объединения Православных Церквей и их. процветания будет скомпрометирована, но и положение нас самих может сделаться еще горше прежнего. Нам нельзя закрывать при этом глаза и на то обстоятельство, что если у других народностей — Румын, Болгар и пр. уже развились националистич<еские> тенденции, то и у туземных сироарабов тенденции эти не отсутствуют, при посредстве наших учебн<ых> заведений мы сами толкаем их на путь самоопределения, облегчая им тем самым отграничиваться от чужеземцев;

их крики «прочь от иностранцев», раздавшиеся на улицах Иерусалима при объявлении конституции, или речи в Кайфе и заявления об ожидаемых благах от Франции — весьма для нас знаменательны, и их нельзя забывать, тем более, что если греков в Палестине / 200—300 чел. всего, и не имеющих при этом корней в стране/ приходится принимать в расчет, то тем более придется принять во внимание сироарабов, опирающихся корнями своими на 40—50.000 душ сироарабского православного населения.

Разумеется, все эти соображения высказываются здесь лишь в виде личных предположений о возможной опасности для нашей Православной Церкви отрицательных последствий церковного переворота в Иерусалиме, если бы таковой оказался неудачным и, как все на свете, могут быть преувеличенными или даже и совершенно ошибочными страхами перед широтой проекта, которые в таком случае должны быть немедленно же отброшены, но уже сама широта эта обязывает нас не закрывать на них глаза, а представить неопровержимые доказательства успеха проектируемой меры и лишь затем приступать к столь крупному церковному преобразованию.

Вследствие тех же соображений необходимо иметь в виду и противодействие, которое мы встретим при осуществлении предполагаемого преобразования, если бы даже оказалось, что кондоминиум, или другая форма, была признана более отвечающей нашей цели, чем настоящая организация. Действительно, с внешней стороны, может показаться, что о легкости устранения каких-нибудь 200—300 человек греков не может быть и вопроса, между тем, нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство, не всегда принимаемое в серьезный расчет; мы все знаем, что Иерусалимская Православная Патриархия состоит всего из 200, 300 греческих монахов турецкого подданства, и вот при взгляде на занятое ими положение и пройденный ими тяжелый исторический путь невольно возникает вопрос о том, каким же образом, какими средствами эта ничтожная группа монахов смогла на протяжении целого ряда столетий сохранить занятое ими положение. Никто ведь не может отрицать, что на них именно главным образом направлен был и ранее, и теперь напор всего воинствующего католицизма; Германцы, Французы, Австрийцы, Испанцы, Итальянцы и пр. только и смотрят, как бы их сбить с этого положения и занять их место; армяне, копты, протестанты пытаются урвать у них, что можно; Румыны уже нанесли удар их материальному благосостоянию; Турки буквально душат их своим давлением и произволом, наконец, мы сами принимаем иногда против них меры, ослабляющие и силу, и положение Иерусалимской Православной Патриархии, а между тем им все-таки удавалось до сих пор держаться на своем месте и, несмотря на тяжелые испытания, чрез целый ряд веков сберечь немалую /сравнительно с другими исповеданиями/ часть великой мировой

христианской святыни и св. мест и довести их до наших дней. Очевидно, что дело не в численности их и не в поддержке Эллинского Королевства, ничтожной по силе, а в чем-то другом; их положение покоится не на этом и не на алчных сборах и прочих основах, а на исторически сложившихся условиях международной религиозно-политической жизни в Св. Земле и отношений, которые так сложны и так переплетены своими интересами и взаимодействиями, что попытка изменить одно из этих условий неизбежно затрагивает и другие, а иногда всю сеть сложной иерусалимской паутины и нередко парализуется ее сопротивлением. Отсюда ясно, что и в предполагаемом крупном переустройстве нам придется считаться тоже не с количеством монахов, а с этими именно условиями, которые тесным кольцом охватывают данный вопрос; среди звеньев этой кольцевой цепи несомненно не малую роль будут играть и Латиняне, а с их синклитом, по необходимости, и их официальный покровитель — наш союзник. Прорвать такое кольцо без крупных потрясений для Православной Церкви с безошибочным расчетом на успех было бы огромною выгодой России, но не легко осуществимо, без уверенности же на успех — слишком рискованною попыткою.

Таким образом, сводя все изложенное, можно сказать, что ИМПЕРАТОРСКОМУ Православному Палестинскому Обществу существенно необходимо предъявить по первой группе вопросов безусловные требования к Тур<ецкому> Правительству и во что бы то ни стало добиться их удовлетворения; по второй группе предъявить требования условные и по возможности добиться их удовлетворения; что же касается третьей группы, то при всей желательности и необходимости нашего проникновения к Св. Гробу Господню путем установления православного кондоминиума едва ли возможно разрешить этот вопрос, а если и можно, то возбуждать дело об осуществлении проекта было бы целесообразным лишь по получении доказательств и полной уверенности в успехе.

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп.873/1, д. 6. Л. 244—250.

7. Приложение к отзыву А.Ф.Круглова на проект «Записки» ИППО.
ПЕТРОГРАД, 10 АПРЕЛЯ 1915 г. Маш. копия.

Отдельные отметки. Доверительно.

1. Кучук-Кайнарджийский договор <1774 г.> предоставил нам защиту христиан.

2. Можно было бы сказать «Иерусалимская Православная Патриархия» или «Церковь», т.к. официальные сношения у нас и у турецкого правитель-

ства происходят только с ними, а Святогробское братство существует как бы частным образом, по существу же это одни и те же лица.

3. Чаше всего Патриархия устраивала дела с ними и с Латинскою Кустодиею непосредственно (так же, как и Кустодия, помимо французского ген. консульства).

4. Это несколько преувеличено, Патриархия делает известные уступки, однако, мало, и России трудно удовлетвориться.

5. Мне неизвестна точность этих фактов, бывших при действительном статском советнике Яковлеве³¹ и, да простится мне, но я плохо верю во все эти «подлинные слова» императора³², германского консула и т.п.. Необходимо всегда иметь в виду, что Иерусалим — центр интриг и кляуз, насыщенный намеренною ложью. Вполне допуская возможность известной позиции, занятой тогда Патриархом, нельзя не иметь в виду и возможность желанья германцев намеренно увеличить недоверие и холодность России к Иер<усалимской> Пр<авославной> П<атриар>хии, и тем лишить ее поддержки и ослабить, что вполне соответствовало бы и желанию тур<ецкого> прав<ительств>ва, которое прямо приказывало Патриарху, как турецкому подданному, имеющему известный тур<ецкий> чин. Если судить по последствиям, то герм<анский> импер<атор> действительно добился своего — Россия охладела к Блаженнейшему Дамиану, а сам он наградил его высшим орденом. С другой стороны, кто же мог поручиться, что те же германцы не довели бы до сведения султана — его друга, о «слишком близких симпатии и дружбе» к России, да и помимо германцев, среди самих членов Патриархии много предателей, которые сами довели бы об этом до султана и эллинского короля. Когда позднее Палестину официально посетил сын Вильгельма II³³, то вследствие принятых мер настояния турецкой власти на встрече его Блаженнейшим Дамианом лично у Святого Гроба Господня не увенчались успехом, он не поехал к нему даже с визитом, а лишь отдал его. При оценке таких фактов необходима большая точность и разумная справедливость.

6. Необходимо знать, что Эллинское Правительство само стремилось занять изв<естное> положение, находя, конечно, благоприятную почву как в Патриархии, так и в турецких сферах.

7. Известный круг создан уже.

8. Если Иер<усалимская> Пр<авославная> П<атриар>хия уступила тогда российскому императорскому генеральному консульству балкон, который традиционно отдавался на этот день эллинск<ому> представителю в храме Св. Гроба Господня, то это показывает, что не «всегда» Патр<иархия> отказывает нам; в данном случае отказала элл<инскому> представителю, но данный случай важен не поэтому только, как прецедент, а главным образом потому, что в назначенный день на «православном» балконе, в одинаковых условиях с нашим, должен был появиться временно

заменявший эллинск<ого> представителя — франц<узский> генер<альный> консул. необходимо иметь в виду, что фр<анцузские> представители всемерно стремятся убедить турецкую власть и население, что Франция является покровительницей «всех» христиан (а не одних католиков), и поэтому появление французского ген. консула в Великую Субботу на «православном» балконе было бы истолковано в смысле расширения его влияния в ущерб нам, а, кроме того, послужило бы прецедентом для появления французского покровителя католичества на месте эллинского представителя и в других официальных случаях, процессиях, службах и т.п. наравне с нами. так что с точки зрения иерусалимской религиозной политики возникал вопрос весьма серьезного принципиального значения об опасности для православного престижа, к устранению которой и направлены были наши усилия, завершившиеся успешно, и заручившийся разрешением покровитель католиков должен был письменно отказаться от своего плана, а эллинский представитель лишился своего «балкона».

9. Понятие «condominium» предполагает обладание и влечет различие в толковании, так как обладание, как претендуют греки, материально принадлежит только им на основании документов, и Патриархия распоряжается поэтому, другие же таких документов не имеют.

10. Поэтому такие же узкие действия, допускаемые иногда с нашей стороны, тоже нежелательны.

11. Пожелание — практически едва ли осуществимо. У католиков тоже единение и пр. только по форме, а по существу те же раздоры. Независимо от этого автор не выясняет как это достичь, и какая роль турецкого правительства в этом при заключении договора. Католики никогда не устраивали этого через турок и не допускают даже мысли об их вмешательстве во внутреннюю организацию Кустодии.

12. Автор слишком сгустил краски, на деле это не так строго, само же пожелание слишком общего характера.

13. Иерусалимское ген. консульство таких указаний не получало.

14. В Турции действует слепок с «Code Napoleo Неподсудности исков к нам для смешанных тур<ецких> судов не было и ранее.

15. Делегатов.

16. Капитуляции касаются всех иностранцев и в силу общности характера их, рассмотрение и удовлетворение требования будет неминуемо общим.

17. Несколько менее.

18. В 1911–12г. (если не ошибаюсь) было до 2000 греков (турецких и эллинских).

19. Сам Патриарх — как и все члены Патриархии — тоже член Братства.

20. Архимандрит Евфимий — из Малой Азии.

21. В начале сирорабы подняли бунт против Блаженнейшего Дамиана, и, безобразя, привязали бумажку с его именем к хвосту собаки, гоняли

ее по базарам, а по низложению его (воспользовавшимися этим врагами), когда им была выяснена опасность Мелетия Метаксаки, перешли на сторону Патриарха Дамиана.

22. Это нравственная нечистоплотность — отличительная черта иерусалимских сироарабских вожаков и их общины, и нельзя об этом не пожалеть. Община, добившись известных прав, могла бы, при разумном отношении, закрепить их для основы к расширению в будущем, но руководители ее, члены комитета младотурок, масоны, только наживались и ссорились, играя в руку мусульманским заправилам Млад. Комитета, всегда держащихся правила <прп. в оригинале>.

23. Два задания едва ли примиримые. Если допустить сиро-арабского Патриарха и митрополитов, то для греков это будет самоубийство, а для нас положение делается если не хуже, то и не лучше.

Греков 200–300 душ, не имеющих корней в стране и прилепившихся к Иерусалиму искусственно, а сиро-арабов — 40–50.000, составляющих коренное население. Греческая группа отравлена националистическими тенденциями, арабская — тоже. Греческая — захватила все доходы, арабская стремится отнять их и захватить себе (ведь они по крови те же семиты). Поэтому, если нужно считаться, то легче это сделать с малым, чем с большим количеством, и уж если менять греков, то не на сиро-арабов, а на русских.

25. К сожалению, в отличие от католической организации, у нас такого союза нет, а создать его искусственно в ближайшем будущем практически едва ли осуществимо.

26. С такую уверенностью нельзя сказать о старании сохранить *status quo*, тогда и опасности от католиков не было бы; в том-то и дело, что Латинская Кустодия всемерно стремится к расширению своих преимуществ, парализуя в то же время православных.

27. и 28. У нас папства нет, а заключение договора едва ли дает что-нибудь устроить через турецкое правительство.

29. Надо думать, что цифра преувеличена сильно.

30. Международный санитарный совет в Константинополе служит типичным примером того, что практически может быть достигнуто такими международными учреждениями в Турции, кондоминиумами и т.п.

31. Едва ли этот пункт может пройти.

32. Могут быть и другие комбинации.

33. Весьма желательный вопрос, но слишком сложен, при осуществлении затронет *status quo* и суверенитет.

34. Тоже затронет *status quo*.

35. Католики не дают сирорабам ничего подобного.

36. Предположения теоретического характера — жизнь обнаруживает совершенно другое. Стремление к завладению доходами и их источником никогда не исчезнет.

37. Следовало бы точнее определить, как это осуществить на практике, когда и кто где будет служить.

38. Подчеркивание нежелательно, но разрешение канонически необходимо, и наше духовенство само, кажется, не против этого.

39. На торжественных службах Пасхи, Рождества и пр., кажется, совершенно невозможна никакая очередь, а в остальные дни возможна, но, казалось бы, договор с турецким правительством об этом как будто не совсем удобен.

40. Насколько известно, права этого не было.

41. Турки всегда были против этого. Через посредство тех же православных сиротарбов они производили расследования о ценах продаваемых товаров, о способе продажи и о самых товарах и считали эту продажу не соответствующей привилегиям благотворительных учреждений, так как им известно, что она приносит значительный доход, поэтому такой пункт вызовет, вероятно, отказ при договоре.

42. Это один из приемов турецкой политики — противодействия распространению иностранного влияния в Палестине; все державы пытались преобразовать это, но до сих пор не смогли.

43. Мусульманское паломничество не может быть предметом забот И.П.П. Об-ва.

44. Вопрос об Иордане подробно выяснен генеральным консульством в соответствии с интересами и России, и Православной Иерусалимской Церкви, и направлен на рассмотрение министерства иностранных дел.

45. Право на официальное покровительство. (Раз автономия будет выговорена в отдельном пункте, то охранение его разумеется уже само собою).

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д. 6 Л. 258–261.

8. Письмо генерального консула в Бейруте Г. Д. Батюшкова Секретарю ИППО А. А. Дмитриевскому. Петроград, 12 апреля 1915 г. Маш. копия.

Многоуважаемый Алексей Афанасьевич.

Записка, которую Вы были так добры дать мне просмотреть, отличается такой полнотой и всеобъемлемостью, что прибавить к ней вряд ли что-либо возможно, разве, скорее, убавить. Согласно Вашему желанию выскажу Вам некоторые малые соображения по содержанию ее.

Стр. 2. и далее. Формального признания на покровительство оттоманским церковным учреждениям не имеет и Франция, но в большинстве таковых есть иностранные подданные /французы, итальянцы, испанцы/, которые и дают французам возможность вмешиваться во внутренние дела.

Побудить Святогробское братство Россия имеет полную возможность: регулируя выдачу притекающих в Патриархат русских денег (разумеется, не злоупотребляя этим крайним средством).

Стр. 22. Полагаю, что п. 3-ий не будет признан приемлемым, почему лучше точно определить, какие должности могут быть заняты иностранцами, — было бы неудобно, чтоб Патриарх был иностранный подданный.

Ст. ст. 5, 6 и 7 могут быть разрешены лишь непосредственным соглашением нашим с местными православными иерархами и их советами, и отнюдь не желательно вмешивать сюда турецкое правительство. Нужно лишь, чтобы русские представители дипломатического ведомства, Императорского Православного Палестинского Общества и Духовной Миссии вполне отчетливо определили, что они должны себе поставить целью и тогда настойчиво добиваться достижения ее.

Вряд ли можно предполагать, чтоб иностранные, как и оттоманские благотворительные, так и правительственные и иные учреждения сохраняли впредь экономические привилегии, вроде освобождения от таможенных пошлин.

Опаснее для нас, ввиду невозможности предупредить злоупотребления со стороны греческого иерусалимского духовенства, если, в видах сохранения отмены иностранных почт, Оттоманское Правительство выразит желание предоставить европейским инструкторам поставить почтовое ведомство, как в Персию были приглашены бельгийцы, и, следовательно, денежные отправления минуют контроль русского ген. консульства.

Примите уверение в совершенном моем почтении

/Подписал / Г. Батюшков.

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д. 6. Л. 208–208 об., 211.

9. Письмо вице-председателя ИППО князя А. А. Ширинского-Шихматова генеральному консулу в Иерусалиме А. Ф. Круглову. Петроград, 18 апреля 1915 г. Отпуск.

Милостивый государь
Алексей Федорович.

Обстоятельные и весьма интересные замечания Ваши на докладную записку П. И. Ряжского о восстановлении деятельности ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского Общества в Св. Земле по окончании войны с Турцией, открывающие для меня по вопросам, касательно

Святогробского братства и наших отношений к туземцам, несколько новое освещение, побуждают меня просить Вас принять мою глубокую благодарность за Ваш весьма ценный труд и за ту предупредительную готовность, с которой он был исполнен, притом в столь ограниченный срок времени. По моему указанию, некоторые из основанных на многолетнем Вашем наблюдении замечаний будут включены в изготавливаемую для доклада Совету Общества особую записку.

Примите уверение в моем совершенном почтении и таковой же преданности.

/Подписал/ Кн<язь> А. Ш<иринский-> Шихматов.

10. [Апология П.И. Ряжского]. Докладная записка Инспектора палестинских учебных заведений и Управляющего подворьями ИППО в Иерусалиме П.И. Ряжского вице-председателю Общества князю А.А. Ширинскому-Шихматову. Петроград, 5 мая 1915 г. Доверительно. Подлинник.

Ваше Сиятельство,
князь Алексей Александрович.

Замечания, сделанные членами Совета Общества и консулами к записке о восстановлении деятельности И.П.П. Общества в Турции после войны, побудили меня еще раз пересмотреть ее текст и внести в него некоторые поправки и дополнения. Так, начало записки (1-й абзац) я предполагал бы переделать, а конец дополнить некоторыми соображениями на случай возможного раздела Турции, ввиду замечаний М.Н. Галкина-Враского. Некоторые места следовало бы поправить ввиду соображений, высказанных А.Ф. Кругловым, мнению которого я придаю особенное значение ввиду того, что он много занимался и думал над святогробским вопросом и был активным участником в иерусалимских событиях 1909 года. Представляя проект наших изменений в тексте записки на отдельном листе, я прошу позволения здесь высказать несколько личных³⁴ моих мнений, которые, может быть, и ошибочны или слишком смелы, но все же основаны на долговременном изучении современной палестинской жизни.

А.Ф. Круглов в своей “краткой заметке” больше всего нападает на проект Condominium’a в Иерусалиме, и в этом вопросе мы расходимся с ним наиболее существенно. Поскольку этот вопрос касается текста записки, который должен отражать не мои личные мнения, а заключения Совета Общества, я полагаю, что при настоящих обстоятельствах благоразумнее будет исключить из записки все строки, касающиеся condominiumа православных народов в Иерусалиме и удовольствоваться сказанным на

стр. 22 в п. 7: “предоставлении России разрешить греко-арабский спор в Палестине, как вопрос внутренних отношений в Православной Церкви, по соглашению с заинтересованными сторонами или при посредстве Собора Поместных Православных Церквей”. Против этой формулы и редакции п.7 не делает никаких возражений А.Ф. Круглов. К такому решению меня приводят следующие соображения. Вопрос о кондоминиуме, если не второстепенный, то и не главный вопрос И.П.П. Общества, которое более всего заинтересовано в установлении принципа, изложенного в п.7 и никем пока не оспариваемого, а не в детальной конкретизации этого принципа в данный момент. Расходиться с М.И.Д. или консулами из-за деталей, имеющих не главное значение, но могущих повлиять на оспаривание более существенных вопросов принципиального характера, было бы, может быть, даже вредно в настоящее время. На решение вопроса главное влияние должно принадлежать Св. Синоду и Министерству, а не Обществу и на стр. 20 сама записка предлагает “осторожное и вдумчивое отношение к этому важному церковному вопросу”, предварительное изучение и обсуждение его в междуведомственной комиссии учеными специалистами и знатоками Востока. Предлагая такую меру, записка, разумеется, не может настойчиво выдвигать такие спорные детали, которые, возможно, впоследствии не встретят сочувствия ни в междуведомственной комиссии, ни в Синоде. Если Общество будет приглашено к участию в этом обсуждении, то его представитель тогда и мог бы внести вопрос о кондоминиуме, как один из возможных вариантов решения.

Предлагая такую уступку личным мнениям автора “краткой заметки”, я, однако, не могу согласиться с некоторыми из высказанных им соображений по существу и хотел бы сказать о них свое мнение, руководствуясь не столько определенной практической целью, сколько принципиальным интересом затронутых вопросов.

Мне не приходится спорить против той вполне основательной мысли, что вопрос об устройстве расстроеной Сионской Церкви теснейшим образом связан с жизнью всей Православной Церкви, а следовательно, и с русской церковной жизнью и что по тесной связи церковной и государственной жизни у нас в России он затрагивает важнейшие стороны высшей религиозной политики, входя в общую политику Империи; что к разрешению вопросов такой важности следует приступать после всестороннего их изучения, подробной разработки плана перестройки, подготовки средств и способов и что, наконец, в этом отношении сделано далеко не все, что было бы желательно, хотя нельзя сказать, чтобы ничего не было сделано. Та же самая мысль выражена на стр. 20 записки, и я охотно внес бы в записку в пояснение этой мысли суждения “краткой заметки”.

Однако, из всего сказанного нельзя сделать такого вывода, что неотложные меры к преобразованию Сионской Церкви не могут быть предприняты ранее многолетнего всестороннего изучения, подробной разработки плана перестройки, полной подготовки средств и способов осуществления и получения “полной уверенности в том, что ни жизненным интересам России, ни самой Православной Церкви не грозит ни малейший ущерб”. Пока ученые будут писать историю Иерусалимской Церкви, составлять планы перестройки, готовить средства и способы, добиваться полной уверенности, пройдут, вероятно, годы, упущен будет благоприятный момент настоящей великой борьбы и теперешние ненормальные условия иерусалимской церковной жизни фактически отойдут, вероятно, тоже в область пассивного исторического изучения, а не активного воздействия на них. Промедление может оказаться безвозвратной смертью подобным. Конечно, изучить вопрос необходимо, подготовить и средства для решения, но ведь и теперь этот вопрос — не terra incognita, его уже много изучали; наши церковные историки знакомы с жизнью Иерусалимской Церкви; предполагаемая междудомственная комиссия для этой цели не нужна. Однако, надо ковать железо, пока оно горячо, и не ждать, пока имеющиеся при настоящих условиях средства будут утрачены нами при последующих изменившихся условиях. Тогда будет поздно, и все ученые теоретические комбинации могут оказаться практически неосуществимыми ввиду нарастания новых, еще более сложных условий.

То, что сказано в “краткой заметке” о вражде на почве национальных интересов между католическими организациями, об отсутствии католической дисциплины в Православной Церкви, признается и запиской на стр. 2, 16 и 20. Раздоры возможны во всяком обществе, католическое не представляет исключения; но тут есть судьи, власть: Патриарх, папа, а нашего Иерусал<имского> Патриарха судят и низвергают одни святгогробцы (1909 год), да еще разве турецкий султан. Такой дисциплины, как в католичестве, у нас нет и не может быть, но своя соборная дисциплина в Восточной Церкви всегда была, хотя по временам и ослабевала, и будет существовать, пока существует Православная Церковь, ибо без дисциплины не может существовать ни один союз людей, тем более Церковь.

После этих предварительных замечаний перехожу к главному вопросу: почему condominium? “Почему открытый свободный путь не занять нам самим на благо великой Православной Церкви?” Зачем “совладельцы”? Не будет ли ими “скомпрометирована великая цель объединения Православных Церквей и их процветания”? Не может ли такое положение сделаться горше прежнего?

Прежде, чем отвечать на эти вопросы, надо заметить, что записка предлагает “справедливый кондоминиум всех Православных Церквей соответственно их значению в правосл<авном> мире и заслугам” и “число чле-

нов Синода привести в соответствие с тем положением, какое отдельные народы занимают в составе Восточной Православной Церкви”. Этим обуславливается преобладающее влияние наиболее великой Русской Поместной Церкви.

Итак, почему condominium?

Прежде всего потому, что это не новая форма, “искусственно создаваемая ad hoc”, а очень старая, давно существовавшая и теперь существующая, только требующая некоторых поправок. У Гроба Господня этот кондоминиум существует в форме status quo ante и определяет очень точно, до мелочей, права православных, католиков, армян, коптов, сирийцев. Этот condominium находится под охраной и входит в сферу юрисдикции трех держав: Турции, России и Франции. Недостаток его заключается в том, что он не имеет общего органа для устранения мелких недоразумений, а представляет своего рода “концерт христианских исповеданий” с мусульманским дирижером. Предлагаемый запиской православный кондоминиум по существу является только дальнейшим развитием и усовершенствованием старой формы, применением ее к более тесной области внутренних междуцерковных отношений Православия.

Даже сам автор “краткой заметки” не отрицает того, что такой кондоминиум, и притом в форме стройной, дисциплинированной, исторически выработанной организации, давно существует в латинской кустодии Св. Мест и что эта форма составляет действительную силу католиков. Латинский кондоминиум в форме кустодии обеспечивает за всеми католическими народами Европы известное участие во владении св. местами. Но, говорят, у нас этого нет, ни дисциплины, ни организации, пришлось бы создавать это искусственно ad hoc.

Я согласен с тем, что у нас нет такой дисциплины, как у католиков; но, что у нас в Иерусалимской Церкви нет своего кондоминиума, что его приходится создавать внове, как новую форму, это утверждение противоречит фактам. Прежде всего, само Святогробское братство, стойкое, по признанию автора краткой заметки, не менее латинской кустодии, есть ничто иное, как уродливая форма своеобразного кондоминиума на св. местах, при которой большая часть материальных жертв и всех тяжелых обязанностей по защите и покровительству оставлена на долю России, а все выгоды фактического обладания — на долю греческой нации, точнее небольшой кучки греческих националистов, при которой права всех Православных Церквей на обладание христ<ианскими> святынями осуществляются чрез посредство греческой “кустодии” и преимущественно к выгоде последней. Помимо этого факта, имеющего общий характер, можно указать на частные факты, доказывающие, что греческому Братству не все удалось забрать в свои руки и что рядом с ним существовали и существуют другие православные совладельцы, с которыми ему приходится

считаться и входить в соглашения. Церковь Св. Иакова, Брата Господня, первого иерусалимского Епископа, принадлежит арабам, ею заведуют арабские священники и старосты, выбираемые общиной; святогробцы и даже сам Патриарх в ней служат только с согласия арабов; в доказательство можно сослаться на тот факт, что со времени восстания арабов в 1909 и до примирения и соглашения с Братством в 1913 г. традиционных патриарших служений в ней не было и никто из святогробцев не считал себя вправе не только служить, но даже открыть ее без согласия местной арабской общины. Эта святыня считается арабской собственностью, находясь в ближайшем соседстве с храмом Воскресения. Назаретский храм Благовещения у источника принадлежит не греческой митрополии, а местной арабской общине, и ключи от него хранятся у церковных старост, а не у митрополита; последний распоряжается ключами только монастырской церкви митрополии и русской церкви на Горе Свержения (М. Киселевой). В Кане Галилейской по отношению к местной церкви, построенной русскими, существует тоже своеобразный кондоминиум греческого кустода (прежде пономаря, теперь иеромонаха) и местного приходского священника-араба. Все наши русские церкви в Палестине, построенные Р<усской>Д<уховной> Миссией или Палестинским Обществом, подчинены и Патриарху и русскому Святейшему Синоду в разных отношениях, и их юридическое положение тоже представляет своеобразную форму кондоминиума, может быть, и искусственную и не столь древнюю, как кустодия, но действительно существующую. С ожидаемой постройкой румынской церкви существующие формы иерусалимского своеобразного кондоминиума обогатятся еще новой разновидностью.

Значит, нет основания питать преувеличенные страхи перед широтой и мнимой новизной и искусственностью комбинаций кондоминиума. Все это было и есть теперь; в записке нет речи о создании новых форм церковного управления; в ней речь только об усовершенствовании старых форм и приведении их в соответствие с законными интересами и справедливыми домогательствами всех Православных Церквей и, особенно, Русской, а не одних греческих. Предлагая кондоминиум, мы не теряем под собой исторической, бытовой почвы, не разрушаем, а только приспособляем настоящий status к потребностям всей Православной и, в частности, нашей Русской Церкви и вовсе не хотим рисковать страшными salto mortale в темную область новых форм церковной жизни, не свойственных историческому православию.

После греко-арабского кризиса 1909–1910 гг. в Иерусалимском Патриархате был учрежден “Смешанный народный совет”, состоящий из святогробцев и выборных арабов; компетенции этого Совета, правда, не подлежит большинство св. мест, но подлежат все хозяйственные вопросы, касающиеся содержания церквей (приходских), больниц, школ церков-

ных, вопросы церковной администрации, надзора и управления школами и другими благотворительными учреждениями. Он имеет право на распоряжение 15 000- 30 000 наполеонов из доходов со св. мест. Этот факт по существу своему является только первым шагом к неизбежному установлению греко-арабского кондоминиума на св. местах, если только в это дело не вмешаются своевременно другие православные народы. Позиции греков ненадежны, натиск арабов все усиливается и, рано или поздно, греки будут вытеснены из Палестины, если не успеют заручиться активной поддержкой со стороны других православных народов и особенно России. Если же Палестина достанется Англии, то арабы, опираясь на свое большинство и на общие принципы английской колониальной политики, добьются этого даже очень скоро. Англия — не Турция, и каково тогда будет влияние России на церковные дела, можно судить по Александрийскому Патриархату, где оно сведено к нулю. Поэтому-то интересы России в Св. Земле надо обеспечить теперь же, а не после раздела Турции, и не следует полагаться на то, что греки или арабы окажутся более послушными проводниками нашего влияния. Но как это сделать? Предъявлением претензий России на владение ключами от Св. Гроба, по теперешнему кондоминиуму принадлежащим одной мусульманской фамилии? Подчинением греческого Братства влиянию России? Передачей св. мест коренному населению с расчетом на его благодарность? Вот тут-то и начинаются разногласия. Арабы говорят: греки — узурпаторы, надо восстановить права коренного населения. Греки говорят нам: арабы неспособны к самостоятельному управлению, а мы исторические стражи, за нами права давности и культуры; в то же время они говорят арабам: русские — узурпаторы, не думайте, что они заботятся о ваших интересах, они думают только о себе; если нас прогонят, то и вы ничего не получите. А мы, русские, часто сами не знаем, чего хотим; то — все грекам, как было; то — все коренному населению по освободительным традициям нашей политики в Восточном вопросе; то — все одним нам, по принципу *quia leo sum*.

Форма кондоминиума наиболее соответствует характеру, значению об-
щехристианских святынь Палестины, их истории и теперешним условиям церковно-политическим. Незачем много говорить о том, что Св. Земля дорога и должна быть открыта для всех христиан, как общее достояние: она уже открыта; в твердыню восточного христианства давно проникли западные христиане и, укрепившись здесь, добровольно никогда не уйдут. Отняв одни места у православных и завладев другими на правах совладения с другими христианскими исповеданиями, они в своей сфере влияния установили кондоминиум всех католических народов Европы: итальянец, испанец, француз, немец, поляк и др. на равных правах могут вступать в члены их кустодии, в другие католические ордена, работающие в Палестине. Всякий из них при виде, например, назаретского храма Благовеще-

ния может сказать: это мое, т.е. не французское, немецкое или испанское, а католическое. Если бы покровительница католицизма Франция сделала попытку заменить существующий католический кондоминиум народов Европы у св. мест единовластием французского духовенства, то, несомненно, она скоро утратила бы свое право на протекторат и, не добившись своей цели, только внесла бы раздоры и ослабила позиции католицизма. Нам же говорят: страшно, рискованно поколебать единовластие греков, трудно, опасно; и если уже возможно их устранить, то почему открытый свободный путь не занять нам самим, на благо великой православной церкви, а непременно допускать на него с правами совладельцев не только тех же греков, но и болгар, румын, сиро-арабов и т.д.? В этом вопросе прежде всего важно уяснить себе: во имя чьих интересов мы будем добиваться преобразований иерусалимского status'a, во имя Вселенской Православной Церкви или во имя национальной Поместной Русской Церкви? Если мы решим действовать на благо великой Православной Церкви, то не надо забывать, что эта Церковь состоит не из одного русского народа, а и из греков, арабов, румын, болгар, сербов, японцев даже, и, забирая себе все, а другим не давая ничего, мы не достигнем этого блага, ибо другие народы, входящие во вселенский союз Православной Церкви, никогда не захотят отказаться от своих законных притязаний в нашу только пользу; такую простую комбинацию эти народы будут считать не "благом великой Православной Церкви", а русским игом над ней; основным моральным законом православного церковного союза является равенство всех во Христе (несть эллин, иудей) и первым может быть в этом союзе (primus inter pares) только тот, кто хочет быть слугою всех. Во имя русского национализма, понимаемого иначе, чем как он был объяснен в знаменитой речи Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве, можно, конечно, добиваться русского единовластия в церковных делах Палестины, но тогда лучше не вспоминать о благе вселенского православия, которое не всегда совпадает с эгоистическими интересами некоторых народов, не исключая и русского. Римский папа никогда не стал бы главою католической, если бы он оставался только итальянцем и все оценивал с единственной точки зрения римского интереса. Поэтому и нам надо решить вопрос: хотим ли мы выступать как первый, наиболее великий и достойный из православных народов и на благо всего союза вселенского православия, или как соперник других православных народов и во имя только узко национальных интересов, не согласованных с такими же интересами других народностей и с высшими интересами православия? Я склоняюсь к первому решению и думаю, что интересы Церкви и церковной солидарности народов должны быть поставлены выше интересов государственных и национальных, а не должны быть подчинены последним. Защищая эту мысль, я, однако, тем самым не отрицаю законности национальных стремлений и течений в

церковной жизни, пока они не выходят из нормального своего русла и не угрожают самой Церкви. Наши национальные стремления в достаточной степени будут удовлетворены установлением преобладающего влияния; для обеспечения их нам не нужно исключительных прав, полного господства в Св. Земле; да оно и невозможно пока: для этого надо включить Палестину в состав нашей империи, что едва ли осуществится³⁵.

Чтобы проникнуть в занятую греками палестинскую цитадель, недостаточно одной силы, надо кроме силы иметь еще и право. На каких же правовых основаниях мы можем утвердить свои требования занять у св. мест теперешнее положение греков? Все то, что мы можем и должны сказать теперь против исключительных прав греческой национальности в церковных делах Палестины, все те доводы, которыми мы стараемся доказать незаконность такого положения, его вредное влияние на церковные дела, все это будет сказано и против нас; а кроме того, найдутся и новые доводы, которые к грекам неприложимы. Нельзя же обвинить греков в таких нарушениях закона или церковной пользы, которые мы сами собираемся совершить. Такое лицемерие было бы хуже самого грубого и бесцеремонного насилия. Но разве такими путями мы сможем осуществить благо великой Православной Церкви? Нет, если мы должны и хотим объединить разрозненные части вселенского православия в один мощный союз, то мы обязаны уважать права и других сочленов, идти на уступки; иначе, другими путями мы этой цели не достигнем. Удалить греков мы не можем с сохранением справедливости, а сесть с ними рядом и даже занять больше места, чем они занимают, на это мы имеем право.

Формула кондоминиума значительно облегчит и переговоры нашего дипломатического и церковного ведомств с заинтересованными сторонами, т.к. выступая во имя интересов почти всех православных народностей, а не своих только национальных, с правовой точки зрения мы будем неуязвимы и тем легче будет столкнуться с союзниками, или новыми хозяевами Палестины. Для самих греков формула кондоминиума все же более приемлема, чем просто их изгнание из Св. Земли.

Впрочем, нельзя отрицать, что и кондоминиум будет неприятен грекам, но из двух неприятностей — меньшая. Предлагая его, мы будем иметь на своей стороне все православные народы, кроме греков; заменяя греческое господство русским, мы вооружим против себя все православные народы, не исключая греков и арабов. В интересах церковного мира и единства первое решение, очевидно, выгоднее; при слишком прямолинейном и стремительном натиске на греков с целью изгнать их и сесть на их место, мы легко можем содействовать образованию тесного союза между греками и арабами Палестины, окажемся окруженными со всех сторон врагами, втянем в эту борьбу и Сирию, теперь очень довольную Россией, и, конечно, при таких условиях “великая цель объединения

Православных Церквей” не будет достигнута и мы станем лицом к лицу с еще большей разрухой Иерусалимской Церкви. За греками все же есть исторические права давности, а за нами этого нет, на одной же силе церковного союза не создать. Поэтому и для Православной Церкви и для русского народа целесообразнее и выгоднее идти вместе, чем врозь, установить справедливый кондоминиум, чем бесплодно истощать силы в узко национальной борьбе по примеру греков. В данном вопросе нам более всего надо опасаться подражания грекам, потому что, подражая им, мы в высших интересах Церкви потеряем гораздо больше, чем приобретем в наших узко национальных интересах. Мы должны стремиться к установлению гармонии этих интересов, недостижимой без участия других заинтересованных народов.

Говорят, что это трудная задача; нелегко столкнуться “с теми же местными греками и арабами, настоящими эллинами и известными нам в достаточной степени Болгарами, Румынами, Сербам, Черногорцами при настоящем международном соотношении этих народностей, обостренном стремлении их к национальному обособлению”. Совершенно верно — нелегко, но трудности не должны останавливать нас, если цель стоит их. Без сомнения, они постараются внести сюда свои национально-политические цели и задачи, но нам не приходится обвинять их за это или упрекать, если мы хотим обосновать все решение иерусалимского церковного вопроса только на наших собственных национально-политических задачах. Если нам не отграничиться от исключительности, которой страдает точка зрения греков, болгар и т.д., то за устройство кондоминиума нам браться не следует и нам останется либо махнуть рукой на весь иерусалимский вопрос, предоставив заниматься им другим, либо вступить в междоусобную брань с православными народами из-за проведения своей национальной программы в ущерб всем прочим народностям.

Какая же польза может произойти, если мы все захватим в одни свои руки, греков выгоним, арабам ничего не дадим и прочие православные народы вооружим против себя? Польза будет только для католичества и протестантства. Они используют этот раздор, эту глухую ненависть к нам для того, чтобы стереть с лица Св. Земли последние остатки православия среди местного коренного населения. Нам останутся одни камни и каменные сооружения на св. местах да наши паломники, а коренное православное население уйдет и от нас и от православия. Греки были бы довольны таким исходом и, по признанию некоторых из их иерархов, такое решение вопроса наиболее соответствовало бы их национальным интересам. Но мы — не греки. Таким поведением мы сами создали бы чрезвычайно благоприятные условия для католической и протестантской пропаганды. Раздувая вражду к нам со стороны греков и коренного населения, они лишили бы нас всякого православного авторитета и влияния, безусловно не-

обходимого для объединения Православных Церквей. Сея те же семена, какие сеют теперь и греки, мы должны пожинать те же и плоды.

По этим соображениям кондоминиум представляется более достижимой, несмотря на трудности, и менее рискованной целью. Св. местами Палестины теперь нельзя владеть, не допуская совладельцев. Лишая православные народы прав на кондоминиум, мы тем самым дадим только повод говорить, что мы хуже латинян, ибо те признают равенство католических народов в отношении прав на совладение св. местами, что только в католичестве возможно удовлетворение этих национальных стремлений. Арабы и теперь уже указывают на то, что латиняне дают им в Палестине туземных митрополитов, а греки — нет; это одна из причин развития унии с Римом.

Рассматривая мысль об установлении исключительно русского господства в Иерусалимской Церкви, можно с первого взгляда действительно увлечься столь счастливою комбинациею, лстящею нашему национальному самолюбию; но при внимательном обсуждении ее в связи с другими обстоятельствами оказывается, что вопрос этот связан с более крупными интересами вселенского православия, а не с одними только государственными или национальными интересами России или эллинизма. Сам автор “заметки” признает бесспорным, что теперешний status в Палестине держится «на исторически сложившихся условиях международной религиозно-политической жизни, которые так сложны, так переплетены своими интересами и взаимодействиями, что попытка усилить одно из этих условий неизбежно затрагивает другие, а иногда и всю сеть сложной иерусалимской паутины». А так как condominium в его различных аспектах есть одно из основных исторически сложившихся условий палестинского status'a, то легче его усовершенствовать, приспособить к требованиям теперешней жизни, чем отменять и заменять нашим единовластием и изгнанием из Палестины греков. Если мы дадим место наряду с греками и славянам, и арабам, и румынам, этим мы не вносим ни существенных изменений в исторически сложившиеся условия, ни даже в формы церковной жизни, мы только обогащаем греческий церковно-административный гений святогробцев иными национальными элементами, тоже не лишенными известных прав на гений, не затрагивая даже status'a с католиками и с их покровительницей. Это — вопрос внутреннего состава Братства, православного Синода, иерархии, до которого католикам нет никакого дела. Формы быта, условия жизни остаются те же, но содержание в эти формы может быть вложено и иное, более соответственное благу Православной Церкви в ее целом. Автор “краткой заметки” признает, что “прорвать такое кольцо без крупных потрясений для Православной Церкви с безошибочным расчетом на успех было бы огромною выгодою России, но нелегко осуществимо”. Ясно выраженная мысль и совершенно

верная. При условии кондоминиума мы будем совершенно обеспечены от крупных потрясений, т.е. от изгнания греков, борьбы с арабами и другими православными народами, темных подозрений союзников и католиков, поглощения Матери всех Церквей в русском озере, обвинений в своекорыстии и национальном эгоизме со всеми его последствиями и т.д. Что касается “безошибочных расчетов”, то при составлении сметы на постройку одного небольшого здания и то возможны маленькие ошибки, а при церковном строительстве православных народов они тем более вероятны; но больших ошибок ожидать не следует; трения, конечно, будут, но ни одно большое дело не обходится без них. Во всяком случае, ошибки прошлого настолько велики, ощутительны и очевидны, что оставлять их без исправления дальше нельзя, даже из-за страха перед новыми ошибками.

Страх этот отчасти основан и на том противодействии, которое могут оказать греки всяким преобразованиям в Иерусалимской Церкви. Они, говорят, стойки: на них направлен напор воинствующего католицизма, мелкие секты пытаются урвать у них, что можно, румыны нанесли удар их материальному благосостоянию, турки буквально душат их произволом и даже мы сами, русские, ослабляем их силу и положение, а они все-таки держатся. Да, они стойки. Но не менее стойки и наши афонские монахи, наряду с некоторыми недостатками обладающие весьма крупной инициативой, энергией и упорством и тоже несколько веков выдерживающие, кроме произвола турок, натиска других народностей, еще и напор самих греков. При желании мы, русские, можем развить еще большую стойкость и грекам в этом не уступим. Однако, если греков в Иерусалиме штурмуют со всех сторон, и не только враги, но даже единоверцы-друзья, если даже мы сами не остаемся нейтральными по отношению к ним и содействуем их ослаблению, то сами собой возникают вопросы: нужно ли нам самим занимать позицию греков, штурмуемых со всех сторон? Нет ли уважительных побудительных причин для такого штурма? Не благоразумнее ли будет нам отказаться от греческого splendid isolation и заключить союз с осаждаемыми греками и штурмующими их нашими единоверцами в форме хотя бы condominium'a? Не выгоднее ли будет для самой Патриархии заменить греческое единовластие православным кондоминиумом? Прилично ли нам быть хотя бы и невольными союзниками турок и католиков против единоверных нам греков? Прилично ли грекам, живущим почти исключительно на пожертвования русского народа, обострять церковную борьбу с своими единоверцами? Надолго ли хватит их сил и стойкости и не придется ли им скоро капитулировать на условиях гораздо менее выгодных для них, чем условия кондоминиума? По моему мнению, Православная Церковь в Иерусалиме нуждается в смягчении этой борьбы, а не в обострении ее, а для этой цели наиболее подходящее средство — примирение национальных стремлений православных

народов в Св. Земле в форме condominium'a. Потушить эти стремления мы не в силах, так же, как и греки. Некоторые наиболее проникнутые панэллинизмом греки доводят свой национальный фанатизм до того, что рекомендуют Братству всеми мерами содействовать скорейшему переходу всех православных арабских общин в унию с католичеством или в протестантизм. Теперь, говорят они, православные арабы для нас только лишняя обуза, мы вынуждены тратить на их церкви, школы и духовенство значительные суммы, дохода от них не получаем, а они будируют против нас и грозят нам изгнанием из Палестины или, по меньшей мере, подбираются к нашим доходам. Грекам нужны только св. места, привлекающие пожертвования русских и владеющие приклоненными именами. Когда в Палестине не останется ни одного православного араба, то останемся владельцами св. мест мы, греки, приток русских пожертвований от этого не изменится, а теперешние расходы на арабские церкви, школы и т.д. останутся у нас также чистой прибылью. При всей своей циничности с церковной точки зрения, эта идея имеет своих адептов даже в самом Братстве.

Греки всякими мерами противодействуют быстрому развитию арабского национального самосознания и местной церковной жизни: духовенству они дают нищенское содержание; сельские и даже городские церкви содержатся в самом убогом виде, не ремонтируются десятками лет; арабскую партийность они всячески поощряют; против перехода православных общин в целом или частей их в католичество и протестантизм не принимают никаких действительных мер; в иерусалимскую школу Креста (духовную семинарию) или совсем не принимали арабов, или не давали им кончать курса, почему приходское духовенство не получает надлежащей подготовки к пастырскому служению; школы свои преимущественно открывают там только, где есть уже школы Общества, для борьбы с русским влиянием, или под сильным давлением общин, не имеющих русских школ; многие школы существуют только в официальных списках, не функционируют на местах; намерение Палестинского Общества открыть где-нибудь школу нередко встречают сильнейшее противодействие со стороны Патриархии; все учителя наших школ, имеющие сношения с греческим духовенством знают, что Братство считает все школы Общества весьма вредными для себя учреждениями и свои школы открывает с единственной целью ослабить русское влияние на арабов.

К сожалению, отголосок таких воззрений на школы И<мператорского> П<православного> П<алестинского> Общества в Сирии и Палестине и такого же отношения к ним и их задачам, слышится и в суждениях "краткой заметки". "Нам нельзя закрывать глаза, говорит их автор, и на то обстоятельство, что если у других народов уже развились национальные тенденции, то и у туземных сирорабов тенденции эти не отсутствуют; при

посредстве наших учебных заведений мы сами толкаем их на путь самоопределения, облегчая им тем самым отграничиваться от чужеземцев”.

Хорошо это или худо, но всякая школа, дающая человеку некоторое развитие, непременно толкает его на путь самоопределения и школы Палестинского Общества в этом отношении не представляют исключения. Они действительно способствуют развитию в арабах самоопределения и, в частности, национального самосознания, стремясь в то же время к возможному сближению чуждых по крови и культуре, но единоверных народов, арабского и русского. Если допустить, как это делают греки, что национальное и церковное самоопределение православной части арабского народа для Православной Церкви или для русского народа вредно, то и наши школы с логической необходимостью придется признать также вредными учреждениями. Однако, какие средства имеются в нашем распоряжении, чтобы не допустить развития в арабах самоопределения и национального самосознания или убить уже проросшие ростки его? Никаких. Закрытие или неоткрытие школ, как мера по существу отрицательная, положительных результатов не даст. За неимением православных русских, арабы пойдут в католические французские, протестантские немецкие или английские, мусульманские турецкие или православные греческие школы. И эти школы будут толкать их к самоопределению и национальному самосознанию, но “ориентация” будет уже не русская, а французская, английская, греческая и т.д. Кроме того, нельзя представлять себе дело так, что у арабского народа, имеющего значительно более древнюю культуру, чем наша, давшего чрезвычайно много и для европейской, особенно средневековой культуры (испанский халифат), имеющего огромную литературу на одном из древнейших человеческих языков, только вчера появились первые ростки самоопределения и национального самосознания. Не надо забывать, что рядом с Сирией и Палестиной, толкаемыми к самоопределению французами, англичанами, немцами, американцами, итальянцами, есть еще такой огромный фокус арабского национального самоопределения, как Египет. Чему тут могут помешать, что могут задержать наши или греческие школы? Мы не можем обрусить Палестину при настоящих условиях, но вполне возможно сблизить, сроднить ее с Россией самыми разнообразными нитями международного общения и многочисленных реальных и идеальных интересов, усилить там русское влияние, установить обоюдно выгодную общность церковных, политических или культурных задач. Одним из лучших средств для достижения этой цели является, конечно, школа, и наши соперники из Западной Европы оценили ее значение по достоинству. У них невозможны, немислимы такие колебания, как у нас: тридцать лет насаждали и развивали школьную сеть, установили чрез нее связь с самыми разнообразными элементами сиро-палестинского населения, а потом вдруг спохватились и задума-

лись, не толкнет ли наша школа арабов на путь самоопределения, не усилит ли националистические течения. Наше Общество давно и глубоко обдумало этот вопрос и доселе шло по избранному пути твердым шагом, без колебаний, отдавая себе ясный отчет в том, что оно делает. Этот капитальный вопрос был решен еще тогда, когда учредители Общества закладывали первые камни в его основание и намечали первые исходные вехи на предстоящем ему пути. Известное из истории нашего Общества принципиальное расхождение во взглядах на его задачи и пути между бывшим государственным контролером и епитропом Св. Гроба Т.И. Филипповым, с одной стороны, и учредителями Общества М.П. Степановым и В.Н. Хитрово, с другой, разрешенное в смысле последних, в сущности, предредило все направление деятельности нашего Общества с первых его шагов и до последних дней. Общество отказалось быть вспомогательным органом греческой Иерусалимской Патриархии; его служебная роль иначе свелась бы практически к тем функциям, в значительно большем, разумеется, масштабе, которые несут теперь добровольные агенты Патриархии из паломнической массы, очень метко прозванные простонародьем “зазывалками”. Конечно, мы сразу же завоевали бы безграничные симпатии греческого Братства, если бы удовлетвоались скромною ролью конторы для сбора пожертвований в пользу греков по всей России и если бы в арабском вопросе мы стали не на точку зрения широко понимаемых церковных интересов православия, а на узко националистическую греческую точку зрения. Тогда Братство стало бы нашими глазами, ушами, головой, а мы только его послушными руками и ногами. Однако общество пошло по другому пути: оно отказалось во что бы то ни стало поддерживать небольшую кучку из 200 греческих монахов в борьбе против 60–70 т. коренного православного населения, лишенного некоторых самых примитивных церковных прав; оно признало более выгодным для православия предоставить собственной неизбежной исторической участи греческое Братство и заняться сохранением остатков православия в коренном населении Св. Земли и лучшей его организацией в борьбе с инославием. Наша элементарная школа все еще лучше вооружает православного феллаха в борьбе за существование, за свою веру, быт, самостоятельность церковную, чем греческие подкупы и подачки шейхам для поддержания своего эфемерного влияния и власти. Сколько бы золота не влилось в эту бочку Данаид, ее никогда нельзя наполнить. Оттого-то католичество и протестанство и достигли таких успехов своей пропаганды среди православных, что греки не хотели оставить ложного пути панэллинизма и стать на широкий церковный путь вселенского православия. Тогда и их положение было бы, правда, скромнее, но и прочнее, чем теперь. В Сирии они не хотели уступить ничего, довели дело до открытого церковного разрыва, и потеряли все. Но и после этого урока, к сожалению, они ничего не забыли

и ничему не научились. Результаты будут те же: при первой благоприятной для арабов международной или местной палестинской конъюнктуре греки будут изгнаны, арабы завладеют св. местами, а мы, русские, окажемся пред теперешним status'ом в арабских руках и таким образом, своевременно отказавшись от крепких гарантий междуцерковного кондоминиума ради призрачных мечтаний о поглощении матери всех церквей в русском озере, останемся перед разбитым корытом. Уж конечно, национальные притязания греков и арабов с исторической точки зрения более обоснованы, чем наши; бороться с этой исключительностью национальных притязаний на св. места мы можем, не впадая в неразрешимые противоречия, только под вселенским церковным знаменем, а не под бело-синне-красным флагом, принадлежащим самой крупной единице, но не всей православной армии. Если именно мы, русские, восстановим и осуществим правду в церковных отношениях Св. Земли и во имя идеалов Царствия Божия, а не греческого, арабского или русского, то остальное все нам приложится само собою. Чем сильнее и шире выразится наше участие в этом по существу не национальном, а церковном деле, тем больше выиграют и наши национальные интересы и народно-церковное влияние в Св. Земле. В Сирии мы создали для России атмосферу вполне благоприятную и усилили потребность в развитии нашего влияния даже свыше наших теперешних сил только тем, что приняли под свое покровительство интересы местного коренного населения, а не кучки пришлых, хотя и влиятельных, греков. В свое время “прорвать” сирийское “кольцо без крупных потрясений и с безошибочным расчетом на успех” тоже нелегко было и попытка сопровождалась некоторым риском. Но никаких катастрофических последствий, однако, не произошло; правда, на несколько лет были прерваны официальные сношения между Антиохийским Патриархатом и греческими Патриархами, а потом греки помирились с совершившимся фактом и возобновили общение с Патриархом Григорием IV. Едва ли поэтому можно согласиться с высказанной в “краткой заметке” мыслью, что “если допустить сиро-арабского Патриарха и митрополитов, то для греков это будет самоубийство, а для нас положение делается если не хуже, то и не лучше”. Современные греки, при всей искренности своего национализма и при всей гордости древней эллинской культурой, своим прошлым, не настолько, однако, сохранили дух древних патрициев или средневековых рыцарей, чтобы думать о самоубийстве при одной мысли о необходимости сесть в Иерусалиме. Благополучное разрешение сирийского вопроса не оставляет места для каких-либо сомнений в этом отношении: там арабы сели на их место, палестинский кондоминиум посадил бы обоих рядом с другими совладельцами и судьями их распри. Преувеличенный страх пред “трениями” не должен нас останавливать на этом пути: всякая жизнь есть непрерывное трение.

Осуждение школьной деятельности И.П.П. Общества в Сирии и Палестине, которое мотивировано в “краткой заметке” влиянием этих школ на развитие в арабах “самоопределения” и “национальных тенденций”, вполне совпадает и с святогробской точкой зрения на наши учебные заведения, ибо арабское самоопределение не содействует утверждению и усилению греческого влияния в Св. Земле, а противодействует ему. Тут мы наблюдаем тождество воззрений не только по существу, но даже и по способу их оправдания. Такое осуждение будет безукоризненно логичным и последовательным, если допустить, что “Русское Правительство во всей его совокупности”, ради собственных русских, или чуждых ему греческих интересов, идет или должно пойти к тем же самым целям, какие наметили для себя панэллизинизм и его орудие — Святогробское братство, т.е. 1, к утверждению в Палестине церковного преобладания и господства только одной национальности, русской или греческой, безразлично, 2, к полному погашению среди арабов всякой мысли о каком бы то ни было самоопределении в национально-церковной жизни и об уравнении церковных прав их с греками или русскими безразлично, 3, а в крайнем случае — протестов и несогласия с их стороны — даже к полному искоренению всего туземного православного населения путем прямого или косвенного побуждения его к отпадению от Православной Церкви и переходу в унию или протестантство. Тогда останемся владельцами св. мест или мы, или греки, или греко-русский кондоминиум. Однако, есть полное основание думать, что такое допущение или такая программа нисколько не соответствует действительным видам и задачам “высшей государственной или церковной политики” России в арабских Патриархатах. Решение антиохийского церковного вопроса в 1897г. при содействии именно русского правительства последовало в смысле как раз противоположном вышеизложенной программе: арабы получили церковную автономию, своего Патриарха и школы И.П.П. Общества, и наше положение в Сирии стало не хуже, а лучше. С тех пор не произошло ничего такого, что бы могло изменить направление государственной и церковной политики Русского Правительства в Сирии и деятельность И.П.П. Общества. Результаты этой политики были закреплены послом Чарыковым, добившимся восстановления церковного общения между арабским и греческими Патриархатами, назначения ежегодного денежного пособия от России Антиохийскому Патриархату по ходатайству Дамасского консульства и Константинопольского посольства в 1909г. и посещения России Патриархом Григорием IV в 1913 г. Что касается школьной политики Общества, подвергшейся осуждению в “краткой заметке”, то и она в последние годы упрочена в Сирии именно в соответствии с государственными и церковными видами “Императорского Правительства во всей его совокупности”. В 1910 году сирийские школы подверглись всестороннему обследованию особой комиссией из представителей Министерства

Иностранных Дел и И.П.П. Общества; на совещании этой комиссии при участии сирийских консулов, близко знакомых с потребностями местной жизни и с ближайшими видами дипломатического ведомства в сирийском вопросе, был снова пересмотрен капитальный вопрос о самом праве на существование русских сирийских школ с точки зрения церковных и государственных интересов России, и он решен в пользу дальнейшего упрочения и улучшения сирийских школ, а не уничтожения их. Из комиссии он перешел на рассмотрение Совета И.П.П. Общества и здесь решен утвердительно. Вызванное и мотивированное таким решением ходатайство Общества об ассигновании на содержание сирийских школ для православных арабов пособия из средств государственного казначейства и сопровождавшая это ходатайство объяснительная записка Общества с подробным изложением русской точки зрения на это дело подверглись самому тщательному изучению и рассмотрению прежде всего в Министерстве Иностранных Дел в связи с отчетом г. Кыхманского и заключениями посольства по сему делу, затем в Совете Министров, особою междуведомственной комиссией, отсюда они перешли уже в виде законопроекта в бюджетную комиссию, а потом и в Общее Собрание Государственной Думы; этот законопроект, принятый Думою и затем Государственным Советом, удостоился Высочайшего утверждения 5 июля 1912 года. Те пути и инстанции, которые прошел вопрос о русских школах в Сирии и Палестине, об их праве на существование и полезности с точки зрения государственных и церковных интересов России, служит достаточным указанием на то, что высказанные автором “краткой заметки” личный взгляд и оценка всей школьной деятельности И.П.П. Общества и ее значения для России совершенно расходятся с тем пониманием государственных видов и задач, какие издавна усвоены и днесь поддерживаются Императорским Правительством во всей его совокупности, т.е. начиная от местных сирийских агентов правительства и кончая высшими правительственными и законодательными учреждениями Империи. Такое именно решение вопроса о школах Палестинского Общества и их значении для усиления и развития православного самосознания в коренном туземном арабском населении и такое именно толкование действительных видов русской политики давно вышли из области личных предположений или мнений отдельных правительственных агентов или частных тенденций самого Палестинского Общества; в законе 5 июля 1912 года они получили правительственную санкцию, и для нашего ведомства иностранных дел в течение последних двадцати лет они стали постоянной традицией. Устанавливать на этот вопрос новую точку зрения, во всем совпадающую со старой святогробской, хотя бы и обращенной против греков, значило бы сделать крутой поворот не только в направлении всей деятельности Палестинского Общества за 34 года существования, но и в традиционных видах, задачах и целях Императорского Правительства во

всей его совокупности. Это вполне ясный факт, который нельзя ни замолчать, ни перетолковать; можно разное его оценивать с точки зрения выгоды или другой, но нельзя отрицать его наличности.

Осуждая нашу арабскую школу, как орудие для церковного и народного самоопределения арабов, автор “краткой заметки” весьма последовательно защищает идею греческого приоритета и господства и подчиненного положения православных арабов и в своих “отдельных заметках”. “Уж если менять греков, говорит он, то не на сиро-арабов, а на русских”. В этой чрезвычайно выразительной и характерной формуле, нвряду с сомнением в необходимости “менять” греков, одновременно слышатся и греческие симпатии, и арабские антипатии, и все это покрывается и затушевывается патриотическим *soû*. Однако, диапазон этого патриотизма не слишком глубок и полнзвучен, ибо оставляет под сомнением вопрос о необходимости менять греков (уж если...), и затем оставляет совершенно открытым другой вопрос: а если менять арабов, то на кого, на греков или на русских, например в Сирии? Автор, вероятно, вынужден будет ответить: тоже на русских, но не дает уверенности в том, что такое предположение об его ответе правильно. Поэтому я обеими руками подписался бы под его формулой только в том случае, если бы она была дополнена таким образом: если менять греков, то не на сиро-арабов, а на русских, а если менять сир-арабов, то не на греков, а тоже на русских.

Однако такая искусная постановка вопроса в данном случае проходит мимо цели, ибо записка Общества вовсе не предлагала “замены” греков арабами или наоборот; в Иерусалимской Церкви она предлагала установить *condominium*, который заключается не в замене одного владельца другим, а в совместном их существовании и в определении *modus'a vivendi* между ними и другими законными претендентами на совладение. Поэтому его сомнения в необходимости или целесообразности менять греков на кого-либо вполне совпадают с полной моей уверенностью в ненужности такой замены. В этом мы не расходимся.

Но, как это ни странно, я и автор заметки, исходя из общих нам посылок, приходим иногда к диаметрально противоположным заключениям. Доказывая вышеприведенный афоризм и желая, очевидно, склонить русскую точку зрения более на сторону греков, чем на сторону арабов, автор замечает: “греков 200–300 душ, не имеющих корней и прилепившихся к Иерусалиму искусственно, а сиро-арабов 40–50 000, составляющих коренное население; греческая группа отравлена националистическими тенденциями, арабская — тоже; греческая захватила все доходы, арабская стремится отнять их и захватить себе”. Все эти послышки я принимаю без возражений и почти без оговорок, но выводы у меня получаются совсем иные и происходит это, очевидно, оттого, что мы разное понимаем русские интересы в Палестине и не одной мерой меряем свои и чужие интересы.

Я думаю: если греков всего 200 душ, то зачем нам тешить их властолюбие и корыстолюбие и обижать 50000 арабов? Если греки не имеют корней, то не бесполезно ли нам таскать на себе столько воды для поливки этого безнадежного растения, обреченного на гибель? Если греки прилепились искусственно, не имеют под собой почвы, то следует ли из этого, что мы ради них должны обрывать корни у того, кто имеет их, у коренного населения, сушить его, лишать последних соков для питания искусственно присосавшегося паразита? Если арабов 50 000 и они имеют корни в стране, то не целесообразнее ли, не естественнее ли, не справедливее ли будет поддержать коренное и более численное население и самим на него опереться? Ведь 50000 врагов или недовольных опаснее 200? Если националистические тенденции — отрава вообще, а арабы приняли этой отравы меньше, чем греки, — то какая польза нам-то отравлять себя подобными же тенденциями и кроме греческой и арабской отравы вносить в Св. Землю еще русскую? Если же национализм в известных границах не составляет отравы, а является неизбежным продуктом здоровой народной жизни, то с какой стати мы будем упрекать греков и арабов за то, что хвалим и поощряем в самих себе? Если греки уже захватили доходы, а арабы по своей “семитской” жадности все еще только стремятся захватить и довольно безрезультатно, то и считаться приходится с действительными обладателями этих доходов, обеспеченными и сытыми, и с голодными претендентами на часть этих доходов и как-нибудь, по возможности, безобидно, поделить их, не забыв и общих более важных церковных нужд.

К иному заключению из тех же посылок приходит автор “краткой заметки”. Греков меньше, “поэтому, если нужно считаться, то легче это сделать с малым, чем с большим количеством”, говорит он. А что значит здесь выражение “считаться”? По общему смыслу речи, надо думать, что оно является синонимом: удалить, искоренить, подчинить, ослабить, повелевать, отобрать доходы. Греков мало, — их легче изгнать; они не имеют корней, — легче их вырвать или подчинить своему влиянию; они забрали доходы, — легче отобрать у них; понадобилось что-нибудь от них, легче с ними столкнуться и добиться требуемого. Но эта “легкость” весьма условна и относительна. Когда речь идет только об арабах и греках и нужно доказать, что последние для нас гораздо предпочтительнее и удобнее первых, то на первый план среди аргументов в пользу греков выдвигается относительная легкость их подчинения и удаления вследствие их малочисленности, беспочвенности, словом, слабости. Но когда автор с логической неизбежностью вплотную подходит к вопросу, почему бы в таком случае не воспользоваться нам в своих выгодах такую слабостью греков, то он дает или нерешительный, колеблющийся ответ, или скорее отрицательный: “нелегко осуществимо, без уверенности в успехе слишком рискованно”, “едва ли возможно разрешить этот вопрос”. Почему? Потому

что греки вовсе не слабы: “с внешней стороны может показаться, что о легкости устранения 200–300 греков не может быть и вопроса”, но вот “на них именно главным образом направлен был и ранее и теперь напор всего воинствующего католицизма; германцы, французы, австрийцы, итальянцы и пр. только и смотрят, как бы их сбить и занять их место; армяне, копты, протестанты пытаются урвать у них, что можно; румыны уже нанесли удар их материальному благосостоянию, турки буквально душат их своим давлением и произволом, наконец, мы сами принимаем иногда против них меры, ослабляющие их силу и положение (школы?), а между тем им все-таки удавалось до сих пор держаться на своем месте”.

Разбираясь в этих мнимых или действительных противоречиях в оценке греческой силы и ожидаемого от нее сопротивления, мы становимся лицом к лицу с двумя ясными практическими выводами автора: 1, в греко-арабской распре для русской политики выгоднее поддерживать не имеющую корней, менее численную и потому более слабую греческую группу, с которой легче считаться; 2, в греко-русских отношениях, при всей желательности и “огромной выгоде” прорыва “сложной иерусалимской паутины”, мы должны воздержаться от такой попытки, потому что она “нелегко осуществима, слишком рискованна” и вообще “едва ли возможно разрешить этот вопрос”, так как греки доказали свою историческую стойкость и силу в вековой борьбе с западными и восточными христианами, турками, даже с нами, а мнимая слабость и “легкость их устранения” — только кажущиеся признаки. В конечном результате мы остаемся при status quo ante: искусственное преобладание лишенного корней греческого меньшинства над бесправным большинством арабского коренного населения и пассивное отношение России к этому ненормальному строю из страха перед еще большей разрухой.

Между тем, жизнь не ждет; если мы сложа руки будем сидеть у моря и ждать погоды, когда сама собой, без нашего влияния и участия, изменится сложная паутина иерусалимских отношений, то за разрешение этого назревшего вопроса возьмутся другие силы и разрешат его, не считаясь с нашими интересами. С точки зрения русского национализма трудно противиться обольстительной формуле: одним нам и никому другому. Но надо думать, что, приняв ее, мы потеряем твердую правовую церковную почву под ногами и вступим на зыбкое болото, в котором тонут теперь греки. Даже устранив греков, мы все же останемся пред 60 000 арабов. Что же мы с ними сделаем? Тоже устраним, уступим унии? Палестинское Общество, имеющее столько учреждений для арабов по всем концам Сирии и Палестины, вынуждено считаться не только с греками, но еще больше с арабами. Ни тех, ни других Россия не может выкинуть из сферы своего внимания и влияния. Мы, основавшись в двух Патриархатах, греко-арабском Иерусалимском и всецело арабском — Антиохийском, не можем одной рукой создавать, а другой раз-

рушать. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть в не столь отдаленном будущем новые восстания арабов против святогробцев, более настойчивые, чем прежде, более организованные и упорные, и греческое меньшинство так или иначе должно будет пойти на уступки, иначе оно будет сметено с лица Палестины, а арабы станут на место греков без нашего содействия и даже вопреки нам. Лучше ли будет для нас? Сам автор заметки отвечает: “если не хуже, то и не лучше”, а я отвечу: хуже. Действуя с арабами солидарно в греко-арабской распре, мы найдем в них союзников, готовых идти на большие уступки за наше содействие; оставляя в Палестине и греков, мы не наносим им удара в самое сердце и не рискуем встретить слишком упорного сопротивления, которого так боится автор заметки: уступить нам — для греков легче, чем уступить одним арабам, и для арабов легче добиться церковного равноправия в союзе с нами, чем без нашей помощи или вопреки нашим видам. Поэтому лучше, безопаснее вместо крайних решений остановиться на компромиссе между греками и арабами. Такой компромисс создаст нам выгодное положение *tertii gaudentis inter duos bificontes*³⁶, и если мы не злоупотребим этим положением, то нам, при тех жертвах, которые приносит Россия в пользу Св. Земли, при той сети учебных и благотворительных учреждений, которыми располагает Палестинское Общество, и при непосредственном участии в Синоде и Смешанном народном совете Патриархата, нетрудно будет занять почетное место покровителя, попечителя обеих сторон, посредника и судьи в их несогласиях между собою. Кондоминиум в глазах арабов будет иметь гораздо больший правовой авторитет, потому что они сами будут его участниками под главенством державы-покровительницы, и арабы перестанут быть голодающими нахлебниками, а мы — только доходной статьёй небольшой кучки греков. С другой стороны, кондоминиум установит принцип внеземельности и интернациональности общехристианских святынь, принадлежащих Православной Церкви. Национальные тенденции участников кондоминиума не беспредельны, и путем неизбежного самоограничения их само собою установится известное равновесие. Наше право на первенство чести и на руководящее влияние в этой системе равновесия должно осуществляться с такою же моральною необходимостью, с какою в физическом мире меньшее по массе и удельному весу тело входит в сферу влияния большего. Но добиться такого морального могущества нельзя, с своей стороны не признав законную долю других православных народностей в совладении св. местами, ибо, изгнав из Палестины греков и арабов и не пустив туда ни одной из других православных народностей, мы вооружим против себя всех, наших сородичей, единоверцев-эллинов и коренное население, тогда мы будем отталкивать от себя, а не притягивать к себе.

Если Палестиной будет владеть по-прежнему Турция, то после победоносной войны установить такой кондоминиум будет не особенно трудно, раз официально будет признано право России на покровительство

Православной Церкви на турецком Востоке. Ссылка на Международный санитарный совет в Константинополе в доказательство практической непригодности церковного кондоминиума в наличных условиях турецкой действительности для меня мало убедительна, потому что в природе, организации, целях, задачах, истории и правовом положении Православной Церкви и санитарного совета есть существенные отличия. При том же *comparaison n'est pas raison*³⁷.

Несколько труднее будет справиться с этой задачей, если Палестина отойдет под власть Англии или Франции, которые не дадут для русского влияния того простора, какой возможен при турецком режиме капитуляций. Можно почти с уверенностью сказать, что если перед переходом этой страны под власть Англии и Франции мы не закрепим своего влияния на церковные дела разрешением греко-арабской распри путем установления справедливого совладения св. местами и для славянских народов, то, кто бы ни победил в этом споре, греки или арабы, — с нами не будут более считаться, или, вернее, будут принимать нас в расчет только как источник для доходов, а все влияние, вытекающее из прав покровительства, уйдет от нас. С Иерусалимским Патриархатом может случиться то же самое, что случилось с Александрийским, где русское влияние теперь совсем незаметно. Те, кто говорят, что лучше на место греков посадить русских, сами плохо верят в осуществимость таких мечтаний и активных выступлений в этом направлении с их стороны не последует. Между тем идея кондоминиума, в значительной мере реализованная фактическими отношениями теперешнего иерусалимского *status*, обеспечивала бы за нами, при всех переменах в политическом положении страны, преобладающее влияние в области внутренних церковных отношений Патриархата. Будут ли владеть Палестиной французы или англичане, или евреи, русская часть Синода или Смешанного совета всегда стояла бы на стороне русских интересов; если же мы в погоне за недостижимой целью откажемся от обеспечения более скромного, но все же сильного, может быть, даже преобладающего влияния, из-за нежелания считаться с другими православными народностями, то не только с широкой церковной, но даже с более узкой государственной или националистической точки зрения, мы, ничего не приобретаая, многое потеряем. Каковы бы ни были трения между отдельными православными национальностями, все же мы, при поддержке славян, будем иметь в кондоминиуме весьма крупный вес, прочие народности при этом условии не смогут добиться чего-нибудь важного без нашего согласия и нашей помощи, мы будем хозяева положения. Этого нам совершенно достаточно и в большем мы в действительности не нуждаемся.

Проект кондоминиума, по словам “Краткой заметки”, не представляется новым проектом, так как румынский профессор Дмитреску доверительно высказывал мысль о собрании международного православного Синода,

как о весьма выгодном для румынских политических видов деле. Я не был знаком ни с г. Дмитреску, ни с его доверительными сообщениями, но идею кондоминиума, как это разъяснено выше, считаю действительно не только не новой, а весьма даже старую основой настоящего иерусалимского status'a; мысль о создании международного православного Синода в Св. Земле сама собой напрашивается при теперешних условиях палестинской жизни и политических соотношениях; и если эта мысль одобрена румынским ученым и признана им "весьма выгодною" даже для румынских политических видов, то, по моему мнению, нужно этому только радоваться, — значит, эта идея действительно может объединять чуждые по крови и языку, но единоверные народности. С полным и искренним доброжелательством, без чувства завистливого соревнования мы могли бы отнестись к этому выгодному для румынских политических видов делу и в союзе с теми же румынами приступить к солидарному обеспечению и наших русских церковно-народных интересов. Два Палестинских Общества: русское и румынское также могли бы столкнуться относительно своей совместной деятельности в Св. Земле в духе взаимного уважения своих интересов. Если теперь будет установлен принцип русского покровительства православию после войны с Турцией, то румынские церковные и благотворительные учреждения, так же, как и русские, сами будут заинтересованы в том, чтобы установить наилучшие и корректные отношения с дипломатическими агентами державы-покровительницы и с другими русскими учреждениями в Св. Земле.

Автор "Краткой заметки" с большим опасением отмечает то обстоятельство, что "у нас, кажется, нет ни одного ученого труда специально по истории Иерусалимской Церкви и только в будущем намечается таковой в виде продолжения труда проф. Соколова", что поэтому мы, будто бы, недостаточно подготовлены к решению иерусалимского вопроса. Не так давно наше общество издало капитальный труд с материалами по истории Иерусалимской Церкви³⁸, есть и отдельные исследования, но полной истории Иерусалимской Церкви от ее начала до последних дней, кажется, действительно нет. Но я думаю, что для разрешения интересующего нас практического вопроса он не так уж необходим. Я очень рад констатировать тот факт, что почтенный профессор, на которого ссылается "Краткая заметка" и который работает над историей Иерусалимской Церкви, И.И. Соколов в недавно вышедшей на правах рукописи записке своей³⁹, отстаивая, как и я, принцип русского протектората в Палестине, в ясных и не допускающих перетолкования категорических выражениях высказывается против сохранения узко-национального характера иерусалимского Святогробского братства (п.3), за "преобразование его на началах вселенского православия (п.4), за "равночестность" представителей Русской Церкви с представителями Греческой и других Церквей (п.5). Мнение профессора

И.И. Соколова для меня особенно ценно потому, что из современных церковных историков, работающих над этим предметом, он едва ли не самый крупный теперь византолог, изучивший историю греческого Константинопольского Патриархата и в его отношениях к Иерусалимской Церкви в ближайшую к нам эпоху турецкого владычества на Востоке; притом он человек, знающий Восток не по одним архивным документам, но много раз изъездивший его в разных направлениях, владеющий древним и новым греческим, любящий греческую культуру, греческий народ, греческую церковь, посвятивший их любовному изучению долгие годы упорного ученого труда, словом, человек, которого никак нельзя заподозрить в эллинофобии и который при несомненном эллинофильстве и преклонении пред греческим гением сумел сохранить беспристрастие ученого историка. Правда, защищаемую им идею преобразования Святогробского братства на началах вселенского православия и вопреки узко национальным греческим тенденциям, идею равночестности делегатов других Православных Церквей с греческими иерархами он пока еще не конкретизирует в формуле кондоминиума, как это делаю я; но едва ли можно с успехом оспаривать ту мысль, что идея кондоминиума в сущности является только практическим выводом, конкретизацией, приложением к практике церковной жизни тех общих принципов, которые г. Соколов принял под свою защиту. Во всяком случае, он не сторонник отсрочки разрешения вполне назревших настоящих вопросов иерусалимского status'a в неопределенное будущее, до окончания детального ученого обследования их в прошлом. Он настаивает на их немедленном разрешении в интересах прежде всего: Православной Вселенской Церкви, а потом уже: и в интересах отдельных народов, входящих во вселенский православно-церковный союз. На этой же точке зрения стою и я в данном вопросе.

Разумеется, и я все эти соображения высказываю здесь в виде личного моего мнения, сложившегося во мне под впечатлениями палестинской жизни за последние 12 лет; эти предположения, как и все на свете, могут оказаться ошибочными, односторонними, недостаточно продуманными. Поэтому я и не настаиваю на внесении в записку Общества категорических предложений кондоминиума в Иерусалиме, как единственного целесообразного исхода из создавшихся затруднений. Вопрос этот придется решать не Палестинскому Обществу, а Министерству Иностранных Дел и Святейшему Синоду; мнение Общества по этому вопросу останется частным мнением, которое решающие инстанции могут принять во внимание, а могут не принять. Главною моею целью было только привлечь общественное внимание к такому решению, как одному из возможных и, по моему мнению, наиболее целесообразному. В предвидении разнообразных возражений против этой идеи с разных точек зрения, я и внес в записку на стр. 20 предложение предварительно обсудить этот вопрос в между-

ведомственной комиссии, которая, может быть, найдет и другое лучшее решение, более соответствующее интересам православия и славянства. Для конкретных целей Общества в этом деле окажется вполне удовлетворительной более широкая и общая, менее определенная и конкретизированная формула в п.7 на стр. 22: “предоставление России разрешить греко-арабский спор в Палестине, как вопрос внутренних отношений в Православной Церкви, по соглашению с заинтересованными сторонами или при посредстве собора Православных Поместных Церквей”. “Краткая записка” против такой общей формулы не возражает и, по-видимому, считает ее приемлемой.

По иорданскому вопросу (№44 “отдельной заметки”) я лишен возможности внести какие-либо поправки, потому что, во 1-х, о представлении Консульства в Министерство по этому вопросу и его содержании мне и, кажется, Совету Общества, доселе ничего не было известно, во 2-ых, в нем приняты во внимание только общие интересы России и частные интересы Православной Иерусалимской Церкви, но по-видимому нет речи о частных интересах И.П.П. Общества и Русской Духовной Миссии; по крайней мере, в “отметках” об этом ничего не сказано.

Я полагаю, что какие-либо изменения, относящиеся к этому вопросу, места из записки могут быть внесены только по ознакомлении с содержанием представления консульства и рассмотрении этого вопроса Советом Общества.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть
Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Павел Рязжский.

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д.6. л.213–232.

11. ОТНОШЕНИЕ СОВЕТА ИППО К ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОНСУЛУ В ИЕРУСАЛИМЕ
А. Ф. Круглову. Петроград, 1 июля 1915 г. Отпуск.

Милостивый Государь
Алексей Федорович.

Имею честь уведомить Ваше Высочордие, что Совет ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского Общества, заслушав в заседании 29 мин<увшего> мая сообщение Вице-Председателя Общества о том, что Вы изволили по его просьбе рассмотреть составленную Управляющим подворьями Общества в Иерусалиме и Инспектором Палестинских школ Общества П. И. Рязжским записку под заглавием: “Вопросы, связанные с восстановлением деятельности ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Па-

лестинского Общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией” и представить по ней Ваши письменные соображения и замечания, постановил принести Вам искреннюю благодарность за принятый Вами на себя труд и сообщенные по упомянутой записке замечания.

Прошу Вас принять уверение в искреннем уважении и преданности.

/Подп./ <Секретарь ИППО> А. Дмитриевский

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д. 6. л. 237—237об.

12. Письмо сенатора М.Н. Галкина-Враского Вице-Председателю ИППО князю А.А. Ширинскому-Шихматову. Царское Село, 16 июня 1915 г. Подлинник.

Милостивый Государь,
Князь Алексей Александрович.

Просмотрев доставленную мне Вашим Сиятельством записку по вопросам, связанным с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Св. Земле по окончании войны с Турцией, я чувствую себя обязанным хотя письменно заявить о том, что по поводу этой записки сказал бы в заседании Совета Общества 29 минувшего мая, если бы мог быть в этом заседании.

По моему мнению, в означенной записке, исходящей от наиболее других осведомленного в вопросах касательно земли Общества и подлежащей, вероятно, направлению в высшие административные учреждения, менее осведомленные с церковно-народною сутью этих вопросов, слишком мало уделено внимания и места вопросу относительно возможности более близкого участия России в дальнейших судьбах Св. Земли в смысле поставления ее под протекторат Православной Российской Державы.

Если по соображениям, ведомым тем, кто ближе стоит к Палестинским делам, представляется ныне трудно осуществимым всецелое подчинение Сирии и Палестины политическому влиянию России, то настоящий момент союзнических отношений России с Англией и Францией не дает ли оснований проектировать будущее устройство управления если не всей Сирии и не всей Палестины, то Св. Града Иерусалима, всем христианам одинаково дорогого и родного, на началах совладения с подведомыми каждой из союзных держав секторами в городе, как это уже и бывало и, кажется, ныне существует в одном из китайских городов, с большим удобством и пользой для разнородных национальных групп.

Разработка вопроса о таком устройстве быта в Иерусалиме едва ли заинтересует тех, кто смотрит на палестинские вопросы исключительно с общих политических точек зрения. Палестинскому же Обществу, как выразителю и охранителю наших народных *ria desideria*⁴⁰, не только уместно, но и обязательно высказать с решительностью и обстоятельностью то *rium desiderium*, в осуществимость коего, — по записке (стр. 50), — при настоящих условиях мало кто будто бы верит.

Примите мое искреннее уверение в совершенном к Вам уважении и глубокой преданности.

Галкин-Враской.

Пишу Вам из Царского Села, куда переехал в последнее время на дачу (Колпинская, 25), т.к. более дальняя и желательная поездка к себе в имение Казанской губернии мне пока не по силам, хотя мне теперь, слава Богу, гораздо лучше, но все еще упорствует бронхит, осложненный одышкой, при большой физической слабости. Крепко жму Вашу руку, дорогой Князь.

АРП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д.6. Л. 234–235об.

13. ОТНОШЕНИЕ СОВЕТА ИППО К МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
С.Д. САЗОНОВУ. ДОВЕРИТЕЛЬНО. ПЕТРОГРАД, 21 ИЮЛЯ 1915 Г. ОТПУСК.

Милостивый Государь
Сергей Дмитриевич.

Во исполнение постановления Совета Императорского Православного Палестинского Общества от 29 минувшего мая имею честь препроводить при сем Вашему Высокопревосходительству 10 экземпляров печатной записки под заглавием: «Вопросы, связанные с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией», с покорнейшею просьбою не отказать принять во внимание означенную записку, как выражение мнения и основанных на многолетнем опыте пожеланий Совета Общества, при выработке по окончании войны мирного договора с Турцией.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Подписано: Ваш покорный слуга протоиерей П. Соколов⁴¹.

АВП РИ Ф. РИППО. Оп. 873/1, д.6. Л. 239

14. ОТНОШЕНИЕ СОВЕТА ИППО К ОБЕР-ПРОКУРОРУ СВ. СИНОДА
А.Д. САМАРИНУ. ПЕТРОГРАД, 21 ИЮЛЯ 1915 Г. ДОВЕРИТЕЛЬНО. ОТПУСК.

Милостивый государь
Александр Дмитриевич.

Во исполнение постановления Совета Императорского Православного Палестинского Общества от 29 минувшего мая имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству 10 экземпляров печатной записки под заглавием: «Вопросы, связанные с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией», с покорнейшею просьбою не отказать принять во внимание означенную записку, как выражение мнения и основанных на многолетнем опыте пожеланий Совета Общества, при обсуждении Святейшим Синодом вопросов, связанных с будущим, по окончании войны, устройством церковных дел на Ближнем Востоке.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Ваш покорный слуга
Протоиерей П. Соколов.

АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д. 6, л. 238–238 об.

Сост., подг. текста, вступит статья и комм. Н.Н. Лисового

¹ Так, в 1910–1911 отчетном году (Общество отчитывалось по старинному, за «мартовский» год, лишь с 1914 г. была введена обычная январская отчетность) на подворьях в Иерусалиме проживало 8994 паломника, из них 5003 человека было принято одновременно к празднику Пасхи (Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 8 апреля 1912 г. // Сообщения ИППО. 1912. Т. XXIII. Вып. 2. С. 196).

² Там же. С. 204, 205.

³ Россия в Святой Земле: документы и материалы / Сост. Н.Н. Лисовой. Т. 1. М., 2000. С. 381–382.

⁴ Там же. С. 382–403

⁵ Павел Иванович Рязский, первоначально (с апреля 1904 г.) инспектор учебных заведений ИППО в Галилее, выдвинулся в первый ряд русских деятелей в Палестине в 1905–1906 гг., когда возглавил, по настоянию Совета Общества, Строительный комитет по возведению Николаевского подворья в Иерусалиме. В 1910 г., после известной ревизии русских учреждений Общества А.А. Дмитриевским, сменил Н.Г. Михайлова на посту управляющего Русскими Подворьями (АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 599, л. 219, 231).

- ⁶ Россия в Святой Земле: документы и материалы/Сост. Н.Н.Лисовой. Т.1. М., 2000. С.299–313. В ближайшие месяцы будет завершено издание нового, расширенного и переработанного, 3-томного сборника. Указанный доклад печатается в третьем томе, полностью посвященном истории ИППО.
- ⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. Репринт: М., 1991. С.317–318.
- ⁸ Материалы Совещания, так и не приведенные в какой-либо окончательный беловой вид, содержатся в двух объемистых папках в фонде Палестинского Общества в Архиве внешней политики Российской Империи (ф. РИППО, оп. 873/1, д.6, т.1–2).
- ⁹ Из выступления секретаря ИППО профессора А.А.Дмитриевского (ф. РИППО, оп. 873/1, д.6, т.1, л.177, 183).
- ¹⁰ Там же, л. 192.
- ¹¹ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д.599, л.196.
- ¹² В основу публикации положен окончательный текст, с учетом всех полученных замечаний (поэтому и указана дата малотиражного, но высокой печатью выполненного издания, разосланного Советом ИППО в МИД и Св. Синод). Места, исключенные или иначе сформулированные Рязским сравнительно с первоначальным вариантом, приводятся в примечаниях.
- ¹³ Первоначально, в авторской редакции П.И.Рязского, документ имел следующее заглавие: «Докладная записка инспектора Палестинских учебных заведений и управляющего подворьями Императорского Православного Палестинского Общества о восстановлении деятельности Палестинских и Сирийских учреждений по окончании войны с Турцией» (АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 6, л. 156).
- ¹⁴ Курсив здесь и далее принадлежит автору доклада.
- ¹⁵ После этой фразы следовал вычеркнутый при редактировании пассаж о посещении Иерусалима кайзером Вильгельмом: «Подлинные чувства «братства» к России, тщательно скрываемые от влиятельных русских, не скрываются пред другими иностранцами. 18 октября 1898 г. император Вильгельм II, любезно принявший Патриарха Дамиана в своей иерусалимской ставке, благодарил за прием, оказанный ему согласно желанию покровителя всего Православия русского императора, подчеркивал свое уважение к правам русского царя и дружеские чувства к России. Не желая понять этого, Патриарх на слова императора, намеренно не упоминавшего о султанине, заговорил о благодеяниях «своего славнейшего и миролюбивейшего повелителя». При посещении Патриархии 21 октября император Вильгельм опять настойчиво подчеркивал, что он счастлив приемом от православного мира, в котором первое место принадлежит России, и в отношении к Православию вполне разделяет чувства всероссийского императора, а Патриарх не менее настойчиво говорил о «чести принимать друга и дорогого гостя своего повелителя». По поводу этого бестактного стремления греков подчеркнуть свою дистанционность от России император сказал иерусалимскому немецкому генеральному консулу Тишendorфу: «странно, что, когда я говорю о русском государе, греки немедленно заводят речь о падишахе» (там же, л. 157). См. комментарий к этому эпизоду в «Отдельных отметках» А.Ф.Круглова (ниже, документ № 7, прим. 5).
- ¹⁶ «Известный круг уже создан» (примечание А.Ф.Круглова: ниже, док. № 7).

- ¹⁷ Далее вычеркнута фраза: «В Великую Субботу прошлого года на церемонии Священного огня заместитель греческого консула позволил себе демонстративно удалиться только потому, что персоналу консульства не была уступлена ложа, ранее обещанная особе, принадлежащей по рождению к Русскому Императорскому Дому, а место для консульства было отведено ниже этой ложи» (л. 157об.). Речь идет о присутствии на богослужении в храме Гроба Господня молодой княжеской четы Ф.Ф. и И.А. Юсуповых, совершавших весной 1914 г. свадебное путешествие и прибывших в Иерусалим к празднику Пасхи. Княгиня императорской крови Ирина Александровна (1895–1970) была дочерью великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, т.е. родной племянницей по матери императора Николая II. См. также комментарий к данному сюжету непосредственного участника событий русского генконсула в Иерусалиме А.Ф.Круглова (док. № 7, прим. 8).
- ¹⁸ *Лат.* 'блаженны обладающие' и 'разделяй и властвуй'.
- ¹⁹ В первоначальном тексте конкретнее: «В бюджетной комиссии Государственной Думы, рассматривавшей смету Св. Синода на 1914 год, было высказано пожелание...» (АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 6, л. 167об.).
- ²⁰ Далее шел текст: «и не прививаются мужские монастыри. Сама Духовная Миссия не является в собственном смысле ни общежительным монастырем, ни миссионерским учреждением, так как члены ее все состоят на жаловании и, исправляя требы и службы для русских паломников, собственно миссионерским делом не занимаются и не могут пока заниматься» (там же, л. 169).
- ²¹ Далее опущен абзац: «По частным сведениям от прибывших из Палестины служащих Общества, теперь, во время войны, турки не считаются с обещанными французам концессиями и правление Геджасской дороги пользуется благоприятным моментом и стратегическими соображениями штаба турецкой армии, направленной к Египту, чтобы начать работы по сооружению железнодорожного полотна между Набулусом и Иерусалимом. С русской точки зрения было бы весьма желательно, чтобы эта дорога была если не закончена, то начата постройкой до заключения мира. Однако турецкое безденежье и неудача движения к Суэцкому каналу мало дают надежды на быструю постройку железнодорожного полотна между Набулусом и Иерусалимом. После войны, без сомнения, переговоры о возобновлении этих концессий между французским и турецким правительствами должны возникнуть опять, так как французы, наверное, потребуют возвращения дорог, захваченных у них турецкими военными властями, а равно и восстановления выговоренных концессий» (там же, л. 173об.).
- ²² За последней фразой следовал текст: «В заключение, считаю долгом коснуться двух частных вопросов. Начальник Назаретской учительской семинарии А. Г. Кезма, родом из Дамаска, получивши образование в России и здесь принявший русское подданство без разрешения турецкого правительства, а посему и не признаваемый последним в качестве русского подданного, давно добивается такого признания ради своей многочисленной семьи. Исполняющий должность бухгалтера подворий К. Петропуло, грек, родившийся и служивший в России, женатый на русской, но оттоманского подданства, давно и много раз ходатайствовал о переходе в русское подданство. Кезма

- много раз обращался по этому вопросу и в посольство, и в Совет Общества, и к Августейшему Председателю Общества. Везде его просьбы благосклонно принимались, но успеха не имели по обстоятельствам, зависевшим всецело от турецких министров внутренних дел. После восстановления мирных отношений между Россией и Турцией русскому послу в Константинополе было бы нетрудно уладить этот маленький вопрос, имеющий однако серьезное значение для личной судьбы этих двух старослужащих Общества. Принимая то или иное участие во всех их ходатайствах, направляемых в разные стороны, я пользуюсь этим случаем, чтобы оставить памятную заметку об этом давнишнем вопросе, почти всецело зависящем от желания турецкого министра быть любезным по отношению к нашему послу и предупредительным к скромным просьбам со стороны последнего» (там же, л. 180–180об.).
- ²³ В первоначальной редакции концовка была более пространной. После слов «всех христианских народов» шел текст: «Разрешение этого вопроса в соответствии с высшими интересами христианства, возможно, будет только при том условии, если Святая Земля не станет исключительной собственностью одного какого-нибудь народа или государства, а превратится в нейтральную страну глубокого ненарушимого мира. Говорят, что это неосуществимая мечта, что турки и ислам должны остаться высшим арбитром, третейским судьей в спорах между христианскими странами в Святой Земле. Настоящая Записка считается с этим весьма распространенным мнением. Пусть это мечта и пока недостижимый идеал, но стыдно было бы христианским народам после этой величайшей войны из-за всеобщего мира не сделать еще одного практического шага для того, чтобы приблизиться к осуществлению этой мечты» (там же, л. 181).
- ²⁴ Подчеркнуто здесь и далее М.П. Степановым.
- ²⁵ Святой Иаков, брат Господень, был, по преданию, первым епископом Иерусалимским. Патриархами епископы Иерусалимские стали именоваться с 451 г. (Гидулянов П.В. Восточные Патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Историко-юридическое исследование. Ярославль. 1908).
- ²⁶ Знак вопроса принадлежит М.П.Степанову.
- ²⁷ Россия, стоящая во главе Православия, — и не имеет своего алтаря при Гробе Господнем!
- ²⁸ Война все затормозила.
- ²⁹ Румынский профессор, кажется, церковного права, Дмитриевский или Димитреску, член нового, несколько лет тому назад учрежденного Румынского Палестинского Общества по устройению румынской православной церкви в Иерусалиме давно уже высказывал доверительно такую же мысль о создании Международного Православного Синода в Иерусалиме, как о весьма выгодном для румынских полит<ических> видов деле.
- ³⁰ У нас, кажется, нет ни одного ученого труда специально по истории Иерусалимской Церкви, и только в будущем намечается таковой в виде продолжения труда профессора <И.И.> Соколова.
- ³¹ Александр Гаврилович Яковлев (1854–1909), русский генеральный консул в Иерусалиме в 1897–1907 гг.
- ³² Германский император Вильгельм ??, посетивший Иерусалим в 1898 г. в связи с освящением лютеранской церкви Христа Спасителя близ храма Гроба Господня.

- ³³ В 1910 г., для присутствия на освящении лютеранской церкви Вознесения и госпиталя императрицы Августы Виктории на Елеоне.
- ³⁴ Здесь и далее подчеркнута П.И.Ряжским.
- ³⁵ Высказывались и такие суждения (см., напр., статью архиепископа Антония (Храповицкого) «Чей должен быть Константинополь?»). Подробнее: Лисовой Н.Н. Три церковно-политические утопии ?? века (в настоящем сборнике).
- ³⁶ Третьего радующегося (*лат.*).
- ³⁷ Сравнение — не аргумент (*фр.*).
- ³⁸ Материалы для истории Иерусалимской Патриархии ?VI-XIX века. СПб. Т. 1. 1901; Т. 2.1904.
- ³⁹ См. в настоящем сборнике, в приложении к статье: Лисовой Н.Н. Три церковно-политические утопии ?? века.
- ⁴⁰ Благочестивых пожеланий.
- ⁴¹ Митрофорный протоиерей Петр Соколов, член Совета ИППО и Училищного Совета при Св. Синоде.

К 110-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ ГИБЕЛИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
(1905–2015)

**«С ДАЛЕКИХ ВОД ВОСТОКА»:
ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ
АЛЕКСАНДРОВИЧА
К КНЯГИНЕ С.Н. ГОЛИЦЫНОЙ
О ПОЕЗДКЕ НА ВОСТОК (1888 г.)**

В фонде Российского государственного архива древних актов хранятся письма великого князя Сергея Александровича к соседке по имени княгине Софье Николаевне Голицыной (1851–1925), урожденной Деляновой. Супруг Софьи Николаевны Голицыной, Владимир Михайлович Голицын (1847–1932), с 1887 по 1891 г. служил гражданским губернатором Москвы, а затем, до 1905 г., московским городским головой, вел общественную, в том числе благотворительную работу (среди прочего, являлся попечителем Сергиево-Елисаветинского приюта в с. Всехсвятском). Его семья принадлежала к так называемым *Голицыным с Покровки* — одной из ветвей этого обширного княжеского рода. Помимо дома на Покровке в Москве, семья владела старинным имением Петровское, расположенным по соседству с Ильинским — имением великого князя Сергея Александровича.

Сохранившаяся корреспонденция охватывает период с 1884 по 1900 год. Помимо того, что она расширяет наши представления о жизни и о характере великого князя, в них есть высказывания, касающиеся его супруги, великой княгини Елизаветы Феодоровны. По словам сына Софьи Николаевны Михаила Голицына, великий князь «всегда дружил» с соседкой по имени¹, и это подтверждают тон и содержание писем, которые в самом деле носят доверительный характер.

Выразителен и тот факт, что Сергей Александрович находил время и силы писать Софье Николаевне в пору каких-либо испытаний или больших эмоциональных и физических нагрузок — как, например, в тревожное время накануне перевода в Москву, в радостные дни, когда состоялась помолвка цесаревича Николая Александровича, или в траурную пору после кончины великой княгини Александры Георгиевны.

Особое место в фонде занимают письма о путешествии на Ближний Восток осенью 1888 г. Эта поездка, о которой к настоящему времени до-

статочно много написано², имела своей главной целью присутствие на освящении храма св. равноапостольной Марии Магдалины в память матери великого князя. Бесспорно, были у этой поездки и другие, политические задачи и последствия, которых, однако, Сергей Александрович в своих письмах к Голицыной не касается. По своему характеру это краткие зарисовки путешественника, неизбежно перекликающиеся, вплоть до текстуальных совпадений, с письмами великого князя другим адресатам — брату-императору, цесаревичу Николаю, ближайшему в те годы другу великому князю Константину Константиновичу³. Однако, если письма к родным отличались подробностью в деталях, к другу — акцентами на впечатлениях от православных святых, то Голицыной Сергей Александрович отправлял художественные зарисовки увиденного, которые будет интересно прочитать хорошей знакомой: о красоте пейзажей, о посещении гарема, о подъеме на пирамиду. О религиозных переживаниях великий князь сообщает мало, но емко, что придает особенную выразительность оценке: «такая благодать», «утешительное чувство».

Паломничество 1888 г., как и другие высочайшие путешествия, заранее расписывалось по специальной программе. Сохранившийся в Российском государственном историческом архиве маршрут (ф. 526, оп. 1, д. 23) позволяет уточнить, какие лица принимали участие в поездке, как вдумчиво и в деталях планировалось путешествие. Все паломничество длилось с 11 сентября (отплытие из Одессы) по 14 октября (прибытие в Афины). Сопоставление официального маршрута с опубликованным отчетом и письмами Сергея Александровича говорит не только о том, что программа была выполнена, но и о том, что двор великого князя сумел отлично организовать и провести мероприятия высочайшего уровня, которые среди прочего представляли всему миру деятельность Императорского Православного Палестинского общества, а также личную ответственность и скрупулезность его председателя. Публикуемые письма отображают пребывание высочайших паломников в Константинополе, Святой Земле и в Каире с его окрестностями.

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка.

- 1 Голицын М.В., кн. Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 104.
- 2 *Некоторые документы и исследования*: Великая княгиня ЕлисаветаФеодоровна и император Николай II : док. и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 104–111; Путешествие в Святую Землю Великих Князей Сергея и Павла Александровичей и Великой Княгини ЕлисаветыФеодоровны // Великий Князь Сергей Александрович Романов : биограф. материалы. Кн. 4 : 1884–1894. М., 2011. С. 145–155; Антонин (Капустин), архим. Пребывание вел. князей Сергея Александровича, Павла Александровича и

- вел. кнг. Елизаветы Федоровны в Иерусалиме в 1888 г. // Строительство церкви Святой Марии Магдалины на Елеонской Горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1885–1888 / Сост. К.А. Вах, Г.И. Вздорнов, Н.Н. Лисовой. М., Индрик, 2006. С. 112–119; Великий Князь Сергей Александрович Романов на посту Председателя Императорского Православного Палестинского общества : ист. очерк. М., 2009. С. 149–153; Лисовой Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле : учреждения, люди, наследие // Отечественная история. — 2003 — № 3. — С. 91–92; *биографии*: Миллер Л. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. М., 2006. С. 58–61; Warwick Ch. Ella — Princess, Saint and Martyr. Chichester, 2006. P.143–146.
- 3 Великий князь Сергей Александрович Романов : биографические материалы. Кн. 4... — С. 172–174, 180–183, 191–195.

1. Великий князь Сергей Александрович — княгине С.Н. Голицыной.
КРЕЙСЕР д[ОБРОВОЛЬНОГО] Ф[ЛОТА] «КОСТРОМА»¹ НА ПЕРЕХОДЕ ИЗ ЦАРЬГРАДА
В СМИРНУ. 17-ГО СЕНТЯБРЯ 1888 Г.

С далеких вод Востока позвольте мне, дорогая Софья Николаевна, от всей души поздравить Вас с днем Ангела² — вспоминая, как часто в этот день мы ездили к Вам в Петровское³. Сегодня утром мы покинули Царьград, где провели четыре прелестных дня. Погода все время стояла дивная, жаркая. В первый же день нашего приезда мы поехали к султану⁴; вид у него больной и хотя ему всего 46 лет — он выглядит почти стариком. С нами он был любезности удивительной — одарил нас всякими подарками. Мы у него обедали два раза и присутствовали на «саламликке»⁵, иначе его поездка в мечеть для молитвы, которая окончилась парадом; это было удивительно красиво и эффектно — все происходило на горе у султанского дворца Ялдызь⁶, а фоном служил Константинополь и Босфор с его голубыми водами и горами, покрытыми розовой дымкой — и *sefutvraimentravissant*⁷. 15-го был обед и раут у нашего посла в Буюкдере⁸ — ночь дивная, лунная и весь вечер происходил на громадной террасе — действительно было красиво! На ночь мы всегда возвращались на «Кострому», которая стояла на якоре около Золотого Рога. Конечно, от Св. Софии мы были в восторге — оторваться было трудно. Как <я> уже говорил, по восточному обычаю султан нас одарил; вообразите себе, что жене он дал огромных размеров медальон, усыпанный громадными брильянтами, нам портсигары, массу табаку и в придачу всякую живность — уморительно⁹. Вчера жена с дамами был[а] в гареме султана и видела всех его жен, говорят, не отличаются красотой, да еще все крашены, а мать его трепала жену по щеке (тоже восточная любезность). 11-тилетняя дочь султана¹⁰ играла на фортепьяно «Боже, Царя храни».

А за сим пора кончать. Если вспомните, напишите. Надеюсь, наш садовник Вам послал букет фиалок, как то ему было приказано. Храни Вас Господь. До свидания. Ваш Сергей.

Ф. 1263, оп. 6, д. 615, л. 19–20об.

¹ «Добровольный флот России» — пароходство, созданное в 1878 на добровольные пожертвования населения. Главная его цель - развитие торгового мореплавания в мирное время и подготовка резерва кораблей на случай войны. Большинство судов носили названия губернских городов России.

² 17 сентября по ст. ст. отмечается день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Великий князь поздравлял Софью Николаевну, обыкновенно посылая ей фиалки (см. далее в письме и, например, в: РГАДА, ф. 1263, оп. 6, д. 614, л. 12–12об).

- ³ Подмосковное имение князей Голицыных, ныне Петрово-Дальнее. Располагается неподалеку от Ильинского, которым владел великий князь Сергей Александрович.
- ⁴ Султан Абдул Хамид II (1842–1918), правил с 1876 по 1909 г.
- ⁵ Турецкое «комната для приветствий», парадное помещение на мужской половине мусульманского дворца.
- ⁶ Современное написание — Йылдыз (турецкое «звезда») — дворцово-парковый комплекс в Константинополе.
- ⁷ Это было поистине восхитительно (фр.)
- ⁸ В Буюкдере находились летние резиденции европейских посольств. С этим поселком связаны интересные страницы русской посольской деятельности на Востоке. «В подаренном султаном российскому посольству месте возникла дача, где в 1818 была устроена домовая церковь [...] Богослужения шли с перерывами, из-за частых разрывов дипломатических отношений России и Турции. [...] В 1867 [...] церковь была перестроена и вновь освящена» В период установления дипломатических отношений Турции и СССР храм был закрыт. Снова освящен в 2009 г. В 1888 г. должность российского посла в Османской империи занимал известный дипломат А.И. Нелидов, который спланировал для высочайших гостей программу их пребывания в Константинополе.
- ⁹ В письме к цесаревичу Николаю Александровичу от 20 сентября великий князь уточняет: «...Для команды он прислал несметное количество баранов, индеек, кур, уток и т.п.» (Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II... С.104).
- ¹⁰ Возможно, Фатьма Наиме Султан (1875–1945).

2. Великий князь Сергей Александрович — княгине С.Н. Голицыной.
Иерусалим. 4-го октября 1888 года.

Не могу не написать Вам хоть несколько слов, дорогая Софья Николаевна — из Св. Града; прибыли мы сюда 29-го сент[ября] в 4 ч. — неопи- санное чувство снова испытал я у Гроба Господня — такая благодать. Все эти дни ходили мы ночью к обедне то у Св. Гроба, то на Голгофе и сегодня ночью мы надеемся приобщиться Св. Тайн — такое счастье! Завтра уж мы покидаем Иерусалим — ночуем в Яффе и трогаемся далее в Египет. 1-го окт[ября] освятили мы нашу церковь на Елеонской горе — в память нашей матери¹ — церковь прелестна — утешительное чувство видеть ее оконченной. Из Дамаска послал Вам местную газету; скажу Вам, что этот город привел нас в восторг — *c'est un r ve orientale*² — все дышит востоком и негой! Миртовые и лимонные рощи, журчание фонтанов, базары с чудными произведениями Востока, шелковые дивные ткани; на улицах ни одного европейца, всё чудные типы бедуинов — я увлекаюсь. Были мы в Назарете, где помолились в пещере Благовещения, были в

Кане Галилейской, в страшный жар и по убийственной тропинке верхом взобрались на Фавор. Жена и наши дамы слава Богу — переносят все хорошо. Православные арабы нас всюду встречают восторженно — особенно было это ощутительно на Ливанских горах — что за прелесть эти горы! Море до сих пор нам благоприятствовало; высадка трудная в Яффе была отличная. Вчера были в Вифлееме, а сегодня молились в гробнице Лазаря — в Вифании. Простите это письмо, но жара сильна, и мысли тупеют. До свидания. Храни Вас Бог. Ваш Сергей.

ф. 1263, оп. 6, д. 615, л. 21–22об.

¹ «...1-го октября, Их Императорские Высочества изволили прибыть в церковь равноапостольной Марии Магдалины, к 7 1/2 часам утра. Великие князья и Их свита были в парадной форме. По пути следования Их Высочеств, от дома русского консульства до церкви, стояли турецкие солдаты; конный конвой следовал за экипажем Великих Князей и Великой Княгини, а у ворот церковной ограды стоял почетный караул с музыкой, которая, при приближении Их Высочеств, заиграла русский гимн. По выходе из экипажа у ворот Их Высочества направились пешком к церкви при звоне колоколов вновь построенной церкви и русской церкви Вознесения, построенной о. Архимандритом Антонином на вершине Елеонской горы; на площадке, против храма, были выстроены матросы, в числе 90 человек, с клипера «Забияка» и крейсера «Кострома», с офицерами на правом фланге. На той же площадке собрались приглашенные: губернатор Иерусалима, Реуф-паша, комендант Иерусалима, греческий консул, русское консульство и с лишком 150 человек русских паломников. Великий Князь Сергей Александрович поздоровался с командой, обошел ее фронт, и затем Их Высочества поднялись по лестнице в церковь, в дверях которой были встречены Блаженнейшим Никодимом с двумя архиереями и нашей Духовною Миссией в облачении. Когда Их Высочества вступили в церковь, Патриарх поднял с аналоя Св[ятые] мощи, после чего начался крестный ход кругом наружных стен храма. [...] После третьего обхода врата растворились, и духовенство, а за ним и Их Высочества вступили в храм. Началось освящение по чину, согласно православному уставу, причем молитвы Патриарх читал по-славянски. Пока Его Блаженство приготавливал ковчег со Св[ятыми] мощами, Св[ятое] миро, антиминос и все остальные предметы, необходимые для освящения, Их Высочества находились в алтаре. При положении Св[ятых] мощей в ковчег Патриарх троекратно провозгласил вечную память Императрице Марии Александровне; хор пропел вечную память, и все присутствовавшие опустили на колени. Минута была торжественная и в высшей степени трогательная» (цит. по: Путешествие в Святую Землю Великих Князей Сергея и Павла Александровичей и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны // Великий Князь Сергей Александрович Романов... Кн. 4... —С. 149–150).

² Это — восточная греза (фр.)

3. Великий князь СЕРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — княгине С.Н. Голицыной.
Каир. 10 октября 1888 года.

Должен Вам написать, дорогая Софья Николаевна, из этого чудного места, куда мы прибыли три дня тому назад. Переход из Яффы сюда вначале был тихий, а под конец нас сильно покачало, так что все дамы были больны; в 9 ч. вечера мы уже входили в Порт-Саид, и всей качке был конец. Сюда мы прибыли по Суэцкому каналу¹ и частью по чугунке очень поздно 7-го окт[ября] — были встречены торжественно хедивом² и привезены сюда во дворец, который находи [утрата текста] на острове [утрата текста] Нилом — [утрата текста] роскоше[н], размером великолепен; с одной стороны он омывается Нилом³ — сад тропический — про пальмы я уж и не говорю — это что наши березы. Тут все живописно — лунные ночи: один восторг! Нил с его оригинальными лодками и парусами — точно крылья громадной птицы. Вчера мы ездили на пирамиды — дорога идет по дамбе, а с обеих сторон вода (разлив Нила) и из воды выплывают деревеньки, пальмовые рощи; подъезжая к пирамидам, мы были встречены шейхом бедуин<ов> с массой подвластных ему всадников и музыкой и ружейными выстрелами — шум, гам ужасный, но красиво. Вы можете меня поздравить — я, с помощью трех бедуинов, взобрался на пирамиду Хеопса, совсем не так трудно и даже забавно — бедуины ловко вам помогают и в четверть часа я был наверху — трое из наших господ сделали то же самое. Конечно, какой-то фотограф меня снял у ног Хеопсовой пирамиды. Против пирамид и знаменитого сфинкса — была разбита роскошная палатка, где мы прохлаждались; сфинкса, с его вечно загадочной улыбкой, мы осмотрели со всех сторон — его теперь очищают от песков. В этот же день мы обедали у хедива по-турецки. Сидели за круглыми столами, подавали до 25 различных блюд — вообще вкусные, но между [ними] попадались и сладкие блюда; хедив ел пальцами и мы следовали его примеру — умерительно. По окончании обеда всем подают лоханки с водой для мытья рук. Сегодня утром мы ездили в Сахару осматривать остатки от древнего Мемфиса — я наслаждался ездой на верблюде — замечательно удобно и приятно — нужно только крепко держаться, когда он встает и когда ложится. Мой дромадер был великолепно убран чудным седлом, весь шитый золотом по малиновому бархату. Жена ездила на ослике — здесь они замечательно красивы — почти белые и шибко бегут. Должен еще Вам описать прелестный вечер, устроенный для нас на «дахабии»⁴ — род большой лодки, стоящей на Ниле — все было убрано цветами, иллюминировано — с другой лодки был пущен фейерверк, другие лодки, покрытые шкаликами⁵, сновали мимо нас — прибавьте к этому теплую, лунную ночь, и Вы получите картину праздника в Каире; действительно было прелестно! Очень живописные узкие улицы, покрытые сверху парусиной, чтобы оградиться

от солнечных лучей — помните мою акварель Маковского⁶ в Ильинском. Мы, вероятно, останемся еще два дня здесь, а засим поплывем к Аттике. До свидания, дорогая Софья Николаевна — надеюсь получить от Вас весточку. Храни Вас Господь. Ваш Сергей.

ф. 1263, оп. 6, д. 615, л. 23–26.

- ¹ По Суэцкому каналу до Измаила (соврем. Исмаилия) высочайшие гости плыли на яхте египетского хедива, а затем по железной дороге отбыли в Каир.
- ² Титул вице-султана Египта и Судана. В 1888 г. хедивом был Тауфик-паша (1852–1892).
- ³ Остров Гезира на реке Нил, где располагался дворец хедива, построенный в XIX в.
- ⁴ Дахабия — арабское судно под двумя парусами, на котором путешествовали по Нилу.
- ⁵ Небольшие разноцветные стеклянные сосуды с маслом и фитилями. Использовались для праздничных иллюминаций.
- ⁶ Русские художники братья Маковские посетили Египет в 1874 году. Одно из полотен, созданных К.Е. Маковским под впечатлением от поездки, приобрел император Александр III, впоследствии оно было размещено в Русском музее. Серию акварельных работ о Каире написал Н.Е. Маковский. Возможно, речь идет об акварели именно его кисти.

Публ., вступит. статья и комм. О.С. Трофимовой (Москва) и С.В. Бельчинковой (С.-Петербург). Авторы благодарят за помощь в расшифровке и переводе с французского Т.В. Коршунову.

УСЫПАЛЬНИЦА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ

Р.Б. Бутова

После убийства великого князя Сергея Александровича его останки были перенесены в церковь митрополита Московского Алексия Чудова монастыря. Гроб оставался там в трапезной части с 4 по 10 февраля 1905 г. Затем, после отпевания был перенесен в монастырскую церковь Апостола Андрея Первозванного, где его поставили на небольшое возвышение в центр храма, покрыли чехлом, а поверх него покровом. «Тете пришла мысль построить часовню в склепе Чудова монастыря для погребения останков дяди. Пока шло строительство, она получила разрешение поместить гроб в одну из монастырских церквей¹», писала в своих мемуарах великая княгиня Мария Павловна.

С февраля 1905 г. по июль 1906 г. проходило сооружение церкви преподобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре. Для этого бывшую Житенную палату под Алексеевской церковью, в которой в XVII-XVIII вв. хранили муку, а в начале XX в. превращенную в склад дров, досок и мусора, с земляным полом, значительно перестроили.

Были настланы полы из ревельского (эстляндского) мрамора, прорублено окно в южной стене для дневного освящения церкви, на месте прохода, объединяющего 2 помещения Житенной палаты сооружен алтарь. В южной стене пробит проход в ризницу. Было также пробито несколько новых дверных проемов и устроены лестницы. Но самое главное, в северной стене на месте прохода в помещения под Благовещенским храмом была сделана ниша, в которой под полом устроена могила-склеп. Кирпичные стены и пол склепа были облицованы мрамором, а после погребения останков великого князя, отверстие в полу храма закрыто бетонными плитами и по ним настлан пол из мраморных плит.

Храм был устроен в подалтарном этаже Алексеевского храма, примыкающего непосредственно к Николаевскому дворцу. Освещаемый одним

лишь небольшим боковым окном, выходящим на Дворцовую площадь, с невысоким сводчатым потолком, он напоминал собой пещерные храмы. Размеры храма 8,11x10,24м., высота 5,12м. Размеры ризницы 6,19x10,24м. Длина алтаря 5,76, ширина 2,99м.

Могила и ниша в стене над надгробием находились в усыпальнице как раз под тем местом Алексеевского храма, где стола рака с мощами святителя Алексия, митрополита Московского.

«Элла водила нас в Андреевскую церковь Чудова монастыря ко гробу Сергея, а потом во вновь освященную церковь во имя преп. Сергия... Она устроена под высоким синим, с золотыми и разноцветными звездами, сводом, склон которого начинается немного выше старого, с красноватой каймой мраморного пола. Иконостас весь из чистого белого мрамора исполнен по рисункам Павла Жуковского в византийском стиле и напоминает San Minato (базилика во Флоренции, один из лучших образцов романской архитектуры) близ Флоренции. По стенам тянется кайма синего цвета по золоту с белыми и малиновыми обрамлениями. В северной стене полукруглая выемка под пологим золотым мозаичным полусводом; под ним приготовлена могила Сергею, а рядом Элла устроила место и для себя. Эта церковь бесподобно хороша, в ней таинственно-укромно»² — записал в дневнике 4 июля 1906 г. великий князь Константин Константинович.

По окончании работ 4 июля 1906 г. храм-усыпальница был освящен во имя преподобного Сергия Радонежского, а поздним вечером того же дня останки великого князя были захоронены в усыпальнице. Это был день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, день святых именин великого князя Сергея Александровича.

«Глубокое утешение, что его дорогое тело, наконец, покоится в нашей тихой маленькой церкви, осененной свыше святителем Алексием и освященной во имя преподобного Сергия», — писала великая княгиня ЕФ вел. кн. Ксении Александровне³.

Мраморный иконостас храма поражал оригинальностью своего устройства; в двух боковых его арках за местными иконами, в углублении алтарной стены, была установлена масса самых разнообразных по размеру и по форме небольших старинных икон и крестов.

В боковых частях иконостаса стоял поминальный столик, а в южной — 2 аналоя, на одном икона «Святцы», на другом в ковчеге полумантня преп. Серафима Саровского. В храме находился именно тот аналой, перед которым великий князь всегда стоял в храме за богослужением; книги, по которым он следил за церковной службой; святыни, которые были особо дороги.

Этот подземный храм иногда называют музеем древностей, поскольку в нем находились ценные вещи из коллекции, собиравшейся великим князем. По стенам храма и в ризнице было развешано множество икон

из богатого собрания Сергея Александровича, в том числе иконы XVI и XVII вв., натальный крест XIV в. в серебряном ковчеге. Здесь были иконы по случаю его рождения, иконы его детства, иконы, висевшие у изголовья кровати, иконы-благословения духовных лиц, иконы в память бракосочетания с Елизаветой Федоровной. Всего около 300 икон, складней, крестов. В храм было передано много икон и других предметов, принадлежавших Елизавете Федоровне. На многих иконах были надписи, сделанные рукой великого князя, а также дарственные посвящения.

Великая княгиня передала в храм и другие святыни, которые были особенно дороги Сергею Александровичу: евангелие императрицы Марии Александровны, 2 золотые ладанки, где хранились волосы императрицы, бархатную шапочку Митрофания Воронежского, кусочек бархата от раки Симеона Верхотурского, серебряный ковчежец с частицей мощей великомученицы Варвары. В храм была передана богослужебная утварь — на престольный крест, Дарохранительница, Евангелие на престольное, дискос, звезда, кадило, лжица. Была полка с книгами Сергея Александровича, которые входили в круг его постоянного чтения.

В ризнице было расположено множество серебряных венков, хранились иконы, облачения, пасхальные яйца, подаренные Сергею Александровичу, книги. По сводам и столпам храма были развешаны лампы — вклады отдельных лиц в молитвенную память о великом князе.

В источниках неоднократно встречаются сведения о том, что в храме стоял высокий дубовый крест с вложенными в него носилками, на которых принесли останки великого князя с площади в храм и гренадерская шинель. Перед крестом висела лампада синего стекла, оправленная в золотой браслет с сапфиром — подарок великого князя Сергея Александровича Елизавете Федоровне в день их помолвки 6 ноября 1883 г. Крест был увешан иконами, которые были подарены великой княгине в первые 40 дней по кончине Сергея Александровича.

Все собранное в храме и его ризнице служило своеобразной летописью духовной жизни Сергея Александровича, а с другой стороны — проявлением отношения к нему многих людей.

По мнению И.К. Кучмаевой, был создан не просто храм-усыпальница, но духовный музей великого человека, это было творение сердца великой княгини. «Видя непонимание, каким было окружено имя ее мужа со стороны целого ряда лиц, Елизавета Федоровна сделала все для того, чтобы представленная в храме часть духовной жизни Сергея Александровича говорила сама за себя, говорила тем, кто хотел видеть, слышать и размышлять» (С.172). **Михаил Петрович Степанов**, много лет состоящий при великом князе и которого иногда называли alter ego Сергея Александровича писал: «Лучшего молитвенного памятника не могло быть создано Тому, Кто сам так твердо, глубоко и чисто верил» (С.29).

В 1909 г. Михаил Петрович издал работу, посвященную подробному описанию Усыпальницы великого князя. И сегодня книга может служить прекрасным источником для возможного восстановления Чудова монастыря. Все иллюстрации внутреннего убранства усыпальницы, которые демонстрируются на экране, заимствованы мной из этой книги.

Однако мне также хотелось бы сказать несколько слов о людях немало потрудившихся для сооружения усыпальницы великого князя.

Это особенно важно, поскольку в разных изданиях называются разные фамилии: в комментариях к письмам и в книге «И.В. Цветаев создает Музей» автором усыпальницы назван Р.И. Клейн, автором внутренней отделки названы в разных источниках либо В.М. Васнецов (как автор фресок), либо П.В. Жуковский. Это все неверно!

Автором проекта усыпальницы стал **Жуковский**, сын русского поэта Василия Андреевича Жуковского.

Он закончил гимназию в Петербурге. Затем жил в Москве, но большую часть жизни провел за границей, где самостоятельно изучал живопись и архитектуру. Специального художественного образования Павел Васильевич не получил. Тем не менее, он был членом Общества художников исторической живописи и членом Парижского кружка русских художников, куда входили А.П.Боголюбов, К.Е.Маковский, В.Д.Поленов, И.Е.Репин, К.А.Савицкий. А в 1893 году он был избран действительным членом Академии художеств. П.В.Жуковский был знаком с Рихардом Вагнером и разработал эскизы декораций и костюмов к его операм.

Жуковский входил в ближайший круг в.кн. Марии Николаевны, президента Академии художеств и был дружен, насколько это было возможно, с императором Александром III. В одну из их бесед у топящейся печки в Гатчине была сформулирована идея памятника Александру II в Москве — просто и священо, для Кремля и для народа. Идея так зажгла Жуковского, что он тут же сделал акварельный рисунок памятника. От этой акварели и началось сооружение величественного монумента.

Почти так было и при сооружении усыпальницы — Павел Васильевич сформулировал идею, разработал, говоря современным языком, ее проект.

Его воплощением на первом этапе — от освобождения Житенной палаты от рухляди до подготовки к росписям и внутреннему убранству — занимался **архитектор Василий Петрович Загорский**.

Уже в юности, закончив учебу в Императорской Академии художеств, он получил звание «классного художника» архитектуры 2-й степени за «Проект православной церкви». Звание академика ИАХ получил за работу «Проект богадельни на 60 женщин и 30 мужчин». Загорский участвовал в подготовке московского Кремля к коронации 1883 и 1896 годов. С начала 1880-х годов — помощник архитектора, затем архитектор Московского дворцового ведомства (с 1903 года — дворцового управления); заведовал

наблюдением и руководил постройкой и перестройкой всех московских зданий, принадлежавших императорскому двору. Восстанавливал Большой Кремлёвский дворец, Малый Николаевский дворец, Потешный дворец и другие здания Московского Кремля.

Но самым значительным своим творением считал здание Московской консерватории по улице Большая Никитская, которое проектировал безвозмездно. По окончании строительства он даже подал прошение в Русское музыкальное общество о желании пожизненно занимать должность архитектора при нем. Просьбу удовлетворили.

Василий Петрович являлся одним из авторов памятника Александру II и осуществлял надзор за его сооружением. Помимо службы занимался и выполнением частных заказов. В Москве сохранилось много его зданий.

Когда все, так называемые, «грязные» работы были окончены, дальнейшее наблюдение за ходом сооружения усыпальницы было поручено **Роману Ивановичу Клейну**.

5 февраля 1905 года Цветаев писал Нечаеву-Мальцову: *«Клейн пришел со стройки, и мы занялись чаем и разговорами. Вдруг раздался какой-то неистовый звонок у телефона, Клейн побежал прежде всего выбрать таким образом звонившего. Слышу однако: «ах!» и какие-то стоны Клейна. Иду туда, вижу Романа Ивановича с остановившимися глазами и слышу произносимое упавшим голосом: «Великий Князь убит в Кремле...»*

Клейн — один из самых плодовитых и востребованных архитекторов конца XIX — начала XX века.

Родился в московской многодетной купеческой семье еврейского происхождения. Работал чертёжником у архитектора В.О.Шервуда на постройке Исторического музея. Почти двадцать лет своей жизни (1896–1912) Клейн посвятил строительству Музея изящных искусств имени Александра III.

Клейн — возможно, самый плодовитый мастер промышленной архитектуры своего времени, совмещал руководство постройкой музея с множеством частных проектов.

Работы Клейна во многом определили облик южной части Китай-города — он построил Средние торговые ряды на Красной площади, банковские здания на Варварке, 7 и Ильинке, 12 и 14. Псевдорусские особняки работы Клейна сохранились в Огородной слободе, 6 и на Шаболовке, 26. Там же, на Шаболовке, 33 — дворянская богадельня имени Ю. С. Нечаева-Мальцова, а на Малой Пироговской улице, 20 — Институт злокачественных опухолей имени Морозовых (первый в Москве раковый хоспис, ныне старое здание МНИОИ имени Герцена). По заказу благотворительного фонда П. Г. Шелапутина Клейн выстроил школы на Ленинском проспекте, 15, в переулке Хользунова, 14–18 и др.

В Серпухове Клейн выстроил здание городской думы, особняк Мараявой (ныне Серпуховский историко-художественный музей и Храм Спаса Нерукотворного Образа).

Клейн остался в революционной России и был достаточно востребован новыми властями. С 1918 и до самой смерти он работал штатным архитектором Пушкинского музея, служил в правлениях Казанской и Северной железных дорог, возглавлял кафедру МВТУ. Выполнил много проектов, оставшихся не реализованными.

Наконец, еще один очень интересный персонаж — **Клавдий Петрович Степанов**.

Видный деятель русского монархического движения, живописец, журналист. Он родился близ Москвы в дворянской семье, славной своим верным служением престолу. Один его брат Михаил стал генералом, был близок к великому князю Сергею Александровичу, другой — Филипп служил по ведомству Св. Синода, возглавляя Московскую контору, получил известность как один из первых публикаторов знаменитых «Протоколов Сионских мудрецов».

Клавдий Степанов учился на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета, но уже будучи студентом, начал посещать Академию художеств в качестве вольноприходящего ученика. По окончании университета на волне патриотического подъема, вызванного помощью братьям-славянам в их борьбе против турецкого ига, добровольцем принял участие в Русско-турецкой войне 1877–78 гг., служил в лейб-гвардии Преображенском полку. После окончания войны два года прослужил чиновником особых поручений в Министерстве финансов. Но тяга к живописи взяла свое, в 1880 г. Степанов вышел в отставку и уехал во Флоренцию, где прожил около 20 лет.

За эти годы написал ряд картин, работы живописца становятся хорошо известными любителям, охотно раскупаются коллекционерами, его работы есть во многих художественных музеях России, но лучшие находятся в Третьяковской галерее.

В начале XX в. он вернулся в Россию, сблизился с кружком московских славянофилов. В 1903 г. начал сотрудничать в ведущей консервативной газете «Московские ведомости», в своих статьях и выступлениях проявил себя горячим врагом «беспочвенного русского западничества». В 1906–07 гг. был редактором-издателем славянофильской газеты «Московский голос».

Любимым детищем последних лет его жизни была основанная при Донском монастыре иконописная школа. Степанов был «добрым гением» Павла Дмитриевича Корина.

При такой вовлеченности в общественную деятельность он находил время и для творчества. Его кисти принадлежала вся настенная живопись в храме-усыпальнице вел. кн. Сергея Александровича в Чудовом мо-

настыре, а также 4 местные иконы иконостаса и иконы на Царских вратах, остальные верхние иконы писались под его наблюдением.

Этот его труд очень ценили и любили москвичи, живопись храма-усыпальницы стала его лучшим произведением. Напряженная работа подорвала здоровье Степанова, он слишком поздно согласился на уговоры врачей ехать на лечение в Ялту, где летом 1910 скончался. Справедливо заметил автор одного из некрологов: он до конца дней оставался «типичным представителем кристально-чистого консервативного идеализма».

1 октября 1930 года Чудов монастырь был взорван. В 1932–1934 гг. на месте снесенных Чудова и Вознесенского монастырей строится здание Военной школы ВЦИК. В истории архитектуры значителен, что архитектором здания был И.И. Рерберг, хотя в последние месяцы высказываются и другие предположения, что это был архитектор Владимир Петрович Апышков, работавший тогда в военном ведомстве. Рерберг, безусловно, участвовал в строительстве, осуществлял архитектурный надзор над ним. Скорее, нужно говорить об авторском вкладе и других известных зодчих — И.В. Жолтовского, А.В. Щусева, которые также участвовали в этом процессе.

Так кто же это Иван Иванович Рерберг? Это был выдающийся российский инженер, архитектор, автор проектов Киевского вокзала, Центрального телеграфа и других памятников 1900-х — 1930-х гг. в Москве. Рерберг, мастерски применяя новейшие строительные технологии в своих проектах, избегал звания архитектор, подписывая свои работы Инженер Рерберг.

Он был братом художника Ф.И.Рерберга, автора известного портрета великой княгини Елизаветы Федоровны. Это было 4 поколение династии русских датчан.

И.И. Рерберг обучался в кадетском корпусе, служил в сапёрных войсках, окончил петербургскую Военно-инженерную академию. В 1895—1899 годах работал на постройке городской канализации в Москве. С конца 1897 года — он был одним из двух заместителей Р. И. Клейна на постройке здания Музея изящных искусств. Рерберг работал главным инженером и управляющим работами на почти всех клейновских проектах.

Так получилось, что Рерберг был не просто знаком с великой княгиней Елизаветой Федоровной. Он построил в 1911–1912 гг. **Елизаветинскую гимназию** в Большом Казенном переулке. Сама гимназия для девочек появилась в 1884 году при Доме воспитания для детей-сирот погибших в Русско-Турецкой войне. С 1897 она носила имя Елизаветинской женской гимназии в честь Великой княгини Елизаветы Федоровны, «высочайшей» ее попечительницы.

Именно здесь, в актовом зале, висел портрет великой княгини работы Юона и который сейчас можно увидеть в Историческом музее на выставке, посвященной великокняжеской чете.

Невозможно представить эмоции человека, который знал, что и на каких костях он строит.

И последнее. Михаил Петрович Степанов в своей книге об усыпальнице великого князя приводит довольно пространные цитаты из статьи «Из области церковного искусства» некоего Д.Х. в газете «Московский голос», издаваемой его братом Клавдием (1906, №32, 34). Усыпальница — «это крупное произведение искусства, расцветшее на почве дорогой для народа церковности, и если в этом отрадном явлении и звучит одна грустная, за душу хватающая нота, то это от того, что само произведение искусства посвящено молитвенному воспоминанию о безвременно и невознаградимо для России злодейски убиенном великом князе Сергее Александровиче, столь искренно любившем Россию и все русское, с русским православием и церковностью на первом месте....»

Как отратно связать память великого князя с таким церковно-художественным произведением, в котором единовременно сделали большой шаг две отрасли искусства — архитектура и живопись».

¹ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М., 2014. С.67.

² Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II Документы и материалы. С. 763.

³ Там же.

К 80-ЛЕТИЮ
О.Г. ПЕРЕСЫПКИНА

**ВРЕМЯ ПЕРЕСЫПКИНА.
Документы Российского
Палестинского Общества
при АН СССР (1989–1992)
и Императорского Православного
Палестинского Общества
(1992–2000)**

Возрождение ИППО и активизация его деятельности на рубеже 1980–1990-х гг., исторически связанные с восстановлением дипломатических отношений СССР с государством Израиль и изменением традиционной для советского периода внешнеполитической концепции, на личностном плане самым непосредственным образом обязаны приходу в Общество в 1989 г. нового председателя — ректора Дипломатической академии О.Г.Пересыпкина и ученого секретаря В.А.Савушкина.

Автор настоящих строк является членом Общества с 1974 г. В разные годы РПО при АН СССР возглавляли академик С.Л. Тихвинский, член-корреспондент АН СССР З.В. Удальцова, член-корреспондент АН СССР, директор Института Африки В.Г. Солодовников. Но двенадцать лет в жизни Общества, которые определялись энергичным тандемом Пересыпкин — Савушкин, отличались, могу свидетельствовать, особым подъемом и творческой атмосферой, — при том, что это был трудный период не только для Общества, но и для истории страны.

Распад Советского Союза в 1991 г. и последовавший всесторонний политический и экономический кризис, казалось, вновь поставили под вопрос — как когда-то, в первые послереволюционные годы, — само существование Российского Палестинского Общества. Отказ Президиума поспешно «размножавшейся» бывшей союзной Академии наук от материальной и всякой иной поддержки РПО заставил Общество, оказавшееся волей-неволей в «свободном полете», искать для себя новый статус и новые, независимые источники финансирования. В этих условиях по предложению Пересыпкина Совет Общества обратился за поддержкой к высшей государственной инстанции. 25 мая 1992 г. Президиум Верховного Совета Российской Федерации принял постановление о возвращении Императорскому Православному Палестинскому Обществу его

исторического имени и о переходе Общества, составлявшего в советские годы структурное подразделение Академии наук СССР, под юрисдикцию Российской Федерации в качестве международной общественной организации. Правительству было рекомендовано принять необходимые меры по практическому восстановлению и возвращению ИППО его имущества и прав. 9 декабря 1992 г. состоялась учредительная конференция ИППО, на которой был принят новый устав, максимально приближенный к первоначальному, дореволюционному, с восстановлением основных уставных функций — научно-исследовательской и издательской работы, содействия православному паломничеству, просветительно-гуманитарной помощи населению Святой Земли и других стран библейского региона. 14 января 1993 г. Устав ИППО был зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ (свидетельство № 1478).

Думаю, не будет преувеличением сказать, что редко можно найти такого Председателя, каким был в указанные годы О.Г. Пересыпкин, — способного быть душой и двигателем жизни и работы Общества, преданного его традициям и интересам, глубоко вникавшего в каждую подробность. Сегодня, оглядываясь назад, трудно представить себе историю ИППО без его вклада. Всестороннее обновление общественной жизни страны, с недоопределенностью, незастылостью норм и форм, позволяло в те годы умному и инициативному лидеру многого добиться. Время помогало Пересыпкину, он порой обгонял время.

Члены ИППО активно участвовали в научных конференциях в России и за рубежом, Святую Землю посетили более двух десятков паломнических групп. Еще в январе 1990 г. был организован большой международный научный симпозиум «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем», в котором приняли участие ученые из арабских стран, Израиля, Англии, США, ФРГ и Канады¹. Три рабочих дня конференции развертывались последовательно на трех, различного характера, но одинаково знаковых площадках: в Москве, Петербурге, в Сергиевом Посаде. Такого мощного выхода на международный и общероссийский уровень Палестинское Общество не знало ни до, ни после. Осенью того же года члены Общества впервые после 75-летнего перерыва смогли осуществить паломническую поездку в Святую Землю — для участия в «Иерусалимском форуме: представители трех религий за мир на Ближнем Востоке».

Следующим прорывом могло и должно было стать в 1994 г. проведение в Иерусалиме международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины архимандрита Антонина (Капустина) — совместно с зарубежным Православным Палестинским Обществом. Публикуемые ниже документы позволяют проследить историю замысла: как организовывалась, динамично и срочно, поездка членов Совета

ИППО в Иерусалим в январе 1994 г. — со встречами и предварительными договоренностями с местными израильскими властями и матушками Русского Елеонского монастыря, у которых, в Вознесенском храме, почитает отец Антонин, создатель Русской Палестины, как писал Олег Герасимович дипломатичное и самое почтительное письмо к возглавлявшей тогда Нью-Йоркское отделение зарубежного ППО княгине Багратион-Мухранской — с предложением совместного проведения ученой конференции... И как своим резким и менторским ответом оборвал возможность сотрудничества и разговора тогдашний секретарь ППО, в будущем первоиерарх РПЦЗ архиепископ Лавр... Мы, конечно, провели отличные «Антониновские чтения» в октябре 1994 г. в Москве, в Патриаршей резиденции, в Даниловском монастыре — но возможность предложенной О.Г. Пересыпкиным встречи двух ветвей Русской Православной Церкви у бесспорной для обеих сторон могилы Антонина на Елеоне — за 13 лет до московского майского Акта о воссоединении 2007 года! — была утрачена.

Здесь уместно напомнить, что одним из важнейших факторов возрождения ИППО была выстроенная в 1990-е годы председателем Общества прямая связь Общества с Русской Православной Церковью. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II принял Палестинское Общество под свое непосредственное покровительство и возглавил Комитет почетных членов ИППО. По его благословению почетными членами Общества стали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков), митрополит с.-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев; †1995), мэр Москвы Ю.М. Лужков, ректор Московской Медицинской Академии академик М.А. Пальцев и другие видные деятели. Незаменимым духовным соратником ИППО был архимандрит Иннокентий (Провсирнин) — участник межрелигиозного форума в Иерусалиме (1990), инициатор изложенной выше идеи Антониновского юбилея — и многих других, состоявшихся и несостоявшихся, замыслов.

Другим направлением усилий Совета ИППО и лично О.Г. Пересыпкина была работа по возвращению Общества в Иерусалим и Святую Землю. 14 мая 1993 г. Председатель Совета Министров — Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдин подписал, как известно, следующее распоряжение: «Поручить МИДу России провести с участием Госкоимущества России переговоры с израильской стороной о восстановлении права собственности Российской Федерации на здание Сергиевского подворья (г. Иерусалим) и соответствующий земельный участок. По достижении договоренности оформить указанные здание и земельный участок как государственную собственность Российской Федерации, передав в соответствии с рекомендацией Президиума Верховного Совета Российской Федерации (постановление от 25 мая 1992 г. № 2835-

И) квартиру в здании Сергиевского подворья в бессрочное пользование Императорскому Православному Палестинскому Обществу».

Но, отдавая себе отчет в том, сколько еще времени и сил потребует возвращение Сергиевского подворья и других бесспорных объектов отечественного достояния, Пересыпкин выдвинул идею — для начала, пока суд да дело, не эффективнее ли будет для Палестинского Общества приобрести в Иерусалиме новую собственность, повторить путь, которым шло ИППО в XIX и XX веке? В публикуемой ниже подборке документов особое место занимают его попытки «пробить» эту мысль на самых различных уровнях — в Совмине, в Администрации Президента, в Патриархии Московской, Патриархии Иерусалимской, у олигархов... К сожалению, не получилось. А замысел был совершенно здравый.

Предлагаемые документы из личного архива Олега Герасимовича Пересыпкина ярко и разносторонне иллюстрируют судьбу и деятельность Палестинского Общества на сломе эпох, на рубеже столетий — и, конечно, образ его руководителя — волевого, талантливого, напористого Председателя.

Низкий поклон Вам, Олег Герасимович, за все, что Вы сделали — и за все, что придумывали, планировали, опережая возможности и время. Как сказал бы святитель Иоанн Златоуст, Господь и намерения целует.

ДОКУМЕНТЫ

1. Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации. Москва, Дом Советов России, 25 мая 1992 г.

Об Императорском Православном Палестинском Обществе.

В целях содействия общественным инициативам по укреплению позиций России на Ближнем Востоке и в Средиземноморье и в дальнейшем развитию отношений России с народами этого региона Президиум Верховного Совета Российской Федерации постановляет:

1. Поддержать просьбу Совета Императорского Православного Палестинского Общества (бывшего Российского Палестинского Общества при АН СССР) о переходе под юрисдикцию Российской Федерации в качестве международной общественной организации, способствующей развитию научных, духовных, дипломатических, культурно-просветительских связей с народами Ближнего Востока и Средиземноморья.

2. Рекомендовать Правительству Российской Федерации принять необходимые меры по практическому восстановлению и возвращению Импера-

торскому Православному Палестинскому Обществу имущества (архивов, книжных фондов, культурных и других исторических ценностей) по имеющимся документам и другим официальным свидетельствам.

Председатель Верховного Совета
Российской Федерации

Р.И. Хасбулатов

Печать Протокольного отдела
Президиума Верховного Совета РСФСР.

2. Письмо Председателя Императорского Православного Палестинского Общества О.Г. Пересыпкина к члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. Москва, 5 февраля 1993 г.

Многоуважаемый Ярослав Николаевич!

Мне доставляет большое удовольствие проинформировать Вас о последних событиях в жизни возглавляемого мною Императорского Православного Палестинского Общества, которые, как я полагаю, представят и для Вас определенный интерес.

Истекший год был знаменательным для Императорского Православного Палестинского Общества. 21 мая 1992 г. мы торжественно отметили 110-ю годовщину со дня создания Общества, преобразованного после революции в Российское Палестинское общество при Академии Наук СССР. 9 декабря 1992 г. состоялась учредительная конференция членов-представителей РПО, на которой совершен акт воссоздания Императорского Православного Палестинского Общества с утверждением Устава, максимально приближенного к положениям Устава 1882 г.

В статье 1 вновь принятого Устава, в частности, указывается: «Общество является правопреемником Императорского Православного Палестинского Общества, основанного в 1882 г. и преобразованного в 1918 г. в Российское Палестинское общество при Академии Наук СССР». 14 января 1993 г. Устав ИППО был зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации, о чем выдано свидетельство № 1478.

Принятый Устав предполагает создание Комитета почетных членов ИППО, состоящего из видных ученых, иерархов Русской Православной Церкви, общественных и государственных деятелей России и зарубежных стран, а также лиц, оказывающих существенную материальную помощь Обществу. Члены Комитета, являющиеся попечителями Общества, будут принимать участие в выработке приоритетных направлений и основных форм деятельности Общества и изыскивать источники ее финансирования, оказывать содействие Совету ИППО в налаживании деловых связей

с государственными, религиозными, научными и общественными организациями в России и за рубежом.

По предложению Совета Общества учредительная конференция единодушно избрала Председателем Комитета почетных членов Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, который в своем специальном послании 15 января 1993 г. известил нас о том, что с благодарностью принимает на себя обязанности главы этого Комитета.

Я искренне рад сообщить Вам, уважаемый Ярослав Николаевич, что учредительная конференция ИППО 9 декабря 1992 г. приняла решение предложить Вам стать почетным членом Императорского Православного Палестинского Общества. Мы надеемся, что Вы примете наше предложение и будете сотрудничать в целях выполнения провозглашенных Обществом уставных целей и задач.

В ожидании ответа с подтверждением Вашего согласия на участие в работе Комитета почетных членов ИППО, примите, дорогой Ярослав Николаевич, уверения в высоком к Вам уважении.

Приложение: Устав ИППО, список Совета и Комитета почетных членов, избранных на собрании 9 декабря 1992 г.

Из личного архива О.Г. Пересыпкина (далее — ЛАОГП). Копия.

3. ПИСЬМО ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Я.Н. ЩАПОВА К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА О. Г. ПЕРЕСЫПКИНУ. МОСКВА, 5 МАРТА 1993 Г.

Глубокоуважаемый Олег Герасимович, благодарю Вас за избрание меня почетным членом Императорского Православного Палестинского Общества. Я высоко ценю оказанное мне доверие и буду рад помогать Обществу и делу, которому оно служит. В свое время я обращался к одному из Ваших предшественников на посту Председателя и к Вам с записками о желательности организации в Обществе работы по изучению христианских и русских древностей в Палестине и на Ближнем Востоке вообще, в частности, об использовании материалов, собранных русскими исследователями и хранящихся втуне в наших архивах. Это пожелание и сейчас остается в силе и я готов способствовать такому изучению в Москве, Петербурге и Киеве, где хранятся соответствующие материалы.

Мне хотелось бы выразить надежду, что Общество с Вами во главе, как его председателем, сможет, наконец, возродить свои славные традиции, что особенно нужно в современных тяжелых условиях.

4. РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА Министров — ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.С. ЧЕРНОМЫРДИНА. МОСКВА, 14 мая 1993 г.

Поручить МИДу России провести с участием Госкоимущества России переговоры с израильской стороной о восстановлении права собственности Российской Федерации на здание Сергиевского подворья (г. Иерусалим) и соответствующий земельный участок.

По достижении договоренности оформить указанные здание и земельный участок как государственную собственность Российской Федерации, передав в соответствии с рекомендацией Президиума Верховного Совета Российской Федерации (постановление от 25 мая 1992 г. № 2835-1) квартиру в здании Сергиевского подворья в бессрочное пользование Императорскому Православному Палестинскому Обществу.

Архив ИППО (Москва).

5. ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Исполкома Организация Освобождения
Палестины ЯСИРА АРАФАТА к ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИППО О.Г. ПЕРЕСЫПКИНУ.
ТУНИС, 22 ноября 1993 г. ПЕР. С АРАБ.

С большой благодарностью мы получили Ваше письмо и внимательно изучили Ваши ценные предложения и Вашу благородную готовность развивать сотрудничество между Вашим Обществом и палестинскими общественными и образовательными организациями. От имени нашего палестинского народа, и от себя лично, я хотел бы передать глубокую благодарность Вам и членам Вашего Общества за внимание и усилия, которые Вы прилагаете во имя развития традиционно сложившихся связей между нашим народом и дружественным русским народом.

Ваши предложения будут находиться в центре моего внимания и внимания моих коллег, имеющих к этому прямое отношение. Что касается меня, то я лично прослежу за их реализацией.

Желаю Вам доброго здоровья, счастья и успехов в Вашей благородной гуманной деятельности.

Ясир Арафат
Президент Государства Палестины,
Председатель Исполкома ООП

6. ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО О.Г. ПЕРЕСЫПКИНА К ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ О.Н. СОСКОВЦУ*.
МОСКВА, 3 ДЕКАБРЯ 1993 Г.

Вверху резолюции:

<1> «В.К. Глухих**». Прошу решить положительно. /Подпись/ Сосковец.
11.12.93 г.».

<2> «Смирнову А.В.*** Прошу профинансировать немедленно данные расходы по линии администрац. /Подпись/ нрзб. 10.01.94****».

Уважаемый Олег Николаевич!

До 1917 года организацией Православного паломничества в Святую Землю Палестины (ныне Израиль) занималось Императорское Православное Палестинское Общество, получавшее на это дотации государства и большие пожертвования царской семьи.

14 января 1993 года Министерство юстиции РФ зарегистрировало восстановленное ИППО как правопреемника дореволюционного Общества.

В настоящее время ни Русская Православная Церковь, ни ИППО не имеют средств, необходимых для организации паломничества. Понимая трудности нашей экономики, Общество обращается к Правительству России с просьбой изыскать возможности профинансировать хотя бы одну поездку самолетом и пребывание православных паломников (студентов и преподавателей Духовной Академии, членов Общества и Дворянского Соборания, верующих) в Иерусалим на государственный праздник Рождества Христова — 7 января 1994 года. Это стало бы символом восстановления прерванной российской государственности и показало бы благородство устремлений российского правительства.

С уважением,

председатель ИППО проф. О.Г. Пересыпкин.

* Сосковец Олег Николаевич (р. 1949) — первый заместитель председателя Совета Министров России с 30 апреля 1993 до 20 июня 1996 г.

** Глухих Виктор Константинович (р. 1946) — государственный деятель, политик. Первый заместитель министра промышленности России (1990–1992), председатель Комитета по оборонным отраслям промышленности (1992–1996).

*** Смирнов Александр Васильевич (р. 1958) — В 1992–1998 начальник Управления исполнения бюджета Министерства экономики и финансов Российской Федерации, член коллегии Министерства финансов РФ, начальник Главного управления федерального казначейства (в ранге заместителя Министра), заместитель Министра финансов — начальник Главного управления федерального казначейства, заместитель Министра финансов Российской Федерации. В настоящее время — руководитель Федеральной службы финансово-бюджетного надзора.

**** Буквально на следующий день, 11 января 1994 г., было оформлено платежное поручение на счет ИППО через коммерческий банк «Юнибест» на 162 млн руб. Запланированная Советом ИППО поездка паломнической группы состоялась — хотя и не к Рождеству (7 января 1994), как надеялся О.Г. Пересыпкин, но к Крещению Господню (19 января).

7. ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА. МОСКВА, 15 ФЕВРАЛЯ 1994 Г.

Присутствовали: Пересыпкин О.Г., Фомин О.И., Савушкин В.А., Тюрин А.Н., Щусев А.М., Лисовой Н.Н., Галкин В.А.

Приглашенные: Воробьев В.В., Рудаков В.Н., Чистяков А.Ф., Кругленкова М.В.

1. Слушали: Савушкин В.А. информировал о целесообразности направить делегацию в Св. Землю для изучения вопросов, связанных с реализацией проектов в области здравоохранения и строительства подворья (гостиницы). Предварительные контакты на этот счет, имевшие место в январе с.г. при поездке группы паломников на Крещение, следовало бы закрепить. С учетом стоящих задач в состав делегации следовало бы включить членов Совета проф., д. мед. н. Галкина В.А., зав.медицинской секцией Совета ИППО, заслуженного архитектора РФ Щусева А.М., а также Чистякова А.Ф., который продолжительное время работал в Израиле, и имеет хорошие деловые связи с израильскими и палестинскими официальными лицами.

Постановили: I. Считать целесообразным направить в Израиль—Палестину делегацию ИППО в следующем составе:

1. Савушкин В.А., ученый секретарь ИППО (руководитель группы)
2. Проф. Галкин В.А., член Совета ИППО
3. Щусев А.М., член Совета ИППО
4. Чистяков А.Ф., член ИППО

II. Выделить на финансирование поездки соответствующие средства.
Принято единогласно.

2. Слушали: Пересыпкин О.Г. сообщил, что провел переговоры с рядом коммерческих банков (Кредо-Банк, Мосбизнесбанк, банк «Юнибест» и др.) и коммерческих структур (Мосинтур и др.) на предмет их возможного участия в финансировании проекта строительства Российского паломнического центра или подворья на тех землях, которые обещали выделить либо мэрии Иерусалима и Вифлеема, либо частные лица. Для проработки этого вопроса и подтверждения заинтересованности ИППО в этом проекте было бы целесообразно с небольшой паломнической группой, выезжающей в Св. Землю на Пасху, в мае 1994 г., направить ряд лиц, которые могли бы провести переговоры и подписать протокол о намерениях с другой стороной, из которого следовало бы, что ИППО действительно имеет участок земли для строительства паломнического центра. Без такого документа ни один банк, ни одна коммерческая структура не будет обсуждать вопрос о финансировании.

Вторым документом, который требуется для серьезного обсуждения вопроса о мобилизации средств, является концепция Российского паломнического центра. Иными словами, это документ, в котором с политической, экономической и других точек зрения будет обоснована политическая и экономическая целесообразность создания Российского паломнического центра, который мыслится как коммерческая структура, работающая как минимум на принципе самоокупаемости. Более убедительным будет, если этот документ составит не ИППО или какая-либо российская организация, а зарубежная фирма, имеющая доступ к материалам, связанным не только с архитектурным решением проекта, но и могущая квалифицированно изложить материал о работе гостиниц в Св. Земле и их заполняемости, ценах на строительство и земельные участки, данные о существующей на этот счет законодательной базе и т.д.

Постановили: I. Признать целесообразным включить в паломническую группу, выезжающую в Св. Землю на Пасху, ряд лиц, могущих провести переговоры и оформить соответствующие документы по реализации проекта создания Российского паломнического центра.

Поручить проф. Пересыпкину О.Г. определить состав этих лиц.

II. Считать целесообразным подписать соглашение с одной из зарубежных фирм, которая могла бы разработать концепцию создания Российского паломнического центра в Св. Земле.

Поручить проф. Пересыпкину О.Г. совместно с почетным членом ИППО Николаевым М.И. определить эту фирму.

III. Расходы, связанные с поездкой паломнической группы ИППО на Пасху (руководитель Рудаков В.Н.), оформлением документов на землепользование и разработку концепции Российского паломнического центра оплатить из бюджета ИППО.

Принято единогласно.

Председатель /подп./

проф. О. Пересыпкин

Ученый секретарь /подп./

В. Савушкин

8. Письмо посла России в Государстве Израиль А.Е. Бовина к директору департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ В.В. Посувалюку. Тель-Авив, 16 февраля 1994 г.

Уважаемый Виктор Викторович,

Прежде всего хотел бы поблагодарить за информацию о результатах визита делегации Императорского Православного Палестинского Общества. Мне, к сожалению, встретиться с О.Г. Пересыпкиным так и не удалось, поскольку он был чрезвычайно занят. Это понятно: неделя — срок небольшой, а программа пребывания делегации была насыщенной.

Посольство, разумеется, готово оказывать представителям ИППО необходимую помощь в установлении и поддержании контактов с израильскими и палестинскими представителями, местными СМИ, а также по другим интересующим вопросам.

Уверен, что согласованные действия российских государственных, общественных и религиозных структур, в том числе в лице посольства, ИППО и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме применительно к деятельности России в Израиле и на оккупированных территориях, позволят получать максимальную отдачу как политическую, так, возможно, и материальную с минимальными издержками. Особенно важно действовать в унисон, как одна команда, когда речь идет о таких деликатных вопросах, как недвижимость, права на которую нам сейчас необходимо закрепить за Россией. Кому конкретно она будет потом принадлежать — государству, ИППО или Русской Православной Церкви — не суть важно. Дело внутреннее, разберемся. Пока же вряд ли стоит давать нашим израильским оппонентам повод думать, что существуют какие-то разногласия внутри «российской команды».

Посольство находится в тесном контакте по вопросам собственности с РДМ в Иерусалиме, Московской Патриархией. Надеемся, что наши отношения с ИППО будут развиваться в том же ключе на благо российских интересов.

Искренне Ваш

Посол России в Государстве Израиль /подп./ А. Бовин

9. Письмо Председателя Императорского Православного Палестинского Общества профессора О.Г. Пересыпкина к Председателю Православного Палестинского Общества (Нью-Йорк) княгине И. С. БАГРАТИОН-МУХРАНСКОЙ. Москва, 17 февраля 1994 г.

Ваше Сиятельство, высокочтимая княгиня Ирина Сергеевна!

Рад возможности обратиться к Вам, как Председателю Православного Палестинского Общества, продолжающего свою благородную деятельность среди соотечественников за рубежом.

Огненные рубежи гражданской войны прошли в свое время не только по многострадальной русской земле, но и по сердцу всякого верующего и любящего Родину человека, разделили народ, разделили Церковь.

Сразу после отречения Государя Императора Николая II, 18 марта 1917 года, Императорское Православное Палестинское Общество в связи с государственными изменениями перестало именоваться «Императорским», а с 5 апреля 1917 года его Председатель, Великая княгиня Елизавета Федоровна, чтимая Русской Церковью мученица Елизавета, сложила с себя

звание Председателя. С 22 августа 1919 года Общество получило статус Российского Палестинского общества при Академии наук.

В течение долгих десятилетий РПО либо вообще не функционировало, либо могло заниматься исключительно научной деятельностью и изданием «Палестинских сборников». Лишь в последние годы появилась возможность ставить вопрос о возрождении статуса и традиционных направлений деятельности Общества, в том числе православного паломничества в Святую Землю.

В январе 1990 года мы провели первый международный симпозиум «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем». Осенью того же года Общество участвовало в международной культурной миссии «Истоки» и в Иерусалимском форуме: «Через диалог трех конфессий — к миру на Ближнем Востоке».

25 мая 1992 года Президиумом Верховного Совета России было принято решение о передаче нашего Общества под юрисдикцию Российской Федерации с восстановлением исторического названия «Императорское Православное Палестинское Общество». В день Константина и Елены 21 мая (3 июня) 1992 года ИППО торжественно отметило в Москве 110-летие со дня основания. К юбилею был выпущен очередной 31(94) «Православный Палестинский сборник».

Отрадно отметить, что на этом юбилейном заседании присутствовал с сообщением член Православного Палестинского Общества (Нью-Йорк), архитектор В. Морозов-Борисов. В том же году имела место беседа руководства Общества с казначеем ИППО (Нью-Йорк) Александром Кулешей, во время его пребывания в Москве по делам своей фирмы.

В январе 1994 года к празднику Богоявления-Крещения Господня Общество организовало поездку большой паломнической группы верующих в Святую Землю. В частности, нас приветливо встретили в Русском Спасо-Вознесенском монастыре на Елеоне, где мы поклонились могилам основателя обители архимандрита Антонина Капустина и матушек-настоятельниц, в том числе Игумении Тамары (в миру Ее Высочества Княгини Татианы Константиновны).

Там, в беседе на Елеоне, возникла идея провести в этом году конференцию, посвященную духовному и научному наследию архимандрита Антонина в связи со 100-летием со дня его блаженной кончины.

Изменения в социальной и духовной жизни России привели к глубоким переоценкам трагических событий русской истории XX века. В обществе наблюдается растущий интерес и тяга к духовному единению русского народа в диаспоре и на Родине.

В этих условиях становится реальным предпринять определенные шаги к сближению, координации и научному взаимодействию двух разделенных историей половин Императорского Православного Палестинского

Общества. Опыт каждой из них может быть ценен и полезен для другой, а историческое единство целей и задач ИППО поможет в нахождении общих пунктов для диалога и сотрудничества.

В качестве первого шага в этом направлении могла бы стать обозначенная выше идея научной конференции, организуемой нами совместно. Предполагаемый проект программы этой конференции, которую можно было бы провести осенью 1994 года (возможно даже в стенах основанного Антонином Елеонского монастыря), я направляю Вам для последующего обсуждения и совместной выработки окончательного варианта программы. Любые Ваши замечания, дополнения и пожелания о ходе конференции, составе участников и темах докладов будут восприняты нами со вниманием и доброжелательностью.

В связи с тем, что долгие годы мы были лишены возможности общения и взаимной информации, просим Вас прислать нам материалы Православного Палестинского Общества (Нью-Йорк) — Устав Общества, состав почетных и действительных его членов, информацию о проводимой работе. Со своей стороны мы направляем Вам для сведения Устав ИППО, а также «Православный Палестинский сборник», изданный в 1992 году.

В связи с большим объемом организационной и научной работы по подготовке конференции желательно как можно скорее получить Ваш ответ и Ваши замечания по программе по адресу: 107078, Москва, Б. Козловский пер., д. 4, Императорское Православное Палестинское Общество.

В надежде на дальнейшее сотрудничество и встречу в Святом Граде.

Приложение: проект программы конференции. Устав ИППО. «Палестинский сборник» № 31 (94).

С глубоким уважением

Председатель ИППО проф. О.Г. Пересыпкин

10. Протокол заседания Совета Императорского Православного Палестинского Общества. Москва, 10 марта 1994 г.

Присутствовали: Пересыпкин О.Г., Фомин О.И., Савушкин В.А., Тюрин А.Н., Щусев А.М., Лисовой Н.Н., Галкин В.А.

Приглашенные: управляющий делами Рудаков В.Н.

Слушали: О приеме в почетные члены ИППО мэра г. Москвы Лужкова Юрия Михайловича.

Проф. Пересыпкин О.Г. информировал о том, что Патриарх Алексий Второй, с которым обсуждался вопрос об активизации деятельности Комитета почетных членов, поддержал идею участия в деятельности ИППО мэра г. Москвы Лужкова Ю.М.

Работа Лужкова Ю.М. на посту мэра оценивается неоднозначно, но для нас важно то, что он является активным политическим деятелем всероссийского масштаба, верующим человеком, рекомендуемым Патриархом в состав Комитета почетных членов. Участие Лужкова Ю.М. в работе ИППО, по-видимому, поможет нам решить и некоторые вопросы размещения Общества, организации его офиса и гостиницы для паломников.

Постановили: Принять Лужкова Ю.М., мэра г.Москвы, в почетные члены Императорского Православного Палестинского Общества и выдать ему соответствующий диплом.

Принято единогласно.

Председатель	/подп./	проф. О. Пересыпкин
Ученый секретарь	/подп./	В. Савушкин

11. Запись беседы ученого секретаря ИППО В.А. Савушкина с Блаженнейшим Диодором I, Патриархом Иерусалимским и всея Палестины. Иерусалим, 19 марта 1994 г.

По моей просьбе был принят Его Блаженством Диодором I в его Патриаршей резиденции в Восточном Иерусалиме и имел с ним беседу.

Напомнил, что до 1917 г. массовое паломничество русских православных мирян в Святую Землю организовывалось Императорским Православным Палестинским Обществом с использованием принадлежавших ему подворий в Иерусалиме, Назарете и других городах Палестины. В 60-х годах <XX в.> эти подворья были проданы советским правительством Государству Израиль, что лишило возможности ныне восстановленное в прежних правах и первоначальных функциях Общество возобновить организацию паломничества российских верующих к святыням Палестины. Учитывая сложившуюся ситуацию и стремясь удовлетворить многочисленные обращения верующих россиян совершить паломничество в Палестину, Совет ИППО принял решение — подобрать подходящий участок земли в г. Иерусалиме или в его окрестностях и построить Российский паломнический центр. Зная о традиционно тесных, братских отношениях Греко-Православной Иерусалимской Церкви и Русской Православной Церкви Московского Патриархата, с которой наше Общество работает в тесном контакте, мы обращаемся к Его Блаженству с просьбой оказать помощь и содействие в решении вопроса о выделении Иерусалимским Патриархатом участка земли для строительства Российского паломнического центра или гостиницы в Палестине.

Его Блаженство с большим вниманием и интересом выслушал и заявил, что ему уже докладывали об этом важном проекте Императорского Православно-

го Палестинского Общества. Он считает идею возобновления широкого паломничества из России к святым местам весьма актуальной и полезной, способствующей укреплению Православия и единению православных мирян.

Патриарх одобрил намерения Общества построить Центр или гостиницу для размещения и обслуживания паломников, приезжающих в Святую Землю из России. В качестве практического содействия Обществу в этом деле со стороны Иерусалимского Патриархата Диодор I предложил осмотреть два участка земли, принадлежащие Греко-Православной Церкви в Палестине, заметив при этом, что об условиях их передачи для использования Обществом целесообразно говорить после определения пригодности этих земель для намечаемого строительства.

(Характеристика этих участков содержится в отчете о командировке, подготовленном архитектором А.М. Щусевым.)

В заключение беседы Его Блаженство предложил направить ему официальное письмо от ИППО по поводу выделения участка земли под строительство Паломнического центра или гостиницы в Иерусалиме.

В беседе принимали участие митрополит Василий (наместник Патриарха во время отсутствия Диодора I) и консультант Ближневосточного Совета Православных Церквей Наим Л. Тарази.

Ученый секретарь
Императорского Православного
Палестинского Общества

В. Савушкин

25 марта 1994 г.

P.S. Указанное письмо было передано Председателем ИППО проф. О. Пересыпкиным лично митрополиту Василию 14 мая 1994 г. Диодор I находился в это время на лечении в Афинах. Митрополит Василий заверил, что письмо будет самым внимательным образом рассмотрено в ближайшее время и на него будет дан официальный ответ.

16 мая 1994 г.

В. Савушкин

12. Письмо Секретаря Верховного Совета Православного Палестинского Общества (Нью-Йорк) архиепископа Лавра к Председателю ИППО О.Г. Пересыпкину. Нью-Йорк, 26 марта/8 апреля 1994 г.

Глубокоуважаемый профессор Пересыпкин!

Ваше письмо от 17-го февраля сего года, в котором Вы приглашаете Православное Палестинское Общество участвовать в съезде по случаю

столетней годовщины кончины архимандрита Антонина (Капустина), было передано мне, как Секретарю Верховного Совета Православного Палестинского Общества. Для того, чтобы ответить на Ваше приглашение, мне надо Вас поставить в известность об историческом пути ППО в двадцатом веке.

Как Вам, конечно, известно, Православное Палестинское Общество было основано в 1882-м году, как частная прицерковная организация, с целью поддержки святых мест и духовенства в Палестине, с целью помощи паломникам, путешествующим по сим местам, и с целью распространения научной работы о святых местах. Благочестивым Императором Александром III была оказана поддержка обществу. Брат Александра III-го, Великий Князь Сергей Александрович, принял на себя должность Первого Председателя Общества. Один из храмов в Святой Земле, храм Святой Марии Магдалины в Гефсимании, был построен в молитвенную память их Августейшей матери, Императрицы Марии.

После мученической кончины Великого Князя Сергея Александровича от бомбы революционера, его вдова, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, стала председателем ППО. После своего ареста и ссылки, она явно не могла продолжать председательство. Князь Кирилл Ширинский-Шихматов был избран председателем. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, глубоко благочестивая и добродетельная, приняла венец мученический и прославлена Русской Зарубежной Церковью. Ее останки были перевезены в Иерусалим, и покоятся в храме Святой Марии Магдалины.

Председатель ППО Ширинский-Шихматов выехал в Европу и, собрав останки совета ППО, восстановил его деятельность, сперва в Берлине, а затем в Париже. Тем временем, правительство СССР объявило войну Церкви и верующим, конфисковало имущество, как Церкви, так и частных организаций, в том числе ППО, да и вообще отменило частную собственность. ППО было закрыто в СССР. Правда, как Вы пишете, было основано Русское Палестинское Общество в 1919 году, но оно не имело никакого отношения ни к религиозной православной деятельности, ни к юридическому лицу ППО. Его деятельность не распространялась за границы СССР и оно не имело права на частную собственность, существуя лишь как отдел государственного университета.

Однако, частное ППО продолжало свое существование. Совет в Париже назначил администраторов имущества в Святой Земле и управлял этим имуществом. При этом, ППО следовало первоначальному уставу, а также и инструкции для администраторов, составленной за время председательства Елизаветы Феодоровны. В вопросах религиозных ППО было под юрисдикцией Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви. В годы Английского Мандатного режима в Палестине, правительство при-

знавало частное ППО и совет в Париже. Также, духовенство Русской Духовной Миссии в Иерусалиме было подведомственно Русской Зарубежной Церкви. Мандатное правительство признавало Миссию как владельца имущества и как часть Русской Зарубежной Церкви.

В 1948-м году Английский Мандат кончился. Создано было государство Израиль, ставшее убежищем беженцев из Европы. СССР сразу признал Израиль, надеясь найти социалистического собрата. СССР потребовал все имущества, бывшие во владении ППО и Миссии. Израильское правительство захватило все имущество ППО и Миссии на своей территории и передало представителям СССР. В свою очередь, СССР не передал имущество ни духовным лицам, ни Русскому Палестинскому Обществу. Церковные руководители Русской Православной Церкви в СССР, по-видимому, не противились этому решению. Большая часть имущества государственными представителями СССР была продана Израильскому государству, но не за валюту, а за апельсины. Говорят, что по нескладности транспорта в СССР, большая часть апельсинов сгнила. Правда это или нет, мы не знаем, но мы испытали в Святой Земле захват имущества и его продажу, и надругание над насельниками наших святых мест.

Иорданское королевство продолжало установленные отношения с ППО и с Миссией на своей территории. Во время войны 1967-го года, в ответ на нападение арабских стран, Израиль захватил Старый Иерусалим и западный берег Иордана. Однако, после этих событий, отношения СССР с Израилем изменились. Вместо социалистического собрата, СССР стал именовать Израиль сионистским союзником США. Не было дипломатических отношений между СССР и Израилем. Израиль оставил статус кво Миссии и ППО неизменным, и не раз подтверждал это своими решениями.

С 1952-го года центр Русской Зарубежной Церкви находится в Америке и имущество ее считается частным имуществом американской корпорации.

В 1970-м году структура ППО изменилась. Был принят новый устав. ППО управляется Верховным Советом в г. Нью-Йорке, под председательством Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Оно теперь не только духовно, но и структурно связано с Церковью. Насельники монастырей в Святой Земле, равно как и руководство Церкви, применяют все возможные меры для сохранения всего русского достояния в Святой Земле.

В Вашем письме Вы говорите о том, что Президиум Верховного Совета России принял решение о передаче Русского Палестинского Общества под юрисдикцию Российской Федерации. Из этого явствует, что Ваше общество продолжает служить отделом правительства. Вы далее пишете, что общество это праздновало юбилей своего 110-летия. Но как это возможно, если оно основано лишь в 1919 году? Также, Вы пишете о его переименовании в «Императорское Православное Палестинское Общество». Не кажется ли Вам, что это название не подходит, если нет у Вас

императорского управления страной? О целях Вашего общества сказано, что оно способствует «развитию научных, духовных, дипломатических, культурно-просветительских связей с народами Ближнего Востока и Средиземноморья». Эти цели — не цели ППО. Скорее это цели правительства и дипломатов. Вы не пишете об источнике «духовного» руководства Вашего общества, но можно полагать, что оно продолжает политическую деятельность и развитие дипломатии под прикрытием духовности под руководством Московской Патриархии.

Более того, в Вашем письме Вы не упоминаете о том, что, несмотря на фантастически названное общество, Вы также претендуете на поддержку русского правительства на возвращение какого-то имущества. Может быть, подразумевается что-то иное, но нам эти слова кажутся прямым посягательством на имущество ППО в Святой Земле, которое мы посильно охраняем. Из-за пережитого опыта в 1948-м году, мы эти слова понять иначе не можем. И, по-видимому, для Вас это постановление является руководством, так как Вы на него ссылаетесь.

Из-за вышеизложенного, мы не можем согласиться на совместный съезд и на деятельность вместе с Вашим обществом. Оно для нас является, к сожалению, лишь самозванным, а не продолжением деятельности ППО. Мы не можем рассматривать Ваше общество как половину нашего, при существующей государственной попытке отнять у нас имущество, хранимое на Святой Земле.

Вместе с тем, просим Вас иметь в виду что, как Вы сами испытали, православным паломникам двери наших монастырей открыты, и что мы были бы очень рады поделиться с Вами историческими материалами об архимандрите Антонине. И от Вас были бы рады получить о нем исторические сообщения. Возможно, что у Вас есть доступ к архивам, где хранятся его рапорты. В этом году мы надеемся о нем не раз писать и напоминать православным о его трудах и благочестии. Нас радует Ваше желание почтить память архимандрита Антонина и его деятельность. Учитывая Ваше желание на диалог и сотрудничество, предлагаем это сделать на более скромном, научном масштабе, а не при участии прессы, дипломатов и т.д., которые были бы неизбежны на съезде.

В надежде на Ваш ответ, с искренним уважением,
архиепископ Лавр.

13. Из дневника О.Г.Пересыпкина. Запись беседы с мэром г.Вифлеема г-ном Ильясом Фрэйджем. Вифлеем, 13 мая 1994 г.

В соответствии с достигнутой ранее договоренностью посетили муниципалитет г. Вифлеема и имели беседу с мэром И. Фрэйджем.

Информировали И. Фрэйджа о последних мероприятиях, организованных ИППО, в том числе об организации паломничества в Св. Землю из России, а также о возможном строительстве подворья и православного храма по случаю 2000-летия Рождества Христова. Поздравили его с достижением договоренностей по палестинской автономии и подчеркнули стремление ИППО содействовать на общественном уровне реализации этих договоренностей.

И. Фрэйдж с удовлетворением отметил, что контакты и, главное, регулярность встреч с руководством Императорского Православного Палестинского Общества имеют большое политическое значение особенно в настоящее время, когда после подписания палестинско-израильских соглашений любой вакуум в российско-арабских отношениях может нанести ущерб долгосрочным интересам как арабской, так и российской стороне, ибо именно сейчас в принципиально новых политических условиях определяются направления сотрудничества, соответствующего новой расстановке политических сил в ближневосточном регионе.

И. Фрэйдж, являясь почетным членом ИППО, проявил неподдельный интерес к текущим и перспективным задачам деятельности Общества и заявил, что в настоящее время сложилась уникальная ситуация, позволяющая мотивированно расширить физическое присутствие россиян в Св. Земле. При этом И. Фрэйдж подчеркнул, что он, будучи православным христианином, считает для себя обязанностью всемерно способствовать решению задач возрождения паломничества в Св. Землю российских граждан вне зависимости от уровня их доходов.

По мнению И. Фрэйджа, приближающееся 2000-летие Рождества Христова объективно создает благоприятные условия для активизации паломничества из России. При этом он подчеркнул, что готов использовать свой авторитет мэра г. Вифлеема (находится на этом посту свыше 20 лет) и статус министра по делам туризма в администрации палестинских территорий (с мая 1994 г.) для приобретения участка земли в Вифлееме или Иерусалиме под строительство храма и гостиницы, а также обеспечения политико-правовой институализации и деятельности ИППО в Палестине. Особо было подчеркнуто, что он сам лично будет изыскивать возможности для минимизации расходов по созданию этих объектов, в том числе путем обеспечения инженерных коммуникаций.

И. Фрэйдж проявил настойчивость, выясняя реальные возможности правительства России, РПЦ и ИППО в отношении празднования 2000-летия Рождества Христова. В этом контексте он сообщил, что уже обратился к Папе Римскому и Православным Патриархам с инициативой организации торжеств в Вифлееме, где родился Иисус Христос.

Как можно было понять из объяснений И. Фрэйджа празднование Рождества на рубеже тысячелетий могло бы иметь если и не поликонфессио-

нальный, то несомненно панхристианский характер, а с учетом того, что католики, православные (русские, греки) и армяне расходятся в календарной дате Рождества, празднование могло бы начаться в конце декабря и завершиться в конце января соответствующего года.

В завершение беседы И. Фрэйдж вторично за последние полгода коснулся вопроса об организации визита мэра Москвы Ю.М. Лужкова в Иерусалим и Вифлеем. Он просил передать Ю.М. Лужкову свое устное приглашение, подчеркнув, что письменное будет направлено ориентировочно в середине — конце июля с. г.

Договорились продолжить рабочие контакты и встретиться для очередного обсуждения текущих проблем в середине июля с.г. в г. Вифлееме.

Председатель Императорского
Православного Палестинского Общества
проф. О. Пересыпкин

Старший научный сотрудник
Института актуальных международных
проблем ДА МИД РФ
В. Воробьев

14. Письмо Председателя ИППО О.Г. Пересыпкина к Президенту
Государства Палестина, Председателю Исполкома ООП Ясиру Арафату.
Москва, 30 мая 1994 г.

Ваше Превосходительство!

От имени Совета и всех членов Императорского Православного Палестинского Общества позвольте сердечно поздравить Вас с достижением соглашения о самоуправлении района Иерихон и сектора Газа, важного первого шага на пути реализации законных национальных прав арабского народа Палестины и **всеобщего** мира на Ближнем Востоке.

Следуя многолетним традициям, Императорское Православное Палестинское Общество продолжает активную деятельность по укреплению дружественных связей между Россией и Палестиной, между российским и палестинским народами. В рамках этой деятельности главное внимание на данном этапе мы сосредоточили на восстановлении основных исторически изначальных функций — организация паломничества российских граждан к святым местам и содействие в налаживании сотрудничества между российским и палестинским народами в научной, культурно-просветительской и медицинской областях. Уже в этом, 1994, году наше Общество, при поддержке Правительства России и коммерческих структур

организовало поездки трех паломнических групп к христианским святыням Палестины, в которых участвовало около ста российских граждан.

Во время этих и других поездок в Палестину руководство Общества встречалось и обсуждало вопросы взаимного сотрудничества с лидерами Палестинского движения сопротивления, местной администрацией Иерихона и Вифлеема: Фейсалом Хусейни, Сайебом Ерахатом, Илиасом Фрейджем, а также с Иерусалимским Патриархом Диодором I и представителями православной арабской общины. В частности, мы обсуждали предложение Общества о строительстве в Иерусалиме или его окрестностях небольшого подворья и православного христианского храма, которые могли бы служить базой для возрождения традиционного массового паломничества к святыням Палестины граждан Российской Федерации. Этот наш проект встретил одобрение и поддержку как со стороны палестинских представителей, так и со стороны Его Блаженства Иерусалимского Патриарха Диодора I. В настоящее время мы озабочены поиском необходимых средств для финансирования этого проекта, **завершение которого** мы хотели бы приурочить к 2000-летию Рождества Христова.

О нашем проекте строительства храма и подворья в Св. Земле информированы президент Ельцин Б.Н., премьер-министр Черномырдин В.С. и другие представители политического руководства России. Наш проект поддерживает Русская Православная Церковь, роль которой возрастает в России с каждым днем. Мы уверены, что эта идея, отвечающая интересам духовно-культурного сближения российского и палестинского народов и содействующая экономическому развитию палестинской государственности, найдет в Вашем лице горячего сторонника, чья поддержка и помощь могли бы стать решающим фактором в практическом воплощении этого важного проекта.

Посетившая Палестину в марте с.г. делегация Императорского Православного Палестинского Общества передала на рассмотрение палестинским представителям предложения о сотрудничестве в культурно-просветительской и медицинской областях. В частности, была выражена готовность Общества оказать содействие в организации глазной клиники в районе Вифлеема и улучшения функционирования действующей в г. Иерихоне больницы с участием российских специалистов-медиков. Мы также информировали наших палестинских друзей о том, что, начиная с 1994 г., Московская медицинская академия ежегодно по рекомендации Императорского Православного Палестинского Общества будет принимать на бесплатное обучение одного студента-палестинца, а также организовывать в Москве курсы усовершенствования врачей для палестинцев, окончивших ранее советские медицинские институты.

Исходя из наших давних отношений с Вами, г-н президент, мы надеемся, что эта деятельность Общества будет и впредь находить с Вашей

стороны благожелательное отношение и содействие на благо двух наших дружественных стран и народов.

Мы считаем, что было бы весьма полезным обсудить с Вами в деталях вопросы дальнейшего сотрудничества политического руководства Государства Палестины и Императорского Православного Палестинского Общества, которое, несмотря на сильное давление политиканов и конъюнктурщиков, смогло сохранить в своем названии определение «палестинское» и готово, используя все свое влияние и возможности, служить сегодня национальным интересам Палестины и нашей дружбе.

В этой связи я хотел бы просить Вас принять меня с одним сопровождающим лицом в Тунисе, куда мы могли бы прибыть в любое удобное для Вас время. О Вашем решении просьба информировать через Посольство Палестины в Москве или Посольство России в Тунисе.

Примите, г-н президент, искренние заверения в самом высоком к Вам уважении.

Председатель

проф. О. Пересыпкин.

15. Выписка из протокола расширенного заседания Совета Императорского Православного Палестинского Общества. Москва, 3 июня 1994 г.

Присутствовали: Пересыпкин О.Г., Фомин О.И., Савушкин В.А., Лисовой Н.Н.,

архиепископ Калужский и Боровский Климент, Галкин В. А., Колобов О.А., Микульский Д.В., Тюрин А. Н., Щусев А.М.

Члены Комитета почетных членов ИППО: Голицын А.К., Шапов Я.Н.

Приглашенные члены ИППО: Рудаков В.Н., Воробьев В.В., Новиков А.С., Бабуркин С.А.

Повестка дня

1. О результатах паломнических и служебных поездок членов и руководства ИППО в Святую Землю (Палестина, Израиль) в 1994 году и перспектива дальнейшего развития основных направлений деятельности Общества (паломничество, культурно-просветительская работа и оказание содействия в области медицины).

1. Слушали: проф.Пересыпкин О.Г. информировал о том, что, как показали организованные по линии ИППО паломнические поездки, а также проведенные во время командировок членов Совета в Израиль консультации с представителями израильских властей и палестинской администрации, без опоры на собственную, принадлежащую Обществу недвижи-

мость, как это было до 1917 года, работа ИППО в традиционных направлениях ныне практически невозможна.

Исключительно трудным и маловероятным делом представляется и возможность в ближайшем будущем возвращения Обществу ранее принадлежавшего ему недвижимого имущества в Св.Земле, которое можно использовать для размещения паломников, школ для обучения детей местных православных арабов, больниц и медпунктов для оказания помощи арабскому населению. Надо сказать, что возобновление благотворительной деятельности нашим Обществом горячо приветствуется и одобряется не только палестинскими представителями, но и официальными израильскими властями, о чем они неоднократно заявляли нам при встречах.

В этих условиях единственно реальным путем решения этой проблемы является приобретение ИППО участка земли в Св.Земле (г. Иерусалим или его окрестности) и строительство гостиницы с домашней церковью и школы. Определенные наработки в этом направлении уже нами предприняты через мэрию Вифлеема и через Иерусалимского Патриарха Диодора I, а также путем предварительных переговоров с частными лицами — владельцами земельных участков.

В частности, были осмотрены уже 4–5 участков земли в г.Иерусалиме и его пригороде, которые могли бы подойти для строительства. Теперь Совету необходимо принять принципиальное решение и уполномочить руководство Общества на проведение переговоров о приобретении участка земли, наиболее подходящего для намечаемого ИППО строительства в Св.Земле, и изыскание источников для финансирования этого проекта. Надеяться получить безвозмездную помощь со стороны правительства или частных структур нереально. Поэтому нужно ставить вопрос о беспроцентном кредите от Правительства РФ для приобретения земли и строительства указанного объекта к 2000-летию Рождества Христова.

Савушкин В.А. полностью поддержал мнение о необходимости приобретения ИППО новых объектов недвижимой собственности как единственно реального пути к воссозданию традиционной деятельности в Св.Земле по всем основным ее направлениям. Хотя осуществление этого проекта потребует серьезных первоначальных затрат из-за резкого возрастания в Палестине в последнее время стоимости земли, произведенные расходы впоследствии окупятся, а сам факт строительства русскими долговременных сооружений культурно-гуманитарного назначения будет способствовать закреплению и восстановлению былого присутствия России в этом важном политико-стратегическом регионе, где исторически велась и продолжается до настоящего времени конкурентная борьба между основными державами мира.

Архиепископ Климент поддержал предложение ИППО о создании паломнического центра в Иерусалиме, который бы выполнял не только религиозные функции, но и был бы центром продвижения на Восток христианской культуры и традиций.

Щусев А.М. как специалист-архитектор подчеркнул важное экономическое значение приобретения недвижимой собственности в районе, являющимся мировым центром паломничества и туризма. Создав в Палестине новую недвижимую собственность и превратив ее впоследствии в своеобразный российский паломнический и культурный центр, ИППО, а вместе с ним и российские государственные структуры, приобретут мощную и экономически рентабельную базу для обеспечения интересов России и сотрудничества с палестинским и израильским государствами.

Щапов Я.Н. поддержал идею создания новой материально-технической базы в г.Иерусалиме в виде гостинично-школьного центра, который наряду с другими функциями мог бы быть использован также для кратковременного размещения ученых и специалистов, занимающихся научно-исследовательской работой в области истории, археологии, этнографии и других проблем палестиноведения.

Постановили: 1. Поручить Председателю ИППО проф.Пересыпкину О.Г. продолжать усилия по подбору участка земли в г. Иерусалиме или его окрестностях (Палестина). В случае выявления подходящего участка, уполномочить О.Г.Пересыпкина провести переговоры с владельцем и подписать от имени ИППО договор о приобретении этой земли в собственность Общества.

2. Согласиться с предложением о строительстве на приобретенном участке гостиницы для российских паломников на 50–60 мест и начальной школы на 25–30 учеников, предварительно представив на утверждение Совета ИППО проекты этих сооружений.

3. Уполномочить проф. Пересыпкина О.Г. обратиться в Правительство Российской Федерации с просьбой о выделении ИППО беспроцентного кредита на эти цели в размере 30 млрд.рублей сроком на 20 лет для приобретения участка земли и строительства гостиницы с домовою церковью и школой к 2000-летию Рождества Христова.

Принято единогласно.

Выписка верна:

Ученый секретарь

Императорского Православного Палестинского Общества

/подп/ В. Савушкин

16. ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ФИРМЫ «Инфодизайн» О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПАЛЕСТИНСКИМ ОБЩЕСТВОМ ПАЛОМНИЧЕСКОГО ЦЕНТРА В ИЕРУСАЛИМЕ, НАПРАВЛЕННОЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИППО О.Г. ПЕРЕСЫПКИНУ. БРЮССЕЛЬ, 23 ИЮНЯ 1994 Г. НЕОФИЦ. ПЕР. С ФРАНЦ.

Уважаемый господин Председатель!

Фирма «Инфодизайн» провела изучение вопроса о целесообразности строительства в Большом Иерусалиме (Восточный Иерусалим, Западный Иерусалим и Вифлеем) Российского паломнического центра к 2000-летию Рождества Христова.

Выводы наших экспертов, работавших с документами и материалами средств массовой информации в Израиле и России, а также проводивших выборочные опросы в этих странах, сводятся к следующему:

1. Строительство Российского паломнического центра или любого сооружения, отражающего уважение российского народа к христианству, ведущей конфессии среди россиян, признается политически оправданным и целесообразным. Официальная поддержка со стороны руководства России и отдельных политических деятелей, которые будут причастны к реализации этого проекта, однозначно работает на повышение авторитета правительства и рейтинга этих политических деятелей в массовом сознании российского общества, особенно в регионах с моноконфессиональной христианской ориентацией.

2. Проект приурочен к 2000-летию Рождества Христова и поэтому должен быть сконцентрирован на идее христианства в его православной (ортодоксальной) интерпретации. Совмещение культовых сооружений других конфессий (ислама, иудаизма) нецелесообразно, ибо такая постановка вопроса выпадает из временных рамок. К этому следует добавить и чисто прагматические соображения, связанные с определенным антагонизмом между тремя мировыми религиями — христианством, исламом и иудаизмом, накопленным в течение столетий и непреодоленным окончательно до наших дней.

В том случае, если будет признано целесообразным сделать благожелательный жест в сторону ислама, последователи которого демонстрируют свое определенное непонимание, по их мнению, креном руководства России в сторону христианства, можно было бы предусмотреть строительство Российского исламского центра с мечетью и другими сооружениями (коранической школой, библиотекой и др.) в одном из районов Палестинской Автономии с преимущественно мусульманским населением и исламской исторической традицией.

3. Строительство Российского паломнического центра, как памятника православной России к 2000-летию Рождества Христова, потребует официального одобрения со стороны израильских властей, которые с точки

зрения международного права, как оккупационные власти, несут юридическую ответственность за все реализуемые в Св.Земле иностранными юридическими и физическими лицами проекты. Учитывая, что иудаизм является официальной религией Израиля и право-националистическую ориентацию нынешнего состава муниципалитета Иерусалима, целесообразно ставить вопрос о строительстве гостиницы (подворья) для паломников, как коммерческого предприятия. Это поможет избежать критики со стороны влиятельных ортодоксальных иудейских организаций, ревниво относящихся к расширению зоны влияния других конфессий в исторической столице Израиля.

4. Символы православия обязательно должны присутствовать в гостинице, сооружаемой к памятной дате христианства. С этой целью в проекте следует предусмотреть строительство церкви, но под одной крышей с гостиницей, а также помещения для учебных классов и библиотеки, учитывая то обстоятельство, что Императорское Православное Палестинское Общество занималось в Св.Земле также просветительской деятельностью и научными изысканиями по библейской истории. Иерусалим находится на канонической территории греческого Патриарха Св. Града Иерусалима и всея Палестины Диодора Первого, который в церковной иерархии стоит выше Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго, и поэтому на строительство отдельно стоящего православного храма, в котором будут служить священники из Москвы, потребуется разрешение греческих церковных властей. Получить такое разрешение можно, но это потребует много времени, ибо греки, при всей демонстрации своего уважения к Московскому Патриархату, рассматривают москвитов (представителей Московского Патриархата. — Ред.), как своих конкурентов на Св.Земле, и с меньшим уважением относятся к Русской Православной Зарубежной Церкви (митрополит Виталий, Нью-Йорк), поддерживают ее клириков и даже пытаются совместно эксплуатировать находящуюся в ее ведении недвижимость.

5. Греческая Православная Церковь в Св.Земле имеет огромные земельные владения. На ее участке, например, переданном в аренду правительству Израиля на 99 лет, построено здание Кнессета (парламента) Израиля. При желании греки могли бы выделить участок для строительства гостиницы, но условия аренды будут скорее всего мало приемлемыми. Синод греческого Патриархата в Иерусалиме недавно принял решение сдавать принадлежащую им землю в аренду на 49 лет с условием не только денежных компенсаций, но и сооружения различных объектов гражданского назначения (школ, доходных домов, приютов для престарелых и т.д.). К этому следует добавить, что Патриарх и члены Синода настаивают на получение личного бонуса, который составляет 30–35% от стоимости аренды земли. Поэтому, по мнению наших экспертов, необходимо ориен-

тироваться на приобретение участка земли у частных лиц в полную собственность, что будет экономически более выгодно и оправдано. Ориентироваться на участки, принадлежащие другим конфессиям (католическая церковь, армянская церковь и др.), нецелесообразно, так как церковная земля в Св.Земле в принципе не продается, а только сдается в аренду на примерно тех же условиях, которые указаны выше.

6. Православная русская традиция предусматривает многочасовые ночные и утренние бдения. Поэтому территориально следует искать участок для строительства в Восточном (арабском) Иерусалиме, где находится Старый город и все главные христианские святыни. Это позволит паломникам самостоятельно добираться до мест своего почитания, не пользуясь специальным транспортом. В этой связи вариант строительства гостиницы в Вифлееме при всей очевидной поддержке мэра Вифлеема д-ра И.Фрейджа, на наш взгляд, наименее удачен, так как потребует организации доставки паломников в Иерусалим. Подобная оценка может быть распространена и на другие участки (Елеонская гора, Западный Иерусалим, Рамалла и др.).

7. Одним из вариантов, на наш взгляд, также возможным, но менее привлекательным, является приобретение уже существующего здания гостиницы или жилого дома и его переоборудование. Подобная перестройка потребует соответствующих разрешений израильских властей. К тому же здание перестроенной гостиницы скорее всего не будет иметь характерного стиля русской архитектуры, что чрезвычайно важно для такого христианского памятника. Следует иметь в виду, что согласно еще турецкой традиции, признаваемой архитектурным управлением муниципалитета Иерусалима, все здания, в том числе и вновь сооружаемые в черте города, должны облицовываться желто-белым иерусалимским известняком. Поэтому разработка оригинального проекта подворья следует признать наиболее рациональным.

8. Стоимость участка земли площадью 1 га — минимальном размере, на котором разрешается в Израиле строительство гостиниц, — с оформлением соответствующей документации и привязкой к городским коммуникациям (электричество, водопровод, канализация, дорога), с оплатой муниципальных сборов и услуг адвокатов составит около 5 млн. ам. долларов. Строительство *** гостиницы на 100 человеко-мест (50 номеров), помещения учебных классов, библиотеки и церкви с учетом стоимости проекта и его утверждения в муниципалитете Иерусалима, гостиничного оборудования и оформления (росписи и убранства) церкви составит 10 млн. ам. долларов. Указанные цифры являются приблизительными и могут уточняться в процессе строительных работ. Поэтому на первом этапе реализации проекта следовало бы приобрести участок земли и разработать проект, привязанный к местности, и затем объявить тендер на

строительство этого объекта. Если строительство будет осуществлять израильская фирма, многочисленные согласования, неизбежные в этом деле, будут решаться проще и быстрее. Следует признать, что количество участков земли размером до 1 га в городской черте Иерусалима исчисляется единицами, и фактор времени в этих условиях является чрезвычайно важным.

9. Любая гостиница в Св.Земле считается рентабельной, если ее заполняемость составляет 50% в течение года. Возврат средств, затраченных на строительство гостиницы и других сооружений будет поступать от российских и других паломников (ежегодно 2000–2400 человек), от школы (в Иерусалиме 6 тыс. православных и 20 тыс. евреев-эмигрантов из России, готовых послать детей в платную русскую школу), от службы в церкви, кружечных сборов и др. Указанные поступления будут зависеть от организации работы гостиницы, которая должна управляться профессионалами с тем, чтобы выдержать жесткую конкуренцию. Возможные благотворительные взносы от правительства России (до 1917 г. Императорское Православное Палестинское Общество получало ежегодно 30 тыс. золотых рублей из государственного казначейства), банков, крупных компаний и частных лиц России, желающих прославить свое имя в Св.Земле, может сократить срок возврата средств, затраченных на реализацию этого проекта.

10. Израильское правительство затягивает оформление передачи России объектов недвижимости и земельных участков, которые были признаны израильской стороной в качестве российской собственности. В принципе, правительство любого государства весьма неохотно продает в полную собственность земельные участки правительству других государств, ибо это влечет затем принцип экстерриториальности и утерю контроля над этой территорией. Израиль не пойдет на продажу участка земли правительству России, так же как и не продаст участок Русской Православной церкви на этот раз уже по изложенным выше религиозным соображениям. В этой связи Императорское Православное Палестинское Общество, имеющее более чем столетнюю традицию приобретения земельных участков и строительства объектов в Св.Земле, представляется наиболее подходящей организацией России для реализации престижного проекта к 2000-летию Рождества Христова.

Генеральный директор /подп./ М. Бекман
Печать.

17. Из дневника О.Г. Пересыпкина. Запись беседы с временным поверенным в делах Государства Израиль в Москве Александром Бен-Цви. Москва, 29 июня 1994 г.

Посетил А.Бен-Цви в посольстве Израиля в Москве.

Поблагодарил А.Бен-Цви и в его лице консульскую службу посольства за оперативную выдачу виз выезжающим в Св.Землю по линии ИППО паломникам.

Информировал израильского дипломата о том, что в настоящее время Совет ИППО рассматривает вопрос о строительстве к 2000-летию Рождества Христова небольшого подворья и православного храма.

Поинтересовался, каким образом повлияет визит премьер-министра И. Рабина в Москву на решение вопроса о российской собственности в Израиле, имея в виду, что часть помещений Сергиевского подворья, которое израильская сторона намерена вернуть правительству России, будет затем передана ИППО.

А. Бен-Цви весьма оптимистично оценил результаты визита И. Рабина в части, касающейся процесса урегулирования вопросов российской собственности. Он сообщил, что специальным распоряжением премьер-министра была создана комиссия, которой поручено форсировать выработку позиции израильской стороны, позволяющей достигнуть взаимоприемлемого решения по указанным проблемам.

Отвечая на мой вопрос о возможности приобретения ИППО нового участка земли под строительство подворья и православного храма, А. Бен-Цви подчеркнул, что в силу безусловного примата института частной собственности над всеми иными институтами гражданского общества в Израиле возможности правительства по оказанию влияния на вопросы выделения или приобретения земли весьма ограничены. По этой причине вопрос о продаже участков земли, в том числе иностранным гражданам и юридическим лицам, является лично делом их собственников на всей территории, находящейся под юрисдикцией Израиля. Это относится и к оккупированным арабским территориям. Однако, как уточнил А. Бен-Цви, вопросы следующего этапа реализации проекта и собственно строительства подворья и храма, должны быть согласованы с архитектурной службой соответствующего муниципалитета. По словам собеседника, ИППО хорошо известно в Израиле как среди евреев, так и среди арабов, и у него, Общества, есть все основания рассчитывать на самое благоприятное отношение к реализации этого проекта.

Поблагодарил за информацию. Добавил, что первый заместитель мэра Иерусалима Ш. Меир в беседе с делегацией ИППО в январе 1994 г. также заявил, что вопрос о продаже земли решается с собственником этой земли, а вопросы строительства — с архитектурным управлением Иеру-

салима. Ш. Меир обещал нам сообщить о том, где разрешается возведение зданий гостиниц, храмов, школ, торговых центров и т. д., подчеркнув при этом, что муниципалитет Иерусалима заинтересован в любом строительстве, ибо это увеличивает количество рабочих мест и делает Иерусалим более привлекательным для туристов.

Информировал А. Бен-Цви о корректировке планов Общества, связанных с конференцией по случаю 100-летия со дня смерти архимандрита Антонина (Капустина), известного церковного деятеля и востоковеда XIX в. С сожалением отметил, что представители Русской Православной Церкви за рубежом предпочли дистанцироваться от этого мероприятия, и поэтому конференция будет проведена в Москве без участия их представителей. Просил оказать содействие в приглашении израильских специалистов-историков. Сообщил, что группа паломников для проведения торжественного молебна в русской церкви Вознесения на Елеонской горе, где похоронен Антонин (Капустин), выедет в конце октября с. г. В этом контексте с удовлетворением и симпатией вспомнили посла Израиля в США И. Рабиновича, бывшего ректора Тель-Авивского университета, и И. Липпеля, главного советника И. Рабина по религиозным вопросам, чей профессионализм и компетентность благоприятно сочетаются со стремлением содействовать развитию российско-израильских научных и культурных связей.

А. Бен-Цви порекомендовал по вопросу приглашения израильских историков связаться с атташе посольства по культуре Шамай Роланом.

На беседе присутствовал с.н.с. Дипакадемии МИД РФ В.Воробьев.

18. Письмо Председателя ИППО О.Г. Пересыпкина к Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину. Москва, 6 июля 1994 г.

Уважаемый Виктор Степанович!

По инициативе группы видных религиозных и общественных деятелей Российской Федерации в Москве создается Всемирный фонд паломничества (ВФП), который объединит в своих рядах представителей традиционных российских конфессий. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, Почетный член Императорского Православного Палестинского Общества дал свое согласие занять пост Председателя этого Фонда.

Среди уставных задач ВФП, в частности, значителен организация паломничества к религиозным святыням библейского Востока, содействие развитию традиционных духовных и культурно-просветительских связей России с народами этого региона, сплочению россиян вокруг моральных и культурных ценностей православия и других конфессий во имя единства российской нации и ее духовного здоровья.

Поскольку в настоящее время уставные документы ВФП находятся на регистрации в Минюсте РФ владыка Иоан обратился в Совет Императорского Православного Палестинского Общества с просьбой оказать содействие в организации паломнической поездки 170 граждан Российской Федерации (делегации православных христиан и мусульман) в Св.Землю (Палестина — Израиль — Египет).

Совет ИППО завершил проработку этого вопроса в конце июня 1994 г. и информировал об этом владыку Иоана, который одобрил проделанную нами работу и дал согласие возглавить эту поездку. Группу мусульман будет возглавлять муфтий Центрально-Европейского региона России Равиль Гайнутдин, согласие которого также получено.

Выбранная нами турфирма «Universal Tourist Agency» предложила наиболее приемлемые по ценам условия обслуживания нашей группы в Израиле и Египте. Кроме посещения старого Иерусалима и храма Гроба Господня, программа предполагает встречи с греческим патриархом Св.Града и муфтием Иерусалима, посещение Вифлеема и других мест, обязательных для православных паломников, а также молитвы мусульман в мечети Омара и Кубба ас-Сахра в Иерусалиме. Группа имеет в виду посетить в Египте монастырь Св.Екатерины на Синае, а также библейские места в столице Египта г.Каире.

В связи с вышеизложенным, просьба дать поручение изыскать возможность финансирования указанной поездки, имеющей важное морально-политическое значение для России и ее народов.

Смета расходов по поездке и письмо митрополита Иоанна прилагается.

Председатель ИППО /подп./ проф. О. Пересыпкин

19. Письмо председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы В. Зоркальцева к Председателю Совета Министров — Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдину. Москва, 14 июля 1994 г. На бланке Комитета.

Уважаемый Виктор Степанович!

Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО), созданное в 1882 году усилиями царской семьи и Православной Церкви для оказания помощи российским православным паломникам в Святую Землю, поддержки православия на Ближнем Востоке, просветительной и гуманитарной помощи населению Палестины и близлежащих стран, ныне принимает активное участие в духовном возрождении России, ее демократических и христианских традиций.

До 1917 года Общество построило на купленных в Палестине участках Сергиевское, Александровское, Елизаветинское, Николаевское и др. подворья, более 100 школ, больниц и других учреждений. Их деятельность способствовала укреплению авторитета России на Ближнем Востоке и в православном мире.

14 февраля 1993 года Минюст Российской Федерации зарегистрировал ИППО как правопреемника дореволюционного Общества. В настоящее время Общество, возглавляемое известным востоковедом и дипломатом профессором Пересыпкиным О.Г., продолжая свои исторические традиции, занимается организацией международного религиозного туризма к православным святыням библейского Востока, развивает духовные и культурно-просветительские связи России с народами стран Ближнего Востока и Средиземноморья.

ИППО прилагает значительные усилия для возвращения недвижимости, ранее

принадлежавшей Обществу в Палестине, Сирии, Ливане и Италии. Но, учитывая известные трудности в решении этих вопросов, Совет ИППО принял решение к 2000-летию Рождества Христова построить за собственный счет в Иерусалиме небольшое подворье (гостиницу для паломников) с православным храмом и школой.

В связи с этим руководство ИППО обращается в Правительство РФ с просьбой о выделении льготного кредита на 20 лет для приобретения участка земли в Иерусалиме и строительства указанных объектов. Возвращение долга будет осуществляться за счет благотворительных взносов и добровольных пожертвований физических и юридических лиц, доходов от возвращенной собственности, эксплуатации подворья.

Как нам стало известно, премьер-министр Израиля И.Рабин, посетивший в апреле с.г. с официальным визитом Москву, передал Вам приглашение посетить Израиль с ответным визитом. К Вашему визиту можно было бы приурочить закладку камня нового Российского подворья — православным храмом, что будет позитивно воспринято как у нас в стране, так и за рубежом и работать на повышение авторитета России и ее политического руководства.

20. Письмо Председателя Исполкома Организация Освобождения Палестины Ясира Арафата к Председателю ИППО О.Г. Пересыпкину.
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАЛЕСТИНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ, 4 АВГУСТА 1994 г.
ПЕР. С АРАБ.

В начале нашего письма позвольте выразить Вам благодарность за поздравления по поводу создания Палестинской Администрации и тем са-

мым выразить нашу признательность за Ваши прежние усилия, направленные на достижение мира в нашем регионе. Мы ценим Ваши искренние усилия, которые позволили оставить слово «палестинское» в названии Императорского Православного Палестинского Общества.

Высказывая свою признательность, мы одновременно выражаем свое удовлетворение проявленной Вами готовностью оказать действенную помощь в том, что касается создания глазной больницы в Вифлееме, а также возможности улучшения работы уже существующей больницы. Нам доставляет радость, что Вы готовы протянуть руку помощи палестинским врачам, желающим повысить свою квалификацию, а также предоставить одно место для обучения в Москве медицинской специальности за счет Императорского Православного Палестинского Общества. Мы хотели бы Вас информировать о том, что мы нуждаемся в поддержке таких искренних друзей, как Вы, с тем, чтобы совместно заложить основы нашего плодотворного сотрудничества со всеми людьми доброй воли.

Мы хотели бы также Вас проинформировать о том, что мы приветствуем совместную работу по организации паломнических поездок, а также строительство гостиницы для паломников и сооружение православного храма в Иерусалиме или его окрестностях, что будет содействовать возрождению Вашего традиционного паломничества.

Мы уверены, что наши отношения будут продолжаться, несмотря на сложные условия, которые можно объяснить нашими ограниченными материальными возможностями. Основная наша забота сегодня — построить наше новое Отечество, и в этом деле мы нуждаемся в поддержке каждого честного человека.

Мы просим все организации и правительства дружественных нам государств оказывать давление на правительство Израиля с тем, чтобы побудить его выполнить подписанное соглашение о мире и не обсуждать отдельно вопрос об Иерусалиме, поскольку все документы, принятые международным сообществом, говорят о том, что Иерусалим — столица государства Палестина.

Ваши предложения о сотрудничестве в области культуры и медицины встретили полное понимание с нашей стороны и в настоящее время они со вниманием изучаются. Мы имеем в виду информировать Вас о наших соображениях и планах по указанным выше вопросам.

Благодарю Вас за искреннюю готовность к сотрудничеству.

Ваш брат

Ясир Арафат
Председатель Исполкома ООП,
Председатель Национальной Палестинской Администрации

21. ОБРАЩЕНИЕ МИТРОПОЛИТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИОАННА (СНЫЧЕВА) И РЯДА ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА К ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ РФ В.С. ЧЕРНОМЫРДИНУ. 12 АВГУСТА 1994 г.

Уважаемый Виктор Степанович!

Нам стало известно о благородном начинании Императорского Православного Палестинского Общества, намеревающегося осуществить строительство русского православного храма на Святой Земле Палестины. Это знаменательное событие предполагается приурочить к великой дате — 2000-летию Христианства, которая будет торжественно отмечаться всем мировым сообществом. Постройка такого храма стала бы в глазах общественности еще одним подтверждением того, что возрожденная российская государственность сегодня вполне обоснованно может восприниматься верующими россиянами как гарант верности многовековым отечественным традициям высокой духовности и нравственной чистоты, без которых немислимо полноценное существование нашей Родины.

Мы целиком поддерживаем этот патриотический почин и предполагаем со своей стороны оказать всяческое содействие Палестинскому Обществу и его председателю Пересыпкину Олегу Герасимовичу. Надеемся, что возведение храма в Палестине станет не только актом подтверждения духовной преемственности тысячелетнего российского государства, но и заметным событием международной жизни, которое подтвердит престиж и высокое достоинство России на международной арене.

Учитывая важность и духовное значение инициативы Палестинского Общества, просим Вас оказать содействие в ее осуществлении. Государственная поддержка такого начинания стала бы еще одним доказательством миротворческой роли великой Российской Державы в современном мире.

Высокопреосвященнейший ИОАНН, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви: (подпись)

М.В. ПИОТРОВСКИЙ, профессор, директор Государственного Эрмитажа, член Совета Императорского Православного Палестинского Общества: (подпись)

А.Б. МЕЛЬНИК, Президент фонда святого всехвального апостола Андрея Первозванного: (подпись)

К.Ю. ДУШЕНОВ, Председатель Союза Православных братств Санкт-Петербурга: (подпись)

Л.С. ЯКОВЛЕВА, главный редактор газеты «Собеседник православных христиан»: (подпись)

А.Н. АЛЕКСЕЕВ, ответственный секретарь Троицкого Православного Собора: (подпись).

22. Письмо посла в Государстве Израиль А.Е. Бовина к председателю Императорского Православного Палестинского Общества О.Г. Пересыпкину. Тель-Авив, 15 августа 1994 г. Подлинник. На бланке посольства*.

Уважаемый Олег Герасимович!

При этом направляем письмо Я.Арафата на Ваше имя, полученное нами в канцелярии главы Палестинской Национальной Администрации в Газе.

Приложение: упомянутое на 2-х листах и конверт.

Посол России в Государстве Израиль /подп./ А. Бовин

23. Письмо представителей арабской православной общины Иерусалима Наима Тарази и Питера Кумри к мэру Москвы Юрию Лужкову. Иерусалим, 17 декабря 1994 г. Неофиц. пер. с англ.

Ваше Превосходительство,

Принять Вас в святом городе Вифлееме было для нас большой честью и удовольствием, стало источником нашего личного удовлетворения. Еще большей радостью было присутствие на церемонии вручения Вам диплома почетного члена Императорского Православного Палестинского Общества, которое мы имеем честь представлять в Палестине и Израиле. Ваше великодушие дало нам возможность встретиться с Вами позже в гостинице и объяснить Вам нужды и потребности российских православных паломников, посещающих святые места, и необходимость покупки или строительства гостиницы для размещения этих паломников во время их пребывания на Святой Земле.

Мы выражаем наше личное пожелание — видеть укрепление, рост влияния и повышение уважения к Православию, т.е. возвращение положения, которое было до большевистской революции в России.

Повсеместно в нашей стране находятся участки, которые ранее принадлежали Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Многие из них перешли в руки правительства Израиля, одни — путем продажи, обмена, другие — беззаконного захвата израильянами. Благодарение Господу, что малое количество таких участков остались свободными, но они находятся во владении Белой русской группы (имеется в виду Русская Православная Церковь за рубежом. — Прим. пер.).

По нашему мнению, будет замечательно, если Вы сможете оказать помощь в приобретении гостиницы, в которой смогли бы разместиться од-

* Сопроводительное письмо к документу № 19 (письмо Я. Арафата к О.Г. Пересыпкину от 4 августа 1994 г.).

новременно 140 паломников из России. Мы ищем такой объект и полагаем, что такое приобретение — перспективное предприятие. В добавок к сказанному, мы полагаем, что было бы очень важно купить земельный участок в Иерусалиме для возведения на нем собора и других церковных служб. Если нам удастся сделать это — то собор будет носить имя Вашего покровителя — Св. Георгия.

Стоимость гостиницы и земли для храма не будет превышать 10 млн. ам. долл. Для паломников из России и местной православной общины осуществление этих двух проектов явится знаменательным событием, поскольку большая часть персонала в гостинице будет православными арабами.

Проф. Олег Пересыпкин располагает подробной информацией, и мы благодарны ему за большой интерес, проявленный к этим проектам. Точнее говоря, он является движущей силой осуществления этих проектов с тем, чтобы воссоединить снова русское Православие с арабским Православием на Св. Земле.

Мы рады сообщить, что Его Блаженство Патриарх Диодор Второй приветствует и благословляет эту инициативу, послужащую также и укреплению местной православной церкви.

Еще раз примите нашу благодарность за предоставленную возможность встречи с Вами и Ваши усилия по реализации этого большого проекта.

Искренне Ваши,
Наим Тарази и д-р Питер Кумри,
представители Императорского Православного Палестинского Общества в Палестине

24. Письмо представителей АРАБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИНЫ ИЕРУСАЛИМА НАИМА ТАРАЗИ и ПИТЕРА КУМРИ к ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ В.С. ЧЕРНОМЫРДИНУ. ИЕРУСАЛИМ, 14 мая 1995 г.
НЕОФИЦ. ПЕР. С АНГЛ.

Ваше Превосходительство,

Разрешите приветствовать Вас от имени православной общины в Святой Земле и пожелать Вам и Вашему правительству больших успехов на благо народов России и православия во всем мире.

До 1917 года Россия имела большое влияние в Святой Земле — Палестине. Активно работала Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, возглавляемая выдающимися церковными деятелями, тысячи паломников прибывали из России, где созданное в 1882 году в Санкт-Петербурге Императорское Православное Палестинское Общество руководило деятельностью многочисленных школ, подворий для приема паломников и лечебных учреждений, которые использовались также для нужд местного на-

селения. Русский язык был в Палестине вторым языком после арабского языка, а звон колоколов, отлитых в России и подаренных православным храмам, оглашал окрестности Иерусалима со звонницы храма Гроба Господня, Вифлеема — с колокольни храма Рождества Христова, Назарета и других городов Святой Земли, где они находятся и поныне.

Повсеместно в нашей стране находятся участки и строения, которые ранее принадлежали правительству царской России, Русской Православной Церкви и Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Большая часть из них перешла в руки правительства Израиля, одни — путем продажи, обмена, другие — беззаконного захвата израильянами. Благодарение Господу, что хоть малое количество таких участков остались свободными, но они находятся во владении Русской Православной Церкви за рубежом. Борьба за возвращение этих участков требует много сил, времени и средств.

Активизация работы России в Святой Земле, по нашему мнению, отвечает задачам возрождения России, ее духовной жизни на основе христианских канонов Русской Православной Церкви. Этому будет содействовать создание нового Российского подворья в Восточном Иерусалиме с православным храмом во имя покровительницы России Богородицы, школой и другими церковными службами, а также приобретение небольшой гостиницы, которая уже сегодня сможет принимать российских паломников.

Стоимость гостиницы и земли для храма, которые мы уже подобрали, не будет превышать 12 млн. ам.долл. Стоимость строительства самого храма будет зависеть от его архитектурного решения, внутреннего убранства и др. Следует иметь в виду, что предлагаемый нами участок по-прежнему является единственным нужного размера, расположенным вблизи христианских святынь Старого города Иерусалима.

Внося указанное предложение, мы также исходим из того, что Россия как великая православная держава должна достойным образом встретить 2000-летие Рождества Христова путем строительства храма во имя Богородицы Девы Марии и приобретения гостиницы, способной принять 140 российских паломников. Все это будет иметь большой позитивный резонанс в православной общине России и Палестины и всего мира.

Председатель ИППО проф. Олег Пересыпкин располагает подробной информацией, и мы благодарны ему за большой интерес, проявленный к этим проектам. У него имеются все документы, касающиеся участка земли и гостиницы на Елеонской горе, и он готов передать Вам или лицу, которому Вы поручите принять его, указанные материалы.

Мы рады сообщить, что Его Блаженство Патриарх Иерусалимский Диодор Первый благословляет эту инициативу, которая послужит также местной Православной Церкви и православной общине.

С надеждой на реализацию наших больших проектов,
Искренне Ваши
Наим Тарази и д-р Питер Кумри,
Представители Императорского Православного Палестинского Обще-
ства в Палестине.

Р.С. Д-р Питер Кумри — член руководства Благотворительного православного общества в Иерусалиме и общины Св. Жен-Мироносиц города Иерусалима, председатель Молодежного православного клуба г.Вифлеема.

Наим Тарази — казначей, регент хора православного собора Св. Иакова — Брата Господня, единственной арабской православной церкви Иерусалима, консультант по вопросам туризма в течение 12 лет Ближневосточного Совета Церквей.

25. Письмо Председателя ИППО, чрезвычайного и полномочного посла О.Г. ПЕРЕСЫПКИНА к Председателю Правительства РФ В.С. ЧЕРНОМЫРДИНУ. Москва, 23 мая 1995 г.

Уважаемый Виктор Степанович,

Направляю письмо руководителей православной общины в Иерусалиме г-на Н. Тарази и д-ра П. Кумри на Ваше имя, переданное нам во время посещения Святого Града Иерусалима с группой паломников в мае 1995 года.

Со своей стороны хотел бы сообщить следующее:

1. Человечество подводит итоги двадцати веков от Рождества Христова. Система ценностных ориентаций русского и других славянских народов, глубинные пласты народного сознания и восприятия окружающего мира проникнуты идеями Библии. Вот почему Россия и ее правительство не могут остаться в стороне от празднования этой исключительной по своему духовному смыслу даты в истории нашей цивилизации.

Строительство нового российского подворья с православным храмом во имя покровительницы России Богородицы Девы Марии, приуроченное к 2000-летию Рождества Христова, будет иметь огромный положительный резонанс в России и во всем христианском мире, еще раз подчеркнет наше стремление и стремление нашего правительства к духовно-нравственному возрождению России, ее возвращения к истокам христианской морали, миру и милосердию.

Стоимость 1 га земли, минимального размера участка, необходимого для строительства подворья в Восточном Иерусалиме, составляет 6—7 млн. ам. долл. Участок земли, который предлагают Н. Тарази и П. Кумри, принадле-

жит богатому арабу православного вероисповедания, согласному продать свою землю только России в лице ее правительства или любого российского учреждения по рекомендации правительства.

2. Предложение о приобретении гостиницы на Масличной горе, которое предлагают Ваши корреспонденты, также заслуживает внимания. Гостиница находится в очень почитаемом месте, рядом с местом Вознесения Христова, которому поклоняются и христиане, и мусульмане. По уровню ее можно отнести к **-, ***-звездочной гостинице на 120—140 паломников. Стоимость недельного проживания одного паломника в Св. Земле сегодня составляет 400 ам. долл. Поэтому гостиница может быть самокупаемым проектом, а арабы-православные готовы взять на себя обслуживание паломников и ее содержание. Гостиница также принадлежит православному арабу, который уезжает к своим сыновьям в США и готов продать ее, но только России или ее госучреждениям. Следует иметь в виду, что стоимость земли и недвижимости в Св. Земле ежегодно растет на 15—20%, и решение этих вопросов, в случае Вашей заинтересованности, не следовало бы откладывать в долгий ящик.

3. Мы имеем фотографии и документы по указанным объектам, а также ряд дополнительных материалов. Я готов встретиться с Вами и передать все имеющиеся документы. Учитывая, что эти проекты по сути дела являются экономическими, то, в случае Вашей занятости, я мог бы встретиться с Вашим заместителем Давыдовым Олегом Дмитриевичем, которого я хорошо знаю по совместной работе в Ливии, и изложить ему ряд дополнительных соображений в пользу указанных выше проектов.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй одобряет инициативные шаги Императорского Православного Палестинского Общества, связанные с расширением российского паломничества в Святую Землю, письмо которого прилагается.

Приложение: упомянутое, на 6 лл.

Председатель

профессор О.Г. Пересыпкин

26. Проблемы и перспективы развития паломничества в Святую Землю.
Выступление заместителя Председателя ОВЦС МП архиепископа Калужского и Боровского Климента на годовичном собрании ИППО.
Москва, 20 июня 1995 г.

С давних пор Святой Град Иерусалим привлекает взоры православных русских людей. Со времени Крещения Руси паломничество в Святую Землю понималось как великий и спасительный подвиг.

Всем известны древние свидетельства о паломничестве из Святой Руси в Святой Град Иерусалим. В 1062 году инок Киево-Печерского монастыря Варлаам совершает паломничество в Святую Землю. Мы хорошо знаем из русской литературы «Хождение игумена Даниила», который в 1106–1108 годах обошел всю Святую Землю. От второй половины 14 века сохранились записки о паломничестве монаха Стефана Новгородца и от 15 века описание иеродиакона Зосимы из Киева. Сохранились также записи купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова, посланных царем Иоанном Грозным в Царьград, Иерусалим и Антиохию для поминания царевича Иоанна. Существует также много других свидетельств о посещении Святой Земли русскими паломниками в древние времена.

К началу XX века паломничество в Святую Землю из России было наиболее массовым. Простые благочестивые люди из самых далеких глубин России совершали паломничество в Святую Землю пешком. Когда открылось пароходное сообщение между Яффой и Одессой до ста человек в сутки прибывали в Святую Землю. На кораблях сооружались храмы, в которых постоянно совершались богослужения. Паломники исповедовались, причащались, готовили себя к прибытию в Святую Землю.

До образования Русской Духовной Миссии в Иерусалиме русские богомольцы размещались в двух греческих монастырях: Федоровском и Екатерининском, где они находились в полном подчинении у греков. Без их разрешения паломники не могли посещать святыне. Плата за жилье, перевоз и другие услуги были очень высокими. И часто простые паломники вынуждены были отдавать последние копейки за то, чтобы иметь хоть какой-нибудь кров. Основанная в 1847 году Русская Духовная Миссия в Иерусалиме сыграла огромную роль в развитии паломничества из России. Вместе с тем, она оказывала большую помощь и поддержку православным людям, оказавшимся под турецким владычеством. Несмотря на малочисленный состав Миссии и на первоначальный недостаток материальных средств, ей удалось за короткое время сделать очень многое. Были созданы школы для священников арабов в Иерусалиме, Лидде, Рамле и Яффе. Издавались богослужебные книги на арабском языке.

Огромная заслуга в развитии русского присутствия в Святой Земле принадлежит начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину), который хорошо знал и понимал нужды паломников. Благодаря его мудрости и энергии стали приобретаться земельные участки, связанные с тем или иным событием Священной истории в Иерусалиме и по всей Палестине, возводились храмы и дома для размещения паломников.

Образованное в 1882 г. Императорское Православное Палестинское Общество активно включилось в дело организации паломничества. Тыся-

чи русских паломников посещали святые места и имели там кров и пищу, духовное попечение и, в случае необходимости, получали медицинскую помощь. До сих пор в Иерусалиме сохранилось множество русских построек, особенно в центре Иерусалима, и это место сейчас так и называется «Русские постройки».

Начало Первой мировой войны в 1914 году, а затем события 1917 года приостановили паломничество. Народная религиозная жизнь лишилась животочных связей со Святой Землей. Духовная жизнь оскудела. Благочестивый русский народ был начисто лишен каких-либо возможностей посетить и поклониться святым местам. Многие из того, что мы имели в Святой Земле, пришло в упадок. Лишенные паломнического присутствия русские здания и участки опустели. В 60-х годах огромная часть земель была продана Советским правительством государству Израиль. Благодаря стараниям Русской Духовной Миссии на территории Израиля сохраняются в церковной собственности: Троицкий собор, здание Миссии и Горненский женский монастырь в Иерусалиме, монастырский участок с храмом св. ап. Петра и св. прав. Тавифы в Яффе, монастырский участок и храм св. равноап. Марии Магдалины в Тиверии, храм св. прор. Илии в Хайфе, а также другие земли и здания в Западном Иерусалиме, Назарете, Хайфе, Тиверии, Кане Галилейской и в местечке Лубие.

До недавних политических изменений в России Церковь имела возможность не более двух раз в год отправлять немногочисленные паломнические группы в Святую Землю. В настоящее время Отдел внешних церковных сношений организует регулярные 7-дневные поездки в Святую Землю паломнических групп по 20 чел., которых гостеприимно размещает и окормляет Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Насельники Миссии сопровождают наших паломников в Святой Земле. Размещаясь в небольшой гостинице в здании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и гостиничных домах в Горненском монастыре, паломники имеют все необходимое. Программы пребывания паломников составляются так, что паломники в течение недели могут побывать на всех почитаемых святых местах. На участках, принадлежащих Русской Духовной Миссии, совершаются богослужения и молебны. Паломники имеют возможность совершить богослужение и помолиться у Гроба Господня, на Голгофе, в Гефсимании. А по возможности, некоторые паломники могут посетить святую гору Синай.

В процессе возрождения паломничества мы также сталкиваемся с многими проблемами. К сожалению, в настоящее время Миссия обладает ограниченными возможностями для приема паломников. Необходимо изыскивать возможности для размещения большего числа паломников, так как число желающих и имеющих возможность посетить Святую Землю с каждым годом все больше и больше. И, несомненно,

в ближайшем будущем число паломников возрастет, и особенно много паломников ожидается к дням празднования 2000-летия Рождества Христова.

Чувство глубокого уважения вызывает стремление руководства Императорского Православного Палестинского Общества, направленное на возрождение и укрепление паломничества. Содействие Церкви в техническом осуществлении и финансировании паломничества всегда являлось главным делом организационной сферы деятельности ИППО. Органичное сочетание научно-археологической, просветительской и благотворительной деятельности Палестинского Общества в конечном итоге предусматривало цель — укрепление и защита православных интересов в России и на Ближнем Востоке. Только на этой основе: соответствия идеологической деятельности ИППО своему первоначальному предназначению — возможно взаимодействие ИППО с Церковью.

Наша совместная программа возрождения паломничества должна предусматривать следующее:

- реставрирование старых строений (храмы, гостиничные дома);
- строительство гостиниц для приема паломников;
- налаживание контактов с рядом организаций, заинтересованных в развитии паломничества;
- изыскание возможностей для организации бесплатных или недорогих паломнических поездок для учащихся воскресных школ, духовных училищ и семинарий, для малоимущих верующих.

К сожалению, в настоящее время многие простые православные христиане не в состоянии оплатить поездку в Святую Землю, и Церковь не имеет достаточных возможностей финансировать паломничество всех желающих преклонить колени у Гроба Господня. В этом отношении нашей совместной задачей является — организовать экономические программы, предоставляющие облегченные варианты оплаты паломнических поездок.

Организация паломничества не должна ограничиваться только техническим обеспечением и облегчением возможности поездок. В деле возрождения паломничества необходимо чутко относиться и беречь древние традиции паломничества, которые издавна сложились на Руси. Опасность состоит в том, что исторически сложившийся духовный характер паломничества может нарушиться тенденцией придавать посещениям Святой Земли светский общепознавательный характер, присущий современному туризму. Посещение Святой Земли нельзя рассматривать в качестве одного из специфических туристических направлений. Поклонение Гробу Господню всегда считалось великим даром Божиим и сопровождалось чувством покаяния и аскетическими настроениями. Паломничество и поклонение святыням являлось кульминацией про-

хождения индивидуального поста, связанного с личной потребностью очищения своей совести. В этой связи необходимо еще много потрудиться в идеологической переориентации предпринимаемых ИППО поездок в Святую Землю. Научные ресурсы Палестинского общества должны переходить от имевшей в советское время практики независимых научных исследований к целенаправленной деятельности по воцерковлению, духовному воспитанию и православному просвещению русского народа. Все это может и должно делать ИППО согласно своему изначальному научно-миссионерскому предназначению. Одними из основных задач, к которым можно приступить нашими совместными силами уже сегодня, являются:

- издание книг, буклетов, путеводителей и создание видеофильмов о Святой Земле;
- продолжение научно-археологических изысканий, начатых архимандритом Порфирием (Успенским);
- отражение православной позиции в изданиях и публикациях о Святой Земле;
- катехизическая духовно-просветительская деятельность среди паломников.

Для полноценного осуществления такой религиозной работы членами ИППО, как *Православного Общества*, должны являться воцерковленные и богословски образованные православные люди.

Окончательной перспективой взаимодействия Русской Православной Церкви и ИППО, по нашему мнению, должна стать единая организационная программа паломничества в Святую Землю.

27. Письмо заместителя министра иностранных дел РФ В.В. Посувалюка к министру финансов Российской Федерации В.Г. Панскову.
Москва, 28 июня 1995.

Уважаемый Владимир Георгиевич,

В связи с поручением С.М. Шахрая (СШ-ПЗ-17151) МИД России полагал бы целесообразным поддержать инициативу строительства в Восточном Иерусалиме по линии Императорского православного палестинского общества храма и подворья для паломников и просьбу о выделении на эти цели льготной ссуды.

Считаем, что возведение в колыбели трех мировых религий православного храма, приуроченное к 2000-летию Рождества Христова, имело бы большое морально-нравственное и политическое значение, послужило бы интересам укрепления российского присутствия в этом важном для нас регионе.

28. Письмо заместителя министра финансов РФ А.П. Вавилова к Председателю Императорского Православного Палестинского Общества О.Г. Пересыпкину. Москва, 25 июля 1995 г.

О выделении средств в иностранной валюте для приобретения участка земли с гостиницей в Иерусалиме (Израиль)

Министерство Финансов Российской Федерации рассмотрело предложение Императорского Православного Палестинского Общества о выделении льготной ссуды в размере 12 млн. долларов США на приобретение участка земли в г. Иерусалиме (Израиль) для строительства на нем российского подворья с православным храмом и сообщает следующее.

Статьей 35 Федерального закона от 31 марта 1995 г. № 39-ФЗ «О Федеральном бюджете на 1995 год» установлено, на какие цели Правительству Российской Федерации разрешено в 1995 году выделение бюджетных средств на условиях возвратности и платности, а статьей 17 определен перечень отраслей, предприятий и организаций, которым выделяются бюджетные средства, в том числе на возвратной основе. Строительство за рубежом статьей 35 не предусмотрено, а в статье 17 Императорское Православное Палестинское Общество отсутствует. В связи с этим Министерство Финансов Российской Федерации не имеет оснований и возможности на выделение льготной бюджетной ссуды Обществу на указанную цель.

29. Письмо Председателя ИППО О.Г. Пересыпкина Управляющему делами Президента Российской Федерации П.П. Бородину. Москва, 29 января 1996 г.

Уважаемый Павел Павлович,

26 января с.г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй принял делегацию Императорского Православного Палестинского Общества в составе Председателя и Ученого секретаря Савушкина В.А., которые информировали его, в частности, о работе по созданию нового Российского подворья в Святой Земле (Восточный Иерусалим).

Мы сообщили Его Святейшеству, что на Елеонской горе в престижном месте находится небольшая гостиница (справка прилагается), владелец которой — православный араб — готов продать ее нашему Обществу или иному лицу России, которое даст гарантии, что указанный объект в будущем не будет перепродан Израилю или его гражданам. Все наши попытки получить ссуду или льготный кредит от Правительства России для покупки гостиницы закончились неудачей: под формальными предложениями

нашему Обществу отказано в кредите, даже под залог приобретаемой недвижимости (ответ Минфина прилагается).

В процессе обсуждения этого вопроса Его Святейшество высказал идею о возможности приобретения Администрацией Президента России этой гостиницы, ее переоборудования в новое Российское подворье и передачу в хозяйственное управление — либо нашему Обществу или Русской Православной Церкви. Его Святейшество не исключал возможности самостоятельной эксплуатации этого подворья и самой Администрацией Президента для приема малоимущих православных паломников из России. При этом было признано целесообразным не откладывать решение вопроса в долгий ящик с учетом приближающегося 2000-летия Рождества Христова и отсутствия подобного рода объектов в святых местах Палестины, предлагаемых к продаже.

Уважаемый Павел Павлович,

Согласие Президента России Ельцина Б.Н. оказать помощь в создании нового Российского подворья в Святой Земле будет иметь огромный положительный резонанс в России и во всем христианском мире, что особенно важно в период президентских выборов, еще раз подчеркнет стремление Президента к духовно-нравственному возрождению народа России, к истокам нашей христианской морали, мира и милосердию.

Создание нового Российского подворья поддерживает Патриарх Московский и Всея Руси Алексей Второй, президент Палестины Я.Арафат, Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций (Зоркальцев В.И.), МИД РФ, ряд общественных и научных организаций России и Палестины.

Приложение: упомянутое, на 16 лл.

Председатель ИППО /подп./ проф. О.Г. Пересыпкин.

¹ Материалы международного научного симпозиума «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем». Москва, 23–27 января 1990 г. // Православный Палестинский сборник. Вып. 31(94). М., 1992.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИППО

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТУРИЗМ И ПАЛОМНИЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

С.Ю. Житенев

Во все века русской истории паломниками, несомненно, считали людей, совершивших далёкое богомольное путешествие в Святую Землю, Константинополь и Афон, а также к другим святым местам Вселенского Православия. С появлением в Древней Руси храмов и монастырей и у нас создались свои, отечественные, традиции поклонения честным мощам Божиим праведников, чудотворным и чтимым иконам и святым крестам, сначала в Киеве и Новгороде Великом, Смоленске и Пскове, а потом во Владимире и Москве, Суздале и Ростове, Костроме и Нижнем Новгороде, а также во многих других русских городах, храмах и монастырях. Богомольцы, совершившие паломническое путешествие к отечественным святыням, пользовались также заслуженным уважением современников. Вот, что об этом написал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Издревле паломничество по святым местам являлось одной из наиболее важных душеспасительных традиций русского народа. Излюбленным духовным подвигом православных паломников были порой чрезвычайно длительные хождения пешком по великим просторам Святой Руси. Русские люди с посохом и сумой доходили даже до древней Палестины, чтобы поклониться местам крестных страданий и Воскресения нашего Господа»¹.

В тысячелетней истории русского богомолья паломническая традиция прерывалась два раза — первый раз в XIII в., во время монгольского нашествия на Древнюю Русь, а второй в XX в., в советский богоборческий период. Почти четверть века прошло с того времени, когда пал «железный занавес», отделявший Россию от остального мира, и началось возрождение религиозной культуры, в том числе массового православного паломничества. Граждане России всех национальностей и вероисповеданий получили реальную возможность посещать святыне места, как в своём

Отечестве, так и за рубежом. Однако такая возможность ещё не являлась автоматическим основанием для возрождения религиозного паломничества в нашей стране. В первой половине 90-х гг. XX в. сотни тысяч наших соотечественников смогли свободно посетить святые места за рубежом, но большинство из них не знали и не понимали, что надо делать и как себя вести у святынь. Русская Православная Церковь в тот период времени оказалась не готова к организации массового паломничества, у неё отсутствовали специальные структуры, которые должны были заняться возрождением и координацией этой деятельности. Отправлением паломников или людей, считавшими себя таковыми, взяли на себя отечественные и зарубежные туристские фирмы, которые при этом не знали, как организуются богомольные путешествия. Таким образом, массовые поездки российских граждан к святым местам в 90-е годы прошлого века носили характер преимущественно религиозного туризма.

В современном научном сообществе сложилось устойчивое определение туристских путешествий, связанных с посещением религиозных объектов с различными целями. «Религиозный туризм — это светское путешествие, которое осуществляется с культурно-познавательными целями и в форме экскурсионных и ознакомительных поездок к объектам религиозного поклонения, историко-культурным и природным объектам, но при этом его участники не совершают обязательных для паломников сакральных ритуалов»². Он является подвидом культурно-познавательного туризма, а также деятельностью по организации посещения туристами, находящихся вне обычной среды проживания, религиозных и достопримечательных мест, связанных с культурным и природным наследием, относящимся к существующим и ушедшим в историческое прошлое верованиям и религиям. Религиозный туризм осуществляется в форме туристских и экскурсионных поездок к религиозным объектам, но при этом участники этих путешествий не совершают сакральных ритуалов (во всяком случае, их совершение не входит в программу или носит факультативный характер).

Наряду с культурно-познавательными и образовательными видами туристских путешествий выделяются другие виды и подвиды, в том числе туризм ностальгический и событийный. Если исходить из того, что туризм и паломничество не тождественны друг другу и являются различными социокультурными видами деятельности, то придётся признать и тот факт, что применение в отношении паломничества терминов, заимствованных из туристской индустрии: «паломнический туризм», «паломнический продукт», «паломнический тур», «мирское паломничество» и т.д. представляется некорректным. Признавая нецелесообразным использование самого выражения «мирское паломничество», которое по существу относится к туризму, важно отметить,

что за попытками смешения разных видов социокультурной деятельности (особенно в сфере образования и просвещения) стоит тенденция к свёртыванию культурного и цивилизационного многообразия человеческой деятельности, характерная для глобализирующегося мира. Доминирование этой тенденции приводит к существенному искажению представлений о сущности самого явления, каким является паломничество.

«Паломничество представляет собой традиционный вид религиозной деятельности, который является путешествием верующих людей с целью посещения и поклонения святыням, находящихся вне пределов их постоянного места жительства»³. Паломнические путешествия в мировых и национальных религиях традиционно подразделяются на два вида: внутренние и зарубежные. Внутреннее паломничество предполагает путешествие верующих людей к святым местам, расположенных внутри конкретного региона или государства. Зарубежное или выездное паломничество предполагает путешествие представителей той или иной религии к святыням, находящимся за границами их государства, в других регионах и даже континентах. По своему составу паломничество подразделяется на три типа: индивидуальное, групповое и массовое. К последнему в православной традиции, прежде всего, относятся многодневные крестные ходы.

Длительные паломнические путешествия, являясь традиционным инструментом межкультурного общения, приобрели в мировой истории особое значение в качестве средства взаимообогащения культур различных народов и религиозных традиций. Религиозное паломничество напрямую связано с межкультурной коммуникацией. Паломники, выходя за границы привычного им «своего» национального культурного мира, и добираясь до святых мест, оказывались на «перекрёстке культур», поскольку их путь, как правило, проходил через земли, представляющие собой сложные этно-религиозные образования, переплетение цивилизационных моделей и традиций. Важным аспектом коммуникативной функции являлось общение паломника с представителями иных культур. Эти контакты способствовали проникновению некоторых элементов «чужой» культуры, а также адаптации к этим «культурным имплантатам» в процессе формирования общей картины мира, которая складывалась в сознании паломников на основе культурно-исторических стереотипов. Среди них особую роль играют устойчивые представления о родной стране. Культурно-исторические стереотипы помогали и помогают паломникам подготовиться к встрече с другими культурами, ослабляют культурный шок от их первоначального восприятия.

Во всех крупных городах, таких как Константинополь, Иерусалим, Каир, Александрия, Дамаск, Салоники и другие русские паломники обя-

зательно посещали торговые ряды, базары, крупные и мелкие купеческие лавки, которые описывали в своих хождениях. Широкая и активная торговля шла каждый день, с раннего утра до позднего вечера, около храма Воскресения Господня в Иерусалиме, где продавались паломнические реликвии и сувениры, рассчитанные, прежде всего, на приезжих богомольцев. На иерусалимских базарах паломники приобретали местные, палестинские изделия, в том числе церковную утварь, из серебра, перламутра, дерева и кожи, а также привезённые из далёких стран шёлковые и хлопчатобумажные ткани, фарфоровую и стеклянную посуду, украшения, кофе, оливковое масло, финики, благовония и многое другое. Высоко ценились паломниками, приобретённые в Святой Земле, памятные евлогии, нательные кресты и иконки, сделанные из перламутра, христианские чётки, вырезанные из редких пород дерева или кости, иерусалимские свечи, обожжённые у Гроба Господня, погребальные покровы, бережно хранимые богомольцами до смерти, паломнические посохи, сработанные из кипариса. Во многих городах Ближнего Востока, но, прежде всего, в Иерусалиме накануне Вербного воскресения начинали работать специальные базары, где продавались пальмовые ветви, часть из которых специально скручивалась в виде креста. Все паломники, которые приезжали в Иерусалим на Пасху, обязательно приобретали пальмовые ветви, которые они увозили с собой на родину как памятные реликвии. Эта многовековая традиция, связанная с производством и реализацией паломнических сувениров в Святой Земле, Греции, Сирии и других странах сохранилась до настоящего времени.

В Российской империи традиционно местом пересечения паломнических потоков были Москва и Санкт-Петербург, Киев и Смоленск, Нижний Новгород и Казань, Астрахань и Одесса. Политика русских государей по сбору святынь в столицах, сначала в Москве, а затем в Санкт-Петербурге способствовала притоку массовых потоков православных богомольцев, в том числе прибывавших из-за рубежа, к столичным святым местам. Таким образом, можно сделать вывод о том, что религиозное паломничество на протяжении многих веков играло важную роль в межцивилизационных контактах различных народов и являлось уникальным средством межкультурной коммуникации. В святых местах Вселенского Православия и, в первую очередь, в Иерусалиме и Афоне собирались паломники из многих стран мира, которые взаимодействовали друг с другом, а также с местными культурами и народами. Во время паломнических путешествий происходил массовый обмен и усвоение информации, знаний и опыта между представителями разных религий и многих народов. Религиозное паломничество в нашей стране более тысячи лет играло и продолжает в настоящее время исполнять важную коммуникативную и цивилизационную роль.

Важную роль в деле возрождения религиозного паломничества играют современные технологии предоставления услуг в организации богомолья и специальная инфраструктура путешествий, которые должны создать и овладеть представители церковных структур в России. Высокий уровень предоставляемых услуг не противоречит содержанию религиозного паломничества, потому что они не затрагивают внутренней сути этой древней традиции, а только отражают определённый культурный уровень современного общества, неотъемлемые социальные гарантии для людей, а также требования безопасности. А возможность проявить личное благочестие для каждого паломника в святом месте всегда найдётся. Итак, развитие религиозного паломничества в России зависит от многих условий и обстоятельств, связанных, прежде всего, с состоянием религиозности народа и уровнем культуры современного общества.

Святейший Патриарх Алексий II писал об этом: «Отраднo видеть рост интереса к паломничеству со стороны чад нашей Церкви. Для значительного числа людей паломничество стало не просто одной из православных традиций, но регулярной потребностью души. Необычайный размах получили в последние годы многодневные крестные ходы тысяч верующих к святым местам, что по своей сути является одной из традиционных форм паломничества. <...> Показателем живого интереса к паломничеству является активное обсуждение этой темы не только на общецерковном уровне, но и на местах. <...> Мы должны помнить, что смысл паломничества заключается не в суетном стремлении увидеть многоликий мир культур и цивилизаций. Смысл паломничества — в смиренном и искреннем желании с молитвой и благоговением прикоснуться к святыням христианства»⁴.

В настоящее время происходит повсеместное возрождение паломнической традиции в различных традиционных религиях на территории России. Если паломничество, как на постсоветском пространстве, так и во всём мире, только восстанавливает свои позиции, то религиозный туризм уже давно является одним из активно развивающихся направлений туристской деятельности во многих странах. Возрастающий интерес к религиозному туризму превращает его в важный фактор обеспечения социальной стабильности и межрелигиозного диалога в глобализирующемся мире. Религиозный туризм, который получил широкое распространение во второй половине XX — начале XXI вв., предполагает посещение различных мест, где туристы могут увидеть действующие религиозные объекты, культовые архитектурные памятники, музейные экспозиции с произведениями искусства, отражающие бытование как современных, так и ушедших в прошлое религий и верований. Привлекает туристов и участие в религиозных праздниках и церемониях в качестве зрителей. Зарубежная и отечественная туристская реклама в настоящее время предлагает

множество поездок на Рождество, Пасху и другие религиозные праздники. Религиозный туризм способствует познанию истории и человеческих ценностей, воспитанию гуманизма и культурному росту людей, их взаимопониманию и развитию международного сотрудничества.

В настоящее время сохранение традиционных ценностей, культурного и природного наследия, освоения и передача их будущим поколениям становится одной из приоритетных задач современного общества, которую во многих случаях нельзя решить без развития религиозного туризма. Туризм, как и всякая деятельность человека, направлен не только на удовлетворение физических и материальных потребностей, но и на развитие человеческой культуры. Это такая деятельность, в рамках которой человек получает опыт сотрудничества, сопричастности с местом, в котором он пребывает, с его народом, культурой, религиозными традициями. Каждый вид туризма, даже имеющий специфические черты и особенности, способен играть заметную роль в общих целях развития общества и благоприятствовать установлению доверительных отношений между людьми разных культур и религий.

Эксперты и специалисты Всемирной Туристской Организации (ЮНВТО) выделяют религиозный туризм как один из самых перспективных видов туристских путешествий XXI века. В связи с отсутствием, или противоречивостью, или разнородностью статистики по поводу количества туристов, путешествующих с религиозными целями в различных странах, в настоящее время существует экспертная оценка объёмов религиозного туризма. «Мировой рынок религиозного туризма оценивается на сегодняшний день в 18 млрд. долларов в год (2% от всех поступлений в туризме). Ежегодное количество туристов и паломников составляет 300–330 миллионов человек»⁵. Что касается Российской Федерации, то отечественные эксперты также дают количественную оценку религиозному туризму. Религиозный туризм может составлять по некоторым оценкам около 70% всего внутреннего туризма. То есть, если принять общее число за 2014 г. внутреннего туристского потока России в 41,5 млн. чел. (согласно данным Ростуризма) то, соответственно, участники религиозных поездок могут составлять более 30 млн. человек. Это можно объяснить тем, что в культурно-познавательном потенциале российского туризма доля религиозной составляющей весьма велика. Таким образом, в настоящее время спрос на культурно-познавательные путешествия с религиозными целями постоянно растёт.

Такая тенденция связана с растущими потребностями современных людей в более глубоком ознакомлении с мировыми религиями и культурами с ними связанными, с различными знаниями об особенностях религиозной жизни отдельных стран и регионов, а также с желанием более полного интеллектуального обогащения посредством подобных путеше-

ствий. В настоящее время наблюдается активный и устойчивый рост интереса туристов к посещению религиозных объектов, как в России, так и в зарубежные страны. Мнения экспертов по поводу стремительного роста религиозного туризма разделились. Одни считают, что причина роста религиозного туризма, который неподвластен даже влиянию экономического кризиса, заключается в том, что большая часть такого рода туристов являются весьма состоятельными людьми, не жалеющими средства на «вечные ценности». Эксперты и специалисты ВТО, видят эту причину в том, что религиозный туризм оказался устойчивым к давлению мирового экономического спада, потому что он не рассматривается людьми в качестве роскошного образа жизни, а представляется в виде скромного путешествия с небольшим набором обязательных и недорогих услуг, а также познавательных и культурных целей.

Причина широкого распространения религиозного туризма может заключаться также и в том, что люди постепенно начинают понимать, что многополярный и безопасный мир можно создать только через продуктивный диалог цивилизаций как общее пространство многогранной духовности. Поэтому одним из основных средств совершенствования общества продолжает оставаться процесс познания, которое помогает человеку сформировать отношение к универсальным ценностям культуры и на их основе выработать своё собственное мировоззрение. Традиционные ценности различных культур — это благо, которое на современном этапе социально-экономического развития общества позволяет людям осознать приоритет духовных и нравственных целей над материальной мотивацией.

Современный религиозный туризм повторяет все основные модели массового туризма, который подвержен коммерциализации и экономическим критериям оценки его эффективности. Он содержит все единообразно определяемые признаки туризма: планирование, безопасность, перевозка, размещение, питание, культурное обслуживание, дополнительные услуги, торговля, сопровождение и прочее. Религиозный туризм в XXI в. присутствует в той или иной форме во многих сегментах туристского бизнеса, в том числе и даже в тех, которые с ним напрямую не связаны. Целями религиозного туризма в настоящее время является познание традиционных культур, истории религий, национальных религиозных традиций, ритуалов, обрядов, церемоний, участие в них в качестве зрителей, знакомство с уникальными памятниками архитектуры, в том числе с традиционными приёмами строительства культовых зданий, с шедеврами иконописи, скульптуры, мозаики и декоративного оформления. Нередко, при выборе направления религиозных поездок современными туристами, мотивом служит полученная информация об исторических путях древних и нынешних паломников.

В современной России паломничество успешно возрождается, а религиозный туризм бурно развивается. Многие туристы приезжают из поездок к святым местам действительно верующими людьми и позже возвращаются к ним уже в качестве паломников. Безусловно, невозможно буквальное повторения прошлого, но реально и осуществимо возрождение паломнической традиции на новом этапе развития современного общества. Паломничество развивается и реально становится массовым религиозным движением, которое, опираясь на древние традиции богомолья, использует в своих целях современные достижения науки и техники, прежде всего, в транспортной сфере.

Главными причинами, которые не дают развивать полномасштабную паломническую и туристскую деятельность в нашей стране являются: дефицит информации о святых и достопримечательных местах и религиозных маршрутах, нехватка воцерковленных и подготовленных гидов-переводчиков и квалифицированных экскурсоводов, а также недостаточный уровень связи и координации между государственными и туристскими организациями. Недостаточно привлекаются для финансирования и организации религиозного туризма и паломничества крупный российский бизнес. Крайне важно, чтобы бизнес-сообщество, в том числе национальные благотворительные организации, играли более активную роль в развитии религиозного туризма и паломничества, осуществляя и поддерживая организацию поездок с религиозными и культурно-просветительскими целями для незащищённых социальных групп населения (пенсионеров, инвалидов, учащейся молодежи).

В мае 2015 г. на заседании Коллегии Министерства культуры Российской Федерации Председатель Императорского Православного Палестинского Общества С.В. Степашин выступил с инициативой создания программы по развитию религиозного туризма и паломничества. Главной целью программы должна стать координация действий по созданию благоприятных условий для дальнейшего становления православного паломничества и религиозного туризма для российских и зарубежных граждан на территории Российской Федерации и за рубежом. Инициатива Общества была поддержана Министром культуры России В.Р. Мединским и Коллегией Минкультуры РФ. Летом с.г. эксперты и сотрудники ИППО, Минкультуры РФ и Ростуризма разработали Программу совместных действий по развитию религиозного туризма и паломничества в 2015–2020 гг.

19 октября 2015 г. в здании Минкультуры России прошла торжественная церемония подписания соглашения между Международной общественной организацией «Императорское Православное Палестинское Общество» и Министерством культуры Российской Федерации. Мероприятие возглавили Председатель ИППО С.В. Степашин и Министр культуры

России В.Р. Мединский. В церемонии также приняли участие Заместитель Министра культуры РФ А.Ю. Манилова, директор Департамента туризма и региональной политики Минкультуры России О.С. Ярилова, управляющий делами ИППО М.И. Калинин, советник Председателя ИППО Г.В. Веренич, член Совета ИППО С.Ю. Житенёв.

Открывая церемонию В.Р. Мединский сказал: «Это соглашение не рамочное, оно насыщено практическими мероприятиями, реальными планами. Исторически Императорское Православное Палестинское Общество создавалось для того, чтобы способствовать нашему продвижению в Палестину и, в первую очередь, путешествиям русских паломников на Святую землю. Сейчас, мне кажется, мы можем это направление расширить, поскольку нас интересует и развитие туризма по святым местам России»⁶. Он отметил, что многие россияне знают про святые места в Палестине и Афоне, но им мало известно о святых местах России. В документе речь идет и о въездном религиозном туризме, в первую очередь, для русских людей, поскольку наша православная община за рубежом огромна, как сказал Министр культуры России. Он подчеркнул: «Я думаю, что объединение наших усилий в этом направлении будет исключительно полезным для государства, для развития экономики страны»⁷.

Председатель ИППО С.В. Степашин поблагодарил В.Р. Мединского и сотрудников Министерства культуры РФ за поддержку инициативы Общества. «Подготовлена программа нашей совместной работы. Принято решение о том, чтобы были созданы и совет, и исполнительная дирекция. Определены конкретные регионы — двадцать регионов в нашей стране, и более десяти за рубежом, в которых будет реализовываться программа»⁸, — сказал он. В ближайшие несколько лет на базе зарубежных отделений ИППО будут открыты Национальные туристские офисы в Иерусалиме, Вифлееме, Салониках, Стамбуле, Таллине и других городах. Также планируется создание на базе отделений Общества в субъектах Российской Федерации региональных Центров религиозного туризма и паломничества совместно с туристскими администрациями субъектов Российской Федерации (городов Москвы и Санкт-Петербурга, Ростовской и Нижегородской областей). «Мы рассчитываем реализовать эту важную программу, опираясь на более чем 130-летний опыт Общества в деле организации религиозного паломничества и туризма. Важно не забывать неизбывное стремление русских православных паломников посетить святые места Вселенского Православия и, в первую очередь, Иерусалим, поэтому мы должны стремиться сохранять и поддерживать эту многовековую благочестивую традицию»⁹.

После приветственных выступлений состоялась церемония подписания следующих документов:

Программы совместных действий Министерства культуры Российской Федерации и МОО «Императорское Православное Палестинское Общество» по развитию религиозного туризма и паломничества в 2015–2020 гг.;

Соглашения между Минкультуры России и ИППО по реализации указанной Программы;

Плана реализации Программы;

Плана мероприятий в субъектах Российской Федерации по развитию религиозного туризма и паломничества.

В рамках «Программы совместных действий по развитию религиозного туризма и паломничества на 2015–2020 годы» планируется реализация проектов в информационной сфере для привлечения зарубежных религиозных туристов и паломников к святым местам России, разработка и реализация туристских и паломнических маршрутов к отечественным святыням. В ходе реализации Программы предполагается создание региональных программ по развитию религиозного туризма и паломничества до 2030 г., что позволит значительно увеличить туристские и паломнические потоки к святым местам нашего Отечества. Программа будет способствовать привлечению туристов и паломников из-за рубежа, которые смогут посетить святыне места в России.

В рамках Соглашения предполагается разработать комплекс мер, направленных на развитие православного паломничества и религиозного туризма для российских и зарубежных граждан на территории Российской Федерации и за рубежом; на содействие в проведении научных исследований в сфере культуры, истории, религиозного туризма и паломничества; а также в обеспечении возможности посещения святых мест российскими православными паломниками и туристами за рубежом. Планируются создание и запуск специализированного портала в сети Интернет, подготовка ежегодной Международной научно-практической конференции, посвящённой актуальным вопросам развития религиозного туризма и паломничества в России и за рубежом, разработка региональных программ по развитию религиозного туризма и паломничества до 2030 г.

28 октября 2015 г. в Центре Императорского Православного Палестинского Общества в Москве состоялось подписание соглашения о взаимодействии между Международной общественной организацией «Императорское Православное Палестинское Общество», Федеральным агентством по туризму (Ростуризм) и подведомственным ему Федеральным государственным унитарным предприятием «Национальный маркетинговый центр по туризму «Visit Russia». Документ подписали управляющий делами ИППО М.И. Калинин, заместитель Руководителя Ростуризма С.Е. Корнеев и и.о. директора ФГУП «НМЦТ» Ю.А. Мохова. Соглашение регулирует взаимодействие сторон в целях реализации «Программы совместных действий Министерства культуры Российской Федерации и

Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» по развитию религиозного туризма и паломничества в 2015–2020 годах».

На церемонии присутствовали Председатель ИППО С.В. Степашин, заместитель Председателя ИППО Ю.А. Грачёв, советник Председателя ИППО Г.В. Веренич, член Совета ИППО С.Ю. Житенёв. В рамках подписанного трехстороннего соглашения предполагается осуществлять совместную деятельность по созданию проектов развития въездного и внутреннего религиозного туризма и паломничества в Россию, оказывать содействие в посещении святых мест Вселенского Православия российскими православными паломниками и туристами за рубежом, разрабатывать и продвигать российские и международные паломнические и туристские маршруты на отечественном и зарубежных туристских рынках, содействовать развитию деловых связей в сфере религиозного туризма и паломничества с партнерами за пределами России.

Заместитель Руководителя Ростуризма С.Е. Корнеев заявил: «Со стороны Ростуризма и проекта «Visit Russia», мы готовы вести активную совместную работу, направленную на формирование позитивного имиджа России как страны, благоприятной для религиозного туризма и паломничества, в том числе и в рамках Соглашения»¹⁰.

На первом этапе реализации Программы (2015–2016 гг.) будут сформированы базовые условия для работы и открыты стартовые Центры религиозного туризма и паломничества в регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород), а так же будут открыты Национальные туристские офисы за рубежом (Иерусалим, Вифлеем, Салоники, Ларнака).

На втором этапе реализации Программы (2017–2018 гг.) будут созданы Центры религиозного туризма и паломничества в Российской Федерации (Белгород, Владимир, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Калуга, Кострома, Краснодар, Набережные Челны, Великий Новгород, Новосибирск, Оренбург, Орёл, Пермь, Псков, Самара, Севастополь, Симферополь, Сочи, Сыктывкар, Тверь, Ульяновск, Уфа, Черкесск); Национальные туристские офисы за рубежом (Амман, Валетта, Варна, Иерихон, Кишинёв, Минск, Рига, Стамбул, Таллин).

На третьем этапе реализации Программы (2019–2020 гг.) будут продолжены проекты по развитию Центров религиозного туризма и паломничества в России и Национальных туристских офисов за рубежом, будет осуществляться мониторинг, контроль и оценка их эффективности, выявление и внедрение лучшего российского и зарубежного опыта по развитию религиозного туризма и паломничества.

«Возможно, каждый хотел бы посетить святые места, но часто это не происходит из-за недостаточной информации, отсутствия готовых

предложений, организационных сложностей или недостаточной транспортной доступности. Наша задача стать тем мостом, с помощью которого, общими усилиями, мы сможем сделать паломнические путешествия к святым местам доступнее и ближе каждому, у кого есть это желание. У нас не стоит глобальная задача мотивировать туристов к посещению тех или иных религиозных объектов, но мы должны найти способ и помочь тем, у кого это желание уже есть, т.е. работа будет точечной и эффективной»¹¹ — отметил заместитель Руководителя Ростуризма С.Е. Корнеев.

«ФГУП «Национальный маркетинговый центр по туризму» занимается продвижением России как туристского направления за рубежом и на территории России. Наша команда готова оперативно включиться в совместную работу по реализации Программы. У нас есть ресурсы, понимание особенностей и механизмов работы туристского рынка. В работе мы используем современные маркетинговые инструменты, проверенные мировые практики продвижения территорий. Заключение Соглашения позволяет нам выйти на новый уровень взаимодействия и в целом расширяет горизонты деятельности «Visit Russia»¹² — сказала и.о. директора ФГУП «НМЦТ» Ю.А. Мохова.

В заключении Председатель ИППО С.В. Степашин пожелал всем сторонам успехов в плодотворном сотрудничестве для создания нового качества развития религиозного туризма и паломничества в России и за рубежом. Таким образом, положено начало большой и важной совместной работы Общества и государства в лице Минкультуры России и Ростуризма в деле развития религиозного туризма и паломничества.

Стремление людей, принадлежащих к различным народам, посещать святые места Вселенского Православия и возносить молитвы Богу о мире и благополучии близких, а также приобщиться к культурному наследию других стран, в полной мере реализуется в религиозном туризме и паломничестве. Путешествия с религиозными целями содействуют диалогу и взаимодействию между народами, к смягчению возникающей на религиозной и социальной почве напряженности в обществе. Религиозный туризм и паломничество приносят не только экономическую выгоду местному населению, государственным структурам, частным предприятиям и религиозным организациям — они духовно поддерживают людей, создают климат взаимопонимания между участниками поездок и местным населением по совместному преодолению проблем, связанных с мировым экономическим и политическим кризисом.

- ¹ **Кирилл**, митрополит, ныне Патриарх Московский и всея Руси. В добрый путь. // Журнал «Православный паломник», № 1 (1). М., 2000. С. 3.
- ² **Житенёв С.Ю.** Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М.: Издательство «Индрик», 2012. С. 168.
- ³ **Житенёв С.Ю.** Там же. С. 28.
- ⁴ **Алексий II**, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Приветствие участникам Четвёртой общецерковной конференции «Православное паломничество: традиции и современность». // Журнал «Православный паломник», № 1 (38), 2008. С. 3.
- ⁵ **Новиков В.С.** Тенденции развития религиозного туризма в мире. // Научные исследования в сфере туризма. Труды Международной Туристской Академии. Вып. 6. М., 2010. С. 360.
- ⁶ <http://ippo.ru/21vek/projects/rus/minkult/>
- ⁷ Там же.
- ⁸ <http://ippo.ru/21vek/projects/rus/minkult/>
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ <http://www.russiatourism.ru/news/9634/>
- ¹¹ <http://www.russiatourism.ru/news/9634/>
- ¹² Там же.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЕКТА

**К СИСТЕМНОМУ ОПИСАНИЮ ХРИСТИАНСКИХ
И ИСЛАМСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В РАМКАХ
ЕДИНОГО НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА.
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО СБОРНИКА».**

Ю.М. Кобищанов

Сегодня, как никогда прежде, необходима серия многотомных научных, интересно написанных изданий, подробно, объективно и в духе передовых достижений комплекса гуманитарных и естественных наук описывающих цивилизации мира в их историческом развитии. На основе этой серии изданий возможно написание разного рода специальных работ, учебников и т. д.

Этот план я вынашивал без малого четверть века. В 1991 г., в кулуарах Всемирного конгресса византистов (в Москве), я предложил создать международный авторский коллектив по написанию многотомных «Очерков истории христианских цивилизаций» и пустил по рукам лист с просьбой, обращенной к участникам Конгресса, написать темы их будущих глав. Первыми подписались я сам, Н. Н. Лисовой и покойный С. С. Аверинцев. Однако, в те годы более актуальной была признана исламская тематика, и написание «Очерков истории христианских цивилизаций» пришлось отложить на 16 лет.

В 2008 г. под общей редакцией Ю. М. Кобищанова были изданы два огромных тома «Очерков истории исламской цивилизации», (РОССПЭН), общим объемом в 214 усл. п. л. Авторский коллектив — 30 ученых из семи стран Европы и Азии (Россия, Великобритания, Казахстан, Малайзия, Таджикистан, Турция, Эстония) и пяти городов России.

Эта работа была награждена ЮНЕСКО как «лучшая книга года, вносящая ценный вклад в диалог культур». Однако и этот вариант — не вполне заверченный. Явно не хватает ряда глав, отдельные главы прописаны слишком кратко. Сегодня работу можно продолжить. Хотя некоторые наши авторы умерли, а другие (еще не старые) перестали писать научные работы, но трое других — молодые, талантливые, хорошо подготовленные — опубликовали монографические исследования по темам недостаю-

щих глав. Кроме того, отсутствующие главы по истории Кыргызстана, по искусству Азербайджана и Дагестана могут написать ученые этих стран. Вместе с приглашенными известными петербургскими арабистами мы можем за два года подготовить к изданию уникальный четырехтомник под тем же названием «Очерки истории исламской цивилизации. Издание второе, дополненное. Тт. 1–4».

В 2009–2014 гг., была подготовлена рукопись первого тома «Очерков истории христианских цивилизаций», озаглавленная «Рождение христианских цивилизаций», объемом в 115 а. л. Авторы — 28 докторов и кандидатов исторических и философских наук из разных городов России, Украины, Азербайджана и Грузии, исповедующих разные религиозные, философские и политические убеждения, но единых в уважении общечеловеческих ценностей, позитивных религий, научной этики и поисков истины. Работа посвящена памяти С. С. Аверинцева, который должен был возглавить авторскую группу 7-й части 1-го тома и соответствующие разделы других томов и стать одним из руководителей работы в целом.

В настоящее время ведется работа над созданием 2-го тома. В его написании готовы принять участие не только большинство авторов 1-го тома, но и другие ученые, в том числе зарубежные (из Украины, Азербайджана, Египта и Судана). В дальнейшем возможно создание 3-го тома (о периоде IX–XI вв.) и последующих томов. Отдельный том будет посвящен народному христианству всех частей христианского мира, другие тома — архитектуре и искусству, музыкальной и театральной культуре разных христианских цивилизаций (каждый том — одному-двум периодам, главы — отдельным цивилизациям или их ветвям).

Такой может стать серия из первых книг «Библиотеки истории цивилизаций». Если найдется спонсор, готовый оплатить издательские и типографские расходы (авторы и научные редакторы работают бесплатно), то за три-четыре года можно издать 6 томов:

Очерки истории христианских цивилизаций. Т. 1. Рождение христианских цивилизаций.

Очерки истории христианских цивилизаций. Т. 2. Первый расцвет и великие испытания (VI–VIII вв.)

Очерки истории исламской цивилизации. Издание второе, дополненное. Тт. 1–4. (Том 1. О. Г. Большаков. Пролог. Рождение Халифата. Отв. ред. акад. М. Б. Пиотровский; Том 2. Введение в историю исламской цивилизации. Под общей ред. Ю. М. Кобищанова; Том 3. От начала расцвета исламской цивилизации до монгольского завоевания; Том 4. Эпоха великих исламских империй и Каирского Аббасидского халифата. Сер. XIII — сер. XVI вв. Под общей редакцией Ю. М. Кобищанова).

Текстовая основа шести перечисленных книг — двухтомника и четырехтомника — существует в подготовленном виде.

В заключение я предлагаю для обсуждения читателей один из подготовленных мною текстов — Введение в том 2-й «Очерков истории христианских цивилизаций». Подробный план этого тома уже разработан, отдельные разделы находятся в процессе написания. Наш авторский коллектив — более 30-и докторов и кандидатов исторических и философских наук из разных городов России (большинство), Украины, Азербайджана, Грузии, Египта и Судана. В процессе работы, я уверен, к нам присоединятся и другие ученые*.

* Из соображений большого объема редакция была вынуждена отказаться от публикации предоставленного нам Ю.М. Кобищановым подробного многостраничного оглавления планируемого издания.

ХРИСТИАНСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ-ВРЕМЕНИ ГОСУДАРСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ VI–VIII вв.*

Ю.М. Кобищанов

Ко времени великого переселения народов в Европе, Азии и Африке пояс древних цивилизаций, простиравшийся от Атлантического океана до морей Тихого и Индийского океанов, был с окружен с севера и юга поясом протоцивилизаций и догосударственных обществ. Основу пояса цивилизаций образовали великие древние империи: Римская, Сасанидская, Кушанская империя в Средней Азии и Северной Индии и сменившие ее империи хуннов и эфталитов, китайская империя Хань; на южной их периферии находили очаги древних цивилизаций в царствах Южной Аравии, Северо-Восточной Африки, Восточной Сахары, Южной Индии, Юго-Восточной Азии. Эти очаги были отделены друг от друга и от основного пояса цивилизаций территориями скотоводческих и земледельческих племен. Великая Евразийская степь, нагорья Тибета, Тянь-Шаня и Памира, пустыни Западной и Средней Азии и африканская Сахара служили естественными границами пояса древних цивилизаций и отдельных их очагов. В Европе границы этого пояса проходили по Дунаю, Рейну и Северному морю; они совпадали с границами Римской империи. Внутри каждой из империй господствовала сложившаяся в ней великая цивилизация: римская, иранская, китайская. Однако индийская цивилизация всегда сочеталась с политической раздробленностью, хотя периодически значительную часть Северной Индии объединяли недолговечные империи (Гуптов в начале IV — конце V вв., держава Карши в VII в.). Среди множества царств Южной Индии надо отметить Черу (Кералу), просуществовавшую особенно долго и ставшую родиной индийских «черных» иудеев и христиан.

* Введение к проектируемой коллективной монографии : Очерки истории христианских цивилизаций. Т. 2. Первый расцвет и великие испытания (VI–VIII вв.). Пробная публикация. — См. выше в настоящем выпуске: *Кобищанов Ю.М.* К системному описанию христианских и исламских цивилизаций в рамках единого научно-издательского проекта.

Изначально великие империи поздней античности развивали экспансию в северном и южном поясах протоцивилизаций и догосударственных обществ. Но с течением времени (в Римской империи — с правления Адриана в 117–138 гг., в Китае — со второй половины II в.) империи перешли от экспансии к обороне и даже старались отгородиться от северных «варваров» (а в Северной Африке — от южных народов) пограничными укреплениями. Самыми известными из них стали Великая Китайская Стена, римские укрепления, стена Дербентского прохода. Великое переселение народов, начавшееся на востоке Азии в IV в., докатилось до Западной Европы и Северной Африки в V в. В Китае, где империя Хань развалилась еще в III в., в начале IV в. поселившиеся здесь степные народы основали государства-лимитрафы. В V в. государства-лимитрафы разделили большую часть Римской империи. В VI в. в римском Средиземноморье, Иране, Индии и Центральной Азии, в V–VI вв. в Китае императоры пытались завоевать государства-лимитрофы и восстановить политическое единство древних империй в границах соответственно римской и китайской цивилизаций. Но, истощив свои силы в завоеваниях, они добились лишь временных и неполных успехов. Вслед за тем частично восстановленная Римская империя сошлась в схватке не на жизнь, а на смерть с восстановленной после нашествия кидаритов и эфталитов империей Сасанидов.

Время от воцарения византийского императора Анастасия (491 г.) до 30-х годов VI в. можно разделить на три периода: 1) царствования Анастасия (491–518) и Юстина I (518–527); 2) эпоха Юстиниана I. (527–565) и его преемников Юстина II (565–578), Тиберия II Константина (576–582), Маврикия (582–602) и узурпатора Фоки; 3) наконец, правления императора Ираклия, вступившего на престол в октябре 610 г., когда Византия отчаянно боролась за самое свое существование сначала с персами и аварами, а затем с арабами-мусульманами. В истории Сасанидской державы первому периоду примерно соответствует царствование шаханшаха Кавада (488–531), второму — Хосрова I Ануширвана (531–578), его преемника Хормузда IV (578–590) и начальный, мирный период (591–602 гг.) царствования шаханшаха Хосрова II Парвиза (590–628); третьему — второй период царствования Хосрова Парвиза и недолгое время междоусобиц и арабского завоевания (628–632 гг.) при десятке последних шаханшахов и шахинь Сасанидской династии¹. На Аравийском полуострове современниками Ираклия были пророк Мухаммад, его первый халиф Абу Бакр, будущие халифы Омар, Осман, Али и другие последователи Мухаммада. В Китае современником Ираклия и Мухаммада был великий император Тай Цзун.

В VI — начале VII вв. Византия и Персия сохраняли державный идеал древних мировых империй: Римской и Ахеменидской, — наследницами

которых они себя считали. Потерянные провинции каждой из них находились западнее их границ. Западные сатрапии Ахеменидской Персии теперь принадлежали Византии и были почти полностью христианизированы. В свою очередь, Византия — главная христианская держава того времени — претендовала на христианские провинции Сасанидской Персии, некогда принадлежавшие Риму. Реальной целью борьбы было господство на караванных и морских путях дальней торговли. В 531 и 541 гг. персидские войска при поддержке местного населения дважды захватывали юго-восточный берег Черного моря, в конце VI в. овладели Южной Аравией с побережьем Красного моря и Баб-эль-Мандебским проливом. В начале VII в. персы овладели Сирией, Палестиной и Египтом, вышли на восточные берега Средиземного моря и северные берега Красного моря. Теперь Красное море перешло под их контроль. Этот успех был эфемерным, как и последовавшая за ним победа императора Ираклия. Но перипетии последней персидско-византийской войны и взаимное ослабление обеих держав подготовили грандиозные арабо-исламские завоевания.

Во время бесконечных войн персы стремились разорить азиатские провинции Византии, разрушить их богатые, хорошо укрепленные города, и ради добычи, и для того, чтобы лишить византийцев базы наступления на восток. Разорение целых областей в результате войн дополнялось стихийными бедствиями. В 80-х годах V в. всю территорию Персидской державы и соседних с ней стран поразила засуха; за ней пришел голод и нашествие с юга бедствующих арабов-бедуинов вместе с их скотом. В царствование Юстиниана (особенно в его конце) начался период тяжелых природных испытаний: лет без лета, наводнений с прорывом плотин, неурожаев, недородов, эпидемий, общего похолодания, — продолжавшийся в VII–VIII вв.

Первое десятилетие VII в. было на западе Азии и в Константинополе периодом стихийных бедствий. В 600–601 гг. вследствие засухи азиатские провинции поразил неурожай, 2 нисана (апреля) 601 г. в Сирии произошло мощное землетрясение, три года подряд (602–604 гг.) азиатские провинции Византии опустошала саранча (налетавшая, надо думать, из Аравии); в Сирии саранча уничтожила все насаждения. Наконец, все азиатские провинции опустошила эпидемия бубонной чумы. Михаил Сириец писал, что чума унесла 3180000 жертв, кроме тех, которых не смогли сосчитать². В 606 г. наступило резкое похолодание климата со всеми последствиями. Зимы 607–610 гг. выдались на редкость суровыми. По свидетельству Михаила Сирийца и Феофана Исповедника, стояли сильные морозы, выпало много снега, Евфрат и другие реки, даже Средиземное море у сиро-палестинских берегов замерзли, рыба в нем погибла, вымерзли плодовые деревья, погиб урожай зерновых³. Все это происходило во время опустошительной византийско-персидской войны

604–630 гг. В 627/628 г. «вышли из берегов Тигр и Евфрат; огромные потоки воды прорвали плотины и хлынули в долины, заливая дома и посеы. Хосров сам выезжал на места происшествия, расходовал на восстановление плотин крупные средства, а когда воду остановить не удалось, приказал казнить строителей»⁴.

Две эпидемии чумы: первая (в начале VI в., о которой сказано выше) и вторая были печальным, но, может быть, наиболее бесспорным свидетельством возросших связей между странами Азии, Африки и Европы. Согласно Евагрию, византийскому церковному историку конца VI в., вторая эпидемия чумы появилась на востоке Средиземноморья, «как говорили», из Эфиопии через два года после взятия Антиохии персами, то есть в 542 г.⁵ Прокопий Кесарийский, современник событий, знал, что в Средиземноморье «началась она у египтян, обитателей Пилусия (в Дельте Нила. — Ю. К.); отсюда взяла два направления: одно — в Александрию и к другим частям Египта, другое — к смежной с Египтом Палестине; потом охватила она всю землю»⁶. В 543 г. чума появилась в Константинополе и Карфагене, а за пределами Средиземноморья — в Южной Аравии⁷, в 545 г. — в Италии и других странах Западной Европы⁸. «Некоторые города были так сильно им (мором) объаты, — пишет Евагрий, — что и вовсе обезлюдили»⁹. Страшные опустошения, произведенные чумой, заставили византийского императора и шаханшаха ускорить заключение мира, а в Южной Аравии царь Абраха на 11 месяцев приостановил ремонт Марибской плотины, очень важной для сельскохозяйственного производства, и пошел на существенные политические уступки своим противникам внутри страны и в Аксумском царстве (см. ниже).

Вместе с тем эпидемия стимулировала в Средиземноморье интерес к африканским странам¹⁰, считавшимся очагом «морового поветрия» (в случае с эпидемией 542 г. и последующих лет это не доказано). Позднее, вплоть до нового времени очагом эпидемий и пандемий чумы также считали Тропическую Африку.

Население многих стран Европы и Азии слишком медленно росло после депопуляции в эпоху великого переселения народов; поля Западной Европы превращались в леса, пастбища степного пояса Евразии, Центральной Азии, Ирана, Аравийского полуострова и Африки — в пустыни.

Эпоха Юстиниана совпала со временем наибольшего могущества его союзника — Аксумского царства. При Юстиниане и его преемниках христианство распространялось в разных частях Азии (Аравия, Шри-Ланка, Индия, Тюркский каганат) и Африки (Нубия, Гарама, Эфиопское нагорье). Когда путем напряжения всех сил Империи Ираклий победил сасанидского *шаханшаха*, последний (и последний правитель этой династии) принял крещение, и сам император стал его крестным отцом. Но в 610 г. в Мекке начал свою проповедь пророк ислама Мухаммад; в 6 г. по хиджре

(627/628 г. по Р. Х.) он направил свои послания императору Ираклию, *шаханшаху* Хосрову II (590–628), *нагаши* Аксума Элла-Сахаму и аравийским правителям, призывая их принять ислам.

На арену всемирной истории выступили арабы-мусульмане. В короткий срок созданное ими огромное государство поглотило Сасанидскую державу, больше половины империи Ираклия и его преемников, другие страны римского мира, христианские государства Южного Кавказа, больше половины Центральной Азии, долину Инда и западные границы империи Тан. На востоке Европы арабы-мусульмане нанесли поражение хазарам, заставили хазарского кагана принять ислам. На западе Европы они завоевали почти весь Пиринейский полуостров (кроме Астурии и земель басков), юг Франции. Большинство тогдашних христиан оказались подданными исламского государства. Но другие христиане: франки на западе Европы, византийцы в Малой Азии, нубийцы в Суадане, аксумиты на Эфиопском нагорье, — остановили экспансию Арабского халифата.

Хазары в северо-западном Прикаспии и Нижнем Поволжье при поддержке дагестанских государств начиная с 652/653 г. сдерживали экспансию арабов. Но походы 722–739 гг. подчинили арабам весь Дагестан и Аланское царство, а в 737 г. мусульмане (и вынужденные участвовать в их походах христиане) совершили блестящий поход на Волгу, передовые отряды дошли до Оки. Каган хазар, царь аланов, цари горных и степных государств Дагестана признали себя вассалами-данниками халифа и обязались принять ислам. Победителем их был Марван ибн Мухаммад ибн Марван, в будущем последний омейядский халиф (744–750). При нем в Халифате была гражданская война, произошла смена династии, затем противники новой, Аббасидской династии халифов укрепились на западе Халифата. Хазарский каганат, Аланское, Аварское и другие кавказские государства отказались от ислама и подчинения Халифату. В середине — второй половине VIII в. его границы относительно стабилизировались, и распространением ислама за этими пределами занялись купцы. Более чем столетний период возникновения и стремительного территориального роста Арабского Халифата — четвертый по счету. Пятый, полувековой — время консолидации противников Халифата с помощью христиан и манихеев, игравших роль миссионеров, дипломатов и купцов.

Относительная стабилизация границ Халифата в Европе, Малой Азии, на Кавказе и в Северо-Восточной Африке установила широкую пограничную полосу между Халифатом и христианскими государствами Европы и Северо-Восточной Африки, которые имели обширную нехристианскую периферию. Сюда устремились миссионеры ислама и разных направлений христианства, а также других высокоразвитых религий. Главных успехов они достигли уже в следующие исторические периоды.

Время смертельных испытаний, выпавший на долю христианских цивилизаций в VI–VIII вв., был и временем их продолжавшегося раннего расцвета, обеспечившего духовный и культурный подъем в последующие века. Благодаря деятельности купцов, дипломатов, миссионеров обмен идеями происходил, несмотря на войны и стихийные бедствия. Послы тогдашних великих держав обошли весь исторический мир VI–VIII вв. Кроме официальных послов дипломатией занимались богатые купцы и главы торговых факторий. Все они были исследователями чужих стран и разведчиками; оставленные ими донесения и географические сочинения — бесценные исторические источники.

Великое переселение народов и последующие за ним волны переселения народов принесли новые социальные элементы в социально-экономическую систему основного пояса древних цивилизаций, где господствовали экономики феодального типа. Но существенные изменения происходили при переходе от древнего к средневековому миру, прежде всего благодаря распространению мировых религий. Еще до того, как самый центр системы цивилизаций Восточного полушария был завоеван арабами и стал территорией ислама, эти цивилизации связали себя с высокоразвитыми мировыми религиями.

Западную часть пояса древних цивилизаций занимала римская цивилизация, восточную — китайская, в Южной и Юго-Восточной Азии господствовала индийская цивилизация, пространство между ними занимала группа цивилизаций Ирана и Центральной Азии, с юга к римской и иранской цивилизациям примыкала группа цивилизаций Аравийского полуострова и Северо-Восточной Африки, а с севера, между Черным и Каспийским морями — цивилизаций Кавказа и Армянского нагорья. В V в. большая часть Центральной Азии (от Каспийского моря до страны телеутов на востоке нынешнего Казахстана, Карашара и долины р. Тарим и от Аральского моря до Пенджаба), а во второй половине V — начале VI в. и часть Северной Индии была объединена эфталитами, которые пытались завоевать также Иран.

Эфталиты с переменным успехом воевали против империи Гуптов, вторгались в долину Ганга. «Эфталитское нашествие... способствовало гибели Гуптской империи»¹¹. Индийские надписи второй половины V — первой трети VI в. говорят о поражениях эфталитов, сообщения китайских путешественников — о быте этого скотоводческого народа, а местные легенды — о деяниях их царей. Потомками эфталитов, смешавшихся с коренными индийцами и ассимилированных ими, стали многие военные касты Пенджаба, Раджастана и Гуджарата (в том числе каста гуджаров). Огромную Эфталитскую империю, населенную многими индийскими, иранскими, тюркскими народами, в какой-то степени объединяла старейшая из мировых религий — буддизм, хотя здесь были распространены и

другие религии. Но к середине VI в. эфталитские владения в Индии превратились в конгломерат княжеств, а в 560–569 гг. эфталиты были разгромлены тюрками. По договору 571 г. Эфталитская империя была разделена между тюрками и персами: тюрки получили Согд и земли к северу и востоку от него, а Сасаниды — нынешние Пакистан, Афганистан и юг Таджикистана и Узбекистана¹².

Христианство как одна из двух (наряду с буддизмом) мировых религий I — начала VII вв. заняло одно из центральных мест в духовной жизни уже существовавшей системы древних цивилизаций. В 301 г. оно стало государственной религией Армянского царства, спустя несколько десятилетий — Аксумского царства. Впрочем, на Эфиопском нагорье, в Нубии, на Аравийском полуострове и в Римской империи борьба христианства с политеизмом и другими религиями затянулась на века. После того, как император Иовиан в 353 г. вернул христианству статус государственной религии, а император Феодосий (379 — январь 395) строго запретил политеизм (см. т. I), христианизация всех провинций и особенно городов значительно ускорилась. Прививка христианства к римской цивилизации сделало ее христианской византийской цивилизацией. Сходные процессы происходили и за пределами Римской империи и в пограничных областях.

На восточных окраинах Римской империи (в Сирии, Палестине, Египте) и за ее пределами сохранились древние цивилизации, подвергшиеся римскому влиянию. Прививка к ним христианства превратила египетскую цивилизацию в коптскую, сирийскую эллинистическую — в сирийскую христианскую. На западе Азии крупные народы и группы родственных этносов оказались разделены границами Римской (Восточной Римской, Византийской) и Сасанидской империй. Речь идет об армянах, сирийцах, арабах, евреях, картвельских народах. Все они подверглись политическому воздействию и культурному влиянию как с запада, так и с востока. Здесь образовались собственные церкви, со временем ставшие национальными, и собственные цивилизации; вместе с церквями и цивилизациями Северо-Восточной Африки (от Египта и Феццана до Нубии, Аксумского царства и Сокотры) их объединяют понятием Христианского Востока. При этом в прибрежных городах и пригородных зонах Восточного Средиземноморья, восточного побережья Черного моря, на востоке Малой Азии византийская цивилизация плавно переходила в одну из восточно-христианских цивилизаций. Мощное византийское влияние ощущалось по всей долине Нила до южных границ христианской Нубии, где греческий язык был основным языком богослужения и книжного образования.

На северо-востоке Причерноморья христианство приняли крымские и кубанские готы; но многочисленные кочевые народы Великой Евразийской степи: тюркские, угорские (мадьяры), иранские (аланы), монголь-

ские, — начали воспринимать проповедь христианства лишь в следующие исторические периоды. Но первые попытки делались еще в VI в. В 534 г. на Боспоре принял крещение гуннский князь Грод. Но другие князья, в том числе его брат Маугер, подняли восстание и свергли Грода с престола. Среди гуннов, живших восточнее, на северо-западе Прикаспия, проповедовали миссионеры, посланные царем Кавказской Албании. К ним совершил путешествие посол византийского императора Пробос, чтобы завербовать наемников среди этих прославленных конных стрелков и укрепить в этих краях молодую христианскую общину и влияние Восточной Римской империи. Благодаря содействию албанских миссионеров посольство Пробоса было успешным¹³.

Восточнее Плодородного Полумесяца и оз. Урмия в Иране и Средней Азии лежал пояс иранской цивилизации, связанной с зороастризмом. Эту религию исповедовало основное население Ирана и персы-завоеватели на периферии Сасанидской держав. С середины V в. до 484 г. Сасаниды держали свои гарнизоны в Согде, в частности, в Самарканде, на Аравийском полуострове — в Омане, в 577–587 гг. и с 598/599 г. — в Йемене¹⁴. В Омане и Йемене персы-зороастрийцы приняли ислам после включения этих стран в исламское государство пророка Мухаммада. Персидские купцы-зороастрийцы поселились в Индии, где до сих пор составляют многочисленную и богатую общину *парсов*. Зороастризм теснило с запада христианство, с востока — буддизм, но сильнейший удар ему нанес ислам. Тем не менее, зороастрийские общины в Иране и Средней Азии медленно уступали место исламу, как и вся древняя иранская цивилизация — исламской цивилизации. Правда, этот процесс затянулся на века и закончился не в VIII в., а позднее. И хотя в Иране до сих пор сохранилась небольшая группа зороастрийцев, она — не более, чем реликт (один из двух реликтов) древней цивилизации..

В III в. пророк Мани создал в Вавилонии (Сасанидской Месопотамии) еще одну мировую религию — манихейство. С течением времени миссионеры этой религии распространили ее на запад до Северной Африки и Галлии, на Балканский полуостров, на восток до Центральной Азии и Китая. В Китае манихейство несколько раз запрещали, но в Согде (иначе Согдиана в Средней Азии) оно просуществовало несколько столетий. Открытая здесь письменность (литература) на согдийском языке в основном создана манихеями и манихейская по содержанию. Согд находился в самом центре Евразии, на трансконтинентальных путях караванной торговли. «Вместе с товарами привозили сюда учение буддийских монахов, христианское сектанство, брахманизм, но в раннем средневековье особенно широко распространилось манихейство»¹⁵. В VI в. манихеи Согда, перешедшего под власть Тюркского каганата, «обратились к кагану с просьбой направить к персам посольство, чтобы добиться разрешения ездившим туда согдийцам

продавать шелк мидянам. Согласившись на их просьбу, [каган Истеми] Дизибул (титул Истеми — бахадур-джабху. — Ю. К.) разрешил согдийцам самим направить посольство во главе с Маниахом. (Между прочим, имя Маниах — манихейское, со значением «Брат Мани»). Далее рассказывается, что это и следующее посольство не имело успеха. Тогда, по совету Маниаха, Истеми-каган «направил самого Маниаха и еще несколько человек послами к римскому императору»¹⁶. Согдийские купцы-манихеи торговали и на западе, и на востоке, до Китая и Минусинской котловины. С массой верующих «манихейство... проникло в Великую степь лишь в VIII в., когда арабы подавили сопротивление согдийцев и манихеи вынуждены были бежать из цветущих оазисов в дикие степи ради спасения жизни»¹⁷. Благодаря согдийцам-манихеям в Монголии (Халхе и Внутренней Монголии) и Тыве впервые появились настоящие города и замки; их для уйгурских правителей и иноземных (согдийских, турфанских, китайских) купцов построили согдийцы и китайцы. Так около 758 г. на берегу р. Селенги была основана столица Уйгурского каганата — г. Байбалык¹⁸. Тогда же в Монголии появилось пахотное земледелие. «Манихейский канон предусматривает постные дни, когда запрещено вкушать даже масло и молоко. Уйгурским пастухам и охотникам пришлось заводить огороды, чтобы не умереть с голоду. Таким путем начало распространяться земледелие в степи. Сами проповедники манихейства свое удовлетворение достигнутыми успехами выражали такими словами: «Страна диких нравов, наполненная дымящейся кровью, превратилась в страну стремления к добрым делам»¹⁹. Манихейско-сирийское письмо было положено в основу уйгурского алфавита, на уйгурский были переведены манихейские религиозные сочинения. Рождение уйгурской цивилизации было ускорено, однако завершено уже после изгнания манихеев, когда в стране распространились христианство, буддизм, ислам.

Синтез манихейства с христианством и исламом дал удивительные учения и секты: богумилов в Болгарии и Боснии, катаров и вальденсов в Италии и Франции и др. Ни одно из манихейских государств или полугосударств не просуществовало более нескольких десятилетий. Манихеи скитались из одной страны в другую, маскируя свою веру под господствовавшие в них религии. В результате они создали свою литературу (на греческом, среднеперсидском и других языках), но не особую цивилизацию.

Еще более широко по миру — от Испании, Марокко и долины Рейна до Индии и Китая и от Хазарии и славянских стран — до Эфиопского нагорья и оазисов Туат в Сахаре — расселились иудейские общины, так или иначе связанные с торговлей. Средневековые этносы, исповедовавшие иудаизм, Л. Н. Гумилев считал особым суперэтносом²⁰. Вместе с тем, они принадлежат к особой цивилизации, которую вернее всего назвать еврейской. У них были свои города, чеканившие монету с надписями на древ-

нееврейском языке (например, Габрово в Болгарии османского времени и др.), собственная система образования и даже свои государства. Речь идет о царстве Хымьяр на юге Аравийского полуострова в 517–525 гг., Хазарском каганате на востоке Европы, княжестве фалаша в Эфиопии в IX–XIX вв., «республике Туат» в Сахаре. В конце V в. в Сасанидской державе началось движение реформатора зороастризма Маздака. Ему удалось расколоть общество и захватить власть. Раскололась и еврейская община Вавилонии и Исфахана: ортодоксальные евреи были врагами, а реформаторы-каббалисты — сторонниками маздакитов²¹. В 529 г. сасанидский принц Хосров победил; он повесил Маздака и жестоко казнил его последователей. Оставшиеся в живых маздакиты и их сторонники-евреи бежали на восток Кавказа, в нынешние Азербайджан и Дагестан, где общины иудаистов и христиан мирно сосуществовали с коренным населением (см. ниже). В то время на степных прикаспийских равнинах Дагестана начинались Хазария. Здесь образовалась община тюркоязычных иудеев, занимавшихся скотоводством, как и их соседи. Они имели собственных князей и верховного князя.

После того, как во второй половине VIII в. в Византии усилились гонения на иудеев, часть тамошних городских грекоязычных евреев-раввинистов и караимов бежала в Хазарию и пополнила разноплеменное население ее городов. Под их влиянием и с их помощью один из князей тюркоязычных иудеев-скотоводов Булан (по-тюркски «Лось»), убедил других князей и верховного князя провести среди своих соплеменников религиозную реформу. «Историческая роль у пришлых евреев была гораздо грандиознее, чем у местных. Именно они превратили Хазарию из маленького ханства в ведущую державу раннего средневековья»²². Позднее к ним присоединились евреи из Арабского Халифата и Римской империи Каролингов, созданной Карлом Великим (в 800 г.) и его преемниками одновременно с расцветом Хазарского каганата. Государственной религией Хазарского каганата стал иудаизм в синкретизме с древними тюркскими культурами (прежде всего, священного царя-кагана). Стоявшие во главе государства аристократические роды тюркских царей (род Ашина) и князей путем браков породнились с местными князьями-иудаистами и пришлыми евреями — учеными, купцами — и составили этноконфессиональную группу господствующего меньшинства в полиэтничном и поликонфессиональном обществе каганата. Часть его населения была оседлыми земледельцами, в хозяйстве которых большую роль играло рыболовство; другие племена были кочевыми скотоводами. В городах кроме иудаистов жили мусульмане, христиане, язычники разного происхождения; больше всего было мусульман: арабов, персов, дейлемитов и пр. Все они участвовали в создании высокой цивилизации Хазарского каганата. Это была первая городская цивилизация Восточной Европы севернее Ольвии, Тиря и древ-

них городов Крыма и Кавказа, появившаяся исторически одновременно с городской культурой Уйгурии и уйгурской цивилизацией манихеев, христиан, буддистов и мусульман.

Здесь, на востоке пояса древних цивилизаций, где, собственно, и началось великое переселение народов, еще в V в. были ликвидированы государства-лимитрофы, занимавшие север Китая; здесь в конце V господствовала империя Вэй-Юань, основанная степным народом *табгач*, на юге Китая — империя Ци (с 502 г. — Лян), наследница великой империи Хань. С конца V в. «империя Вэй разлагалась с поразительной быстротой»²³, та же участь постигла империю Лян. Во второй половине VI в. Китай был разделен на четыре империи: Западную Вэй, (с 557 г. — Бэй-Чжоу), Восточную Вэй, или Бэй-Ци (с 550 г.), Чэнь и зажатую между этими тремя позднюю Лян. На востоке Великой евразийской степи соседом империи Вэй-Юань было кочевое государство Жужань, созданное великим переселением народов. Его западные владения охватывали долину р. Или в нынешнем Казахстане. На западе Великой степи, в Восточной Европе, в конце V в. сходную роль играла Великая Булгария, которая в 499 г. вступила в войну с Восточной Римской империей. Через два десятилетия Жужань и держава эфталитов заключили союз, «скрепленный браками жужаньских принцесс и эфталитских вельмож. На востоке жужани снеслись с Кореей, чтобы совместно разгромить одно из манчжурских племен»²⁴. В 512 г. правитель Жужани обратился в буддизм, который к тому времени был широко распространен и в эфталитской державе, и в Корее, и Китае (см. ниже). Но в 553 г. Жужань, дважды разгромленная тюрками, прекратила свое существование²⁵.

На востоке, юго-востоке и в центре пояса древних цивилизаций широко распространялся буддизм. В Индии и Юго-Восточной Азии он сосуществовал и синкретизировался с индуизмом, в Центральной Азии — с зороастризмом и другими местными религиями, в странах Восточной Азии — с конфуцианством и местными аборигенными религиями. На полуострове Индокитай в «поселениях [народа мон] Пра Потом и Понг Тук в бассейне Менама [Таиланд, открыты]...буддистские скульптуры в стиле, характерном для эпохи Гупт, а также небольшие бронзовые статуи Будды в стиле Амаравати, который процветал в Индии между II и IV веками... Что касается Индонезийского архипелага, в Кедахе, на Целебесе, восточной Яве и в Палембанге (на Суматре) были найдены изображения Будды в стиле Амаравати»²⁶. Однако более влиятельной религией в государствах Индонезии и Индокитая в то время был индуизм. Царские яванские надписи середины V в. свидетельствуют о соблюдении индуистских ритуалов²⁷. «Китайские пилигримы на пути из Китая в Индию — родину Будды — или из Индии в Китай останавливались на Яве или Суматре в течение всего V в. Фа Сянь, возвращаясь в 414 г. в

Китай, сетовал на слабое распространение буддизма [на Яве] и преобладание здесь язычников и еретиков. Спустя 10 лет буддийский монах-миссионер Гунаварман, кашмирский принц» также посетил Яву. В 502 г. на Суматре правил буддийский властитель, сын которого в 519 г. направил посольство в Китай. Впрочем, еще в период между 454 и 564 местный правитель направил в Китай своим послом индийца Рудру²⁸. Но расцвет тхеравадского буддизма в государствах Юго-Восточной Азии наступил намного позже.

В Китае первый миссионер буддизма появился в 62 г. по Р. Х. и пользовался покровительством ханьского императора Мин-ди (58–76)²⁹. Другие императоры эту религию то запрещали, то разрешали. В 398 г. в Китай прибыл из Индии знатный и ученый буддистский монах Буддхабhadра. «С 398 по 421 г. он перевел 13 или 15 сочинений, из которых к 730 г. сохранилось только... Некоторые переводы он сделал совместно с Фа Сянем» — знаменитым китайским ученым, совершившим в 399–414 гг. паломничество к культовым и культурным центрам буддизма в Индии, на Шри-Ланке и Яве³⁰. Вслед за тем в Китай переселилось множество буддийских монахов и монахинь, группами от трех до восьми человек и по одиночке; это были главным образом сингалцы и сингалки из Шри-Ланки (в 410, 429, 433, 434, 435, 438, 442 гг.). Первым из них был монах Сангхаварми, которого со статуей Будды из белого нефрита царь Шри-Ланки послал к императору Сяо У-ди (373–396); в Китай он прибыл только между 405 и 410 либо 414 гг.. Среди миссионеров буддизма в Китае были и афганцы из Кабулистана (Гуньяварман, внук царя Кабула, в 424 г.)³¹.

К началу VI в. в поясе древних цивилизаций в основном закончилось великое переселение народов; переселенцы укоренились на завоеванных ими землях, адаптировали культуры и религии аборигенного населения, созданные переселенцами государства-лимитрофы вошли в мировую систему цивилизаций и государств, в том числе христианских на западе пояса древних цивилизаций. Характерно, что в борьбе с наступлением северных народов и созданных ими государств-лимитрофов империи пояса древних цивилизаций заключали союзы между собой. Восточная Римская империя оказывала помощь Западной Римской империи, пока германцы не разделили ее на части, и державе Сасанидов, которую едва не завоевали эфталиты, кидариты и другие народы. В свою очередь, эфталиты, кроме союза с Жужанью, пытались установить связи с Византией, южной китайской империей Лян и северной китайской империей Западная Вэй, куда в 553 г. прибыло их посольство. Но в результате войны 560–569 гг. эфталиты были разгромлены тюрками, создавшими в 552–558 гг. огромную степную державу от границ Кореи до Волги, а к 571 г. — до Черного моря.

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ АЗИИ И ЕВРОПЫ В VI—VIII вв.

В степном поясе Восточной Европы после распада империи Аттилы из азиатских степей двигались новые орды, близкие по культуре к гуннам. Остатки великого переселения народов сохранились лишь на окраинах степного пояса (готы в горах Крыма, аланы-осетины в предгорьях и горах Кавказа и пр.) Их земли заняли другие народы. Большинство их по культуре не отличалось от гуннов и говорило на том же языке — тюркском с большой примесью угорских слов. Вместе с ними на запад перекочевали скотоводческие племена близкого им культурного облика, говорившие на угорском языке. Последний представитель этого раннего тюркского языка — чувашский язык (*чуваш* — то же слово, что и название поселившегося в их земле племени *суваз*). Большинство башкирских родов (племен) носит угорские названия, но последние острова угорского языка в Европе — это венгерский язык в Паннонии и диалект секей в Карпатах). В низовьях Волги, Дона и Терека от смешения тюркоязычных племен с иранскими аборигенами (сарматами, аланами) образовался хазарский народ (название иранское, но язык народа был тюркским). В степях между реками кочевали тюркские скотоводы, правители Хазарии обходили свои владения полюдем³². По соседству с ними жили прежние подданные гуннов — болгарские племена кутургуров, утургуров, унногундуры и др., воинственное племя сабириков, угорские племена. В 552 г. сабиры завоевали Кавказскую Албанию, но уже в 554 г. были из нее выбиты персами. К северо-западу от болгар и сабириков, в лесостепи, обитали восточные славяне-анты (букв. «союзники»). Часть их сабиры покорили, дав им свое название («северяне», Северская земля).

В степях Восточной Европы сменяли друг друга княжества кутургуров, утургуров, оннургуров, Булгарская держава, великий Тюркский каганат до и после его разделения на Западный и Восточный, его преемник — Западно-Тюркский каганат, затем преемник последнего — Хазарский каганат. (Во всех этих четырех каганатах царствовал священный род Ашина). Византийская и персидская дипломатии соперничали за влияние на все эти степные и лесостепные народы и созданные ими государства, стремясь использовать их в своей бесконечной борьбе друг с другом. Спасаясь от нашествия тюрков, в европейские степи перекочевал аварский народ, а затем родственные ему угры. Авары поселились в *пуште*, степи Паннонии, разгромили гепидов (германский народ, близко родственные готам и вандалам), затем подчинил себе булгарское племя кутургуров и создал степную империю от Савы до Дона. Авары (абары, по-старославянски *обрры*) покорили антов, дулебов и других славян, оставив после себя у них недобрую память. Покоренных славян они использовали в своих походах на Византию.

В VI–VIII вв. славяне продолжали расселяться по Европе во всех направлениях. На западе славянские племена заняли Богемию (кельтское название Чехии), всю долину Лабы (римский Альбис, германская Эльба) и даже некоторые земли к западу от них. В VIII в. они жили почти по всему Балканскому полуострову, хотя в приморских и горных районах еще оставалось романское и греческое население, а также албанцы. Словене на севере дошли до оз. Ильмень и Новгородской земли, вятичи (вентици, венеты) — до Оки, колонизируя редко заселенную область финских этносов. Предания, записанные в летописи, данные изучения языка берестяных грамот и пр. говорят о переселениях словен и вятичей из нынешней Польши в нынешнюю Россию. При этом славянские племена перемешивались. Дулебы, древляне, дреговичи обосновались в разных славянских странах. На Висле, в центре Польши («Земли полян») располагалась Куявия, а на среднем Днепре, в тамошней Земле полян вырос Киев. Белые хорваты, перейдя Карпаты, пришли в нынешнюю Хорватию, сербы из нынешней Саксонии-Лужицы — в соседнюю с Хорватией Сербию. Кроме того, славяне ассимилировали балтов-кривичей, романоязычных влахов на Балканском полуострове и даже покоривших славян тюркоязычных савиров и болгар.

В войнах с Византией союзниками аваров были сначала персы, а со времени образования Халифата — арабы-мусульмане. Авары и подчиненные им болгары (кутургуры) и славяне вторгались в балканские владения Византии и на славянских ладьях нападали на Константинополь с севера.

Арабы вторгались в малоазийские владения Византии и с востока осаждали Константинополь с востока и юга. Арабское завоевание Западной и Средней Азии, Северной Африки и части Южной Европы сопровождалось переселением арабских племен — бедуинских и городских — в завоеванные страны. На протяжении всего средневековья за первыми последовало много волн переселения арабских бедуинских племен, городского купечества, арабов-земледельцев Пиринейского полуострова. В результате арабы, все более смешиваясь с коренными африканцами, расселились в Африке до Экваториальной провинции Южного Судана, южного берега оз. Чад, р. Сенегал. Арабизации подверглись многие народы Африки. Большая часть их приняла ислам, только копты и некоторые другие этно-конфессиональные группы христиан Египта сохранили свою религию. Этно-конфессиональные группы христиан сохранились и в странах Плодородного Полумесяца, но здесь они стремительно сокращаются и исчезают, как в годы первой мировой войны и сразу же после нее исчезли армянское и греческое меньшинства в Турции.

Распространение арабского языка и культуры в Африке и Западной Азии аналогично тюркизации значительной части Евразии в средние века. При этом большая часть тюркских народов приняла ислам, но неко-

торые приняли христианство (православное или несторианское); до сих пор православными христианами являются: в России кряшены, чуваша, якуты, некоторые малые народы Сибири, а в северо-западном Причерноморье — гагаузы.

Как писал Л. Н. Гумилев, «в VII и VIII вв. вся Азия стала полем для распространения прозелетических религий. На западе бурно развивался ислам, на востоке — буддизм, а на севере нашли место вытесненные из Ирана несторианское христианство и манихейство. Христианская пропаганда дала в Тюркском каганате ничтожные результаты, так как тюрки возвели свое собственное мировоззрение в государственный принцип, но падение каганата и разочарование в идеологии войны и победы среди уцелевших от резни родов оказались стимулом для успехов христианской проповеди. Наследниками тюрков в степи стали карлуки и басмалы, причем последние включали в свой состав наибольшее количество осколков каганата. Именно там наибольшие успехи имело христианство, сохранившееся среди потомков басмалов, аргунов, до XIII в.³³ Но и на востоке, среди уйгуров, появилось христианство»³⁴.

За пределами древнего цивилизованного мира происходили массовые миграции с ближней периферии цивилизаций (или протоцивилизаций) на дальнюю периферию. Самыми впечатляющими были широкое расселение народов банту в Африке, полинезийцев в Океании, кечуа в империи инков. С течением времени большинство этих народов были охвачены благовестием христианства.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ХРИСТИАНСКОГО МИРА В VI–VIII вв.: ПРАВОСЛАВИЕ, МОНОФИСИТСТВО, НЕСТОРИАНСТВО, АРИАНСТВО, ПАВЛИКИАНСТВО

На протяжении периодов VI–VIII вв. и IX–XI вв. главной из христианских цивилизаций по своему значению в мировой системе цивилизаций была византийская — наследница римской. Подобно тому, как германские королевства-лимитрофы от Англии до Северной Африки и Крыма признавали (пусть даже чисто символически) свою зависимость от константинопольского императора, их культуры занимали подчиненное положение по отношению к романско-византийской. В конце VIII в. (официальная дата — 800 г.) Карл Великий со своими франками создал обширную империю, объединившую большую часть романских народов с германскими и даже некоторыми славянскими народами. Эта империя оформила давно уже начатое, но завершенное лишь в эпоху крестовых походов разделение христианской Европы на Западную, католическую, и Восточную, право-

славную. В эпоху крестовых походов «франки» (западноевропейцы) почти так же отличались от греков, как от армян и сирийцев. С этого времени на протяжении эпох Возрождения, Просвещения и позднее развилась западная, или европейская, цивилизация. Впрочем, она не была самой западной в христианском мире.

На Британских островах, где независимость от Рима сохраняли Ирландия, Шотландия и остров Мэн, христианизировалась местная ветвь кельтской цивилизации. В V–VI вв. большую часть острова Великобритания завоевали германцы: англ, саксы, юты, фризы. Кельтов они частью истребили, частью поработили, причем кельтам-мужчинам запретили жениться. Рабыни-христианки рожали детей от своих хозяев-германцев, но эти дети воспитывались в культуре отцов-язычников, говорили на их языке³⁵. На острове Великобритания кельты-бритты сохранились только в непокоренных германцами Уэльсе и Корнуоле. Вытесненные англо-саксами, бритты переселились на континент, на полуостров Арморика, где еще жили их слабо романизированные сородичи. Так появилась Бретань. Другие кельты (гэлы) сохранили свою культуру в Ирландии, на острове Мэн и в горной Шотландии. Здесь христианство мирно распространялось с V в. В VII–VIII вв. и позднее Ирландия была главным очагом оригинальной кельтской христианской цивилизации. К концу VIII в. ирландские монахи основали свои общины не только на ближайших к Ирландии и Шотландии островах, но и на Оркнейских и Фаррерском архипелаге, в Исландии³⁶, возможно, и даже в Северной Америке.

Этой группе из трех европейских христианских цивилизаций противостояла группа азиатских и африканских цивилизаций, тоже христианских или включавших в себя большие группы христиан. Они располагались на восточных окраинах византийской цивилизации и дальше на восток и юг. Древние цивилизации: коптская, сирийская, армянская, кавказско-албанская, грузинская, — христианизировались раньше других и уже в раннее средневековье развили собственные связи с периферией, распространяя здесь христианство и многие достижения цивилизаций и городского образа жизни. Вместе с Палестиной и Сирией Месопотамия и Египет на протяжении многих веков играли роль центра по отношению к другим христианским цивилизациям Азии и Северо-Восточной Африки.

Коптская цивилизация отчасти сохранилась до наших дней, хотя для миллионов коптов основным языком уже давно стал арабский. Границы коптской цивилизации совпадали с территорией Египта, хотя в Александрии и других египетских городах доминировали другие цивилизации — византийская, затем исламская. Ведь христиане-копты никогда не имели собственного царя, в их стране господствовали чужеземцы. В сходном положении оказались и христиане-сирийцы. В IV–VI вв. они разделились на несколько враждующих между собой церквей, члены которых

со временем сформировали этно-конфессиональные группы. Спасаясь от гонений за веру, сирийцы и говорившие на их языке евреи расселялись далеко за пределы своей родины (Плодородного Полумесяца земель Передней Азии, включая Северную Ассирию между озерами Ван и Урмия) до Галлии на западе и Южной Индии и Шри-Ланке на востоке. Других уводили в плен и поселяли в своих владениях Сасаниды. Еще шире был ареал деятельности сирийских купцов и миссионеров. Это они принесли христианство в Армению, Грузию, Кавказскую Албанию, Дагестан, Аравию, Аксумское царство, Нубию (Судан), на остров Сокотра, в Индию... Кроме них, аксумиты распространяли христианство в Южной Нубии, стране беджа на востоке Судана, в Йемене. В Дагестане в разные эпохи действовали грузинские миссионеры.

Армянская цивилизация имела южным соседом сирийскую цивилизацию, а северным и северо-восточным соседями — грузинскую цивилизацию картвельских и ассимилированных ими народов и цивилизацию удинов и прочих этносов Кавказской Албании. Северным продолжением этой последней цивилизации была христианская цивилизация Дагестана. Чечни, Ингушетии. С помощью греков и грузин христианизировались адыго-абхазские народы и аланы (предки осетин), создавшие особую цивилизацию, территория которой в средние века была очень велика. На запад от Египта, в Ливийской Сахаре (Фаззан, или Феццан) во второй половине VI в. принял христианство царь гарамантов со своим народом, на восток от Африканского Рога намного раньше в христианство обратились жители острова Сокотра, дальше на восток появились христианские общины на крайнем юге Индии и на Шри-Ланке. В стране гарамантов, на Сокотре и в Черре (Керале) на юге Индии прививка христианства к местным древним цивилизациям преобразовала их в христианские³⁷.

В IV–V вв. христианство раскололось на враждебные друг другу церкви, и в VI–VIII вв. этот процесс продолжался. Православная Церковь преобладала далеко не везде.

Если не считать этой Церкви, то раньше всего — вскоре после гонений Диоклетиана, в 312 г. — образовалась майоринистская церковь, с 313 г. называемая донатистской церковью по имени Доната, епископа (сначала нумидийского города Казы Нигры, затем — Карфагена, а потом — г. Багаи, в Нумидии). В год его смерти (355 г.) донатистская церковь объединяла добрую половину христиан Северно-Западной Африки (западнее Сиртов). Чем дальше на запад, тем больше она преобладала (числом приходов и прихожан) над Православной Церковью. Среди прихожан как той, так и другой были римляне и берберы, но берберы, как и романское крестьянство, кажется, больше тяготели к донатистам.

Донатистская церковь не отличалась от православной догматами и структурой, а сравнительно краткий период ее существования не способ-

ствовал развитию ритуальных и символических различий; широко известно, что донатисты требовали, чтобы те, кто при гонениях отрекались от христианства, при возвращении в Церковь вторично проходили крещение³⁸. Под властью вандалов донатисты сблизились с кафоликами, при Юстиниане и его преемниках кафолики уже безраздельно господствовали. В годы арабского завоевания Северной Африки с православными соперничали только ариане и манихеи, а также монофиситы, бежавшие от арабов из Египта.

Другие церковные расколы стали следствием христологических споров и неприятия частью духовенства догматических определений церковных соборов, руководимых римскими (византийскими) императорами.

Арианство появилось почти одновременно с донатизмом, но не в Северо-Западной Африке, а в Египте, Палестине и Сирии. В гимнах и проповедях на греческом языке проповедовал свои христологические взгляды пресвитер Арий в Александрии. Его паству составляли ремесленники, портовые грузчики, моряки, мелкие торговцы. Богатые христиане поддерживали Александрийского архиепископа Александра. И Александр, и Арий обвиняли друг друга в ереси, приписывая противнику взгляды уже осужденных Церковью ересиархов. Оба они (и их сторонники) оперировали категориями классической логики, философии, тонкостями терминологии на греческом языке. Александр, его протодиакон Афанасий Великий и члены местного синода были последователями христианского философа Оригена. Афанасий Великий стал вождем православных. Выработанная в догматических спорах греческая терминология была усвоена латинскими риториками, несколько позднее — образованными сирийцами, прекрасно знавшими как греческий, так и арамейский языки. Но другие языки раннего христианского мира не знали таких тонкостей. Коптским крестьянам, арабским, армянским, кавказским, эфиопским, германским воинам предмет богословских споров был зачастую вовсе непонятен.

Епископ Александр и Александрийский синод отлучили Ария от церкви. Тот перебрался в Кесарию Палестинскую, где его поддержало местное духовенство, а затем и часть греко-сирийских клириков. Споры между дифиситами и арианами продолжались двести лет. Некоторое время ариане пользовались большим влиянием среди верхов Константинополя. Со временем греки практически повсеместно отказались от учения Ария, но его восприняли вместе с крещением некоторые германские народы, поселившиеся на землях Империи. Среди них были остготы, вестготы, вандалы, свевы, а также объединившиеся с вандалами аланы. Другие германцы, в том числе бургунды, франки, фризы, англо-саксы, крымские и кубанские готы и др., приняли христианство в православно-кафолической форме. В период великого переселения народов и в последующий период стабилизации королевств-лимитрофов арианство было верой привилегированного

этно-конфессионального меньшинства, господствовавшего в части этих королевств. Некоторые жившие в них римляне, стремясь сделать карьеру, переходили в арианство. После завоеваний Юстиниана арианство начало исчезать и быстро уступило место православию.

К VI в. арианство сохранилось только в германских королевствах Западного Средиземноморья как вера этно-конфессиональной группы привилегированного меньшинства, противостоявшего католическому большинству коренного населения. Короли пытались разными мерами смягчить противоборство между христианскими церквями, некоторые даже были готовы отказаться от арианства. После византийских завоеваний арианские феодалы лишились привилегий, но на их вдовах женились готские воины византийской армии, которые предъявили претензии на наследование земли. Новые удары арианству нанесли арабское завоевание и походы франков. Арианская церковь исчезла.

Несторианская церковь возникла после того, как III Вселенский (Эфесский) собор 431 г. осудил учение Константинопольского архиепископа Нестория; император вынужден был его низложить. Но у Нестория было много сторонников в Сирии (в том числе среди епископата). В Эдессе у несториан была своя богословская школа; но противники ее разогнали. Ученики школы бежали во владения Сасанидов. Они обосновались в Нисибине (Нисибисе), в Месопотамии, и воссоздали здесь свою школу, вплоть до употребления эдесского диалекта арамейского языка в качестве литературного. Более образованные и пассионарные, чем местные клирики, эдесские несториане подчинили своему влиянию автокефальную Персидскую Церковь. С тех пор она стала несторианской, патриотической и враждебной Византии. Кроме того, несторианство исповедовала часть христиан в пограничных районах Сирии, арабские племена, подчиненные государству Лахмидов, часть христианских купцов и караванщиков, сиро-месопотамских и арабских, Химьяритском царстве в Йемене, христиане Сокотры, часть христиан Южной Индии.

До эпохи крестовых походов наиболее упорными противниками несториан были монофиситы. Их учение начало расходиться с диофиситством во второй четверти V в., при этом монофиситское движение с самого начала имело этническую окраску, его ударную силу составляли монахи, в большинстве египтяне, частью — сирийцы и соседние с ними народы. Но раскол, при котором монофиситская церковь выделилась из Православно-кафолической, произошел после событий 449–451 гг. На протяжении этого времени патриархом (архиепископом) Константинопольским был египтянин Анатолий. Созванный в Эфесе в 449 г. собор принял монофиситское учение, с диофиситами жестоко расправились. Но в 451 г. IV Вселенский собор в Халкидоне отменил постановления Эфесского собора, назвал его «Разбойничьим», монофиситов, подтвердил осуждение несторианства.

Однако раскол в Церкви не был ликвидирован, напротив, он усилился. Многие христиане Сирии, Палестины, подавляющее большинство коптов Египта не желали признавать каноны IV Вселенского собора и подняли восстания. Церковный раскол вышел за пределы римского мира. Армянская Церковь согласилась с монофиситской формулой, в Грузинской Церкви и в Церкви Кавказской Албании сторонники этой формулы (которые поддерживали сирийцы-монофиситы и армяне) дискутировали с теми, кто принял все каноны Халкедонского собора. Арабы, химьяриты, хадрамаутцы примыкали одни к несторианам, другие к монофиситам. Под влиянием сирийцев и коптов монофиситскую доктрину приняли церкви Аксума и Нубии. За пределами Византии противостояние несториан монофиситам и диофиситам не было таким острым, а исповедники последних двух конфессий часто сотрудичали.

Императорская власть в Константинополе и сирийские богословы пытались смягчить раскол Церкви на диофиситов и монофиситов. Богословы предлагали несколько компромиссных христологических концепций; одной из них был монофелизм. Рассчитывали, что эта концепция объединит диофиситов с монофиситами, но на деле стало только одним расколом больше. Наиболее стойкие монофелиты переселились к горцам Ливана, которые приняли их и их веру, образовав этно-конфессиональную группу маронитов. В конце средневековья марониты отказались от монофелитства, их церковь вступила в унию с католической церковью; но марониты сохранились как сплоченная и воинственная этно-конфессиональная группа Горного Ливана.

РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКА

В VI–VIII вв. и позднее развитые феодальные государства и цивилизации боролись друг с другом и заключали союзы между собой под знаменами мировых религий, а у христиан — еще и отдельных вероисповеданий. Так было и в следующие исторические периоды. Все христианские вероисповедания рождались в духовных центрах романо-византийской цивилизации. До того, как они выходили за границы Империи, их судьба во многом определялась отношением к ним императора.

Восточно-римские императоры середины — второй половины V в. Лев I Фракийец и Зенон Исавр выдвинулись из простых воинов. В их армии наряду с православными исаврами значительную часть воинства составляли ариане — аланы и готы. Арианское воинство враждовало с православными горожанами-греками. Православные монахи возбуждали столичных горожан против еретиков и «варваров». В 457 г. императора Льва короновал на престол (впервые в истории Империи) патриарх Константинопольский. Тогда воины-ариане потребовали, чтобы император (август)

объявил своим наследником-(цезарем) своего тезку арианина Льва, сына влиятельного полководца алана Аспара, спасителя Империи в ее борьбе с гуннами. С ним были связаны его единоверцы, вассальные короли остготов, занимавших тогда Иллирик. Лев I должен был ладить с Аспаром и воинами-арианами, так как без них он не мог защитить Империю от гуннов на севере и восстановить свою власть на юге, в Египте и Сирии, где он боролся с мятежниками-монофиситами. Когда это ему удалось (в 471 г.), он приказал убить Аспара и всех его родственников. За этим последовало восстание остготов, опустошавших своими набегами Балканский полуостров до самих стен Константинополя. Император Зенон, зять и наследник Льва I, уговорил остготского короля Теодориха, осадившего в 486 г. Константинополь, увести свой народ в Италию. В 488 г. он вторгся на Апеннинский полуостров, а в 493 г., через два года после его смерти, Италия стала королевством остготов. Ни он, ни знаменитый король Теодорих Великий (ум. 526 г.) не преследовали кафоликов.

Зато гонения на римлян-кафоликов обрушил король вандалов Хунирик (477–484). Крестьян, в большинстве донатистов, репрессии не коснулись. Но многие римляне-горожане, которые занимались торговлей или были на государственной службе, переходили в арианство и принимали крещение по арианскому обряду. Так поступали даже духовные лица — епископы, священники, дьяконы. Ренегаты нередко превращались в ревностных распространителей арианства и ярых гонителей своих бывших единоверцев. Иногда кафоликов перекрещивали насильно, связанными по рукам и ногам; так был перекрещен кафолический епископ Габетдеум³⁹.

Преемник Хунирика Гунтамунд (484–496) прекратил гонения и разрешил кафоликам свободно исповедовать свою веру. Ренегаты начали возвращаться в Православно-кафолическую Церковь, это разрешил им Собор, заседавший в Риме в 487–488 гг.⁴⁰. В то время (484–496 гг.) между римским папой и восточными епископами Константинополя и Антиохии, которых поддержал император Зенон, происходила яростная дискуссия о природе Христа, Церковь фактически раскололась (так называемый «Акакианский раскол», длившийся 34 года). Зенон больше не считался единоверцем североафриканских кафоликов и их защитником от еретиков-ариан. Поэтому вандальский король мог больше не опасаться союза своих кафолических подданных с Римской империей (Западной Римской империи уже не существовало).

Императоры продолжали борьбу с несторианством. Первоначально императорская политика в отношении несторианства была частью внутренней политики, связанной с социальной борьбой. Ядро «партии» несториан составляли александрийские, антиохийские и другие восточные клирики, ремесленники и пригородные садоводы (из этой среды происходили и сами клирики), часть жителей других городов Сирии и Палестины.

Несторианские клирики созвали церковные соборы в Тире и в Эдессе, их противники — соборы духовенства в Египте и Константинополе. На соборах несториане и православные предавали друг друга анафеме. Пытаясь как-то восстановить церковное единство и сочувствуя несторианам, император добился примирения александрийского и антиохийского архиепископов. В 432 г. вождь несториан Иоанн Антиохийский признал анафему Несторию справедливой.

Но конформизм Иоанна вызвал раскол в самой сирийской Церкви. Несториане подчинили своему влиянию автокефальную Персидскую Церковь. Но правители Константинополя продолжали считать себя главами всего христианского мира и вмешивались в дела Персидской Церкви. Это стало поводом к новой византийско-персидской войне, проигранной ромеями и закончившийся миром в 442 г. Византия избежала территориальных потерь потому, что на востоке Ирану угрожали гунны («белые гунны») и эфталиты⁴¹. Несторианская церковь стала агентом влияния Сасанидов в Сирии, на Аравийском полуострове, в разных азиатских странах. По традиции, несторианские церкви Лахмидского царства, Сокотры, Южной Индии, Центральной Азии, ханств Великой степи подчинялись патриарху Нисибина (позднее — его преемникам в арабском Ираке).

После Халкидонского собора монофиситы в Александрии повесили его сторонника архиепископа Протерия, затем изрубили его труп на куски, а охранявших его воинов заживо сожгли. Все клирики, принявшие каноны Халкедонского собора, были изгнаны из Александрии. В Верхнем Египте монах Шенутэ во главе толпы монахов-коптов и при поддержке простого народа наводил ужас на византийскую бюрократию, фактически захватил власть в провинции. В Палестине власть захватил монах Феодосий, родом египтянин. Он занял Иерусалим, освободил из темницы заключенных, приказал убить некоторых из тех, кто признал решения Халкидонского собора, назначил епископами монофиситов. После подавления этого восстания Феодосий со своими сторонниками бежал на Синай и здесь, опираясь на монастыри, продолжил вооруженную борьбу с императорскими войсками. Вообще в восстаниях в Палестине, Сирии и Египте первостепенную роль играли монахи, агитировавшие народ на его родных языках — арамейском и коптском. Более того, монахи становились боевиками. Но и белое духовенство, особенно сирийское, происходившее в основном из ремесленников и пригородных огородников, проявляло большую самостоятельность. Оно признавало архиепископов лишь тогда, когда они обладали безупречной нравственностью и теми же богословскими взглядами, которые исповедовали рядовые священники.

Императоры Лев I и Зенон боролись с монофиситами, ссылали их епископов (в Крым и на Кавказ), но в 475 г. Зенона сверг с престола родственник Льва I Василиск. Он принял сторону монофиситов, вернул из

ссылки их епископов и особым указом (*сакрой*) отменил решения Халкидонского собора. Православно-кафолическое духовенство и столичные горожане партии прасинов бурно протестовали и наконец восстали, тогда как венеты были на стороне монофиситов. Василиску пришлось пойти на попятный, и он отменил *сакру*. Но было уже поздно; в августе 476 г. исавры Зенона заняли столицу; восстановили власть православного императора. За этим последовали новые восстания и новые нашествия остготов (см. Т. I.).

В конце концов, в Константинополе православные помирились с монофиситами. В 482 г. патриарх Акакий и август Зенон издали документ, так называемый *Энотикон* («Объединение»). Энотикон дал компромиссную формулу естества Христова, которая, как надеялись Акакий и Зенон, будет приемлема и для православных, и для монофиситов. (Позднее такие попытки будут предприниматься не раз, в результате даже возникнет монофелитское вероисповедание). Но далеко не все христиане согласились на компромисс. Протестовали православные монахи, в Риме заявил протест папа. Зенон казнил монахов, но с папой ничего не мог поделать. Православно-Кафолическая Церковь раскололась на 34 года («Акакианский раскол»).

Но за пределами Византийской империи тамошние монофиситские церкви не противопоставляли себя ни Империи, ни господствовавшей в ней Церкви. На Аравийском полуострове, в Месопотамии, Центральной Азии, Индии с несториинскими купцами и миссионерами соперничали не столько диофиситы, сколько монофиситы. Например, в Лакмидском государстве и его столице ал-Хире жили язычники и христиане, а среди последних — несториане и монофиситы, борьба между которыми обострилась в VI в., во время антихристианских гонений хымьаритского царя-иудаиста Йусуфа (см. ниже). И несториане, и монофиситы считали себя православными, а других — еретиками. Уже в конце V–VI вв. появилось несколько толков монофиситства, в новое время в Эфиопской империи было не меньше двух-трех толков, сторонники каждого из них имели свои монастыри и епископства. Но борьба между разными толками монофиситства и всех их — с диофиситством (до его распада на православие и католицизм) была преимущественно делом внутренней политики государств. Южные монофиситские церкви: Аксумская, или Эфиопская, Нубийская, Химьаритская, — обычно признавали верховенство своих единоверцев — архиепископов (патриархов) Александрийского, Антиохийского и были союзниками Византии.

Сходное положение мы видим и на Кавказе. Ф. Дж. Мамедова пишет: «В спорах между монофиситами и диофиситами Албанская церковь, как и Грузинская, проявила колебания. Албанская, Грузинская и Армянская церкви признали постановления трех первых Вселенских соборов. Свое

отношение к IV Халкедонскому Вселенскому собору Албанская церковь выразила на Двинском поместном соборе 506 г., где иерархи Армянской, Грузинской и Албанской церквей поддержали политику тогдашнего византийского правительства»⁴². Это не исключало возможности соперничества между Константинопольской и Грузинской митрополиями (патриархиями). Зихская (Адыгская), или Зихополисская епископия была связана с восточными боспорскими (таманскими) епископиями Фанагории, Таматрахи и Никопса. В документах Константинопольского собора 516 г. встречается подпись епископа Фанагорийского Иоанна, в документах Константинопольского собора 526 г. — Зихского епископа Дамиана. Однако, согласно грузинским хроникам, VI Вселенский собор подчинил христиан Осетии-Алании и Черкесии Мцхетскому католикусу. Это произошло якобы при царе Адарнасе I (613–639). Осетины и черкесы подчинились Мцхетскому католикусу и при грузинском царе Стефане II (639–663)⁴³.

Массовое крещение аланов началось в первой четверти X в., благодаря проповеди греческого миссионера Евфимия, которой содействовал абхазский князь Георгий. Это ему писал патриарх Константинопольский Николай Мистик: «Ты не мало приложил старания в деле просвещения алан и тех, которые удостоились крещения»⁴⁴. Позднее Аланская епископия была преобразована в архиепископию, а устав византийского императора Льва Мудрого упоминает наряду с Таматахской (Тьмутараканской) и Никопсской архиепископиями Аланскую митрополию. Она стала 61-й митрополией Константинопольской патриархии (60-й была Киевская). Аланские митрополиты участвовали в церковных соборах, созывавшихся в столице Византии⁴⁵. Влияние грузинской христианской культуры на адыго-абхазскую, осетино-аланскую, вайнахскую, андийско-аварскую и другие культуры Северного Кавказа неоспоримо.

Сасаниды относились с недоверием и к диофиситам, и к монофиситам. Все христиане Сасанидской державы подвергались периодическим гонениям, в частности, христианам запрещалось осквернять землю погребением трупов (так на это смотрели правители-зороастрийцы). Несмотря на гонения, христианство, а также буддизм, постепенно теснили зороастризм, пока арабо-исламское завоевание не нанесло ему главный удар. Но зороастризм как государственная религия Сасанидской империи активно сопротивлялся и контратаковал. Он проникал на север до Центрального Дагестана, на западе претендовал на господство в Месопотамии, на юге — в разных частях Аравийского полуострова, который завоевывали сасанидские войска. Они захватили Оман и на короткое время в конце VI — начале VII в. дважды захватывали Йемен (где господствовали аксумиты), завоевывали византийские провинции в Месопотамии, Сирии, Палестине, Египте и установили свое господство не только в Персидском заливе, но и на Аравийском и Красном морях. В первые десятилетия VII в.

казалось, что весь «Остров арабов» вошел в сферу иранского господства. Персы-зороастрийцы составили правящую этно-конфессиональную группу в Омане и Йемене. Но самом конце 20-х — начале 30-х годов VII в. вся религиозно-политическая обстановка дважды переменялась — сначала в пользу Византии и христианства, затем — ислама и Арабского Халифата. С этого времени на несколько веков борьба Халифата с иноверными государствами остального мира стала доминантой политической истории Азии, Европы и Африки.

Во все времена важным социальным и политическим вопросом церковного устройства было этническое (в странах экваториального пояса и Восточной Азии — расовое) происхождение архиереев. В Эфиопии до второй мировой войны все епископы и митрополиты были белыми — сирийцами (первоначально), коптами (в течение многих веков), западноевропейцами (в период унии с Римско-Католической Церковью). Так как копт-епископ (*абунa*) был как правило беспомощен в делах страны, при нем был учрежден пост его туземного заместителя (*ычэге*). В Нубии мы наблюдаем ту же картину. Иконописные изображения и останки епископов в погребениях Фараса показывают, что это были белые нестарые мужчины. Несторианские церкви иранско-тюркских стран, Индии, Китая, Сокотры получали своих епископов из Ирака, от несторианского патриарха. Константинопольская патриархия посылала в славянские страны и в румынские княжества греков (даже в период Османского господства). А Иерусалимский патриархат, окормляющий православных арабов, назначал греков на кафедры патриарха, митрополитов и епископов до последнего времени. Учреждение Московского патриархата, а веком позже и на недолгий срок — Сербского патриархата исключило соответствующие поместные церкви из этой традиции. В отличие от русских патриархов, либо принадлежавших к боярским кланам, либо чрезмерно властолюбивым (патриарх Никон), иноземцы-епископы были свободны от местных родственных связей, но в то же время могли быть (и часто были) проводниками внешнего политического влияния.

Манихейские общины, как правило, плохо сосуществовали с общинами других религий, лучше прочих — с политеистами, как это было в Согде и Тюркском каганате. Как уже было сказано, с 780 г. по 847 г. манихейство было государственной религией обширного Уйгурского каганата (манихеи играли важную роль в Уйгурии и до 780 г.). В это время уйгурские правители активно поддерживали своих единоверцев в Средней Азии⁴⁶ и Китае⁴⁷. Все соседние державы превратились во врагов Уйгурии, пока власть манихеев не была в них уничтожена, а сами они — не изгнаны из страны.

В сходном положении находился Хазарский каганат. Его правители-иудаисты поддерживали еврейские общины всех стран, с которыми были

связаны торговлей. Они стремились обратить в свою веру вассальных правителей. Иногда это им удавалось (не надолго в Алании), иногда самого кагана победители-арабы на время обращали в ислам. Но, в общем, иудаизм приняло меньшинство собственно хазар и прочих подданных Хазарского каганата. Многие территориальные группы хазар (в Крыму, Придонье) стали православными христианами, болгары Среднего Поволжья приняли ислам, со временем так же поступили хазары и другие тюркские народы Саксина (Нижнего Поволжья). В Итиле и других торговых городах Хазарского каганата и в его вооруженных силах мусульман, христиан и политеистов было явно больше, чем иудаистов. Правители каганата стремились ладить с такими мощными соседями как Халифат и Византия и придерживались политики религиозной терпимости, но порой, при обострении отношений с этими державами и их союзниками, наносили короткие удары по Церкви или исламской умме. То запрещали византийцам строить храм в Придонье, то разрушали мечеть. Гибель Хазарского каганата наступила в следующий исторический период. Его бывшие провинции и вассальные владения стали частью христианскими, частью мусульманскими.

Что касается Индостана, бывлой «неприкасаемой» зоны индуизма и буддизма, раньше всего христианские общины появились на дравидском юге и на Шри-Ланке. По преданию, здесь проповедовал св. апостол Фома, в III–V в. в Керале и Тамилнаду были сирийцы-епископы, в VI в. о христианских общинах в Южной Индии и Шри-Ланке писали Косма Индикоплов⁴⁸ и Григорий Турский⁴⁹. Позднее сюда, к могиле Св. Фомы, прибывали паломники даже из Англии (епископ Сигельм около 884 г.)⁵⁰ и Германии (рыцарь и миннезингер Генрих фон Морунген около 1200 г., ум. в 1222 г.)⁵¹. Регулярно в Южную Индию назначались сирийские монахи в качестве епископов и архиепископов. В традициях Индии христианские церкви: несторианская, монофиситская, римско-католическая, униатские католические, протестантские и пр., — многие века воспринимаются здесь как секты и пользуются терпимостью; рядом с ними мирно живут индуисты, иудаисты, мусульмане-шииты.

Другие традиции характерны для цивилизаций Восточной Азии: китайской, японской, корейской, вьетнамской, — в истории которых христианство периодами играло важную роль. В 636 г. в г. Чанъань — столицу Китайской империи прибыл сирийский несторианский миссионер Олопён (китайская передача имени Рубен?). «Император Тай-цзун (626–649) послал... военачальника Фан Сюань-лина во главе эскорта в западное предместье [Чанъаня], чтобы встретить и сопровождать гостя. Его рукописи были переведены в библиотеке. После того, как в [императорских] частных покоях эти учения были проверены, император признал их справедливыми и истинными и приказал проповедовать их и распространять»⁵². В 781 г. в Синъане была установлена несторианская стела с параллель-

ными текстами императорского указа на сирийском и китайском языке, где упоминались христианские храмы «обеих столиц» (Чанъаня и Лояна) и «все [христианские] храмы, воздвигнутые в различных провинциях»⁵³. Тексты стелы говорят о процветании христианских общин в тогдашнем Китае. Автором надписей был несторианский священник Мар-изд Бузид, отец которого, тоже священник, прибыл в Китай из г. Балх (в Афганистане); в стеле упомянут епископ Китая по имени Адам⁵⁴.

Связь религий с политикой оказалась для христианства роковой и при Танской династии, и позднее. В 699 г. и 713 г. в некоторых провинциях христиане подверглись гонениям, хотя в то время, императоры Сюань-цзун (713–755) Су-цзун (756–762) и их преемники покровительствовали христианству. Эту религию исповедовали жены, наложницы и министры императоров. Около середины IX в. в Китае насчитывалось более 260 тыс. христиан. Но император У-цзун (841–846) запретил все иноземные религии — в 843 г. манихейство, в 845 г. христианство и буддизм. На христиан обрушились гонения, все церкви (а также манихейские кумирни и буддийские храмы) были разрушены⁵⁵. Второй период распространения христианства (несторианства, католицизма и даже русского и аланского православия) наступил при монгольской династии и разко оборвался с приходом к власти китайской династии Мин.

В первой трети VII в. появилась новая религия — ислам, уже в том же веке ставшая третьей мировой религией. С самого начала она объявила войну всем другим религиям и быстро распространилась на огромной территории трех материков — от Марокко и Пиринейского полуострова до Индонезии и Китая. С самого своего возникновения ислам был как религиозным, так и политическим явлением.

Взаимоотношения религии с политикой имели и социально-цивилизационные аспекты. Их нельзя отождествлять с социально-экономическими аспектами хотя бы потому, что еще с античных времен в поясе цивилизаций господствовали экономики феодального типа. Правда, и в этом чувствовали различия, особенно там, где ослабевала (или усиливалась) центральная власть, строились и разрастались (или гибли) грандиозные царские резиденции и роскошные города с их специфическим паразитизмом и соответственно этому усиливалась или уменьшалась степень эксплуатации крестьянства — основного класса феодального общества. Но это, как и стихийные бедствия, войны с их бедствиями и т. п. были явлениями временным, пусть даже сравнительно долговременными. Иное дело — социально-цивилизационные константы.

На западе пояса цивилизаций римская цивилизация и ее наследница — византийская цивилизация, на востоке пояса — китайская цивилизация были слабо связаны с кастовостью (например, древняя каста патрициев в Риме; византийские патрикии были просто носителями звания, лично

присваиваемого императором) и очень тесно — с централизованным бюрократическим государством. Отсюда — обилие, порой даже засилие на высших государственных постах выдвиженцев и выскочек, в Риме — императорских рабов и вольноотпущенников, солдат, в Византии — иноземцев и провинциалов незнатного происхождения, солдат и евнухов, которых дружно ненавидели все, от аристократов до ремесленников, рыбаков и монахов. (Сходное положение мы видим в Китае). Церковь проповедовала равенство и братскую любовь всех христиан перед Богом, смирение, отказ от гордыни и, несмотря на известные отступления от этого завета, в рассматриваемый нами период Православно-Кафолическая Церковь была ему верна. В Китае несторианская Церковь и буддийская сангха исповедовали и проповедовали те же принципы.

С другой стороны, самодержавно-бюрократическая власть не допускала автономии, вассалитета на основной имперской территории, терпела вассальные государства лишь в буферных зонах и со временем старалась их поглотить и интегрировать в однотипные и однородные провинции. Религиозная нетерпимость была отличительной чертой византийской цивилизации и ее западно-европейской ветви. При этом со времен Феодосия и до последних императоров-иконоборцев государственное вероисповедание много раз менялось; то, что вчера было правоверием, сегодня объявлялось ересью, затем новая доктрина становилась правоверием, а прежняя преследовалась; на Западе православно-кафолическая вера подвергалась меньшим испытаниям, несмотря на временное и не повсеместное господство ариан.

За пределами римско-византийского и китайского миров социально-цивилизационные условия были другими. Ни христианство, ни буддизм, ни даже ислам не разрушили здесь наследие древних цивилизаций: касты, племена, представление о наследственной харизме (благодати, бараки и т. п.) аристократических княжеских и царских родов, наследственности их должностей, о законности существования вассальных царств и княжеств под верховной властью «царя царей». В отличие от греко-римского мира, жречество было здесь наследственным, даже кастовым. Восточное (афро-азиатское) христианство, особенно народное христианство стран Северо-Восточной Африки, Западной и Центральной Азии, Южной Индии усвоило эти специфические особенности. Например, как уже говорилось, в Эфиопии и христианской Нубии епископы отличались от прочих христиан своей расой (епископы были белыми, сначала сирийцами, позже коптами), в Индии и на Сокотре епископы тоже были белыми (сирийцами). В христианской Ассирии все епископы и патриарх принадлежали к княжеским домам, территории которых совпадали с территориями епархий и т. д. В Эфиопии духовное сословие делилось на две наследственных касты: одну составляли (и до сих пор составляют) священники и их

сыновья-дьяконы, другую — *дабтара* (книжники). Население стран Западной, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Африки традиционно делилось на целый ряд этно-конфессиональных групп. Этому Востоку, в отличие от римско-византийского Запада, была присуща большая степень толерантности.

Идею религиозных войн сюда (а также на Балканский полуостров и в Ирландию) занесли из других регионов. Источником ее были требования митрополий романо-византийского мира восстановить правоверие ортодоксию), усиленное теорией и практикой исламского джихада.

С социально-цивилизационными отличиями Византии от доисламского Ирана связано различие стратегии и тактики этих двух основных участников затяжных войн на Ближнем Востоке до 604 г. Византийская стратегия была всегда наступательной, даже если тактика была оборонительной; персидская стратегия была как правило оборонительной, а тактика — преимущественно наступательной. Византийцы стремились завоевать территории Плодородного полумесяца, Армянского нагорья и Кавказа, а также Западного Средиземноморья, которыми владела Римская империя. Персы же старались сохранить пути дальней торговли, проходившие через их владения, а соседние с ними византийские провинции — разорить, так как они были базой византийской агрессии. Война 604–630 гг., когда персы сначала завоевали почти все византийские владения в Азии и Египет, а потом потеряли все вместе с независимостью своего государства, была исключением. Вскоре арабы покончили с Сасанидской империей.

¹ Кавад II Шируйе, царствовавший 8 месяцев 628 г., его малолетний сын Ардашир III и регент Мех Азергушнасп, узурпатор Шахрбараз, правивший 40 дней, дочь Хосрова Парвиза шахиня Бурандухт, царствовавшая один год и четыре месяца до осени 631 г., и, наконец, до начала 633 г. еще полдюжины эфимерных правителей — шахов и шахинь.

² Цит. по: Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Л., 1946. С. 164–165.

³ Там же. С. 195–197.

⁴ Колесников А. И. Иран в начале VII в. (Источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). // Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л., 1970. С. 87.

⁵ [Дестунис С.] Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами. Т. II. СПб, 1880. С. 257.

⁶ Там же. Т. II. С. 159.

⁷ См. ниже, в части 4, о надписи химьяритского царя Абрахи.

⁸ Там же. Т. II. С. 165, 482 сл.

⁹ Там же. Т. II. С. 258.

- ¹⁰ Мне уже приходилось писать об этом. См. Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середине VII вв.). М., 1980. С. 83.
- ¹¹ История Индии в средние века. М., 1968. С. 25.
- ¹² Christensen A. L'Iran sous les Sasanides. Copenhagen, 1944. P. 373.
- ¹³ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941. С. 85–87.
- ¹⁴ О датировке см. Лундин А. Г. Южная Аравия в VI в. М., 1961. С. 85–92.
- ¹⁵ Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л., 1951. С. 202.
- ¹⁶ Сообщение византийского историка Менандра. Цит. по: Хенниг Р. Неведомые земли. Пер. с нем. М., 1961. Т. II. С. 83.
- ¹⁷ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 386.
- ¹⁸ Васильев В. П. Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабаласуне. / Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. III. СПб, 1907. С. 19.
- ¹⁹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 386.
- ²⁰ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 61 сл.
- ²¹ Солодухо Ю. А. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирана в первой половине VI в. Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 131–145.
- ²² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 82.
- ²³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 21.
- ²⁴ Там же. С. 19.
- ²⁵ Там же. С. 28–30.
- ²⁶ Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. Пер. с англ. М., 1958. С. 30.
- ²⁷ Там же. С. 45.
- ²⁸ Там же. С. 45.
- ²⁹ Klaproth H. J. Tableaux historiques de l'Asie. Paris; London: Stuttgart, 1826. P. 62 et suiv.
- ³⁰ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. Пер. с нем. М., 1961. С. 44–50.
- ³¹ Там же. С. 43.
- ³² Кобищанов Ю. М. и др. Полюдь — всемирно-историческое явление. М., 2009. С. 290–296.
- ³³ Книга Марко Поло. С. 94.
- ³⁴ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 375.
- ³⁵ Генетические исследования показывают, что покоренные кельты-мужчины не оставили потомства. Вместе с тем, в древнеанглийский язык проникло ничтожно мало кельтских слов.
- ³⁶ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. М., 1961. С. 143–156.
- ³⁷ Из древнехристианских цивилизаций тропического пояса до наших дней сохранились только аксумская (эфиопская), к которой принадлежит больше половины населения Эфиопии и половина — Эритреи, и индо-христианская на юге Индии, общая для многих миллионов христиан Кералы, Тамилнаду и соседних штатов Индии, составляющих здесь меньшинство среди индуистского и мусульманского населения.
- ³⁸ Покойный.. Каждан в частной беседе привел мне один характерный пример различия формулировок в латинских надписях донатистов и кафоликов.

- ³⁹ Victor Vitensis. I; Courtois Ch. Victor de Vita et son oeuvre; Беляев С. А. Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов (по данным Виктора из Виты). Диссертация. Прокопий Кесарийский общался с клириками, которым были вырезаны или усечены языки. Они могли говорить, кроме двух, имевших общение с блудницами.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. С. (De bello Vandalico, I, VIII, 1–4).
- ⁴⁰ Кроме того, Собор канонизировал исповедников, принявших мученическую смерть за веру при Хунирике. См. Courtois Ch. Victor de Vita et son oeuvre; Беляев С. А. Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов (по данным Виктора из Виты). Диссертация.
- ⁴¹ Об этой войне и войнах персов с эфталитами и гуннами см. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. De bello Persico, I, II, 11–15, III, IV.
- ⁴² Очерки истории христианских цивилизаций. Т. I. Рождение христианских цивилизаций. С.
- ⁴³ Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.; Пятигорск, 1992. С. 19–20.
- ⁴⁴ Цит. по: Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа // Известия Северо-осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1947. Т. XI. С. 42–44. Б. В. Скитский считает, что Евфимий проповедовал среди алан между 921 и 925 гг.
- ⁴⁵ Макарий, архиепископ Харьковский. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. «-е изд. СПб., 1868. С. 85–97.
- ⁴⁶ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период / Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. VIII. СПб, 1893. С. 13.
- ⁴⁷ Pelliot P. La Haute Asie. Paris [s. a.]. P. 17.
- ⁴⁸ [Winstedt E. O.] The Christian topography of Cosmas. Indicopleustes Cambridge, 1909.
- ⁴⁹ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. С. 65.
- ⁵⁰ Там же. Т. II. С. 234–239.
- ⁵¹ Там же. Т. II. С. 467–473.
- ⁵² Moule A. C. Christians in China before the year 1550. London, 1930. P. 38; Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. С. 104.
- ⁵³ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. С. 104.
- ⁵⁴ Там же. Т. II. С. 109.
- ⁵⁵ Cordier H. Histoire générale de la Chine. Paris, 1920. Т. I. P. 512.

РЕЦЕНЗИИ

От Перми до Иерусалима
(Рец. на книгу: Рафиенко Л.С.
Культура Пермского края конца XVIII —
первой половины XX вв. в лицах. М., 2014).

«В 2013 году кандидату исторических наук Людмиле Сергеевне Рафиенко исполнилось 80 лет. Возраст, достойный уважения, как достойны серьезного внимания и глубокого изучения ее многочисленные научные публикации, — так начинается биографическая статья об авторе предлагаемой читателю книги. — Людмила Сергеевна немало сил, времени, здоровья и личных средств положила на поиск, сохранение, описание и возвращение людям памятников истории и культуры таких огромных регионов нашей необъятной родины, каковыми являются Урал и Сибирь». Родилась Людмила Сергеевна 15 июня 1933 г. в Москве, училась в 1951–1956 гг. на истфаке МГУ, по окончании которого уехала в Сибирь. Преподавала в институтах и университетах Иркутска, а затем Новосибирска, с образованием Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР работала в нем. Научному становлению молодого историка, вспоминает Л.С. Рафиенко, способствовал директор Института, замечательный историк и археолог А.П. Окладников. В аспирантуре в Новосибирском университете (1963–1968) ее руководителем была Мария Михайловна Громыко — таким учителям можно только позавидовать.

Диссертация Рафиенко — «Управление Сибирью в 20–80-е гг. XVIII в.» — явилась первым в нашей литературе опытом исследования по областному управлению Сибири. До нее ни в дореволюционной, ни в советской историографии не было работы по этой теме.

Защитив диссертацию, Людмила Сергеевна смогла вернуться в Москву, где и работала, до выхода на пенсию в 1994 г., в НИИ культуры (ныне — Российский институт культурологии), в секторе Свода памятников.

Но и в Москве, в течение всей ее научной жизни, преимущественной областью интересов оставались история и культура Сибири, Урала, Пермской и Вятской земли. Культуре Пермского края посвящена и рецензируемая

книга, — и тому особенная причина. Мне довелось познакомиться с Л.С. Рафиенко в связи с темой близкой и актуальной для Палестинского Общества и Русской Палестины. Породнили суровое Приуралье и знойную Святую Землю имена двух выдающихся пермских самородков — архимандрита Антонина (Капустина) и Дмитрия Смышляева. Их деятельностью, их наследием приходилось заниматься и мне, и Людмиле Сергеевне.

Об отце Антонине писали в последние годы много. Скажу подробнее о втором. Три очерка в ее книге посвящены Д.Д. Смышляеву (1828–1893) — замечательному пермскому ученому-краеведу, земскому деятелю и писателю. И одновременно — первому уполномоченному Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме, создателю знаменитых Сергиевского и Александровского подворий.

XIX век был для Российской Империи временем расцвета во всех областях — в культуре, духовности, экономике, развитии общественных институтов. С эпохой реформ, в середине столетия, на арену истории выходят новые социальные силы: умно и властно в экономическую, а затем и культурную жизнь страны вторгается русское купечество — люди торгового, финансового и промышленного капитала, дети и внуки вчерашних крепостных, гордые своим нарочитым «мужицким» демократизмом, основатели промышленных групп и торговых династий. Представителем, хотя, может быть, и не вполне типичным, нового, набирающего силу класса был потомственный купец по рождению, ученый и меценат по призванию, почетный гражданин города Перми Дмитрий Дмитриевич Смышляев.

Ему недолго пришлось заниматься торговыми делами семьи. После смерти отца он продал свой бизнес, к которому не чувствовал призвания, и целиком посвятил себя общественной и научно-издательской деятельности (более 100 книг и публикаций, связанных в основном с уральским краеведением). В июле 1870 г. — в Пермской губернии вводилось тогда земское самоуправление — Смышляев был избран первым председателем Губернской Земской Управы. Л.С. Рафиенко убедительно раскрывает, насколько ярко и многосторонне проявились на этом посту (потом он был избран председателем еще на два трехлетия) его организаторский талант и общественное призвание.

Отдельный очерк историка посвящен палестинской эпопее пермского энтузиаста. В 1864–1865 гг. Дмитрий Дмитриевич отправляется в первое свое паломничество на Православный Восток. Вскоре начали печататься его путевые очерки, имевшие успех у читателей и привлекшие внимание знатоков-палестиноведов: «Синай и Палестина» и «На пути к Синаю». Когда, 21 мая 1882 г., в Петербурге было создано Императорское Православное Палестинское Общество, в состав членов-учредителей вошел и Д.Д. Смышляев, ставший также уполномоченным Общества в Пермской губернии. В 1885 г., решившись на новое паломничество, он обратился

в Совет Общества с просьбой снять с него временно, на период поездки, обязанности уполномоченного по Пермской губернии, а Совет решил иначе: сделать его уполномоченным в самой Палестине.

Как вспоминал впоследствии Смышляев, «я был приглашен в Петербург, откуда, получив указания, 8 октября 1885 года выехал в Москву и 10 октября представлялся в селе Ильинском великому князю Сергию Александровичу». Оба остались довольны состоявшейся встречей, в результате Дмитрий Дмитриевич охотно принял поручение отправиться в Иерусалим по делам Общества.

Прибывшего в Иерусалим в ноябре 1885 г. земляка радушно принял начальник Русской Духовной Миссии знаменитый архимандрит Антонин (Капустин), который на первых порах устроил ему квартиру у себя, в здании Миссии, освободив несколько комнат. Главная задача, которую ставило тогда перед собой Православное Палестинское Общество, — максимально расширить площадь помещений для приема паломников. Дмитрий Дмитриевич взвалил на себя почти непосильный труд, руководя одновременным строительством двух главных русских объектов: Нового (Сергиевского) подворья и Русского Дома у Порога Судных Врат (будущего Александровского подворья).

Антонин поддерживал и ценил самоотверженного «Пермяка», как называл он Смышляева в дневнике. 29 октября 1886 г., в день торжественного закладки Сергиевского подворья, архимандрит записал в дневнике: «Вся паломническая Русь в сборе. Совершается владычное водосвятие, окропляются святой водою рвы, архиерей <епископ Иорданский Епифаний > опускается к месту закладки, читает уставную молитву и кладет слой извести. Сыплются монеты в выдолбленное в камне корытце. Уполномоченный <Д.Д. Смышляев> читает торжественно Акт события, кладет бумагу в стеклянную банку, закупоривает ее сургучом и опускает в корытце. Камень кладется и замуровывается руками всех присутствующих. В квартире Полномочного шампанское и закуска с батареей бутылок. Веселье и острословие всеобщее». Ровно два с половиной года спустя, 29 апреля 1889 г., в день рождения Председателя ИППО великого князя Сергия Александровича, на угловой башне воздвигнутого Сергиевского подворья впервые был поднят флаг Палестинского Общества.

Параллельно строилось над евангельским Порогом Судных Врат здание Александровского подворья, заложенное 11 сентября 1887 г. и освященное 5 сентября 1891 г. Приходится удивляться, как глубоко и профессионально этот человек, уже 30 лет как оставивший свои торговые дела и занимавшийся преимущественно наукой и литературой, входил в финансовые, юридические, инженерные, архитектурные и даже научные подробности, не боясь смелых решений и уверенно взваливая на себя ответственность за русское дело в Святой Земле.

Здоровье ухудшалось, палестинский климат отрицательно сказывался на физическом и моральном состоянии... В октябре 1888 года он подал заявление об отставке. В тот раз его уговорили остаться, предоставив до весны отпуск для поправки здоровья. И все же следующим летом Смышляев окончательно объявил о своем уходе. Совет ИППО постановил повесить в приемной Сергиевского подворья его портрет с надписью: «Первый Уполномоченный Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме. 1885–1889 гг.». Дмитрий Дмитриевич возвратился в Пермь. Не взирая на состояние здоровья, он решил вернуться к прежним своим краеведческим занятиям и занял должность секретаря Губернского Статистического Комитета. Смерть застала его за работой над третьим томом сборника «Пермский край»... Так закончилась «смышляевская эпопея» — одна из интереснейших страниц истории Русской Палестины.

Если вспомнить, что наш герой — лишь один из десятка колоритнейших персонажей пермской истории в работе Л.С. Рафиенко, остается низко поклониться неустанной исследовательнице, отметившей свой более чем почтенный юбилей столь серьезной и актуальной книгой.

Н.Н. Лисовой

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 111

Ответственный редактор

д.и.н. Н.Н. Лисовой

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

**e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
21,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6